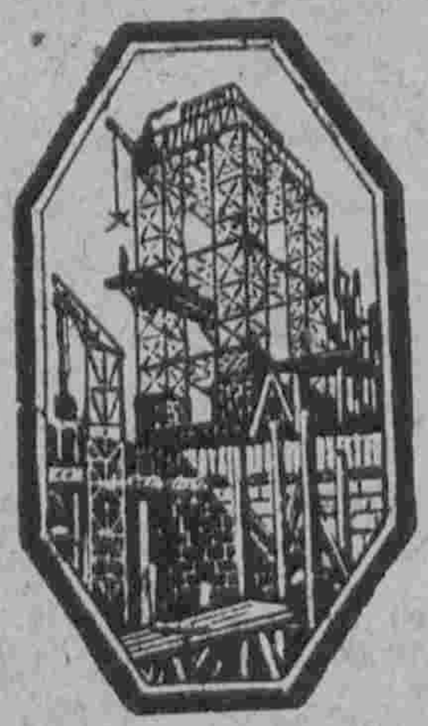
ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

209

7

1927. ИЮЛЬ

ИЗД. ГОСПЛАНА С.С.С.Р. МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО, Н. А. КОВАЛЕВСКОГО, С. Г. СТРУМИЛИНА, А. С. МЕНДЕЛЬСОНА и Р. Е. ВАЙСБЕРГА

№ 7

ИЮЛЬ

1927 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСПЛАНА СССР
МОСКВА

В журнале „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

принимают участие:

Аквила (Германия), Александров И. Г., Баженов Б. Г., Базаров В. А., Баранский Н. Н., Бернацкий Л. Н., Бернштейн-Коган С. В., Бессонов С. А., Боголепов М. И., Болдырев Г. И., Браславский И. Я., Буланже Н. П., Бухарин Н. И., Бухарцев Д. П., Варга Е. (Германия), Варейкис И., Вайсберг Р. Е., Вильямс В. Р., Виноградский Н. Н., Вишневский Н. М., Владимирский М. Ф., Гинзбург А. М., Голендо М. С., Гольденберг Э., Гольман М. Б., Гордон А. С., Гордон Р. С., Гордеев Г. С., Горев А. А., Гольцман А. З., Гринько Г. Ф., Громан В. Г., Гуров П. Я., Гухман Б. А., Дволайцкий Ш. М., Дмитров (Болгария), Долгов А. Н., Дунаевский Ф. Р., Егоров К. Д., Есин В. З., Золотарев В. И., Иоффе А. А., Каменев Л. Б., Кактынь А. М., Кафенгауз Л. Б., Квиринг Э. И., Килевиц С. С. Кениг Е. Л., Киселев С. М., Коларов (Болгария), Ковалевский Н. А., Крицман Л. Н., Кржижановский Г. М., Кричевский С. И., Круг К. А., Кукель-Краевский С. А., Куйбышев В. В., Лапинский Н., Ларичев В. А., Лежава А. М., Леонтьев А., Лерман И. Е., Лозовский А., Лосицкий А. Е., Людвиг (Германия), Маймин, А. Б., Мендельсон А. С., Милютин В. П., Миндлин З. Л., Михайлов А. М., Неопиханов А. А., Никитин Л. Л., Осадчий П. С., Осинский В. В., Первушин С. А., Петров А. И., Поливанов М. К., Преображенский Е. А., Пятаков Г. Л., Радек К. Б., Рамзин Л. К., Рапопорт Шарль (Франция), Рой М. Н. (Индия), Рудзутак Я. Э., Рыков А. И., Скобелев М. И., Смирнов А. П., Смирнов В. М., Свидерский А. И., Смилга И. Т., Сокольников Г. Я., Солнцев Л., Спектатор (М. Нахимсон), Струмилин С. Г., Сушков З. Г., Тальгеймер А. (Германия), Таубе Е. А., Терпигорев А. М., Том-Ман (Англия), Трахтенберг И. А., Троцкий Л. Д., Турецкий Ш. Я., Тян-Пин-Сян (Китай), Фалькнер С. А., Фельдман Г. А., Фрумкин М. И., Хейфец Л. М., Цыперович Г. В., Цышевский И. А., Четыркин В. М., Членов С. Б., Чубарь В. Я., Шаров С. И., Шателен М. А., Шахновская С. В., Штейн Б. Е., Штерн А. Б., Эвентов Л. Я., Яковлев Я. А., Янушевский П. С., Ярилов А. А., и др.

Главлит № 81.849. Типография „Искра Революции“ Мосполиграф, Москва, Арбат, Филип., 11. Тираж 5.070.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. А. КОВАЛЕВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

Стр.

С. Г. Струмилин. Индустриализация СССР и эпигоны народничества 7
Н. П. Огановский. Максимальный вариант перспективного плана реконструкции сельского хозяйства 33
Н. М. Вишневский. О перспективах развития сельского хозяйства в 1926/27—1930/31 гг. 60
Альберт Л. Вайнштейн. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем 81
И. Б. Туровский. Проблема цен и факторы ценообразования 101
В. Г. Громан. К оценке хозяйственного положения СССР 124
М. В. Иоффе. Закон тенденции нормы прибыли к понижению в условиях СССР 143

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

М. Рубинштейн. Мировая химическая промышленность 159
Г. А. Фельдман. Соображения о структуре и динамике народного хозяйства С.-А. С. Ш. с 1850 по 1925 гг. и СССР с 1926/27 по 1940/41 гг. 180

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

А. Чаплыгин. О борьбе с языком пустыни 203
А. Рудзит. Транспорт и жилищное строительство в густонаселенных пунктах. 224

ОТДЕЛ IV

По районам

В. Зейлингер. Основные итоги 1926/27 с.-х. года по районам 239
Г. Н. Черданцев. Районированная Средняя Азия 245
В. Закандин. Закавказская промышленность в свете индустриализации . . . 257

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Ш. Я. Турецкий. Проф. Э. Э. Понтович — Казна и контроль 271
Н. Буланже. Производственный план по сельскому и лесному хозяйству на 1926/27 год, под общ. ред. М. А. Алексеева 274
А. М. Гольденберг. Задачи и перспективы государственного кредита в СССР. Сб. статей 276
М. Петров. Проф. Л. Велихов — Опыт муниципальной программы 277
Г. Дашевский. Герман Леви — Монополии, картели и тресты в прошлом и настоящем английской промышленности. Патрик Фицжеральд. Индустриальное комбинирование в Англии 279
Л. Хейфец. Луи Фишер — Империализм нефти 283
П. Горшечников. Наше хозяйство. Ежемесячн. орган Владим. Губплана. 286

ОТДЕЛ VI

Статистика

А. Никитский. Динамика бюджетных поступлений и развитие народного дохода в отдельных частях России в 1892—1913 годах 291
Динамика народного хозяйства СССР. Бюллетень № 30—31 311

ОТДЕЛ I

Экономика и экономическая политика

С. Г. Струмилин

Индустриализация СССР и эпигоны народничества

I. К возрождению народничества

Идеология народничества всегда заключала в себе черты реакционной утопии. Надежды на то, что Россия, минуя стадию капитализма, прямо через нашу сверху донизу подгнившую сельскую общину попадет в царство коммунизма, были насквозь утопичны и реакционны. Они приводили к слепой идеализации безнадежно отсталых форм сельского хозяйства и к сплошному отрицанию действительно прогрессивных сдвигов страны в сторону насаждения крупной фабрично-заводской индустрии. Чуждые диалектической логике народники не видели, что успехи крупной индустрии, шествовавшей у нас под знаменем капитализма, несмотря на все отрицательные стороны последнего, являются все же огромным прогрессом по сравнению с изживаемыми на его пути пережитками феодально-крепостного уклада деревни. Они не понимали, что только путем мощного развития крупной индустрии мы поднимали общий уровень производительных сил страны на такую высоту, на которой он уже перерастал старые формы государственного и социального равновесия и властно ставил в порядок дня политическую, а затем и социальную революцию. Народники расценивали нашу победно-растущую промышленность, как искусственно взращиваемый за счет „народных“ соков чужеядный цветок, с которым у них не связано было никаких программ действия, никаких надежд. Они угрюмо отходили в сторону от фабричной копоти и шума, и, сойдя таким образом с большой дороги русской революции, отдавались: в теории — революционной фразеологии, а на практике—проповеди малых дел народолюбия и питанию в собственной среде разных крестьянофильских иллюзий.

В настоящее время, через десять лет после Октябрьской революции, разумеется, нет уже никакой почвы для старонароднической идеологии. Махровые цветы революционно-народнической фразы о борьбе с царизмом за социализацию земли давно уже за полной ненадобностью облетели, тусклые огни, якобы, „социалистического“ отрицания российского капитализма, увы, вместе с ними догорели. Облетели цветы, догорели огни... Но не в этих цветах и огнях революционной романтики, повидимому, теплилась подлинная душа нашего российского народничества. Его классовая подоплека—интересы так называемого „трудового“ крестьянства — сохранилась

и ныне в полной своей неприкосновенности. Эти интересы попрежнему требуют своего идеологического отображения хотя бы и в новых формах — применительно к новой обстановке. А если есть такой спрос, неизбежно появляется и предложение. И мы уже теперь вполне явственно можем указать все основные элементы кристаллизующейся на наших глазах ново-народнической идеологии.

Особенно благоприятным моментом для оформления этой идеологии явился тот момент, когда мы подошли вплотную к концу восстановительного периода в нашем народном хозяйстве и на очередь была выдвинута основная проблема дальнейшего развития: по пути индустриализации или аграризации страны. В этот момент, как известно, даже в нашей собственной марксистской среде обнаружилось некоторое разномыслие, наметились разные довольно пестрые аграрные уклоны и уклончики. И хотя они встретили более чем дружный отпор в рядах партии пролетариата, тем более сочувственный отклик и развитие нашли себе эти уклоны в идеологически чуждой нам среде — за пределами партии и марксизма.

Нет нужды говорить, что в выступлениях против намеченной нами линии на индустриализацию со стороны отдельных марксистов, вроде тов. Сокольникова или тов. Шанина, и таких эпигонов народничества, как, скажем, проф. Н. Д. Кондратьев и проф. Н. П. Макаров, имеются весьма существенные различия. Но не в них сейчас дело. Нас интересует здесь только идеология этих эпигонов.

Как и следовало ожидать, наиболее острый с ними спор у нас должен был возникнуть вокруг плановых перспектив нашего хозяйственного развития.

Эпигоны народничества никак не могут примириться с тем весьма энергичным темпом развертывания промышленности, какой намечается в наших планах. Правда, это уже не капиталистическая промышленность, но все же они и сейчас не прочь рассматривать ее как искусственно насаждаемый чужеядный цветок, который сможет столь ярко распуститься на нашей почве лишь в ущерб сельскому хозяйству за счет сугубого истощения жизненных соков деревни. Только таким подходом и можно себе об'яснить истерические выступления проф. Кондратьева на С'езде плановиков об ужасно тяжелом положении забытой деревни, уровень благосостояния которой будто бы уже и ныне вдвое ниже довоенного и которой намеченные пятилеткой перспективы индустриализации угрожают еще новыми, доныне неиспытанными бедствиями. Конечно, в этих типично-народнических ламентациях и на этот раз, как и всегда, было гораздо больше пылкой экспрессии, чем холодной логики. И уже в порядке исправления своей стенограммы почтенный профессор внес в нее некоторые весьма существенные поправки. Но и в других, более продуманных своих выступлениях против намеченной индустриализации страны, наши эпигоны народничества упорно отстаивают свои аграрно-крестьянофильские позиции.

И в интересах очищения общественной атмосферы от всяких демагогических миазмов мы должны серьезно посчитаться с этой кампанией.

Интересы подлинной смычки пролетариата с середняцко-бедняцкими массами деревни настоятельно требуют от нас в указанном отношении полной договоренности и ясности. Нам не нужно для этого никаких посредников, выступающих в роли непрошенных радетелей деревни. Но именно для того, чтобы надолго отбить у них охоту выступать в этих ролях, мы должны оценить по достоинству всю их идеологическую аргументацию и все их ламентации и показать всем и каждому воочию, чего они стоят.

2. На методологическом фронте

Выступая против основных позиций Госплана в области индустриализации страны, наши идеологические противники начинают издалека. Они прежде всего обрушиваются на нашу методологию планирования.

Методология планирования — область, весьма мало исследованная. И мы с охотой прислушиваемся к каждому новому слову, сказанному в этой области. Но, к сожалению, наши противники немного дают в этом отношении. В сущности, своей задачей проф. Кондратьев и его друзья ставят не столько разработку или критику тех или иных конкретных методов построения перспективных планов, сколько постановку более общей задачи о пределах и возможностях планового предвидения вообще. И разрешают они ее, как и следовало ожидать, весьма ограничительно.

По мнению проф. Кондратьева, содержание всякого плана сводится к правильному научному предвидению тех или иных путей грядущего хозяйственного развития в данной области. Возможности научного предвидения в области общественного хозяйства, однако, чрезвычайно ограничены. А потому в лучшем случае мы должны ограничить себя прогнозами в области лишь наиболее основных линий хозяйственного развития. Да и эти прогнозы лучше всего было бы ограничить лишь качественными характеристиками, не стремясь, по возможности, к цифровому выражению даже наиболее общих тенденций.

В отношении возможности предвидения таких событий, как „конкретные размеры урожая или промышленного производства на определенную дату, конкретные размеры экспорта, конкретный уровень цен в определенный момент времени и т. д.“, проф. Кондратьев вообще настроен более чем скептически. „Для того чтобы предвидеть их точно, — замечает он, — нам нужно было бы располагать почти идеальным знанием хозяйственного положения в исходный момент и почти всей совокупности закономерностей хода относя-

щихся сюда окружающих событий".[1] А поскольку такими знаниями мы не располагаем, то, очевидно, и всякие попытки планового предвидения подобных событий заранее осуждены на неудачу.

Будучи последовательным, на своем пути, проф. Кондратьев должен был бы притти к тому уже давно провозглашенному буржуазной наукой выводу, что сама задача планового социалистического хозяйства иррациональна, т.-е. научно неразрешима, а потому, если научный социализм все же ставит перед собой такую проблему, то он впадает в этом пункте в несомненную утопию.

Так далеко, однако, проф. Кондратьев не идет. Он сам активно участвовал, — хотя и без особенного успеха, — в плановой работе Земплана. И это кое к чему обязывает.

Но уже в самом его подходе к задачам хозяйственного плана заложено глубочайшее внутреннее противоречие. Еслиб задачи плана сводились к задачам научного предвидения того хода вещей, который целиком обусловлен совокупностью известных нам и еще неоткрытых об'ективных закономерностей, то нам вовсе не нужно было бы планировать. В самом деле, какой смысл заключался бы в „плане" проведения затмения солнца или осуществления капиталистического кризиса в установленные научным прогнозом числа и сроки? Ведь эти события не нуждаются в нашем содействии к их осуществлению!

Если бы наше народнохозяйственное будущее на все сто процентов было уже продетерминировано обстоятельствами, от нашей воли не зависящими, то бесцельно было бы строить какие бы то ни было планы народного хозяйства. И в капиталистическом строе, подчиненном в своем развитии стихийным законам рынка, их не строили. Но мы уже в достаточной степени освободились от безраздельного господства этой слепой стихии. Октябрьская революция уже приоткрыла нам двери из царства необходимости в царство свободы. И мы теперь, более чем когда-либо, вправе вслед за Марксом поставить перед собой новую задачу.

— Мы до сих пор только изучали мир, но дело идет о том, чтобы изменять его.

Именно поэтому, в отличие от проф. Кондратьева, характерной особенностью всякого хозяйственного плана мы считаем не элементы вкрапленного в этот план научного предвидения, а целевую установку плана как системы хозяйственных заданий и предуказаний. Это не освобождает нас, конечно, от необходимости реального учета наших об'ективных возможностей при построении такой системы заданий. Научные исследования наличных ресурсов и об'ективных тенденций хозяйственного развития страны составляют необходимую предпосылку планирования, но отнюдь не определяют собою самое содержание плана. Опираясь на одни и те же познавательные ресурсы, идеологи различных социальных групп

[1] „Пути сельского хозяйства", № 2, 1927 г., стр. 13—14.

могут построить весьма различные планы. У одних, например, может при этом получиться план индустриализации, а у других план аграризации страны.

С точки зрения их научной обоснованности оба такие плана могут оказаться равно возможными. Но осуществится из них на деле только один: тот, который будет принят к исполнению и активно поддержан волевыми усилиями трудящихся масс. Концентрировать и мобилизовать коллективную волю производителей на тех или иных хозяйственных задачах — вот в чем видим мы основное назначение плана. А это далеко выходит за пределы чисто познавательных задач кабинетной науки.

Кабинетные ученые часто забывают, что коллективная воля производителей есть тоже один из факторов хозяйства и притом — в наших условиях — далеко не последний. Они и не подозревают, что всякий об'ективный „прогноз" будущего, игнорирующий этот суб'ективный фактор, не может в наших условиях иметь научного значения. Чтобы избежать этой ошибки, эти ученые должны бы в число своих познавательных задач при построении хозяйственного плана включить и задачу предвидения коллективной воли производителей. Это тонюдь не безнадежная задача, конечно. Но проблема предвидения волеустремлений того или иного класса по самому своему существу в высокой степени пассивна. Мы ставим ее себе при построении наших планов гораздо активнее. Мы не ограничиваем себя задачей стороннего наблюдения в целях предвидения тех или иных волеиз'явлений масс, мы сами, сознавая себя элементом этих масс, стремимся активно сформировать и сконцентрировать их волю на определенных конкретных заданиях, идущих по пути осуществления конечных идеалов пролетариата.

Конечно, это не легкая задача. Выдвигаемые нами проблемы и намечаемые планом мероприятия для их осуществления могут в том или другом случае и не привлечь к себе достаточного внимания трудящихся масс, более того, иной раз они могут быть даже прямо отвергнуты по тем или иным соображениям теми органами, которые от имени пролетариата осуществляют власть в стране. Несомненно, такие — неподдержанные коллективной волей пролетариата — плановые мероприятия не осуществятся, хотя бы с точки зрения всех остальных — об'ективных моментов хозяйства — они были задуманы совершенно правильно и вполне реально. Но может ли это в какой-либо мере дискредитировать нашу общую целевую установку и понимание задач планирования?

С точки зрения проф. Кондратьева — может. Подкрепляя свой принципиальный скептицизм в отношении возможностей планирования неоднократными ссылками на конкретные „просчеты" и „ошибки" Госплана, он особенно охотно пользуется опытом 1925/26 г. Вот, мол, в директивах контрольных цифр на 1925/26 г. предполагалось снижение оптовых цен, а они повысились; в отношении экс-

порта, эмиссии и текущих счетов в кредитных учреждениях намечалось такое-то повышение, а получилось совершенно иное и т. д. Конечно, ни для кого не секрет, в том числе и для проф. Кондратьева, какая судьба постигла наш проект контрольных цифр на 1925/26 г. Как известно, комиссия тов. Каменева, которая по поручению СТО должна была вынести от имени правительства свою резолюцию о „Контрольных цифрах" Госплана, ни разу не собралась, и потому этот документ остался без всякой санкции. Они не были отвергнуты, но в то же время никто не был обязан и принимать их к исполнению. Казалось бы, что в таких условиях нельзя еще трактовать те или иные директивы этого года, как ошибочные, только потому, что они не осуществились. Почему бы, в самом деле, выполнялись в ста процентах даже те директивы Госплана, которые никем не приняты к исполнению.

Но не так думает проф. Кондратьев. „Раз известная система мероприятий предполагалась, а потом не осуществилась, значит, — отвечает на такие сомнения наш ученый профессор, — предположения по поводу ее были нереальны, значит, прогноз вероятного направления мероприятий был ошибочен. Значит, и в целом прогноз в той форме, как он был сделан, оказался не под силу". [1]

В чем соль этого столь глубокомысленного замечания? Не в том ли, что даже система мероприятий, составляющая душу всякого плана, должна строиться не в порядке волевой установки, а в порядке „прогноза", т.-е. об'ективного предвидения наиболее вероятного хода вещей. Однако, прибегать к теории вероятности для того чтобы определить, чего мы хотим в своих планах, — нет необходимости. Если же мысль автора заключается в том, что хорошие плановики должны из пиетета к научной об'ективности превратиться в ученых кастратов, лишенных всяких собственных страстей и устремлений, и „хотеть" лишь того, что по теории вероятностей является наиболее осуществимым в данных условиях времени и места, то он глубоко заблуждается. Кастрировать плановую волю пролетариата в нашей стране не удастся даже столь просвещенным критикам наших методов планирования, каким является проф. Кондратьев.

Мы охотно допускаем, что проф. Кондратьеву или какому-либо иному эпигону народничества представляются наиболее „вероятными", с точки зрения их „приемлемости" и осуществимости в нашей крестьянской стране, те мероприятия, какие, хотя бы ценою обращения СССР в колонию иностранного капитала, будут обеспечивать у нас наибольшее развитие сельскохозяйственной — зерновой и сырьевой — продукции для экспорта заграницу. Но если бы это было и так, советский пролетариат не признал бы такую целевую установку своей программой и не пошел бы по этому самоубийственному для него пути. Мы никогда не откажемся от своих целей только потому, что они не обеспечены стопроцентной вероятностью их осуществления, ибо воля пролетариата и наши планы, концентрирующие эту волю для борьбы за поставленные им перед собой задачи, сами могут и должны стать тем решающим шансом, какого недоставало для их успешного разрешения.

[1] „Пути сельского хозяйства", № 2, 1927 г., стр. 14, курсив наш.

Но может быть в задачи прогноза реальности предлагаемых Госпланом мероприятий, по мнению проф. Кондратьева, должно входить „предвидение" и таких обстоятельств, как то, соберется ли комиссия тов. Каменева во-время для их утверждения, или нет, будут ли они этой или иной комиссией целиком одобрены, или в известной части отклонены и т. д. Если отсутствие такого прогноза наш критик считает признаком нереальности наших планов, то он по своему прав, конечно. Реализм планов можно себе мыслить по-разному. Если подходить к плановому делу по-чиновничьи, то, пожалуй, и впрямь верхом реализма будет построить такой план, который лучше всего соответствует щедринскому—„чего изволите". Но в советских условиях нет места для таких подходов. Нам не приходится заботиться и строить прогнозы о том, чего изволит „начальство". Наш план должен лишь творчески осмыслить и отобразить на данном отрезке времени кратчайший путь к социализму. И если это важнейшее условие соблюдено, если в этом отношении план задуман реалистически, то мы не сомневаемся, что немного раньше или немного позже такой план будет у нас воспринят и приведен в действие. Таким образом, мы заранее готовы к тому, что далеко не всякая наша плановая идея будет сразу же воспринята всей советской общественностью. Нет, мы готовы к длительной и упорной борьбе за плановое начало вообще и за те частные плановые идеи, которые по тем или иным причинам требуют для своего признания известного времени и проверки жизненным опытом.

Основное наше разногласие с проф. Кондратьевым в области методологии планирования сводится к тому, что он до сих пор еще трактует наше советское хозяйство, как псевдо-хозяйство капиталистического типа, т.-е. хозяйство без хозяина.

В капиталистическом хозяйстве тоже приходилось кое-кому строить перспективные хозяйственные расчеты. Проф. Кондратьев в качестве примера таких расчетов приводит исчисления грузооборота и рентабельности проектируемых железных дорог, перспектив заселения имеющихся земель в С.-А. С. Ш. к 1950 г. и др. Все такие расчеты ставят своей задачей лишь более или менее грубую хозяйственную ориентировку в порядке предвидения будущего, исходя из экстраполяции на ряд лет вперед тех коэффициентов прироста населения, продукции, грузооборота и т. д., какие определились из прошлого. Такого рода расчеты вполне приемлемы для нашего профессора. Более того, он великодушно допускает у нас

даже более широкое применение подобных перспективных „предвидений", чем то, какое наблюдалось в капиталистическом хозяйстве. „Мы отдаем себе полный отчет в том, — говорит он, — что наше государство, руководящее значительным сектором всего народного хозяйства и ставящее своей задачей глубокое воздействие на остальной сектор его, стоит перед более сложными проблемами, чем частный предприниматель или капиталистическое государство. Оно нуждается поэтому и в более об'емлющих и широких перспективных построениях".[1] Но это количественное расширение, в представлении нашего профессора, отнюдь не должно перейти в качественно иной подход к построению планов в новых условиях.

Он не видит, что если в капиталистическом хозяйстве, т.-е. при безраздельном господстве стихийных процессов развития, мы вынуждены были ограничиваться выявлением — путем экономического анализа и грубых цифровых экстраполяций от прошлого к будущему—лишь наиболее основных тенденций развития, то для новых хозяйственных условий такое пассивное предвидение будущего является уже преступным капитулянством перед наполовину обузданной стихией. Почему мы должны заниматься пассивным предвидением даже того, что в нашей воле активно предуказать? Являясь уже полновластным хозяином 96% фабрично-заводской продукции, советское государство приглашается к кабинетному предвидению того, кому оно захочет реализовать эту продукцию, на каких условиях и т. д., вместо того, чтобы разумно управлять этим хозяйством в согласии с намеченными им задачами.

Приглашая плановиков к усилению экономического анализа, проф. Кондратьев сам настолько мало уделяет ему внимания, что просмотрел даже то принципиальное различие в экономике советского хозяйства по сравнению с капиталистическим, которое на голову опрокидывает все его представления о роли предвидения в плановой методологии.

Мы не отказываемся ни от выявления стихийных тенденций развития в тех отраслях нашего хозяйства, где они сохраняют еще свое значение, ни от приемов прогноза методами экстраполяции по статическим и динамическим коэффициентам, в тех случаях, где у нас нечем еще их заменить, но все эти методы и приемы имеют для нас лишь чисто подсобное и при том служебное значение. Уже теперь мы не видим в СССР таких областей хозяйства, в которых бы целиком господствовали независящие от нашей воли законы хозяйственной стихии. А раз это так, то за начало координат при постройке наших планов мы можем и должны избирать не то, что может быть предусмотрено в порядке прогноза, а то, что может быть предуказано в порядке целевой установки.

[1] „Пути сельского хозяйства", № 2, 1927 г., стр. 30, курсив наш.

Мы знаем, что все отрасли хозяйства связаны между собою неразрывною цепною связью взаимной обусловленности. Построить перспективный план всего народного хозяйства при этих условиях путем простого сложения изолировано друг от друга построенных планов отдельных отраслей хозяйства — невозможно. Мы преодолеваем эту трудность тем, что выбираем из всех отраслей хозяйства в качестве ведущего звена лишь одну, проектировка которой по закону цепной связи должна последовательно определить собой перспективы развертывания и всех других звеньев. Если бы при этом в качестве такого ведущего звена мы избрали, скажем, сельское хозяйство с его 25 миллионами индивидуально хозяйствующих суб'ектов, то здесь нам в максимальной степени пришлось бы посчитаться с законами неорганизованной стихии. Предвидению, путем выявления стихийных тенденций развития и экстраполяции от прошлого к будущему по разным коэффициентам, пришлось бы, к полному удовлетворению проф. Кондратьева и его друзей, отвести здесь первое место. А в результате перехода от сельского хозяйства к другим отраслям по законам цепной связи печать этой индивидуалистической стихии отживающего прошлого со всеми ее омертвевшими коэффициентами легла бы и на все другие части перспективного плана. Например, экстраполированные из прошлого коэффициенты прироста продукции сельскохозяйственного сырья ограничили бы в наших планах развертывание соответствующих отраслей промышленности, грузооборота и т. д.

Но наша задача не увековечить те или иные коэффициенты прошлого, автоматически перенося их в будущее, а радикально изменить их в интересах этого будущего. Уже поэтому ясно, что нас отнюдь не прельщают методы автоматической экстраполяции коэффициентов капиталистического прошлого в социалистическое будущее. И потому в качестве ведущего звена хозяйства мы избираем ту его отрасль, которая в наибольшей степени обобществлена и всецело подчинена нашему волевому на нее воздействию. Таким ведущим звеном у нас мы считаем крупную промышленность, перестраиваемую нами на базе электрификации. Здесь, и в планах намечаемого нами переоборудования старых заводов, и в проектах нового индустриального строительства, уже не приходится слишком много внимания уделять выявлению каких-либо стихийных тенденций. Инженерская проектировка таких планов вполне определяется целевыми заданиями и трезвым учетом наличных для их осуществления в стране производительных сил и ресурсов. А вместе с тем, раз эти задания уже сформулированы, они по закону цепной связи определят собой не только размах роста промышленности, но и сырьевой продукции сельского хозяйства, и грузооборота страны, и товарооборота, и всех остальных важнейших элементов народного хозяйства.

Конечно, следуя в проектировке плана от ведущего звена — промышленности — по полигону цепной связи с нею всех остальных

звеньев народного хозяйства, мы должны будем в последнем счете вновь вернуться к промышленности и посмотреть, отвечает ли и она тем встречным требованиям, какие к ней могут быть пред'явлены со стороны других отраслей хозяйства. Для того чтобы весь указанный полигон замкнулся без всякого разрыва и дал при балансовой проверке достаточные соответствия между производством, потреблением и накоплением во всех отраслях хозяйства, нужно очень отчетливое знание цепной связи отдельных отраслей хозяйства между собой и очень точные технические расчеты при взаимной их увязке. Известно, что даже при гораздо более простой операции—инструментальной с'емке на план какой-либо местности—тот полигон, который наносится на планшетку и который при точном отсчете всех углов должен бы в точности сомкнуться, никогда на деле сразу не смыкается. Гораздо труднее получить полную увязку всех частей в плане, охватывающем все народное хозяйство в целом. И так как обнаружить неувязку плана можно лишь дойдя до последнего его звена, то необходимые поправки приходится затем проводить по всем звеньям цепи, от первого до последнего. А в результате может получиться новая неувязка, хотя бы и меньшего значения. И тогда снова придется внести в ведущее звено добавочные поправки и снова провести их по всем звеньям от первого до последнего.

Этот путь последовательных вариантных приближений к целостному, внутренне увязанному во всех частях народнохозяйственному плану мы и применяем в своей проектировке перспективных планов.

Осуществляемая этим путем задача построения плана, как системы цифровых заданий всем отраслям хозяйства, очень далека, конечно, от представлений проф. Кондратьева о задачах планирования путем прогноза основных тенденций хозяйственного развития. Применяемый нами метод следования от основной директивы плана на индустриализацию страны к частным цифровым заданиям, необходимым для реализации этой директивы, по всем звеньям народнохозяйственного полигона—совершенно не понят почтенным профессором. Всякую цифру плана, т.-е. всякий элемент расчета передачи основных директив плана по всей цепи хозяйственных звеньев для балансовой их увязки, он рассматривает как особое предсказание. Его возмущает обилие и детализация этих „прогнозов", далеко выходящих за пределы возможного научного предвидения, и он смело квалифицирует такой подход к плану, как „фетишизм цифры".

Но фетишизирует наши цифры, придавая им несвойственное значение, не кто иной, как проф. Кондратьев. Мы сами отнюдь не придаем им значения предсказаний. Чтобы понять всю нелепость его цифробоязни, представим себе, что изучая проект Днепростроя, мы не нашли бы в нем цифрового ответа, скажем, на такие вопросы:

во что обойдется нам эта постройка, сколько она потребует разных материалов и труда для своего осуществления, какова будет продукция станции, себестоимость и продажная цена одного киловатта энергии, рентабельность проектируемых вложений и т. д., и т. д. Мы, конечно, ни на минуту не заблуждаемся на счет значения тех цифр, какие нам предлагаются в проекте в ответ на такие вопросы. Это ориентирующие нас расчетные цифры, а не прогнозы в кондратьевском смысле. Если проект отвергается, то ни одна из них сама по себе не имеет никаких шансов на осуществление. Но даже в том случае, если проект получает санкцию, мы знаем, что нередко, как показывает нам опыт хотя бы Волховстроя, такие расчетные цифры отнюдь не оправдываются на все сто процентов в отчетных. И все же мы не могли бы утвердить проект Днепростроя без самых детальных цифровых расчетов, освещающих указанные вопросы. И непонятно почему это в меньшей мере необходимо, если вместо одного Днепростроя нам нужно обосновать целесообразность капитального строительства, эквивалентного десяткам или даже целой сотне днепростроев.

Характерно, что проф. Кондратьев отнюдь не выражает никакой цифробоязни, когда он подходит к такому хозяйственному плану, какой представляет, скажем, ежегодный государственный бюджет любой капиталистической страны. А ведь в бюджете все параграфы и статьи его приходной и расходной сметы тоже представляют собою прежде всего лишь облеченные в цифровое выражение волеизъявления государственной власти, а не кабинетные прогнозы того, что должно осуществиться в силу об'ективных тенденций экономического развития, независимо от чьей-либо воли. На компетенцию буржуазных государств строить такого рода директивные планы и осуществлять их с достаточной степенью точности проф. Кондратьев не посягает. Но вот, если советское государство применительно к своему гораздо более широкому охвату всех командных хозяйственных позиций в стране приходит в постройке своих плановых директив от проектировки одного лишь государственного бюджета к „контрольным цифрам" всего народного хозяйства, то наш ученый профессор сразу же приходит в состояние смертельного беспокойства о том, что мы слишком много проектируем цифр и явно выходим за пределы возможного „предвидения".

Это беспокойство было бы, конечно, совершенно неуместным для эпигонов народничества, если бы наши контрольные цифры были только „прогнозами" да еще к тому же плохими, поскольку они выходят за пределы возможного предвидения. Поскольку эпигонам народничества в их устремлениях на аграризацию страны совсем не по дороге с нами в нашей целевой установке на индустриализацию, они могли бы только радоваться, что мы так неумело планируем, строя несбыточные, никуда негодные прогнозы. И если они все же беспокоятся, то именно потому, что отлично чувствуют

директивное значение наших контрольных цифр и отнюдь не столь уверены в их несбыточности, сколь им этого хотелось бы.

Директивного значения нащих планов отнюдь не отрицает даже проф. Кондратьев. Он лишь хочет свести его к минимуму такой постановкой проблемы планирования, по которой не плановые директивы должны определять собою направление нашего хозяйственного развития, а наоборот, они сами должны определиться прогнозом тенденций стихийного хода событий. Прогноз выдвигается здесь на первое место. Его роль уже не служебная, а определяющая при построении хозяйственных перспектив... „Выдвигая те, а не иные перспективы,— замечает проф. Кондратьев,— мы тем самым даем или, точнее, принимаем на себя определенную директиву в организации наших мероприятий и действий". [1]

Этот прекрасный рецепт — не давать, а „принимать на себя" плановые директивы,— чрезвычайно поучителен. В стране сложились определенные общественные отношения, кратко именуемые: диктатура пролетариата. Пролетариат дорогой ценой,— ценою своей крови и многолетних героических усилий,— завоевал, наконец, себе возможность свободно претворять свою волю в действие. Это — бытие. Но вот на сцену выскакивает некий лабораторный гомункулус, олицетворяющий в своих прогнозах будущего примат „Сознания", и провозглашает перед лицом освобожденного пролетариата:

— Стой! Ты должен не давать, а „принимать на себя" продиктованные моим „Сознанием" директивы и программы действий...

Нет, уважаемый гомункулус, напрасно беспокоитесь. Не пройдет у нас эта идеология.

3. На историческом фронте

Наша плановая практика привлекает критическое внимание эпигонов народничества, разумеется, в еще большей степени, чем плановая теория. Правда, эта практика имеет пока еще слишком недолгую историю. Но все же она уже имеет ее. И наши критики очень усердно стараются извлечь из нее все, что только может быть поставлено в упрек нашей экономической политике вообще и нашей плановой практике в частности.

Посмотрим же, насколько им это удается.

С особенным удовольствием наши критики пляшут и играют по поводу „ошибок" и „просчетов" первых контрольных цифр Госплана на 1925/26 г.,— тех самых, которые комиссия тов. Каменева так и не удосужилась ни принять, ни отвергнуть.

Основной их грех, по представлению народнической критики, заключается в том, что они наметили чересчур резкий курс на индустриализацию. Запроектированные размеры капитальных вложений

[1] „Пути сельского хозяйства", № 2, 1927 г., стр. 11, курсив наш.

в промышленность не соответствовали фактическому темпу накоплений в стране, и потому стремление осуществить эту непосильную задачу могло лишь привести нас к перенапряжению наших средств и в области кредита, и в области эмиссии, и в других областях, а такое перенапряжение неизбежно должно было стать источником целого ряда хозяйственных затруднений.

Хозяйственные затруднения в 1925/26 г. у нас, действительно, наблюдались. И потому неудивительно, что всякое правдоподобное их об'яснение ошибками плана воспринималось нашими хозяйственниками без особой критики. Одно время пользовалось у нас успехом и это приведенное выше об'яснение. Но теперь прошло уже достаточно времени, чтобы, вооружившись фактами и цифрами, проверить его основательно. Мы не сомневаемся, что для народнической психики наши шаги по пути индустриализации всегда будут казаться слишком поспешными. Но могут ли наши наметки в этой области быть признаны чрезмерными с об'ективной точки зрения, об этом лучше судить по следующим фактам.

По первоначальному варианту контрольных цифр на 1925/26 г. капитальные вложения в промышленность без электрификации были Госпланом определены в 800 млн. черв. рублей. [1] Но как указывалось уже, эти цифры не были утверждены. По плану же промышленности была утверждена, правда, с порядочным запозданием, только 23 марта 1926 г., программа вложений в сумме 820 млн. руб., включая 75 млн. руб. условных заграничных кредитов, а за вычетом их 745 млн. руб. Заграничные кредиты запоздали и не были использованы в данном году. Но зато сверх основного плана правительством дополнительно в течение года было утверждено по разным отраслям промышленности еще на 42,8 млн. руб. вложений. Таким образом, всего утверждено было вложений на сумму 788 млн. руб., не считая иностранных кредитов, [2] т.-е. всего на 1,5% меньше первоначальной программы. При этом надо вспомнить, что резкая критика контрольных наметок Госплана за их преувеличенность и чрезмерный оптимизм началась со стороны разных профессоров — Литошенко, Макарова и прочей ученой братии проф. Кондратьева — еще с августа 1925 г. И правительство имело достаточно времени, чтобы взвесить всю их аргументацию и учесть все уже выявившиеся за полгода действительные просчеты контрольных цифр, прежде, чем оно утвердило вышеуказанную сумму вложений.

Но, может быть, в данном случае не только Госплан, но и правительство просчиталось, наметив себе такую программу, какая, если поверить проф. Кондратьеву, заведомо была нам „не под силу".

Лучший ответ на это могут нам дать лишь отчетные цифры о фактическом выполнении вышеуказанной строительной программы.

[1] „Контр. цифры нар. хоз. на 1925/26 г.", 2-ое изд., 1925 г., стр. 36—37.

[2] „Сводн. произв.-фин. план госпромышленности." М. 1927 г., стр. 122 и след.

Мы знаем теперь, что вследствие запоздания в утверждении, недостаточной организационной подготовки и многих других детских болезней нашего строительства в ней допущено было очень много серьезных промахов и ошибок, но тем не менее по своему об'ему она отнюдь не оказалась для нас непосильной. Уже в предварительном отчете Промфинплана значится фактически израсходованной на строительство сумма в 780 млн. рублей, что составляет 99% утвержденного плана. А в докладе тов. В. В. Куйбышева IV С'езду Советов мы находим следующие строки:

„Проверка отчетных данных за 1925/26 г. показывает, что действительный об'ем капитальных работ будет превышать 800 млн. руб., так как часть капитальных работ была отнесена на счет текущего ремонта".[1]

Как велика эта часть, мы еще не знаем.[2] Но мы можем привести следующую справку. По 60 трестам общесоюзной промышленности с основным капиталом в 3.025 млн. черв. руб. и выпуском продукции по себестоимости в 2.333 млн. руб. капитальный ремонт за 1924/25 г. составил 60,9 млн. руб., а текущий — 130,2 миллиона. По эмпирическим коэффициентам из заграничной практики известно, что капитальный ремонт нормально достигает около 2,5% от выпуска продукции, а текущий только 1,75%, т.-е. всего 0,7 от капитального. В нашем же случае на капитальный ремонт затрачено 2,6%, т.-е. по норме, а на текущий 5,65% стоимости выпуска, т.-е. в 3,2 раза выше нормы. Отсюда не трудно заключить, что в 1924/25 г. только по указанным 60 трестам под видом „текущего" ремонта, т.-е. без всякого плана, было произведено капитальных затрат на сумму не менее 87 млн. руб., а если сделать поправку и на остальные, неучтенные нами тресты с основным капиталом 2.457 млн. руб., то общий итог таких внеплановых капитальных вложений по всем предприятиям ВСНХ составит, вероятно, до 150 млн. руб. или около того. За 1925/26 г. только по 75 трестам „текущий" ремонт поглотил 214 млн. руб. при капитальном ремонте в 90 млн. руб., что обозначает перерасход по текущему ремонту сверх нормы в 151 млн. р. А если сделать поправку и на неучтенные тресты, то этот перерасход придется увеличить еще миллионов на 80.

О чем же это говорит? О недостатке или избытке ресурсов для капитальных работ? Если мы ежегодно сверх плана капитальных вложений, выполняемого с достаточной точностью, ухитряемся находить еще десятки, если не сотни миллионов рублей, и для превышения этого плана в порядке анархических к нему поправок за счет внутренних ресурсов промышленности, то это отнюдь не может

[1] Промышленность СССР к IV С'езду Советов. Материалы к докладу председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева. М. 1927 г., стр. 12. Курсив наш.

[2] По последним имеющимся у нас сведениям сумма сделанных уже поправок по этой статье дала 23.444 тыс. рублей. Но это, несомненно, еще сильно преуменьшенный итог.

служить доказательством непосильности для нас того темпа индустриализации, какой мы наметили себе в плановом порядке.

Может быть, нам скажут, что вследствие перерасхода в части капитального строительства мы вынуждены были обескровить промышленность в части оборотных ее ресурсов и тем самым создать целый ряд затруднений в ее развертывании? Это допущение, однако, тоже отнюдь не подтверждается фактами. В самом деле, по контрольным цифрам на 1925/26 г. государственная промышленность по кругу предприятий, учитываемых ЦОСом ВСНХ, имела задание расширить свою продукцию в довоенных ценах на 38,7%, а по отчетным данным ВСНХ фактически развернула ее на 38,9%.[1] Таким образом, и это задание оказалось выполненным на все сто процентов. Правда, это потребовало повышения оборотных средств государственной промышленности в материальной и денежной форме с 2.271 млн. черв. руб. до 2.882 млн. руб., т.-е. на 611 млн. руб., или на 27%. Но такие средства, как показывает сводный баланс нашей государственной промышленности, нашлись у нее и оказались вполне достаточными для указанного развертывания.[2]

Правда, возможно еще одно сомнение. Мы не знаем, ценою какого напряжения для нашей кредитной и эмиссионной системы достигнуто то финансирование промышленности, какое потребовалось для вышеуказанных ее достижений. Но в докладе тов. Куйбышева мы находим некоторый материал и для разрешения этих сомнений. План финансирования промышленности ВСНХ на 1925/26 г. и его выполнение по тем предварительным данным, какими ВСНХ располагал к весне 1927 г., может быть представлен в следующем крайне интересном сопоставлении (в млн. черв. руб.):[3]

Источники	План	Исполнение
Прибыль и амортизация	730	900
Финансирование капит. затрат	322	362
Иностранный кредит	121	13
Рост задолженности НКФ и пр.	40	125
Банковский кредит	400	220
Итого по 1—5	1.613	1.620
Реализ. неликв. ценностей	40	10
Сокращение кассы и тек. счетов	—	45
Всего	1.653	1.675

Как видим, в общем и целом промышленности не потребовалось больше средств, чем предполагалось по ее планам. Но по отдельным статьям эти планы оправдались далеко не так, как предпола-

[1] Ср. „Контр. цифры нар. хоз. на 1925/26 г.", стр. 79 и „Ежем. стат. бюллетень" ВСНХ ЦОС, сент. 1926 г., стр. 9. По данным ЦСУ для всей цензовой промышленности прирост ее продукции за 1925/26 г. в довоенных ценах исчисляется еще выше — в 44,8%. „Стат. справочник СССР", Изд. ЦСУ, 1927 г., стр. 181.

[2] Сводный баланс на 1/X 1925 г., „Промиздат", ВСНХ 1927, стр. 10.

[3] Промышленность СССР к IV С'езду Советов, стр. 21.

галось. И, прежде всего, нужно отметить основное отличие. Собственное накопление промышленности уже теперь — по предварительным подсчетам — оказалось на 170 миллионов больше, чем предполагалось, вследствие чего банковский кредит оказалось возможным сократить на целых 180 миллионов против плана. Такие факты отнюдь не могут служить доказательством недостаточности наличных в стране ресурсов для осуществления намеченного планом темпа индустриализации.

В самом деле, почему программа вложений в промышленность на капитальный ремонт и новое строительство задумана не реалистично, если на ее осуществление требуется всего 800 млн. руб., в то время как внутреннее накопление самой промышленности достигает уже 900 млн. руб. в год? А ведь если учесть еще те прибыли, которые запрятаны в отчетности трестов под маской преувеличенной их потребности в текущем ремонте, то придется фактическое накопление промышленности оценивать даже значительно выше учтенного.

Правда, одна лишь наличность достаточных ресурсов для проведенного финансирования промышленности не оправдывала бы еще его размеров, если бы, скажем, оказалось, что усиленное финансирование промышленности в у щ е р б сельскому или другим отраслям хозяйства привело нас или, по крайней мере, угрожает привести страну к кризису индустриального перепроизводства. Но ведь этого нет. Разве проф. Кондратьев и его друзья не видят, что в настоящее время не город страдает от недопроизводства продуктов деревни, а, наоборот, деревня и вся страна в целом пред'являют такой спрос на продукты городской промышленности, который мы никак не можем полностью насытить. Эту диспропорцию между производством города и деревни никуда ведь не денешь. Она налицо.

Правда, проф. Кондратьев недавно пытался оспаривать и самый факт наличности у нас этой диспропорции. Но весьма неудачно. Мы имеем в виду его выступление в Институте экономики РАНИОНа от 11 марта 1927 г. с докладом „О природе нашего хозяйственного под'ема" за последнее пятилетие. В этом докладе он очень энергично оспаривает попытки об'яснить наши затруднения в 1925/26 г. ссылками на ту диспропорцию в размерах продукции сельского хозяйства и промышленности, о которой у нас велась столь оживленная полемика еще осенью 1926 г. К о н ц е п ц и ю о диспропорции проф. Кондратьев признал во всех ее вариантах „несостоятельной" и предложил „отвергнуть", выдвигая взамен ее другую, свою собственную концепцию об'яснения наших хозяйственных затруднений. Концепция, однако, остается концепцией, а факты фактами. И хотя в оригинале стенограммы доклада проф. Кондратьева мы находим весьма решительное утверждение: „н и к а к о й д и с п р о п о р ц и и как раз в годы наибольших затруднений — в конце 1924/25 года — н е б ы л о". Однако, по зрелом размышлении, в порядке исправления своей стенограммы, наш профессор предпочел его заменить другим, гораздо более скромным: „никакого о б о с т р е н и я диспропорции", видите ли, в 1924/25 и 1925/26 годах не было.

Тем не менее, в обеих стенограммах у него сохранилась следующая цифровая справка, подтверждающая его право отрицать самый факт диспропорции. „В 1925/26 г. продукция сельского хозяйства, — по справке проф. Кондратьева, — дает 87%, а продукция промышленности 91% довоенного уровня". Откуда, дескать, всякому должно быть ясно, что об относительном н е д о п р о и з в о д с т в е индустриальной продукции, если исходить из довоенных норм, в 1925/26 г. у нас не могло быть и речи. К сожалению, те непререкаемые хвосты, которые все же стояли в 1925 г. у дверей наших магазинов, говорят нам довольно ясно, что либо довоенный аршин не применим к нашим условиям, либо приведенные профессором цифры весьма дефектны. А вернее всего, и то и другое не в порядке. Достоверно во всяком случае одно, что исчисление довоенной продукции, на которое в данном случае опирался докладчик, уже пересмотрено ЦСУ и исправлено. А в связи с этим по последним расчетам Госплана, принятым в его пятилетке, продукция промышленности в 1925/26 г. у нас достигала лишь 89% довоенной нормы по своему физическому об'ему, в то время как продукция сельского хозяйства превзошла уже 99%.[1]

Таким образом, факт диспропорции между об'емом промышленной и сельскохозяйственной продукции СССР в 1925/26 г., а особливо к концу 1924/25 г., — когда высокий урожай 1925 г. был уже налицо, а промышленность стояла еще на уровне всего 66% довоенной продукции, — едва ли подлежит спору. Тем более, что под'ем уровня благосостояния трудящихся после революции создает огромный добавочный спрос на продукты широкого потребления масс. Этот факт уже сам по себе является достаточно солидным источником всякого рода хозяйственных затруднений. И наиболее здоровым способом их изживания может стать только хорошо продуманная программа индустриализации.

Однако, проф. Кондратьев в названном выше докладе „О природе нашего хозяйственного под'ема" выдвигает иное об'яснение причин наших хозяйственных затруднений, которое заслуживает специального внимания.

Оригинально в этом докладе, конечно, не то, что наш бурный хозяйственный под'ем 1921/22—1925/26 годов имел, по определению проф. Кондратьева, „явно выраженный характер в о с с т а н о в и т е л ь н о г о под'ема". Это ведь отнюдь ни для кого ново. Оригинально в нем лишь то, что в об'яснение наших беспримерных хозяйственных достижений за указанное пятилетие докладчик ничего не

---

[1] „Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.", 1927 г., стр. 23.

захотел отнести за счет планового начала в хозяйстве СССР, столь отличающем его от стран нашего капиталистического окружения, но зато все хозяйственные затруднения, сопровождавшие этот под'ем, отнес целиком за счет „ошибок" планирования.

Нас очень мало занимает здесь сама по себе та весьма банальная логическая схема, которая положена была докладчиком в основу его анализа нашего экономического под'ема. Вся эта довольно убогая концепция легко укладывается в два-три положения.

„Страна располагала выведенным во время гражданской войны из действия запасом капитала в промышленности и сельском хозяйстве". Для оживления их нехватало оборотных средств. Денежная реформа дала эти средства за счет банковской эмиссии. Отсюда хозяйственный под'ем.

А все хозяйственные наши затруднения — товарный голод и пр. об'ясняются опять-таки более чем просто.

„Как ни разнообразна система наших плановых мероприятий, все они, как центральному звену, соподчинены задаче индустриализации страны". Но ставка на индустриализацию „перерождается" в ставку на сверхиндустриализацию. „Наши вложения... превосходили размер реальных накоплений". Этому содействовала ошибочная политика в деревне, где „понятие к у л а к толкуется слишком широко", и борьба с кулацким элементом „превращается в борьбу не только против кулаков, а и против растущих некулацких элементов деревни", что задерживает процессы накопления в стране. Этот „дефицит в накоплении,— по утверждению нашего критика,—покрывался как раз за счет форсирования эмиссии новых бумажных денег", что и привело к целому ряду затруднений. Итак, избыточная эмиссия — вот в чем разгадка всех наших хозяйственных диспропорций и затруднений.

Мы не станем здесь оспаривать этой легковесной концепции, взлелеянной в недрах Наркомфина, по которой денежная эмиссия, как гоголевский Тарас Бульба, сама же породила наш хозяйственный под'ем, сама же угрожает его и убить. Если бы проф. Кондратьев не плавал в своем анализе лишь на поверхности явлений обращения, то ему было бы понятно, что и денежная реформа и большие выпуски банковской эмиссии сами стали у нас возможными лишь благодаря бурному хозяйственному под'ему в области производства, и потому, будучи следствием этого под'ема, никак не могут привлекаться к его об'яснению в качестве причин этого явления. Едва ли стоит также раз'яснять проф. Кондратьеву, что реальные „вложения" не могут превзойти реальных „накоплений", ибо нельзя вложить куда-либо то, чего еще нет. Довольно ясно также, что ставка на индустриализацию в программе идеологов пролетариата всегда будет представляться ставкой на „сверхиндустриализацию" для всех идеологов тех слоев крестьянства, которые по признанию самого Кондратьева столь легко смешиваются в нашей практике с кулацкими.

Отметим лишь, что психологическая теория „перерождения" ставки на индустриализацию в нашем советском строительстве в ставку на сверхиндустриализацию представляет самое слабое место в „экономическом" анализе нашего профессора, ибо она ровно ничем не обоснована.

Отдельные лица, конечно, легко могут сбиваться с индустриализации и на сверхиндустриализацию и на аграризацию. Но и эти сбои отнюдь не случайны. Идеологов „трудового" крестьянства, например, ни за что не собьешь ни на что другое кроме аграризации. Но советская политика в целом определяется в последнем счете не отдельными лицами, а определенным классом. Что же может толкнуть целый класс на действия, противоречащие его интересам?

Конечно, если бы все хозяйственные затруднения, какие у нас имели место за последние годы, проф. Кондратьев приписывал просто неудачному составу или несовершенной организации наших плановых органов, то нам не пришлось бы с ним спорить. „Планирование народного хозяйства,— как это свидетельствует и сам проф. Кондратьев,— не только новое, но и исключительно трудное дело. И мы не знаем ни людей, ни учреждений, которые обладали бы даром абсолютного знания и предвидения, чтобы не делать ошибок".

Наши плановые органы, конечно, не претендуют на папскую непогрешимость. Ошибки всегда возможны. Но в данном случае спор идет о таких „ошибках", которые отнюдь не связаны с несовершенством наших методов планирования или неудовлетворительным составом плановых органов. Под сомнение ставится самая целевая установка планирования на индустриализацию страны, ответственность за которую отнюдь нельзя возложить на одни лишь плановые наши органы.

Правда, в нужный ему момент проф. Кондратьев очень ловко подменяет понятие индустриализации словом „сверхиндустриализация". Но от этого дело не меняется, ибо применяет он его для обозначения не тех крайних уклонов отдельных товарищей к сверхиндустриализации, которые вовсе не встретили у нас общественного признания, а для того фактического курса на индустриализацию, который на деле проводится у нас в жизнь Советом Труда и Обороны и всей советской общественностью.

Тут уж в разных терминах, относящихся к одному и тому же явлению, сказывается лишь различие идеологических оценок этого явления. Э п и г о н ы н а р о д н и ч е с т в а н е п р и е м л ю т т о й п о л и т и к и, к о т о р а я п р о в о д и т с я н а м и в о б л а с т и и н д у с т р и а л и з а ц и и с т р а н ы, в о т в ч е м с у т ь с п о р а, а н е в т о м, как ее назвать по имени.

Как же должны были отразиться эти идеологические разномыслия в оценке наших методов планирования?

Мы это отчасти уже видели выше. Мы не только поставили себе задачу индустриализации страны, но за последние пять лет

сознательными плановыми усилиями на этом пути добились огромных практических достижений. „Наш хозяйственный под'ем, грандиозный по своему об'ему"— не может отрицать, ведь, даже проф. Кондратьев.

Но он отнюдь не склонен его об'яснять теми возможностями, какие перед нами открыла Октябрьская революция, передавшая в руки советской власти все командные высоты на хозяйственном фронте и впервые за всю мировую историю создавшая условия для сознательного планового руководства общественным хозяйством. По его концепции мы имели под'ем, потому что использовали благоприятную кон'юнктуру, ну, а при хорошей кон'юнктуре недурно поднимаются и капиталистические страны. К чему же здесь приплетать революцию и созданные ею плановые возможности. Тем более, что за счет нашего планирования до сих пор для нас вырастали одни лишь диспропорции и затруднения.

„Если,— читаем мы в исправленной проф. Кондратьевым стенограмме его доклада,— одной из основных предпосылок нашего под'ема было финансирование нашего хозяйства, главным образом за счет притока новых денежных средств и новых кредитов, которые развивались на базе выпуска новых денег, то именно в этом лежали одновременно сила и слабость нашего под'ема. Сила постольку, поскольку мы, так сказать, „использовали кон'юнктуру" и могли, выпуская деньги, финансировать народное хозяйство только потому, что каналы народнохозяйственного обращения ко времени нэпа совершенно опустели, потому, что с первыми шагами нашего под'ема и под'ема нашего товарооборота получили возможность расширить эмиссию, без ущерба для покупательной силы денег. Слабость постольку, поскольку эта возможность была строго ограничена и поскольку пределы ее было легко перегдагнуть".

Какова глубина экономического анализа! До сих пор мы думали, что из ничего нельзя никакими методами извлечь нечто. Но вот оказывается, что из пустых каналов обращения довольно легко при уменьи извлечь, как из рога изобилия, даже весьма грандиозный хозяйственный под'ем. И это оказалось возможным, по свидетельству нашего критика, только потому, что каналы обращения совершенно опустели. Только потому! Это изумительно. Можно ли извлечь из нормальных каналов человеческого мышления более богатую и блестящую идею или для этого пришлось бы, согласно приведенной теории, предварительно опустошить их до состояния абсолютной торичеллиевой пустоты?

Но если уже в об'яснении нашего хозяйственного под'ема проф. Кондратьев поставил едва ли досягаемый рекорд экономического глубокомыслия, создав свою теорию обогащающей пустоты, то в области экономического анализа наших затруднений он побивает свои собственные рекорды. Мы уже знаем, что, по мнению проф. Кондратьева, наш хозяйственный под'ем сопровождался перенапряжением ресурсов. Говоря иначе, наблюдавшийся рост промышленности не был здоровым естественным плодом нашего хозяйственного возрождения, это был искусственно подстегиваемый нашей ошибочной политикой рост, чреватый тяжелыми последствиями.

В такой постановке вопроса нет еще ничего нового. И в старые времена народники всегда примерно также расценивали успехи индустриализации. Но дальше есть уже и кое-что оригинальное. Отметив ряд наблюдавшихся диспропорций и затруднений в нашем хозяйстве за истекшее пятилетие, наш критик спрашивает: откуда же они возникли? „Могли ли они иметь место в силу чисто стихийных рыночных условий"? И отвечает: „Нет не могли. Они не могли бы иметь места потому, что в процессе рыночной конкуренции той или другой, может быть, очень дорогой ценой такие явления, как не соответствия в наших и мировых ценах, в спросе на товары и товарные предложения, в размерах вложений и накопления и т. д., были бы восстановлены. Очевидно, что здесь действовали какие-то другие силы. Эти силы у нас можно связать только с воздействием на народное хозяйство мероприятий планового характера, с мероприятиями, проводимыми в порядке руководства народным хозяйством". [1]

Итак, там, где господствует рыночная стихия, т.-е., скажем, в капиталистическом обществе, не могли бы иметь места никакие хозяйственные диспропорции, а вот у нас, где они возникают, их можно об'яснить только мероприятиями планового характера, только плановым руководством хозяйства. Вот это уже, поистине, ново и оригинально. До столь наивной апологетики рыночной стихии в качестве регулятора народного хозяйства, уж, наверное, до сих пор никто не договаривался. Здесь нашим эпигоном побиты все рекорды. Как! Разве не в капиталистическом обществе имеют место жесточайшие хозяйственные кризисы и диспропорции? И разве они не потому именно возникают в нем, что там господствует необузданная стихия конкуренции и анархия производства вместо плана? И разве в советском хозяйстве в условиях нэпа мы уже на все сто процентов овладели в порядке планового руководства рыночной стихией? Почему же у нас не могут еще иметь места затруднения, возникающие из чисто стихийных условий рынка?

Профессорская логика нашего критика очень изобретательна. Нарушения хозяйственного равновесия стихийного происхождения, согласно этой логике, не могли бы иметь места потому, что такого рода нарушения в процессе рыночной конкуренции рано или поздно были бы восстановлены. Но как может быть восстановлено то, чего не было? Это, очевидно, такого же рода задача, как создать

[1] Цитируем по просмотренной и исправленной докладчиком стенограмме его доклада. Курсив здесь и ниже наш.

нечто из ничего, извлечь из пустых каналов обращения хозяйственный под'ем страны, и тому подобные „перлы и адаманты" профессорского глубокомыслия.

В качестве еще одного из таких перлов приведем следующий образчик „обобщений" нашего профессора. Выдвинув свое положение о том, что за истекшее пятилетие хозяйственного под'ема „различные основные элементы нашего народного хозяйства в этом процессе под'ема росли неравномерно" и что в частности накопление у нас отставало от производства, а производство от потребления, наш профессор замечает: „Теперь позвольте попытаться сделать некоторые обобщения. Если хотите, то из предыдущего изложения получается картина некоторого перевертывания отношений в росте отдельных элементов нашего хозяйства. Действительно, естественно ожидать, что при развитии хозяйства потребление будет расти медленнее, чем производство, производство медленнее, чем накопление. За истекшее время, за время восстановительного процесса у нас сталкиваемся с обратными отношениями". И далее, отнюдь не связывая этих особенностей с условиями восстановительного процесса, проф. Кондратьев заключает, что такие „изменения соотношений", если они не случайны и носят глубокий характер,—„должны вызвать нарушения равновесия народного хозяйства и хозяйственные затруднения".

А между тем, это совсем не так. Уже во время прений по докладу проф. Кондратьева Л. Н. Крицман указал ему, что для восстановительного процесса вполне „естественны" именно те соотношения, какие наблюдались. Ведь основной капитал в этом периоде у нас был в избытке, а недоставало нам для его оживления лишь оборотных средств. Поэтому достаточно было незначительного накопления этих средств, чтобы получить несоразмерно большой производственный эффект. Это значит, что производство должно было обгонять накопление. А проф. Кондратьев перевертывает это отношение и формулирует его иначе: накопление отстает от производства. И в этой перевернутой формулировке принимает за выражение нарушения какого-то равновесия.

Точно также обстояло дело и с отставанием темпов производства от потребления. До тех пор, пока основной капитал был в избытке, почти все расширение производства шло по линии производства средств существования. Темп развертывания производства тканей, одежды, пищевкусовых продуктов и т. п. был выше среднего темпа развертывания продукции по всем отраслям производства. Именно это обеспечивало возрастание личного потребления вообще и зарплаты в частности даже с некоторым обгоном по сравнению с общим ростом всей продукции, включая сюда и производство средств производства.

И если наш исследователь не понял этого, и вполне нормальные для восстановительного процесса явления предлагает

рассматривать, как ведущие к нарушению хозяйственного равновесия, то он ровно ничего не понял в этом деле и все перевернул вверх тормашками. Восстановительный процесс потому ведь и получил такое наименование, что он призван был восстановить нарушенное равновесие между отношениями в производстве постоянного и переменного капитала, основного и оборотного и т. д. И если одни из этих элементов пострадали в процессе войны и революции более, чем другие, то смешно было бы требовать равномерного их возрастания в интересах восстановления равновесия.

Нет, мы не можем удовлетвориться такого рода анализами. Сами мы подходим к об'яснению причин нашего под'ема и наших затруднений совсем иначе.

Достаточно вспомнить только начальную дату нашего хозяйственнного под'ема — 1921/22 г., чтобы сразу же откинуть такие его об'яснения, которые связывают его с последствиями денежной реформы и благодетельным влиянием денежной эмиссии. Червонец появился у нас в обиходе лишь с начала 1923 г., совзнак отпал только с марта 1924 г. А между тем, уже за первый год нашей плановой работы, т.-е. за 1921/22 год, несмотря на то, что это был год небывалого неурожая в стране, мы увеличили промышленную продукцию СССР на 46%, а производительность труда даже на целых 85%. Такого прироста производительности мы не наблюдали уже ни разу в следующие годы, несмотря на денежную реформу и другие достижения. Спрашивается, как же проф. Кондратьев об'яснит этот первый скачек производительности, послуживший началом нашего хозяйственного под'ема? Из денежной реформы его не об'яснишь. А вот из плановых наших мероприятий он об'ясняется очень просто.

Как известно, Госплан СССР начал функционировать только с апреля 1921 г. Но уже в первом его плане, одобренном в СТО 28 сентября того же года, была намечена новая политика в области использования наших чрезвычайно тогда скромных хлебных ресурсов и в области оплаты труда. Число государственных нахлебников по этому плану сразу же было сокращено с 35 миллионов душ до 7, но зато эффективная оплата труда производственных работников была одновременно повышена почти в три раза. Производительность труда в первый же квартал этого года дала повсеместно резкий скачек вверх. А это обеспечило возможность дальнейшего повышения зарплаты и производительности труда, повышения нагрузки транспорта, расширения товарооборота и эмиссионных возможностей и т. д., и т. д.[1]

Таким образом, если не извращать перспективы, то придется признать, что плановое регулирование хозяйства было одним из основных факторов того под'ема, который у нас столь ярко обо-

[1] См. С. Струмилин, „На хозяйств. фронте", М. 1925 г. стр. 333.

значился с первого же года после прекращения гражданской войны и провозглашения начал новой экономической политики. Не следует ведь забывать, что нэп явился у нас не только развязыванием стихии рынка, но и введением ее в определенные рамки. Рынок плюс план — вот полная формула нэпа.

Ну, а откуда же происходят — спросят нас теперь — наши хозяйственные затруднения вроде товарного голода, роста розничных накидок, пресловутых „ножниц" между ценами городской и сельской продукции, наших валютных и экспортных затруднений и т. п., — если вы их не склонны об'яснять плановыми ошибками и просчетами?

На это пришлось бы ответить так. Мы отнюдь не отрицаем влияния и плановых ошибок на возникновение или усиление многих из наших затруднений. В особенности на тех участках планового фронта, где подвизаются и проявляют свое влияние такие испытанные друзья индустриализации и планового дела вообще, как наши эпигоны народничества. Но в гораздо большей степени наши трудности об'ясняются отсутствием планового руководства во многих областях хозяйства или недостаточным вниманием к плановой работе и ее требованиям.

Когда-то в спорах со старыми народниками мы, марксисты, утверждали, что Россия в гораздо большей степени страдает от недостаточного развития капиталистических отношений в стране, чем от их развития. Теперь, обращаясь по адресу их эпигонов, мы можем перефразировать это положение словами — СССР в гораздо большей степени страдает от недостаточного развития системы планового регулирования народного хозяйства и отсутствия плановой дисциплины в стране, чем от возможных промахов и просчетов в этой области.

Чтобы избежать голословности, обратимся еще раз к опыту наших „Контрольных цифр на 1925/26 г." Они не лишены были известных дефектов, но все же это была система цифр и внутренне связанных между собою мероприятий. Конечно, мы надеемся, что когда-нибудь наши хозяйственные планы будут выполняться всеми уже в силу внутренней их убедительности и авторитетности. Но пока этого еще нет. И поскольку они не были санкционированы твердым авторитетом власти, директивы этих цифр в большей своей части остались без исполнения. В то же время мы знаем, что этот год был годом обострения целого ряда хозяйственных затруднений. Спросим же себя, больше или меньше было бы этих затруднений, если бы все директивы этого плана были приняты к исполнению.

Важнейшим затруднением 1925/26 г. был, как известно, товарный голод на продукты промышленности. Устранить ту основную диспропорцию между продукцией города и деревни, какая является, на

наш взгляд, причиной этого голода, нельзя в один год. Но смягчить ее все же пытался наш план. С этой именно целью в нашем плане была дана директива ограничения номинального повышения зарплаты не выше 8,6% без повышения квартплаты, или на 16% (на 6 р. 50 к. в месяц) при условии, что вместе с тем будет повышена квартирная плата рабочих вдвое, в целях доведения ее до себестоимости содержания жилищ. Эта директива не была выполнена. Номинальная плата промышленных рабочих фактически возросла на 24%, а квартирная плата всего на 5%. Таким образом, покупательный спрос городского пролетариата был увеличен против плана процентов на 14, т.-е. на сумму свыше 600 млн. рублей. Спрашивается, должно ли было это отступление от директив плана обострить товарный голод? Да, конечно. Выполнима ли была эта директива? Да, судя по опыту хотя бы следующего 1926/27 г., такого рода директивы выполняются, если исходят из достаточно авторитетных инстанций.

Кто же здесь совершил ошибку? Ответ ясен. Если план должен быть только прогнозом, то здесь явная ошибка плана. А если план — директива, то вся беда наша в том что мы оказались без этой директивы в нужный момент.

Теперь обратимся к следующей директиве. По контрольным цифрам следовало снизить отпускные цены промышленных продуктов на 9%, что позволило бы в виду хорошего урожая снизить и сельскохозяйственные цены процентов на 8%. На деле же промышленные цены выросли на 4,4%, вследствие чего и сельскохозяйственные цены вместо снижения дали прирост на 2,6%. А раствор „ножниц" между этими ценами вместо снижения на 2 пункта дал соответствующее повышение с 115 до 117 пунктов. Конечно это ударило и по рабочему бюджету, сведя на-нет весь номинальный обгон плана в области зарплаты, и по крестьянскому, снижая его покупательную способность.

Спрашивается, положительно ли или отрицательно следует расценивать такие отступления от плана? Конечно, отрицательно. Ни общее повышение цен, ни увеличение раствора „ножниц" нам ни с какой точки зрения не было желательно. Но может быть мы невластны воздействовать на цены? Нет и это не верно. Опыт снижения и оптовых, и розничных цен в 1927 г. ясно утверждает за нами такие возможности. Правда, это не легкая задача даже при наличии достаточной целеустремленности в этом направлении всех подлежащих органов. А была ли такая целеустремленность в 1925/26 г.? Нет, не было. Директива Госплана о снижении цен никем, в сущности, не была подтверждена. Столь влиятельные хозяйственники, как Г. Л. Пятаков, В. М. Смирнов и другие вели даже весьма энергичную агитацию за повышение цен. А в общем мы оказались без плана на этом фронте. И тогда рыночная стихия, подкрепленная нашей ошибкой на фронте зарплаты, регульнула нас по-своему. И опять таки, если подходить к плану как к прогнозу, то пришлось

бы говорить об ошибке плана, а если план может и должен служить в этой области директивой, то ошибкой придется признать и здесь скорее отсутствие твердого плана и капитуляцию перед стихией.

Пойдем далее. Повышение промышленных цен против плана неизбежно должно было повысить на целые сотни миллионов и норму накопления промышленности. А это последнее — снизить потребность в банковском кредите и эмиссии. И действительно мы можем констатировать „просчеты" контрольных цифр по всем этим статьям. Но о чем свидетельствуют такие просчеты? Да только о том, что в этих непринятых к руководству цифрах мы, действительно, имели хорошо продуманную систему заданий. И если она потерпела ущерб в одном звене, то это неизбежно должно было отразиться и на всех остальных звеньях цепи. Большая часть затруднений этого года, таким образом, проистекала не из того, что мы имели план, а из того, что мы, в сущности, не имели никакого целостного плана.

Наши „просчеты" с указанной точки зрения чрезвычайно поучительны. Но еще поучительнее, может быть, то что, если отвлечься от второстепенных элементов плана, оставшихся в 1925/26 г. без всякой санкции, и сосредоточить внимание только на тех основных заданиях, — в области размеров продукции промышленности, нагрузки транспорта, капитальных вложений, государственного бюджета и т. п., — которые в порядке отдельных планов получили необходимую санкцию власти, то окажется, что ни одно из таких заданий не оказалось непосильным для нашей республики.

Опираясь на этот опыт, мы не сомневаемся, что и впредь, как бы нас не расхолаживали своим скептицизмом поклонники рыночной стихии, мы сможем не только проектировать, но и осуществлять самые широкие хозяйственные планы. Ибо если всякая эпоха ставит перед собой конкретно в конце концов только разрешимые задачи, то это в особой степени применимо к нашей эпохе диктатуры пролетариата, не в теории только, а уже на деле выдвинувшей в порядок дня широчайшие задачи планирования.

Опыт последних лет показал нам уже не раз, что не плановые просчеты, а бесплановость представляет собою наиболее серьезную угрозу социалистическому строительству.

Н. П. Огановский

Максимальный вариант перспективного плана реконструкции сельского хозяйства

1. Сельскохозяйственная стихия и план

Сельское хозяйство есть отрасль народного хозяйства, которая в гораздо меньшей степени доступна непосредственному плановому воздействию руководящих органов государства, чем прочие „ведущие" отрасли — промышленность, транспорт, торговля. В сельском хозяйстве до сих пор господствуют две группы стихийных факторов: а) природные, главным образом, климатические, порождающие колебания урожаев, и б) индивидуальные частные интересы 24 миллионов мелких крестьянских хозяйств, направляющие их хозяйственную деятельность не всегда в ту сторону, которая соответствует целостным интересам государства и народного хозяйства. Но именно эти последние интересы и требуют, чтобы стихийное начало, господствующее в сельском хозяйстве, так или иначе было введено в плановое русло, ибо сельское хозяйство есть база народного хозяйства — продовольственная, сырьевая и экспортная, а крестьянская масса является одним из основных потребителей промтоваров и других экономических благ, доставляемых прочими отраслями народного хозяйства и серьезной опорой государственных финансов. Отсюда следует, что во избежание кризисов и задержек, которые неизбежно должны произвести отставание сельского хозяйства от народного хозяйства, для того чтобы создать настоящее бескризисное народное хозяйство — необходимо, чтобы сельское хозяйство развивалось таким темпом и в таком направлении, какое потребуется ростом остальных отраслей народного хозяйства. Это не значит, однако, что рост валовой сельскохозяйственной продукции должен быть равным, например, росту промышленной продукции. Связь сельского хозяйства с народным держится, главным образом, на его товарной части, которая действительно должна расти в темпе, не только равном, а и превышающем внутренние потребности города и промышленности в сельскохозяйственных продуктах, ибо в период перспектив нам необходимо наивозможно шире развернуть наш сельскохозяйственный экспорт. Но что касается той части сельскохозяйственной продукции, которая потребляется натурой в самих крестьянских хозяйствах и которая

охватывает сейчас свыше 80% всей валовой сельскохозяйственной продукции, то ее рост связан с совершенно другими факторами: увеличением сельского населения и его потребностей, увеличением количества скота и его кормления, динамикой посевных площадей и т. д. Конечно, и эта натуральная часть валовой продукции должна расти в таком темпе, чтобы она вполне покрывала все перечисленные и другие насущные личные и хозяйственные потребности крестьян: в советской стране не должен иметь места лозунг царской России: „не доедим, а вывезем". Но все же даже и при полном удовлетворении всех потребностей крестьян натуральная часть будет расти, примерно, вдвое—втрое более медленным темпом, чем товарная.

Тем не менее, при разных темпах прироста, натуральная и товарная части сельскохозяйственной продукции все же тесно переплетаются между собой: во-первых, указанным сейчас современным принципом, согласно которому на рынок крестьянство должно отчуждать лишь излишки, остающиеся за удовлетворением его натуральных потребностей; во-вторых, „комплексностью" сельскохозяйственного производства. Многие, полагающие, что можно форсировать производство одной какой-либо товарной культуры, совершенно игнорируя остальные отрасли сельского хозяйства, жестоко ошибаются, так как сельское хозяйство есть организм, все части которого тесно переплетены между собой. Даже в районах, например, хлопковой монокультуры с поливным хозяйством для под'ема урожаев того же хлопка требуется определенный рациональный севооборот, в котором хлопок может занимать лишь известную долю посевной площади на ряду с другими культурами. Что же касается других сырьевых районов, например, льноводных, то там чрезмерное расширение площадей льна приводило неизменно к истощению почвы и падению урожаев, а вслед за тем и к сокращению посевов, несмотря на благоприятную экономическую кон'юнктуру в довоенное время. На ряду с рациональной организацией земледелия, требующей усложнения севооборотов, необходимо также параллельное развитие животноводства, а вместе с ним и кормовых культур. И в общем сельскохозяйственный прогресс не упрощает, а усложняет производственную структуру сельского хозяйства, усиливая его комплексность, т.-е. связанность отдельных частей между собой. Отсюда и система мероприятий по развитию сельского хозяйства также должна носить комплексный характер.

Вот почему представляет большие трудности наметить в сельском хозяйстве какие-нибудь „ударные" отрасли и в связи с ними выработать „ударную" систему мер.

Еще одно обстоятельство связывает между собой темпы нарастания доходности сельского и народного хозяйства: это необходимость устранения разрыва между ростом благосостояния города и деревни. По опубликованной пятилетке выходит, что душевой доход городского населения повышается на 37,5%, а сельского—

на 30%. Такой разрыв не казался бы страшным, если бы в исходном 1925/26 г. доход горожанина не превышал втрое доход сельского жителя. Правда, сравнение доходов городского и сельского населения по размерам валовой продукции мы не считаем правильным, ибо, во-первых, как мы уже указывали, в деревне свыше 80% валовой продукции потребляется натурой, а в городе почти все потребление — товарное, во-вторых, так как избыточное деревенское население, представляющее собой главную опасность в смысле притока в город слишком большой резервной армии труда, сосредоточивается в бедняцких и нижних середняцких слоях деревни, то с точки зрения проблемы аграрного перенаселения наиболее важно изменение доходности этих деревенских групп и сравнение этой доходности с темпом роста доходов городских рабочих. Мы считаем далеко не вполне правильным то априорное представление, которое многие экономисты имеют относительно слабой товарности этих слоев: по имеющимся в бюджетной статистике 1925/26 г. данным денежные продажи сельскохозяйственных продуктов в группах от 2 до 4 дес. и от 4 до 6 дес. в ряде районов составляли сумму от 125 руб. до 180 руб. на хозяйство. В среднем по Союзу денежный[1] приход составил (в черв. рублях):

Группы с посевами	Весь денежный приход в руб.	Рост в % с 1924/25 до 1925/26 гг.	% всего прихода, получ. от продажи с.-х. продуктов	Рост % прихода от промышл.
До 0,09 дес.	267,80	—	16,1	—
От 0.1 до 2,09 дес. . . .	350,65	153	23,2	56,7
„ 2,1 „ 4,09 „ . . .	330,9	149	35,1	44,0
„ 4,1 „ 6,09 „ . . .	365,93	159	43,5	38,2
„ 6,1 „ 8,09 „ . . .	428,46	157	50,9	31,2
„ 8,1 „ 10,09 „ . . .	502,18	154	53,3	21,5
„ 10,1 „ 16,09 „ . . .	641,39	184	62,9	
Св. 16,1 дес.	1100,90	184	72,7	8,2
В среднем по всем группам.	401,80	159	43,1	37,3

Эта табличка показывает нам, что за исключением двух верхних многопосевных групп свыше 10 дес., которые составляют в 1926 г. в РСФСР всего 3,2% всех хозяйств, а на Украине — 5,7%,—в остальных 95—97% хозяйств различия в сумме денежного прихода не столь значительны. Более значительны различия в размерах отчуждения сельскохозяйственных продуктов на рынок, ибо нижние группы большую часть денежного прихода получают от сторонних заработков, а середняцкие и верхние — от продажи сельскохозяйственных товаров. Тем не менее, главная масса проданных сельскохозяйственных продуктов, примерно, до двух третей — поступила

[1] См. Г. Раевич, „Денежный баланс крестьянского хозяйства". „Статистическое Обозрение", № 5, 1927.

на рынок в 1925/26 г. именно от нижних и середняцких групп, имеющих посевы до 6 дес. И в дальнейшем развитие рыночности сельского хозяйства в густо населенных сырьевых районах будет больше всего зависеть от тех групп, в хозяйствах которых сосредоточивается более 80% площади технических культур и не менее этого — продуктивного скота. В экстенсивных зерновых районах, где крестьянские хозяйства вообще обладают гораздо большей посевной площадью, естественно, больший удельный вес имеют, наоборот, группы с посевом выше 6 дес. Но с точки зрения проблемы аграрного перенаселения для нас важны изменения доходности нижних и середняцких слоев, именно, в первых районах интенсифицирующихся – районах распространения сырьевых культур и продуктивного животноводства.

Из сказанного видно, что, во-первых, нижние и середняцкие группы в этих районах в достаточной степени товарны и их товарность может расти. Поэтому государство заинтересовано в под'еме доходности этих групп уже с точки зрения народнохозяйственных интересов; во-вторых, что только значительно увеличивая доходы именно этих групп, составляющих по количеству главную массу крестьянского населения, мы если не ликвидируем, то в сильной степени смягчим опасность нарастания аграрного перенаселения и давления избыточной армии деревенского труда на город.

Итак, перед нами стоят задачи такой плановой реконструкции сельского хозяйства, которая, во-первых, в значительной мере сузила бы роль стихийных факторов в сельском хозяйстве, делающих эволюцию сельского хозяйства неустойчивой; во-вторых, установила бы определенное равновесие в темпах и направлении развития сельского и всего народного хозяйства как в видах подведения под растущее народное хозяйство прочной продовольственной, сырьевой, экспортной и финансовой базы, так и в целях устранения опасности аграрного перенаселения.

Быстрый, планомерный и устойчивый рост всего сельского хозяйства в его целом (а не только отдельных его частей) составляет сущность планового воздействия на сельское хозяйство, которое не может оставаться вне плана реконструкции всего народного хозяйства, иначе этот план не будет осуществлен.

2. Рычаги плановой реконструкции сельского хозяйства

Всякий сельскохозяйственный процесс представляет собой закономерный результат совокупности каких-либо факторов, которые можно разбить на две главные группы: а) группу социально-экономических факторов, к которой следует отнести емкость рынка, цены, дробление и дифференциацию крестьянских хозяйств роль промышленности, транспорта, финансовую и социальную политику, б) группу организационно-производственных факторов, т.-е. систему мероприятий, производящих реконструкцию сложившегося стихийно земельного и производственного уклада, приспособившегося так или иначе к разнообразным природным и экономическим условиям в различных районах.

Короче говоря, „всякое действие имеет свои причины“. Об этой аксиоме забывают те, кто рекомендует при установлении темпов сельскохозяйственной эволюции в будущей пятилетке исходить из довоенных коэффициентов и степени восстановленности довоенного уровня, чего раньше категорически добивался, например, проф. Н. П. Макаров, в последнее время (в № 5 „План. Хоз.“) уже в значительной степени отказавшийся от этого требования. „Оглядываться“ на довоенные коэффициенты в подходящих случаях, конечно, не мешает, но брать их за основу абсолютно невозможно, ибо, как мы не раз доказывали (см. наши статьи в № 2 и № 6 „Экономического Обозрения“), и экономическая и социальная обстановка, и размер и направление организационно-производственных факторов в довоенное время и теперь абсолютно несравнимы. А раз несравнимы причины, то и результаты их, конечно, тоже будут совершенно различными, как это мы и видим уже в настоящее время.

Довоенные динамические коэффициенты были в общем невелики: средне-годичный коэффициент прироста валовой продукции сельского хозяйства по империи составлял, по данным Моравчевского, обработанным тов. Аделунгом, немного более 3% (за период 1895—1910 гг.). Но высоких коэффициентов и быть не могло, ибо не было соответствующих факторов, могущих стимулировать более высокий темп развития сельского хозяйства. Мы указывали в отмеченных выше статьях в „Экономическом Обозрении“, что, во-первых, развернуться на свободе, реконструировать свое хозяйство крестьянство не могло уже потому, что оно (хозяйство) лежало в чересполосице с помещичьим, что помещики и банки высасывали у крестьян до полумиллиарда земельных платежей, что землеустройство — одно из немногих организационно-производственных мероприятий, на которое было обращено серьезное внимание после революции 1905 г., количественно было в 3—4 раза менее современного и качественно отличалось своей односторонностью, конкретно — хуторманией, не имевшей жизненных корней в ряде районов, а потому выродившейся в „отрубнизацию“ — нецелесообразную и бесплодную при отсутствии расселения крестьян. Кроме землеустройства, следует упомянуть еще про широкое распространение сельскохозяйственных машин, которое, впрочем, за последний год мы уже обогнали. Имело большой удельный вес и переселенческое движение.

Землеустройством, переселением и машинизацией ограничивался, в сущности, цикл организационно-производственных мер в период 1906—13 гг., когда сельскохозяйственный прогресс в довоенную пору был максимальным. Мелиоративное дело стало на рельсы лишь

с 1910 г. и то лишь в хлопковых районах. О нашей современной постановке сортового семеноводства никто и не мечтал. Минеральные удобрения применялись (на территории современного Союза), примерно, втрое больше нынешних, но почти исключительно на помещичьих полях. В крестьянском травосеянии мы уже вдвое превысили довоенный уровень. Тракторов тогда не было совсем. Переход на многополье происходил в нескольких маленьких районах, а самым передовым, как и теперь, был Волоколамский уезд, в котором перед войной числилось 30% селений с многопольем, а в нынешнем году мы праздновали здесь стопроцентное многополье. Об электрификации были лишь разговоры. Производственных кооперативов были тысячи, теперь — десятки тысяч. Наконец, кроме маслоделия никакой почти индустриализации сельского хозяйства (холодильное дело, первичная обработка льна и т. п.) не было. В этом деле и сейчас у нас только почин, — но за него берутся сообща и в центре и на местах.

Вот почему в центральных аграрно-перенаселенных районах (Центрально-Промышленный, ЦЧО, лесостепь Украины) посевные площади либо падали, либо стабилизовались. Вывозили сибирские окраины, Киргизия, Новороссия, Северный Кавказ, где выгодный экспорт, проведение магистрали и многомиллионный приток переселенцев, до поры до времени, давали такие коэффициенты прироста посевов, о каких мы не мечтаем даже в максимальном варианте пятилетки. Что касается роста урожайности, то максимальным достижением был ежегодный коэффициент в 1,2% для зерновых культур.

Скотоводство в своем количественном росте определенно отставало от роста сельского населения, хотя половина товарного масла, ¾ яиц и большое количество птицы вывозилось за границу. Крестьянин и городской рабочий потребляли продукты животноводства в ничтожном количестве. Приходилось недоедать, а вывозить масло и яйца так же, как и пшеничное зерно.

В общем, рыночность сельского хозяйства была развита значительно более современной (современная рыночность составляет 70% довоенной), но она росла не благодаря избытку продукции, а вследствие следующих основных факторов: 1) стихийного под'ема сельскохозяйственных цен, связанного с ростом мировых цен, сильно влиявших на внутренние, благодаря значительному сельскохозяйственному экспорту; 2) большей дифференцированности крестьянских масс, благодаря которой при недоедании бедняцких и середняцких слоев, верхние, гораздо более многочисленные, чем теперь, группы крестьян сосредоточивали у себя большие товарные избытки; 3) существования крупно-товарных, помещичьих, арендаторских и других хозяйств, ликвидированных революцией; 4) высоких земельных и иных платежей и сборов, заставлявших крестьян усиливать выбрасывание сельскохозяйственных продуктов на рынок.

Поэтому мы можем утверждать, что эта высокая товарность была во многих отношениях ненормальной, а потому и неустойчивой.

Как только мировой под'ем сменился по закону капиталистических циклов депрессией, как только на крестьян перестали давить земельные платежи и революция, порожденная, между прочим, вышеперечисленными ненормальными условиями существования главной массы крестьян, нивеллировала землепользование,—старых стимулов к развитию рыночности у крестьян не осталось, и равновесие между сельским и народным хозяйством, естественно, нарушилось.

Теперь нам предстоит создать вновь это равновесие на совершенно иных началах, требующих других рычагов сельскохозяйственной эволюции, чем те, которые действовали до революции. Следует еще отметить, что это равновесие сейчас создать труднее, чем до войны, уже потому, что темп развития всего народного хозяйства, происходящий сейчас и намечаемый в плане пятилетки достаточно обоснованно, в несколько раз выше довоенного. Как можно думать, что нам достаточно довоенных коэффициентов роста сельского хозяйства или на 1—1,5% больше (как полагает Н. П. Макаров), когда промышленность до войны давала ежегодный прирост в 4,8% (по сложным процентам), а в период пятилетки она будет расти, минимум, в пределах 12—15% ежегодных при 16—18% увеличения в 1927/28 г. Одно из двух: или промышленность не будет расти таким темпом, какой намечен в плане, ибо отсталое сельское хозяйство будет тяжелой колодкой висеть на ее ногах, или сельское хозяйство должно быть подтянуто до уровня, соответствующего росту промышленности. Tertium non datur! Ибо промышленность не может развиваться an sich und für sich...

Как мы уже указывали, для роста промышленности и всего народного хозяйства, прежде всего, необходимы еще более высокие темпы возрастания товарной доли сельскохозяйственной продукции. Но если до войны рост товарности сельского хозяйства мог происходить при замедлении и даже остановке развития всей валовой продукции сельского хозяйства (например, в неурожайные годы), то теперь такое явление не должно иметь места по указанным выше причинам и рост товарности сельского хозяйства должен происходить лишь параллельно под'ему всего сельского хозяйства. А следовательно, для соответствующего увеличения товарности сельского хозяйства государство должно пустить в ход такие рычаги, которыми оно будет в состоянии поднять на требуемый уровень весь комплекс сельскохозяйственного производства в его целом.

Выше мы указали, какие это рычаги. Рассмотрим их теперь более внимательно.

Система социально-экономических и финансовых мероприятий. Мероприятий социального характера в настоящей статье мы касаться не будем: они представляют из себя такую громадную и сложную проблему, еще почти совсем не

выявленную, о которой нужно писать или очень много или ничего. Нам приходится выбрать последнее.

Из чисто экономических мероприятий на первое место выдвигается задача снижения промышленных цен. Наиболее разработан этот вопрос по линии широкого рынка, в частности, крестьянского, — в последних докладах Наркомторга. Наркомторг допускает возможность понижения розничных промышленных цен на 22%, а в последнее время даже до 25%. По тем же данным Наркомторга „ножницы" между индексами цен крестьян производителей на отчуждаемые ими сельскохозяйственные товары и цен на покупаемые ими промтовары достигают 1,82. При стабильности сельскохозяйственных цен, снижение промышленных на 22% должно дать сближение „ножниц" до 1,42, в течение пятилетки — снижение на 25% — до 1,37. В первом случае покупательная способность крестьянского рубля, равная сейчас 55 промтоварным копейкам, повышается до 70 коп., т.-е. на 28%, во втором — до 73 коп. — на 33%, т.-е. на 5% более. Мы полагаем, что во втором случае, т.-е. при понижении промтоварных цен на 25%, будет возможно уже и некоторое понижение сельскохозяйственных цен, примерно, на эти 5% разницы и даже на большую величину, если за этот период система организационно-производственных мер развернется настолько широко, что при значительном росте товарной продукции заметно понизится себестоимость ее производства. Такой случай мы представляем себе при максимальном варианте сельскохозяйственной пятилетки. Иными словами, максимальный вариант позволяет нам рассчитывать на некоторое снижение сельскохозяйственных цен.

Здесь допустимо известное сопоставление с довоенными коэффициентами. Рост довоенных сельскохозяйственных цен, несомненно, был главным фактором, поощрявшим сельскохозяйственных производителей к развитию товарного хозяйства. По данным, приведенным в статье Макарова, за десятилетие 1900—09 гг. сельскохозяйственные оптовые цены выросли сравнительно с предыдущим десятилетием на 24%. Но в то же время и промышленные цены увеличились на 15%, и поэтому превышение индекса сельскохозяйственных цен над промышленными, т.-е. рост покупательной силы крестьянского рубля, выразилось в конечном счете всего в 8%. Допустим, что в рознице выигрыш крестьян был больше — скажем, примерно, 10—12%. Но по приведенным выше исчислениям, при понижении промышленных цен на 22%, покупательная сила крестьянских денег увеличивается на 28%, т.-е. на значительно больший процент. Конечно, надо принять в расчет психологию масс: когда цены в абсолютном выражении поднимаются (как это было до войны),— это дает больший психологический эффект, чем тогда, когда это повышение происходит косвенным образом, в виде понижения промтоварных эквивалентов, тем более, что здесь большую роль играют также качество и сортимент товаров.

С другой стороны, благоприятная кон'юнктура цен не является в чистом виде организационно-производственным фактором. Допустим, что мы подняли цены на лен: крестьяне будут стремиться расширить посевы льна — и только. Но урожайность льна останется на том же низком уровне и может даже понизиться больше, как мы это наблюдали до войны в старых льноводных районах. Иначе говоря, политика цен влияет на сельское хозяйство односторонне в виде количественного расширения посевов, но без соответствующего увеличения производительности земли и крестьянского труда. Вот почему в первые годы восстановительного процесса благоприятная кон'юнктура цен на технические культуры привела к так называемой „псевдоинтенсификации", т.-е. к расширению площадей при падении урожаев, которая не могла ни удовлетворительно снабдить промышленность сырьем, ни повысить доходность крестьянского хозяйства.

В настоящее время промышленность находится в таком положении, что повысить сырьевые цены (при необходимости понижения цен на промтовары) она не может. Осюда — переход самой промышленности к непосредственной организации сельскохозяйственного производства. Производится эта организация по линии технических культур, главным образом, системой контрактации, которая постепенно охватывает все больший круг культур и большее количество районов. Улучшение условий контрактации и вообще организации снабжения крестьян средствами производства, облегчение доставки сырья и ряд других организационных улучшений привели, например, к тому, что в нынешнем году крестьяне расширили площадь свеклы на 20—25% без какого-либо увеличения приемочных цен. Очевидно, следует итти в этом направлении и дальше.

Но этого мало: промышленность должна все более углублять и расширять свое организующее влияние на сельское хозяйство. Относительно того же свеклосеяния органы НКЗемов все более и более настойчиво требуют постройки новых сахарных заводов, ибо свекла—мощный рычаг реконструкции сельского хозяйства в сторону плодосмена. Требуют этого и Украина и ЦЧО — районы старой свекловичной культуры; но поднимает голос и Сев. Кавказ, где станичные общества взапуски отводят большие площади под свекловичные посевы, соглашаясь на большие жертвы. Требует заводов и Сибирь и Нижнее Поволжье. В льноводных районах домогаются форсирования постройки заводов по первичной обработке льна. Госторг, НКЗем, Хладоэкспорт и другие госорганы, ведающие предприятиями по пищевкусовой промышленности, завалены просьбами о скорейшем оборудовании таких предприятий.

Словом, государственная промышленность должна взять на себя обязанность широкой индустриализации сельского хозяйства на местах производства и сбыта сельскохозяйственных продуктов, сопряженную так или иначе с обязанностью реор-

ганизовать сельское хозяйство в сфере влияния этих заводов. В общем, сельскохозяйственная индустрия, в виду ее экспортного значения, должна быть предметом особых забот государственных органов так же, как и производство сырьевых культур.

Сельскохозяйственная секция Госплана разработала перспективный план развития кооперативной сельскохозяйственной индустрии. Максимальный вариант его составляет сумму капитальных затрат в пятилетке в 287 млн. руб., в том числе:

1) по переработке продуктов животноводства 120 млн., дающих эффект в виде производства продуктов на сумму 422 млн. в 1930/31 г. В настоящее время основной капитал таких предприятий составляет 36 млн. с производительностью в 89 млн. руб.;

2) по переработке растительных продуктов — на сумму 138 млн. руб. с производительностью в 422 млн. руб. В настоящее время оборудование этих предприятий оценивается в 32 млн., а производительность в 65 млн.

3) по переработке лесных материалов и продуктов рыболовства и охоты — 29 млн. с производительностью в 132 млн. против нынешних 2 и 20 млн. А всего производительность кооперативной сельскохозяйственной индустрии в 1930/31 г. по максимальному плану должна достигнуть 977 млн. руб. против 174 млн. руб. в настоящее время.

Наркомторг намечает капитальные затраты по элеваторной сети в 87 млн. и по холодильной сети около 88 млн. (Госплан 71 млн.) сверх 19,4 млн., которые затрачивает кооперация. Наконец, затраты органов ВСНХ на сельскохозяйственную индустрию в узком смысле этого слова (не считая текстильной) составляют около 450 млн. В общем, следовательно, в сельскохозяйственную индустрию предполагается всеми ведомствами вложить капиталов за пятилетие в сумме, превышающей 900 млн. руб. Сверх того, надо принять в расчет затраты по линии местной промышленности, а также частной — особенно мелкой крестьянской, данных по которой у нас пока не имеется. В общем, несомненно, что капитальные затраты по сельскохозяйственной индустрии всех видов в пятилетку должны перевалить за миллиард рублей. Однако, эта сумма не должна считаться особенно значительной, если принять в соображение, насколько велика потребность в первичной обработке сельскохозяйственных продуктов не только для городского рынка, промышленности и экспорта, но и для внутреннего потребления самих крестьян, и как еще мало развиты многие отрасли сельскохозяйственной индустрии. Поэтому, „ведущая“ государственная промышленность не должна игнорировать ни частную (крестьянскую) ни кооперативную сельскохозяйственную индустрию. Задача оборудования и стандартизации производства на этих мелких предприятиях без организационного воздействия органов ВСНХ разрешена быть не может; между тем, на ее разрешение эти органы до сих пор не обращали должного внимания.

Переходим к транспорту. Роль транспорта в усилении товарности и через нее — в развитии сельскохозяйственного производства в его целом — не менее важна, чем роль индустрии. Конечно, сельское хозяйство легко и быстро перешагнуло бы и за довоенные и за современные коэффициенты под'ема, если бы железнодорожная и водная сеть путей сообщения у нас приближалась к американской. Но об этом пока мечтать не приходится: постройка 3.500 километров новых дорог, главным образом, в Азиатской части Союза, вот максимум наших достижений по „большому“ транспорту в ближайшую пятилетку. Не можем мы также претендовать на общее понижение сельскохозяйственных тарифов, но для „воспитания“ потоков хлебных грузов из восточных азиатских районов Сибири и Казакстана, которые все более и более становятся хлебными житницами для внутреннего и внешнего рынков, — возможное понижение транзитных и экспортных тарифов абсолютно необходимо.

Но что может произвести доподлинную реконструкцию сельского хозяйства — это организация „малого“ гужевого транспорта, на которую до сих пор почти никакого внимания не обращалось. Если весь грузооборот по железным дорогам составит в 1930/31 г.— 11—12,5 миллиардов пудов, а водных путей — около 2,5 миллиардов, то грузооборот по „безрельсовым“ дорогам, как они называются в пятилетке, общей длиной свыше 3 миллионов километров, определяется уже теперь в 50—60 миллиардов пудов, т.-е. впятеро более, чем на железных дорогах и по воде в 1925/26 г. Наши села удалены от железнодорожных станций (по данным 1922 г.) в среднем на 71,5 *км* против 3 *км* в Польше и Бельгии, 8—9 *км* в Англии и Германии и 14—20 *км* во Франции, Италии и Соед. Штатах. В ряде хлебных губерний (Уфимской, Оренбургской, Ставропольской) среднее расстояние от железных дорог доходит до 170—250 верст. [1] Довоенная стоимость пудоверсты гужевого груза: летом — 0,52 коп., зимой — 0,32 коп., в среднем — 0,4 коп. Теперь, вследствие ухудшения дорог и сокращения количества лошадей во многих районах, а также благодаря вздорожанию орудий местного транспорта (телег, саней), на производство которых наша промышленность не обращает никакого внимания, стоимость пудоверсты, по многочисленным указаниям увеличилась по местам в 3—4 и даже в 5 раз. Даже госзаготовители постоянно жалуются, что плата за перевозку грузов гужем чрезвычайно увеличивает сумму накладных расходов. Если считать среднее расстояние перевозимых гужем грузов всего в 25 верст и, следовательно, перевозку всех 50 миллиардов пудов в 1.250 миллиардов пудоверст, — то, предполагая увеличение только на 50% расходов на перевозку этих грузов (т.-е. 0,2 коп. на пудоверсту в довоенной оценке), мы получим в итоге громадный прирост расходов в 2,5 миллиарда рублей. Хотя подавляющая часть этих расходов произво-

[1] См. А. А. Павличанский, Пути сообщения СССР, М. 1925 г.

дится в натуральной форме, но и добавочные денежные расходы всех, кому приходится платить за перевозку гужевых грузов деньгами, составляют, вероятно, переплаты в сотни миллионов рублей. Но и до войны состояние гужевых дорог было ниже всякой критики, и тогда специалисты считали, что благодаря плохому качеству этих дорог, превращавшихся в непроезжие весной и осенью, население одних земских губерний теряло 400—500 руб. ежегодно.

Что намечено в пятилетке Госплана по местному транспорту? Постройка 3.000 *км* мощеных дорог, 3.000—шоссейных, 2.000—гравийных и 13.000 *км* дорог американского типа, при чем постройка последних намечается „условно". В общем, на 742 тыс. *км* дорог общесоюзного значения твердо намечена постройка новых 5 тыс. *км*—менее 1%. Все же расходы на эти дороги составят 320 млн. руб., главным образом, на содержание и текущий ремонт. В год получается всех затрат около 80 руб. на километр.

Еще хуже положение с 2,3 миллионами *км* дорог местного значения. Затраты на них—из местного бюджета и в виде трудовой повинности населения составят солидную сумму в 542 млн. руб.—по 47 руб. в год на километр. Но и эти цифры „бумажные". Фактически ни у местных органов нет таких средств, ни население не производит таких трудовых затрат. Центр тяжести вопроса здесь даже не столько в средствах, сколько в хорошей организации таких работ. Относительно технической постановки и создания кадров специалистов—в пятилетке ни слова. Нет также никаких намеков на реконструкцию местных средств передвижения. Недавно в „Правде" появился ряд ярких статей Н. Осинского об автомобильном транспорте. Если всерьез поставить этот вопрос—автомобильный транспорт потребует затрат сотни миллионов. Но если принять в расчет, что он, по крайней мере, в 10 раз сокращает расходы по перевозке грузов,—затраты эти окажутся в высшей степени рентабельными.

Итак, вот основные мероприятия в области экономической политики и организации сельского хозяйства, которые падают на „ведущие" отрасли народного хозяйства в деле развития и реконструкции сельского хозяйства.

1) Планомерное, доходящее целиком до крестьянского рынка, снижение цен на промтовары, достигающее в течение пятилетия 22—25%. В случае понижения розничных промышленных цен более чем на 20%, при значительном росте товарной продукции сельского хозяйства, мы считаем допустимым снижение сельскохозяйственных цен даже от уровня 1926/27 г. (тогда как в „Перспективах" принят гораздо более высокий уровень сельскохозяйственных цен 1925/26 г.), пропорциональное дальнейшему снижению промышленных цен (сверх 20%) и об'ему организационно-производственных мероприятий, приводящих к понижению себестоимости производства сельскохозяйственных продуктов.

2. Широкое организационное воздействие промышленности на сельское хозяйство и первичную обработку сельскохозяйственных продуктов на местах их производства путем: а) системы контрактации посевов и сборов сырьевых культур, б) максимально возможного развития отраслей крупной сельскохозяйственной промышленности, особенно сахарной, льнообрабатывающей, а также предприятий по консервации скоропортящихся и зерновых продуктов, т.-е. холодильников, элеваторов и пр., в) содействие реконструкции мелкой кооперативной и кустарной сельскохозяйственной индустрии при помощи выработки стандартных типов оборудования таких предприятий и выработки необходимых для этого машин.

3. В области транспорта необходимо добиваться: а) снижения тарифов на сельскохозяйственные продукты, идущие из удаленных районов Азиатской части Союза в потребляющие центры и за границу, б) максимально доступного государству и местным органам развертывания работ по упорядочению гужевых „безрельсовых" дорог, мостовых и прочих сооружений на них; организации автомобильного транспорта и выработки улучшенных типов крестьянского транспортного инвентаря. Последний вопрос также до сих пор остается в тени, хотя транспортный инвентарь не менее ценен и не менее важен для крестьянского хозяйства, чем сельскохозяйственные орудия и машины.

3. Система организационно-производственных мер и динамика валовой продукции сельского хозяйства

Переходим теперь к характеристике системы мероприятий, влияющих непосредственно на реконструкцию сельскохозяйственного производства и создающих в результате такие темпы роста посевных площадей и урожайности, которые должны полностью покрыть возросшие потребности народного хозяйства и самого сельскохозяйственного населения к концу пятилетия, т.-е. создать необходимое значительно более устойчивое, чем теперь, равновесие между сельским и народным хозяйством.

В предыдущей статье (см. „План. Хоз.", № 6, „Перспективный план развития посевных площадей и урожаев по районам") мы дали изложение порайонной эволюции основных элементов полеводства, не останавливаясь, однако, на более подробной характеристике мероприятий, создающих таковую эволюцию. Здесь мы сконцентрируем внимание именно на этих мероприятиях.

Группа мероприятий по организации территории (землеустройство, переселение, мелиорации) непосредственно способствует расширению пашен и посевных площадей и лишь косвенно—под'ему урожаев.

Исходным пунктом для всех остальных мер по организации территории и самого сельскохозяйственного производства является

землеустройство. При чересполосице и дальноземелье нельзя говорить ни о переходе к улучшенным системам полеводства, ни о применении сортовых семян и минеральных удобрений, ни даже об употреблении более крупных сельскохозяйственных машин, ибо ни плуга на полосе, шириной в 2 аршина, нельзя обернуть, ни пустить в дело сеялку и жнейку. Громадная бесплодная растрата труда при переездах с полосы на полосу, общая сумма которых едва ли не равняется по длине пути из Москвы до Тифлиса (3.000 и более верст) отнимает у крестьян самое дорогое рабочее время в летнюю пору, которое они могли бы с пользой потратить на улучшение обработки полей и ухода за растениями. И крестьянство и государственные и общественные органы осознали необходимость максимального развертывания коренного землеустройства „до двора" в кратчайший срок. Тем не менее, при всем стремлении к максимальному развертыванию землеустройста мы останавливаемся перед следующими лимитами: во-первых, наличным кадром землеустроительного персонала, который пополняется лишь в определенной пропорции постепенно по мере расширения специальных учебных заведений и не может быть увеличен сразу в несколько раз; во-вторых, недостатком бюджетных ассигнований, требующихся для перевода всех землеустроительных работ на госбюджет; между тем, только перевод их на госбюджет дал бы возможность полного планового руководства землеустройством, сосредоточения его в определенных районах — сырьевых, экспортных, аграрно-перенаселенных, пограничных и других, имеющих первенствующее народнохозяйственное значение; в-третьих, очень важно также максимальное увеличение долгосрочного кредита на перенос усадьбы при расселении и на обзаведение расселяющихся крестьян скотом и инвентарем. В настоящее время выдаваемый на расселяемый двор кредит составляет всего 75 руб., тогда как до войны он достигал 100—120 руб., т.-е. был в 2—3 раза больше (по индексу). В максимальном варианте пятилетки мы повышаем этот кредит до 120 руб. на двор, НКЗем РСФСР — до 150 руб., а местные органы — еще больше, Белоруссия — хотя и лесная республика — до 180 руб., Средняя Азия — от 200 до 540 руб. и т. д.

В общем итоге, на землеустройство в максимальном варианте намечаются такие капитальные затраты:

По госбюджету	172,6	млн. руб.
„ кредиту	220,7	„ „
Возврат ссуд и средств населения	347,0	„ „
Всего	740,3	млн. руб.

против 501,4 млн. руб. по опубликованному варианту, при чем, однако, по бюджету в этом варианте отводится большая сумма — именно 193,3 млн. руб.

Эти суммы дадут возможность развернуть работы в таком масштабе:

Межселенное землеустройство	44	млн. дес.
Внутриселенное (борьба с дальноземельем, расселение и разверстание больших сел на части, образование выселков и хуторов	45	„ „
Борьба с чересполосицей, введение многопольных севооборотов, землеустройство колхозов и совхозов	44	„ „
Итого	133	млн. дес.
Кроме того:		
Отвод земли учреждениям	9	млн. дес.
Земельная регистрация	12	„ „
Окончание земреформы в Средней Азии и землеустройство в районах кочевого хозяйства (Казакстана, Киргизии)	60	„ „

Благодаря землеустройству площадь пашни должна вырасти на 8 млн. дес., лугов—на 2,6 млн. и открывается возможность перехода на улучшенные системы земледелия на площади в 50—50 млн. десятин.

Мелиоративное дело тесно переплетается с землеустройством. В хлопковых районах Средней Азии и Закавказья ирригация является „ведущим" звеном реконструкции сельского хозяйства, за которым следует землеустройство, в остальных районах мелиоративные работы по осушению, обводнению и т. д. идут вслед за землеустройством, тесно примыкая к нему. Мелиоративная деятельность началась фактически с 1924/25 г., и за 3 года (включая 1926/27 г.) дала такие результаты: в Средней Азии и Закавказьи где поливная площадь упала к 1920 г. с 4,4 млн. гектаров до 1,5 млн. гектаров, она восстановлена на территории в 3,5 млн. гектаров. В остальной части Союза: осушено 526 тыс. гектаров, орошено 175 тыс., обводнено 19 тыс. поселений и произведено культурно-технических улучшений — на 418 тыс. гектарах. Капитальные затраты за эти 3 года достигли 117 млн. руб. (не считая расходов населения). До сих пор центр тяжести мелиоративных работ лежал в ирригации хлопковых районов. В плане пятилетки обращено большое внимание также на осушение заболоченных пространств в потребляющей полосе и на луговые мелиорации, в виду явно обнаруженного недостатка кормовой базы. По максимальному варианту будет орошено около 1,5 млн. дес. пашни, осушено и превращено в луга до 1,2 млн. дес., улучшено до 1,8 млн. дес. луга и обводнено свыше 60 тыс. поселений, не считая мелиораций сплавных рек на пространстве 50 тыс. *км.* Сумма затрат на мелиорации достигнет 460 млн. руб. по бюджету и кредиту и 190 млн. руб. средств населения, всего 650 млн. руб.

Кроме того, проект орошения заволжского „треугольника", этого „языка пустыни" в 2.000 тыс. гектаров, к которому должно

приступить уже в начале пятилетки, потребует от 50 до 100 млн. руб. Эффективность мелиорации, несмотря на сравнительно незначительные площади мелиорированных земель, все же достаточно велика, ибо мелиорации создают наиболее ценные угодья. Достаточно указать на прирост хлопка в 7 млн. пудов, сена в 200—250 млн. пудов и прочих сельскохозяйственных продуктов на десятки миллионов рублей, чтобы понять, что затраченные в мелиорацию капиталы дают эффект не менее 25—30% годовых.

Третий вид мероприятий по организации территории — переселение — в эту пятилетку не достигнет больших размеров, так как до проведения сибирской сверхмагистрали и под'ездных путей к ней нельзя рассчитывать на быстрое и достаточно крупное приращение переселенческого земельного фонда. В максимальном варианте предполагается переселение 1.200—1.300 тыс. душ, т.-е. 240—260 тыс. хозяйств, что даст расширение пашен на 2,5—3 млн. дес. и посевов около 1,5 млн. дес. Затраты выразятся в 113 млн. руб., по бюджету 100 млн. руб. долгосрочного кредита и 101 млн. руб. средств населения, всего 314 млн. руб. Распределение переселенцев по районам выхода таково: Украина — 450 тыс., Центрально-Черноземный район — 400, Белоруссия — 200, прочие районы потребляющей полосы — Верхнее Поволжье — 80 тыс. Прирост сельского населения в этих районах составит не менее 5 млн. душ. Следовательно, переселение охватит не более $^1/_4$—$^1/_5$ доли прироста сельского населения в аграрно-перенаселенных районах.

В общем, непосредственный эффект от работ по организации территории определяется в расширении пашен на 14—15 млн. дес., лугов — 4,5—5 млн. дес. (вместе с лесорасчистительными работами и культурным освоением госземельного фонда), но косвенные результаты гораздо значительнее. Без организации территории невозможны ни переход к улучшенным системам полеводства, ни машинизация, ни прочие мероприятия по реконструкции сельского хозяйства, которые в конечном счете и создают устойчивый и сильный рост валовой сельскохозяйственной продукции.

Из мероприятий по организации сельскохозяйственного производства мы обращаем усиленное внимание на те, которые способствуют под'ему урожаев, в частности, введение минеральных удобрений и улучшенное семеноводство. За пять лет, при вложении государством в кредит 67 млн. руб., а населением и предприятиями 134 млн., предполагается распространить до 250 млн. пудов минеральных удобрений по цене, близкой к довоенной, с таким расчетом, чтобы в последний год пятилетки их применение достигло 80 млн. пудов на площади в 4.196 тыс. дес., в том числе под зерновыми культурами 1.900 тыс. дес. Приращение урожайности за пятилетие оценивается в 432 млн. руб., т.-е. затраты окупаются более чем в 2 раза.

Еще больший эффект дает семеноводство. При государственных затратах на создание госсортфонда семян зерновых и технических культур в 72 млн. руб. и населения — около 30—35 млн., мы получим, что к концу пятилетия будет покрыто улучшенными семенами до 17—18 млн. дес. зерновых посевов, 20—30% площади льна и трав и 100% посевов хлопка и свеклы. Считая, что введение улучшенных семян повысит урожаи зерновых всего на 7—8 пудов с десятины, мы будем иметь приращение одних сборов зерна к концу пятилетия на 130 млн. пудов, а в течение всего периода — более, чем на 300 млн. пудов.

Мы не останавливаемся на прочих агромероприятиях — развитии опытного дела, борьбе с вредителями и сорняками, садово-огородных культурах и проч. В общем при исчисленных Сельскохозяйственной секцией затратах по бюджету и завязанному кредиту в 204 млн. руб. и средств населения в 202 млн. руб., всего 406 млн.,— под'ем валовой продукции, благодаря этим мероприятиям, может быть оценен не менее, чем в 1.200—1.300 руб. за все пятилетие, т.-е. здесь мы имеем эффект более чем в 200%.

О роли и значении машино-и трактороснабжения мы здесь не будем долго распространяться. И. Б. Месснер разработал перспективный план машиноснабжения по районам. В результате осуществления этого плана в 1930/31 г. крестьяне будут обладать капиталом в сельскохозяйственных машинах на сумму 1.175,2 млн. руб., а в 1931/32 г.— 1.272 млн. руб. против 970 млн. руб. в довоенное время и 843 млн. руб. в 1926/27 г. Количество работающих тракторов достигает 75 тыс. при 28 тыс. в настоящее время. При общей сумме вложений в сельскохозяйственные машины и тракторы 1.031 млн. руб., от государства потребуется ассигнований на кредит всего 334 млн. руб.; остальные вложения представляют из себя затраты самого населения в сумме 697 млн. руб. В результате этих капиталовложений капитал в сельскохозяйственных машинах на 1 дес. посева вырастает с 8 руб. в 1927 г. до 10 р. 55 к. в 1931 г., при чем в районах экстенсивного зернового хозяйства он повысится:

на Сев. Кавказе до	15 руб. на дес.
в Крыму	23,0 руб. „
на Украине	12 руб. 80 коп. на дес.
в Сибири и ДВО	14 руб. на дес. (не счит. тракторов)

Такое увеличение машинного капитала, во-первых, позволит крестьянам своевременно и более тщательно производить все полевые работы и расширить посевы в этих районах свыше довоенного уровня без притока того громадного количества рабочих рук, который происходил до войны на помещичьи земли; во-вторых, повысит, несомненно, урожайность лучше обрабатываемых полей как благодаря более глубокой вспашке, рядовому и разбросному засеву, так и вследствие своевременной уборки урожая и более тщательной машинной молотьбе. Как мы говорили в предыдущей статье, мы оцениваем под'ем урожаев всего в 10% от увеличения машинного ка-

питала на 1 дес., т.-е. не более 3—3,52%. Но и такая, несомненно, преуменьшенная оценка эффективности дает прирост в 150 млн. пудов зерна в год, или не менее 400 млн. пудов за пятилетие.

В общем итоге, при капитальных затратах на организацию территории, машиноснабжение и растениеводство в 724 млн. руб. по бюджету, 920 млн. по завязанному кредиту и 1.537 млн. средств населения, валовая продукция увеличивается в таких размерах (в млн. пуд.):

	1925/26 г.	1927/28 г.	Рост в %
Все зерновые	4.112	5.492	+33,6
В том числе:			
Пшеница	1.127	1.935	+71,7
Рожь	1.266	1.374	+ 8,5
Ячмень	346	489	+41,2
Овес	659	956	+45,0
Картофель	2.486	2.441	+38,4
Маслосемена	221,5	298,8	+34,7
Лен—волокно	21,1	33,2	+57,4
Конопля—волокно	26,9	30,3	+12,6
Свекла сахарн.	417,4	782,8	+87,5
Сеяные травы	326,0	968,2	+19,7
Овощи и фрукты	1.728	2.822	+63,3

В довоенной оценке валовая продукция растениеводства вырастает с 5 722 млн. руб. до 8.318 млн., т.-е. на 45,4% против 31,5% по опубликованному варианту „Перспектив". Как мы уже говорили, расчет роста валовой продукции, в зависимости от перечисленных выше мероприятий, проделан нами по районам и культурам.

Главное различие нашего и опубликованного Госпланом варианта заключается не в темпе общего прироста посевных площадей — он почти одинаков (23% и 21%), а в большем под'еме урожайности (по максимальному варианту зерновые +11,4%, по опубликованному—всего +6%).

Такой рост продукции растениеводства обеспечивает как необходимое увеличение личного потребления населения, так и соответствующее расширение кормовой базы. Рост животноводства обусловливается, кроме рыночных, еще законами „оборота стада", т.-е. естественным приростом скота, который может быть и увеличен и уменьшен, в зависимости от наличия кормовых ресурсов и от степени выгодности разведения тех или иных пород скота. Относительно рыночных условий мы можем заранее сказать, что в виду быстрого нарастания спроса как на продовольственные, так и на сырьевые продукты, ценностный индекс на эти продукты должен как и теперь, так и в будущем пятилетии стоять на более высоком уровне, чем по большинству продуктов растениеводства. Этот фактор позволяет рассчитывать на больший прирост количества скота, а другой фактор — расширение кормовой базы — на увеличение „урожаев", т.-е. удоев молока и вывозов мяса, шерсти и проч.

Кормовая база увеличивается следующим образом (в млн. пуд.):

	По максимальному варианту 1925/26 г.	1930/31 г.	Рост в %	По опубликованному варианту 1925/26 г.	1930/31 г.	Рост в %
Зерновые хлеба	1.036,7	1.472,8	42,1	960	1.200	25,0
Солома, колос, мякина	3.595,5	4.878,0	33,1	4.000	5.000	25,0
Корнеплоды и овощи	1.354,7	2.334,4	42,3	450	800	77,8
Сеяные травы	326,0	968,2	197,0	370	700	89,2
Луговое сено	4.230,0	4.603,5	8,8	4.080	4.080	0,0
Жмыхи	29,5	81,0	174,6	120	180	50,0
Всего кормов в переводе на крахмальные эквиваленты	2.953,1	3.921,4	32,8	2.244,0	2.726,0	21,5

Расчет опубликованной пятилетки не совсем полон и точен. Сравнительно с ним, наш максимальный вариант дает значительно большее (примерно в 1,5 раза) расширение кормовой базы, особенно по зерновым хлебам, некоторым корнеплодам, сеяным травам и жмыхам, т.-е. по более сильным и сочным кормам, растущим вследствие большей степени интенсификации и под'ема урожаев по нашему варианту.

Вследствие этого и количество скота и рост продукции по нашему варианту оказываются выше.

Количество скота (в млн. голов)

	По максимальному варианту 1925 г.	1931 г.	Рост в %	По опубликованному варианту 1925 г.	1931 г.	Рост в %
Лошади рабочие	19,7	25,1	+27,4	20,2	25,0	+23,7
Все лошади	26,2	33,8	+29,0	26,8	33,6	+25,4
Крупный рог. скот:						
Коровы	27,9	35,7	+28,0	27,1	33,5	+23,6
Волы	5,3	7,9	+49,1	5,1	6,6	+29,4
Все	60,5	78,1	+29,1	58,8	73,5	+25,0
Овцы и козы	110,1	149,0	+35,3	101,3	141,8	+40,0
Свиньи	18,8	25,4	+35,1	17,7	23,0	+30,0
Весь скот в переводе на крупный	75,8	98 6	+30,0	74,3	93,1	+25,3

Как и по полеводству, прирост количества скота по максимальному варианту сравнительно на небольшую величину превышает первый опубликованный вариант. Но в виду значительного превышения роста кормовой базы, мы в праве ожидать более серьезного повышения продуктивности скота.

По нашему расчету, для которого необходимо брать среднее поголовье из двух смежных годов (1925 и 1926 гг., как исходные, и 1930 и 1931 гг., как конечные) количество единиц скота в переводе на крупный составит: в среднем за 1925/26 г.—78,6 и в 1930/31 г.—97,3 млн.

Количество кормов в переводе на крахмальные эквиваленты на голову скота составляет: в 1925/26 г. - 37,6 пудов, в 1930/31 г.— 40,4 пу-

дов, прирост 7,5%, который и дает главную исходную цифру для исчисления возможного под'ема „урожайности“ скотоводства.

По опубликованному варианту количество единиц скота в переводе на крупный в 1925/26 г. равняется 78,8 млн.— цифра, близко подходящая к нашей. Но в конечном годе автор опубликованной пятилетки сбрасывает со счетов 2 млн. единиц, исходя из соображения о том, что эти 2 млн. единиц прирастут в районах пастбищного скотоводства, так как учет пастбищных кормов в его расчеты, так же, как и в наши, не входит. Но, как известно, в настоящее время даже в Казакстане скот кормится зимой сеном все больше и больше (кроме овец), а с переходом кочевых туземцев в оседлое состояние, переход на сенное кормление будет усиливаться. Поэтому, скидка в 2 млн. единиц (что равняется 28 млн. овец), несомненно, преувеличена.

С другой стороны, при увеличении количества скота на пастбищах, размеры пастбищного корма останутся те же самые и, стало быть, возрастания кормовой базы и прироста продукции скота быть не может. Поэтому мы не можем считать правильной указанную скидку в 2 млн. голов. А если ее не делать—прирост кормовой базы на единицу скота, по опубликованному варианту, сокращается с 5% до 2,4% против наших 7,5%. Между тем, именно на 5%-ном приросте кормовой базы построена гипотеза опубликованного варианта об увеличении на 5% убойного веса животных и удоев молока.

Правда, автор пятилетки не принял в расчет другого момента— более рационального использования кормов по мере развития культурного кормления. Сверх того, некоторое, хотя пока небольшое, значение должно иметь улучшение племенного состава животноводства. Так как затраты на организационно-производственные мероприятия по животноводству по максимальному варианту больше (по бюджету и завязанному кредиту 237,2 млн. против 160 млн. по опубликованному варианту), то и развитие племенного животноводства будет значительнее. Исходя из всех этих соображений, мы полагаем, что если прирост продукции на голову скота в переводе на крупный по максимальному варианту можно принять не менее 9,5—10%, то по опубликованному варианту он не должен был бы превышать 4—4,5%.

На основании всего вышеизложенного продукция животноводства вырастает по максимальному варианту (в млн. пуд.):

	1925/26 г.	1930/31 г.	Рост в %%	Рост в %% по опубликованн. варианту
Мясо	178	263	47,7	30,3
Молоко	1.887	2.516	33,3	26,0
Яйца (тыс. штук) . . .	7.500	15.200	102,7	68,0
Всего прод. животноводства в оценке (млн. руб.)	2.506,0	3.547,4	41,6	33,3

В общем итоге вся валовая продукция увеличивается с 9.497 р. в 1925/26 г. (в довоенной оценке) до 13.318 руб. в 1930/31 г., т.-е. на 40,2% против 27,6% по опубликованному варианту.

Как будет видно из дальнейшего изложения, только такой прирост даст возможность, с одной стороны, установить устойчивое равновесие между ростом сельского и народного хозяйства, с другой — покрывать полностью растущее личное и хозяйственное потребление самого сельского населения, с третьей — снизить цены на сельскохозяйственные продукты сравнительно с 1925/26 г. на заметную величину.

4. Сельскохозяйственные балансы и товарная часть сельскохозяйственной продукции по максимальному варианту

В опубликованной в № 4 „План. Хоз.“ статье проф. Н. Д. Кондратьева мы встречаем весьма мало обоснованные попытки установить рост натурального потребления сельскохозяйственных продуктов, то соответственно росту валовой продукции, то пропорционально общему росту благосостояния сельского населения. Ни та, ни другая попытки методологически не обоснованы и не могут быть обоснованы, ибо мы имеем все основания утверждать, что рост натурального потребления сельскохозяйственных продуктов зависит непосредственно от совершенно других факторов и лишь косвенно от увеличения валовой продукции и роста благосостояния населения. В самом деле, разберем эти основные причины зависимости нормального роста натурального потребления по трем главным видам: потреблению населения, корму скоту и обсеменению.

1) Потребление самого населения в зависимости от роста продукции и уровня благосостояния изменяется не столько количественно, сколько качественно: ржаной хлеб и грубые овощи заменяются пшеничным и более нежными овощами, усиливается потребление масла, яиц и т. д. Все данные говорят за то, что душевое потребление хлеба даже сокращается абсолютно в последние годы как у горожан, так и у сельских жителей. Поэтому следует считать наиболее вероятной в течение пятилетки стабилизацию общих норм хлебного питания (с качественной трансформацией в сторону большого потребления пшеницы за счет ржи) и значительный рост норм потребления продуктов животноводства. С этой стороны увеличение мясного и отчасти молочного потребления, даваемое пятилеткой, которое по мясу доходит лишь до довоенных норм, бесспорно, является недостаточным. В нашем максимальном варианте мы поднимаем нормы потребления животных продуктов гораздо более значительно.

2) То же самое и относительно корма скоту, который растет пропорционально росту поголовья скота и улучшению кормления, о чем мы уже говорили выше.

3) Наконец, и расход на семена, соответствующий увеличению посевов под отдельными культурами, должен относительно вырасти, ибо наиболее увеличиваются посевы пшеницы, требующей семян до 9—10 пудов на дес.

После этих предварительных замечаний попробуем составить балансы некоторых главных видов сельскохозяйственных продуктов.

А. Хлебофуражный баланс. Сопоставление хлебного баланса по максимальному варианту с опубликованным в пятилетке дает такие итоги (в млн. пуд):

	1925/26 г. (по опубл. вар.)	1930/31 г. (по опубл. вар.)	По максим. варианту
Приход			
Валовой сбор	4.420	5.106	5.492
Расход			
Сел. насел. (прод. пуд. на душу)	14,3	14,3	14,3
Всего	1.674	1.830	1.832
Прокорм скота и птицы (пуд. на голову в перев. на крупн.)	12,7	13,1	15,2
Всего	963	1.205	1.473
То же по послед. исч. кол. скота	1.037	1.275	—
Обсеменение (пуд. на дес.)	8,3	8,3	8,5
Всего	737	833	848
Проч. расх.	185	145	150
Итого	3.559	4.013	4.303
Город. насел. (прод. пуд на душу)	11,6	11,2	11,3
Всего	288	333	342
Прокорм гор. скота	71	76 (95)	100
Проч. расх.	14	17	20
Итого	373	426 (445)	462
Промышл. и армия	60	85	110
Накопл. торг. запасов	25	30	40
Накопл. крест. запасов	278	100	110
Экспортные ресурсы	125	452 (363)	467

В опубликованном варианте был, несомненно, недоучтен расход на корм скота как сельского, так и городского. По последним исчислениям, принятым Экспертным советом ЦСУ, в 1925/26 г. на прокорм скота и птицы (без Закавказья и Средней Азии) на единицу деревенского скота истрачено 13,6 пуда, а не 12,7 пуда, как в опубликованной пятилетке. Потребление городского скота в общей сумме также на 25 млн. пудов оказалось больше. Правда, в этом году кормление скота было искусственно вздуто, благодаря порче хлебов дождями, невозможности сбыть кукурузу на юге и другим случайным факторам. Тем не менее, мы ожидаем и в дальнейшем большого увеличения продовольствия скота зерновыми продуктами по следующим причинам:

а) Индекс цен на продукты животноводства будет стоять на значительно более высоком уровне, чем на зерновые хлеба.

б) Рост рабочего скота, главного потребителя зерна, в котором до сих пор ощущался недостаток, будет продолжаться энергичным темпом.

в) Количество продуктивного скота будет расти в большей степени, чем ранее предполагалось, в том числе свиней, волов, молодняка крупного скота и особенно птицы, потребляющих не только зерновые отбросы, но частью и чистое зерно.

Как видно из приведенных в таблице баланса расчетов, даже если мы возьмем для 1930/31 г. норму в 13,1 пудов, принятую в опубликованном варианте, все же один факт увеличения количества скота против ранее предположенного заставляет поднять продовольствие сельского и городского скота на 90 млн. пудов, что сокращает в конечном счете экспортные ресурсы с 452 млн. пудов до 363 млн. А если бы взять современную норму прокорма (13,6 пудов), то эта цифра сократится еще на 45 млн. пудов. Наш вариант более опубликованного на 292 млн. пудов, что дает возможность увеличить норму кормления скота и птицы с 13,6 пудов фактических в 1925/26 г. до 15,1 пуда, т.-е. на 11%. Может быть эта норма несколько преувеличена, но очевидно также, что норма, принятая в опубликованном варианте, фактически превзойденная уже теперь, явно недостаточна.

Если бы в опубликованном варианте были даны элементы хлебного баланса по культурам, мы увидали бы ясно, что, например, по пшенице, которая составляет стержень нашего зернового экспорта и внутреннего потребления, так быстро растущего и в городе и в деревне, выявился бы определенный дефицит. В нашем варианте валовая продукция пшеницы вырастает максимально на 72%. И, тем не менее, наша попытка исчислить баланс пшеницы показала нам, что даже при таком росте пшеничный баланс складывается довольно напряженно. Вот эта попытка:

Баланс пшеницы на 1930/31 г. по максимальному варианту

(В млн. пуд.)

Валовой сбор	1935
Расход на продовольствие сельск. населен. по 8,33 пуд. на 1 душу	1067
Расход на продовольствие городск. населен. по 7,5 пуд. на 1 душу	227
На обсеменение по 9 пуд. на 1 дес.	315
Прочие расходы (корм скоту)	75
Всего расхода	1684
Остаток на экспорт и на накопление запасов	251
В том числе на экспорт	200

Мы берем норму потребления пшеницы сельским населением в 8,33 пуда, которую А. Е. Лосицкий исчисляет для 1925/26 г. по своим обследованиям питания. Мы не увеличиваем эту норму, считая, что обследования питания, как это принято и в Экспертном совете,

дают повышенные цифры. Но по городскому населению мы увеличиваем эту норму с 6,55 пудов до 7,5 пудов. Оставляя на корм скоту не более 0,8 пуда на голову, мы получаем остаток в 251 млн. на экспорт и накопление запасов. Отсюда видно, что даже при максимальном варианте рассчитывать на экспорт более 200 млн. пудов пшеницы не приходится. А этот факт заставляет относиться с осторожностью ко всякой цифре зернового экспорта, превышающей в сумме 400 млн. пудов.

Б. Переходим к балансам продуктов животноводства. С мясным балансом мы имеем определенно узкое место в опубликованном варианте. Напомним нормы потребления, принятые в этом варианте (на душу населения мяса и сала скота и птицы):

	Сельск. (фунтов)	Городск. (пудов)
До войны . . .	49	2,8
1925/26 г. . . .	44	2,5
1930/31 г. . . .	49	3,0

Если выбросить птицу, то в 1930/31 г. по этим нормам мясное питание сельского населения окажется меньше, чем до войны. А этого не может быть, ибо мы знаем, эмпирически, что и теперь крестьяне потребляют мяса больше.

В нашем варианте душевое потребление крестьянами мяса и птицы поднимается в 1930/31 г. до 58 фунтов, а городского до 3,34 пуда. Между прочим, и сейчас, по тем же данным А. Е. Лосицкого (1925/26 г.), норма потребления мяса и птицы сельским населением составляет не 44 фунта, а 55 фунтов. Если мы скинем 10% на преувеличение этой нормы, мы получим все же 50 фунтов, а не 44, как принято в опубликованном варианте.

При таких нормах балансы мяса и птицы представляются в следующем виде в 1930/31 г. (в млн. пуд.):

	По опубликованному варианту	По максимальному варианту
Валовая продукция	255,7	292,5
Потребление сельского населения .	157,8	185,2
Городского населения	93,4	100,8
Экспортные ресурсы	4,5	6,5

По молочным продуктам балансы в обоих вариантах дают прирост. Но по опубликованному варианту прирост норм потребления молочных продуктов по сельскому населению за 5 лет всего около 12%, и в 1930/31 г. достигает 12,4 пудов на душу, а по максимальному варианту мы принимаем 14,0 пудов. По данным того же Лосицкого (если пересчитать масло в молоко) в 1925/26 г. потребление молока сельским населением достигает 12,5 пудов на душу. Норма потребления городского населения по опубликованному варианту—13,1 пуд, а по нашему 16 пудов.

Баланс потребления в молоке в 1930/31 г. дает такие итоги:

	Опубликованный вариант	Максимальный вариант
Валовая продукция	2083	2516
Потребление сельского населения .	1594	1790
Городского населения	389	484
Экспортные ресурсы	100	242

Ту же самую картину мы имеем и по яйцам и по другим продовольственным продуктам, в том числе по растительным маслам, по которым мы увеличиваем норму душевого потребления сельского населения с 9 фунтов до 12 фунтов, а в опубликованном варианте она стабилизуется на 9 фунтах, что, конечно, также неправильно.

5. Итоговые цифры сельскохозяйственных балансов

Сравним теперь в ценностном выражении итоговые цифры балансов двух рассматриваемых вариантов (в млн. довоен. руб.):

	1925/26 г. [1]	1930/31 г. По опубл. вар.	1930/31 г. По максим. вар.
Приход			
Валовая продукция	9497	12090	13318
Расход			
Натуральное потребление населения и обсеменение	5281	6185	6539
Корм скота и птицы	2498	3117	3376
Всего натуральное потребление сельского населения	7779	9302	9915
На душу сельского населения . . .	65,9	72,6	77,6
Город всего	1017	1369	1601
На душу городск. населения руб. .	39,2	46,1	52,8
Промышленность	486	850	1038
Экспортные ресурсы	215	569	764
Всего товарная часть	1718	2788	3403

Эта таблица вскрывает главное слабое место опубликованного варианта. Оно заключается в том, что душевой прирост натуральных расходов сельского населения выражается всего лишь в 6,7 руб., или в 11%. Если мы исключим хозяйственные расходы на корм скоту и семена, то прирост личного потребления крестьян упадет приблизительно до 6—7% на душу. Но мы видели из предыдущего изложения, что нормы потребления сельского населения, равно как и корм скоту, при сравнении с последними данными оказываются преуменьшенными даже для 1925/26 г. Если внести соответствующие поправки, то прирост мясного крестьянского потребления за пятилетие почти сойдет на-нет. Такое положение является недопустимым, ибо оно будет означать усиление разрыва между ростом благосостояния города и деревни.

Нельзя признать достаточным также и рост потребления городского населения. При повышении общего уровня благосостояния городского населения на 37,5% (согласно исчислениям пятилетки)

[1] Без учета стоимости прироста скота и навоза.

прирост душевого потребления горожанами сельскохозяйственных продуктов всего на 17,4% обозначает, что повышенный спрос города на эти продукты, как и теперь, далеко не всегда будет покрываться полностью. Несколько лучше положение с удовлетворением промышленности сырьем, но мы знаем, что при намеченном в пятилетке темпе развертывания легкой индустрии, которая работает, главным образом, на сельскохозяйственном сырье, товарный голод не будет изжит. Со всех сторон несутся требования расширить план развертывания текстильной и пищевкусовой индустрии, а следовательно и увеличить потребление сельскохозяйственного сырья. И только в максимальном варианте мы можем рассчитывать на то, что промышленность не только сможет удовлетворить эти требования, но и накопить сырьевые запасы, в которых она так нуждается и которых сейчас у нее систематически нехватает.

Наконец, перед нами стоит особенно обострившаяся за последнее время задача максимального развертывания сельскохозяйственного экспорта, которая далеко не может быть удовлетворена в опубликованном варианте, тем более, что расчет возможного хлебного экспорта, как мы показали в этом варианте, несомненно был преувеличен.

Исходя из всех этих соображений и расчетов, мы можем считать установленным тот вывод, что принцип равновесия сельского и народного хозяйства, который мы считаем исходным при построении плана реконструкции сельского хозяйства, может быть осуществлен полностью лишь при разработанном Сельскохозяйственной секцией Госплана максимальном варианте. Этот вариант дает прирост валовой продукции на 40%, а на душу сельского населения с 80,5 руб. до 104,1 руб., т.-е. почти на 30%. Товарная же часть почти удваивается, а на душу возрастает с 14,6 руб. до 26,6 руб., или на 82%. При таком приросте, во-первых, рост благосостояния сельского населения, в частности тех слоев его, в которых сосредоточивается избыточная армия деревенского труда, не будет, во всяком случае, меньше по темпу, чем рост благосостояния рабочего класса в городах. Как мы говорили в начале статьи, определять рост крестьянского благосостояния только по увеличению валового дохода — неправильно. Но и по одному денежному доходу определить его нельзя. Самым правильным будет метод исключения из валового дохода хозяйственных расходов крестьян и сравнение сумм личного натурального потребления плюс чистый денежный доход, что даст нам представление о возрастании уровня личного благосостояния крестьян, но не о развитии их хозяйства и роста капиталов. Современное состояние материалов не позволяет нам сделать соответствующие исчисления, так как мы не имеем разработанных перспектив роста неземледельческих доходов и расходов крестьян. Без этих последних коэффициент душевого прироста личного натурального потребления и денежного сельскохозяйственного дохода по максимальному варианту составит приблизительно около 45—48%.

Но это в довоенной оценке. Мы же считаем, что в максимальном варианте возможно допустить снижение цен не только против 1925/26 г., когда принятый в пятилетке уровень индекса сельскохозяйственных цен производителей достигал 1,40, но и против 1926/27 г., в котором он понизился, вероятно, до 1,30 в среднем за сельскохозяйственный год.[1] В максимальном варианте мы считаем допустимым снижение его к концу пятилетки приблизительно до 1,20, при условии, что индекс промтоварных цен для крестьян будет понижен на 25%, а индекс средств сельскохозяйственного производства — сельскохозяйственных машин, удобрений и проч.— приблизится к довоенному.

Но такое снижение цен, дающее народному хозяйству сбережений не менее 300 млн. руб., допустимо лишь в том случае, если капитальные затраты на проведение системы организационно-производственных мер, изложенных выше, со стороны государства и местных земорганов и кооперации будут не менее тех, которые намечены в максимальном варианте. Общий итог этих затрат по бюджету и завязанному (т.-е. выданному, но еще не возвращенному) кредиту составляет за 5 лет 2.270 млн. руб. Но для сравнения с двумя цифрами капитальных затрат, опубликованными в пятилетке (1.350 и 1.200 млн. руб.), необходимо исключить из бюджета около 100—150 млн. руб. расходов по местному бюджету, а из кредита — займы в количестве 150 млн., средства предприятий и вклады населения в количестве 200 млн. руб. За вычетом этих внешних для государственного бюджета источников мы получаем 1.820 млн. руб. капитальных затрат из союзных и республиканских источников, превышающих цифры опубликованного варианта на 470—620 млн. руб. Размеры же средств, вкладываемых населением и предприятиями, повышаются до 2.314 млн. против 2.097 млн. по опубликованному варианту.

Но и на такую сумму в течение пятилетки 1926/27—1930/31 гг., по которой первый бюджетный год уже прошел, вряд ли можно рассчитывать. Отсюда следует, что изложенная выше система мероприятий в пределах этой пятилетки выполнена не будет и, следовательно, не даст надлежащего эффекта. Мы считаем поэтому, что максимальный вариант осуществим в пределах периода 1927/28—1931/32 гг., который является действительно перспективным, тогда как принятая Госпланом пятилетка дает фактически перспективы только на четырехлетие. С такой оговоркой мы считаем себя в праве утверждать, что максимальный вариант, который только один дает картину доподлинной реконструкции сельского хозяйства, является осуществимым при соблюдении всех перечисленных выше условий.

[1] Заготовительный индекс, по данным НКТорга, составлял 1,28 в 1925/26 с.-х. году и 1,18 в 1926/27 году.

Н. М. Вишневский

О перспективах развития сельского хозяйства в 1926/27—1930/31 гг.

(Ответ критикам)

Опубликованные результаты нашей работы по намечению перспектив развития сельского хозяйства Союза ССР в ближайшее пятилетие вызвали ряд отзывов и в печати и в виде заключений различных ведомств. Сделать подробный критический обзор всем замечаниям на нашу работу, содержащимся в этих отзывах, не представляется возможным — для этого пришлось бы написать целую книгу. В журнальной же статье мы попытаемся из всех вопросов связанных с развитием сельского хозяйства, выделить следующие четыре основных: а) общий темп развития сельского хозяйства, б) увеличение производительности, в) товарное отчуждение с.-х. продуктов и г) вложение в сельское хозяйство, — и лишь в отношении этих четырех элементов остановиться далеко не на всех, а лишь на главнейших, имеющих более общий характер, замечаниях наших критиков.

Основной вопрос о будущем сельского хозяйства — темп его развития—получил диаметрально противоположные оценки. Одни признают его в том виде, как мы его запрожектировали, преувеличенным, другие, наоборот, преуменьшенным.

Остановимся в первую очередь на оценке Наркомзема РСФСР, сводящейся в кратких словах к следующему. Предусматриваемый нами темп роста посевов, скота и валовой продукции признается им за максимальный, требующий для практического своего осуществления увеличения государственных вложений по сравнению с нашими предложениями более чем на миллиард рублей — с 1.435 м. р. до 2.700 м. р., с соответствующим увеличением и вложений населения в мероприятия, финансируемые государством. Своеобразие этого мнения в том, что впервые, насколько нам известно, тот или иной темп развития сельского хозяйства поставлен в прямую связь с размером государственных капитальных вложений, хотя в отзыве НКЗ нет никаких доказательств этому пока еще никем недоказанному положению. В № 3 „Планового Хозяйства“ нам пришлось выступить в связи с отзывом группы плановых работников того же Наркомзема РСФСР, находивших, что

запроектированные нами темпы развития сельского хозяйства являются в своем большинстве значительно преувеличенными. Как видно теперь, отношение к нашим предположениям в НКЗ значительно изменилось, и наиболее существенные разногласия сводятся к размерам государственных вложений в сельское хозяйство.

По отношению к скотоводству принятые нами темпы признаются уже не значительно, а „несколько преувеличенными“ (за исключением лошадей) и лишь развитие овцеводства считается „особо преувеличенным“. В части же растениеводства, по отношению к посевным площадям в целом, их рост признается „максимальным и, возможно, несколько преувеличенным“, но в отношении увеличения урожайностей наши предположения признаются НКЗ преуменьшенными.

На расхождениях в области вложений в сельское хозяйство мы остановимся ниже, в настоящем же месте сосредоточим внимание на расхождениях в области определения темпов развития отдельных элементов сельскохозяйственного производства.

В отношении возможной преувеличенности запроектированного нами роста посевных площадей НКЗ исходит из соображений об обеспеченности развития посевов тяговой силой, при чем „острота вопроса обеспеченности тяговой силой будет усилена вовлечением в обработку нетронутых земель“, требующих, как известно, на единицу площади больших затрат тяговой силы по сравнению с землями старопахотными. Последнее соображение совершенно правильно, но указывая на него, необходимо указать и на иное обстоятельство, имеющее также отношение к тяговой силе и благоприятное для использования последней. Мы имеем в виду, что в результате землеустройства десятки миллионов десятин пахотных угодий, ныне раздробленных на мелкие куски и кусочки, далеко отстоящие от местожительства землепользователей, будут сведены в крупные полосы, что́, на ряду с расселением и уничтожением дальноземелья, в весьма значительной степени сократит бесполезную растрату тяговой силы на переезды и позволит увеличить полезную нагрузку рабочего скота. Об этом НКЗ забыл, а между тем, даже в самом худшем случае экономия силы рабочего скота, получаемая в результате землеустройства, целиком компенсирует увеличение ее использования в результате перехода на целинные земли, а в действительности значительно превзойдет добавочный расход тяговой силы, обусловливаемый указанным НКЗ обстоятельством.

В связи с опасением НКЗ о возможности расширения посевных площадей в предусматриваемых нами размерах по соображениям, идущим от состояния тяговых ресурсов, полезно остановиться на последних.

Единственным элементом, исчисленным нами, по мнению НКЗ, без преувеличения, является рабочий скот. Основная и подавляющая его часть, как известно, падает на лошадей, для которых нами пред-

видится рост от 1925 г. к 1931 г. (за шесть лет) на 23,7 % (в части рабочих лошадей). Если проанализировать данные об изменении поголовья лошадей за первый год периода перспективного плана — от весны 1925 г. к весне 1926 г., то оказывается с безусловной ясностью, что расчеты наши явно преуменьшены.

По данным ЦСУ, прокорректированным проф. А. Е. Лосицким, число рабочих лошадей за 1925/26 г. увеличилось на 8,6%, а всех лошадей на 9,8%, при чем со всеми поправками на предосторожность прирост от 1925 г. к 1926 г. рабочих лошадей определяется, как минимум, в 6,4%.

Наши же предположения исходили из расчета, что в 1925/26 г. прирост рабочих лошадей составит лишь 4,5%. При этом количество лошадей в возрасте от 1 года до рабочего, имеющееся на весну 1926 г., гарантирует на ближайшие годы прирост рабочих лошадей не меньше, чем в 5% ежегодно (в среднем), почему к 1931 г. количество рабочих лошадей увеличится против 1925 г. в размерах не меньше, чем 35%. В связи с этим нагрузка на единицу рабочего скота при запроектированных нами посевных площадях уменьшится не на 5%, как то предполагали мы, а примерно на 12%. При таких условиях, исходя из соображений о тяговых ресурсах, более уместно говорить не о преувеличенности наших расчетов о росте посевных площадей, а об обратном. И если об этом не сказал НКЗ, то об этом мы заявляем сами.

Касаясь вопроса о темпах роста посевных площадей под отдельными культурами, „НКЗ считает преувеличенным темп роста по подсолнуху на 53,5% (на четырехлетие), по льну на 18%, по конопле на 12,2%. Рост указанных культур Госплан определяет, исходя исключительно из потребностей отдельных отраслей промышленности в продукции этих культур. Дробный порайонный анализ динамики посевов технических культур показывает, что предполагать сколько-нибудь значительное расширение посевов последних в старых районах не приходится, учитывая организацию и социальную перестройку крестьянских хозяйств. Что касается новых районов, то даже значительный рост в них посевов льна и подсолнуха (не говоря о конопле), не сможет в общей посевной площади этих культур дать значительное увеличение".

К сожалению, мы лишены возможности высказать свои соображения о заключении НКЗ в части, касающейся расширения посевов технических культур в „старых районах", так как нам непонятен мотив, выставленный НКЗ о том, что препятствием к росту явятся „организация и социальная перестройка крестьянских хозяйств". Какая организация и какая социальная перестройка будет служить препятствием? Современная по сравнению с довоенной или какая-либо другая? Нам до сих пор были известны соображения о том, что происшедшие изменения в организации и социальной структуре крестьянских хозяйств, приведшие к уничтожению крупно-товарных

хозяйств, препятствуют росту товарного отчуждения. Соображения же о том, что это же обстоятельство станет вообще на пути дальнейшего развития посевов льна и подсолнуха, мы слышим впервые. Они тем более непонятны, что действительность говорит нам об обратном. Стоит вспомнить лишь о том, что площадь под подсолнухом в настоящее время, по сравнению с довоенным временем, почти удвоилась, при чем рост площадей наблюдается одинаково как в „старых", так и в „новых" районах. Почему после этого „организация и социальная перестройка" помешают новому росту площадей, остается совершенно непонятным.

Мало убедительно соображение и о новых районах, что „даже значительный рост в них посевов льна и подсолнуха не сможет в общей посевной площади этих культур дать значительное увеличение".

Для льна, например, Сибирь является новым районом, что, однако не мешало ей увеличивать посевы под льном на 10—15 тысяч десятин в год. Если мы предполагаем увеличение посевов под льном — долгунцом за период перспективного плана, примерно, на 200 тыс. дес., то вспомнив о Сибири, вряд ли можно считать, что новые районы не смогут дать значительного увеличения.

Более понятны (на первый взгляд) были соображения работника НКЗ проф. Н. Д. Кондратьева о преувеличенности наших предположений о росте посевов технических культур, исходя из заминки в их развитии за последний год. Будучи неправильными по существу, так как заминка чисто кон'юнктурного происхождения выдавалась за заминку общего характера, эти соображения все же опирались на какой-то конкретный факт. Но и здесь действительность уже опровергла пессимистические предположения, так как на первые же шаги государства по стимулированию производства технических культур крестьянство весной 1927 г. ответило весьма значительным расширением их посевов.

С овцами дело обстоит так, что мы предусматриваем в районах, наиболее овцеводческих, окончание в период перспективного плана восстановительного процесса и увеличение числа овец против 1916 г., а по прочим районам (где восстановительный процесс уже закончился) нами предполагается — в одних районах дальнейший рост числа овец, в других районах наличие в 1931 г. того же числа овец, что и в 1925 г., а в третьих районах сокращение числа овец в 1931 г. по сравнению с 1925 г. По СССР в целом у нас получается, что при росте в ближайшие шесть лет числа овец на 40% увеличение количества, овец к 1931 г. против количеств современных, в районах с уже восстановленным овечьим стадом, и против количеств в 1916 г. в районах еще не восстановивших своих овечьих стад, произойдет в общем в размерах 5%.

Такая проектировка не мешает, однако, НКЗ в своем отзыве заявлять: „В отношении перспектив развития овцеводства НКЗ

считает неправильным проектируемое Госпланом увеличение численности стада овец, хотя бы и незначительное, в районах, превысивших уровень 1916 г., на том основании, что почти все эти районы являются аграрно-перенаселенными, развившими свое овцеводство исключительно под влиянием острого недостатка промтоваров. В ближайшие годы, с изживанием товарного голода, они, безусловно, пойдут по пути сокращения овцеводства. Проектируемая в этих районах значительная интенсификация сельского хозяйства при связанном с этим сокращении пастбищных угодий вступит в конфликт с овцой. Следует считать, что в этих районах сокращение овцеводства, как минимум, выразится в 10—15% против намеченного Госпланом роста на 5%. На итоговые по СССР цифры это ложится сокращением роста стада с 40% до 32%".

Приходится констатировать, что НКЗ, признавая преувеличенными наши предположения об общем темпе роста овцеводства, исходил из несуществующего в нашей работе расчета на то, что овцеводство увеличится на 5% в районах, уже восстановивших к 1925 г. размеры стада, бывшие в 1916 г. На стр. 202—203 „Перспектив" мы писали: „В районах с законченным восстановлением мы ожидаем в некоторых районах стабильного положения с мелким скотом, в части районов даже некоторого снижения (которое в дальнейшем в ряде районов будет усиливаться), а по другим районам роста". Откуда НКЗ почерпнул сведения о росте на 5% числа овец в районах с уже восстановленным стадом, нам совершенно неизвестно, но во всяком случае не из материалов нашей работы, почему мнение НКЗ о том, что темп роста овцеводства, запроектированный нами, является наиболее преувеличенным, тем самым отпадает.

Совершенно немотивированным является указание НКЗ на преувеличенность наших расчетов о росте общей численности крупного рогатого скота. Это тем более странно, что, прорабатывая перспективы развития молочного дела, сам НКЗ проектировал по РСФСР увеличение крупного рогатого скота в размерах даже больших, чем мы.

Отсутствующие в отзыве НКЗ подробный анализ и оценка запроектированного нами общего темпа развития сельского хозяйства даны в статье одного из работников этого наркомата—Н. П. Макарова („План. Хоз.", № 5), стоящего в своей оценке наших предположений на той же, примерно, точке зрения, что и НКЗ.

Н. П. Макаров после весьма длительного анализа приходит к следующему выводу: „Поэтому, в конечном итоге, на основе общих оценок, намеченный темп надо считать напряженно повышенным и если реальным, то лишь путем большого напряжения средств и сил государства и самого сельского хозяйства".

Соображения Н. П. Макарова о „напряженно повышенном" запроектированном нами темпе развития сельского хозяйства идут

по различным направлениям. Первое из них — сопоставление запроектированного нами темпа с темпами за три последние года и, в частности, с темпом роста в первый год перспективного периода.

Приведя нижеследующие наши данные о росте валовой продукции:

от 1923/24 г. к 1924/25 г. — 9% роста валовой продукции
„ 1924/25 г. к 1925/26 г. — 6% „ „ „
„ 1925/26 г. к 1926/27 г. — 5% „ „ „

Н. П. Макаров в дальнейшем говорит: „При наличии затухающей кривой темпов предположение среднего годового темпа роста в 5% (для пятилетия) говорит о каком-то переломе, говорит как бы о том, что с 1926/27 г. мы выходим из-под затухающей кривой" (курсив наш. Н. В.).

При подобном подходе к нашей работе нельзя не согласиться с Н. П. Макаровым, что запроектированный нами темп развития сельского хозяйства действительно „напряженно повышенный".

На самом деле. При эмпирически установленной затухающей кривой роста валовой продукции и при достижении в первый год пятилетия роста в 5% (кстати, откуда Н. П. Макаров взял эти 5% ? — в нашей работе для 1926/27 г. указан рост в 5,4%) мы эти же 5% берем в среднем и для всего пятилетия. При таком положении вещей не требует особых доказательств преувеличенность наших расчетов, если бы... если бы то, что Н. П. Макаров нам приписывает, соответствовало нашим расчетам.

Наиболее выгодное для Н. П. Макарова предположение сводится к тому, что, выхватив две—три фразы со стр 163 „Перспектив", он не удосужился прочитать конца этой же страницы и следующую страницу. Прочитав их, вряд ли Н. П. Макаров сделал бы заявление о том, что мы запроектировали выход из-под затухающей кривой. Приведя данные о фактически имевших за последние три года темпах роста валовой продукции, мы тут же ниже указываем, что они несравнимы по своей методологический сущности с темпами, запроектированными нами для пятилетия, при чем указываем их в сравнимом виде: не 5% для 1926/27 г. и 5% для всего пятилетия в среднем за год, как это дает Н. П. Макаров, а 5,4% для 1926/27 г. и 3,9% для пятилетия, а еще ниже, на той же странице, чтобы характеризовать кривую темпов, даем иллюстрационное распределение темпов по отдельным годам пятилетия (стр. 164, строка 25 снизу) — 5,4—5,0—4,4—3,6—1,2. И вот при такого рода резко затухающей кривой нам вменяется проектировка, предусматривающая выход из-под затухающей кривой.

Второе направление критики Н. П. Макарова — сопоставление с довоенными темпами развития сельского хозяйства.

Наше заключение о том, что запроектированный нами темп роста продукции по 5% в год против 3—3,5% довоенных, не пред-

ставляется столь значительным, чтобы вызвать опасения за свою преувеличенность, приняв во внимание незаконченность в ряде районов восстановительного процесса и более благоприятные общие условия для развития сельского хозяйства, чем то было до революции, вызывает возражения Н. П. Макарова по линии обоих выставленных нами аргументов.

Прежде всего разницу между 3–3,5% и 5% Н. П. Макаров считает весьма значительной: если первую величину уподобить ходьбе, то вторая будет бег. А чтобы с ходьбы перейти на бег, должны соответственно различны быть и условия развития. Спор сводится, следовательно, к определению различий в условиях развития сельского хозяйства до войны и в настоящее время.

Из общих условий развития сельского хозяйства проф. Макаров выделяет, как наиболее неблагоприятный фактор, рыночные условия. В результате весьма облегченного анализа довоенных и современных соотношений цен на с.-х. и промышленные товары проф. Макаров приходит к выводу, что „это ясно говорит о той осторожности, с которой в отношении рыночных условий можно говорить, что сельское хозяйство сейчас находится в более благоприятных условиях, чем до войны. Между тем, рынок является одним из основных условий, определяющих рост и эволюцию сельского хозяйства. Составителям плана об этом напоминать не приходится. Теперь можно сказать: имеются ли в рыночной предпосылке плана условия для того, чтобы сельское хозяйство росло темпом не довоенным—в 3% при перевернутом положении кон'юнктурных „ножниц", а темпом в 5% при невыгодном для сельского хозяйства растворе „ножниц".

Основное свое доказательство о невыгодности рыночного положения для сельского хозяйства Н. П. Макаров видит в следующих приводимых им данных:

Индексы оптовых цен

Годы	До войны С.-х. продук.	Индустр.	Отношение с.-х. индекса к индустриальн. индексу
1890—1899	1,0	1 0	1.0
1900—1909	1,24	1,15	1,08
	В период перспект. плана		
1926/27	1,38	1,67	0,86
1930/31	1,38	1,44	0,96

Нельзя спорить о том, что в довоенное время соотношение цен на продукты сельского хозяйства и промышленности были более выгодны для первых, чем в настоящее время. Но достаточно ли констатирование только этого факта для решения вопроса о воздействии рыночных условий на развитие сельского хозяйства? Мы полагаем, что это только одна сторона дела, а другая, более благоприятная для развития современного сельского хозяйства, Н. П. Макаровым совершенно упущена. Уровень с.-х. цен по сравнению с уровнем промышленных цен в настоящее время более низок, чем это было в довоенное время, но в каком направлении и как быстро изменяются эти уровни — до войны и в настоящее время? Вот не менее существенный вопрос, от разрешения которого в ту или другую сторону будет зависеть то или иное воздействие рыночных условий на развитие сельского хозяйства. И к невыгоде для точки зрения Н. П. Макарова этот вопрос в пятилетнем плане разрешается для сельского хозяйства более благоприятно, чем это имело место в довоенное время.

Беря данные Н. П. Макарова (приведенные выше), мы видим из цифр последнего столбца, что в то время как за довоенное десятилетие отношение с.-х. индекса к промышленному индексу увеличилось на 8%, в перспективном плане намечается улучшение (96:86) на 11,6% за пять лет. А если мы исправим две ошибки Н. П. Макарова, который, во-первых, для 1926/27 г., деля 1,38 на 1,67 вместо того чтобы получить 0,826, получил 0,86 и, во-вторых, взяв для сельского хозяйства индекс заготовительных цен, а для индустрии индекс оптовых цен, забыл, что на протяжении пятилетия понижаются не только оптовые цены, но и торговая накидка, тем самым преуменьшил снижение цен на индустриальные товары, то в действительности, внеся в расчет Н. П. Макарова необходимые поправки, улучшение соотношений между с.-х. и промышленным индексами, для современного пятилетия будет характеризоваться не 11,6%, как это вытекает из цифр Н. П. Макарова, а на 21% за пять лет против довоенных 8% за десять лет. Спрашивается, в пять раз более быстрый современный темп улучшения соотношений индексов, чем то было до войны, должен оказать свое влияние и влияние положительное на развитие сельского хозяйства или не должен? Ясно, что должен и Н. П. Макаров допустил крупную ошибку, не учтя этого обстоятельства.

Третье направление критики Н. П. Макарова — обвинение нас в том, что мы злоупотребляем соображениями о недовосстановленности сельского хозяйства до довоенного уровня, оперируя ею как фактором убыстренного против довоенного современного развития сельского хозяйства.

Из всех аргументов Н. П. Макарова мы по условиям места сколько-нибудь подробно может остановиться лишь на наиболее общем, сводящемся к нижеследующему: „Восстановление хозяйства в условиях сельского хозяйства — несколько иное явление, чем в условиях индустрии; в последней были сохранены в значительной мере здания, машины и орудия, и процесс восстановления был построен на использовании трудом уже имеющихся средств производства. В сельском хозяйстве значительная часть средств производства в виде скота была ликвидирована, и восстановительный процесс в этой

части означал воссоздание заново средств производства, т.-е. первоначальное капиталонакопление". Несколько выше говорится: „Но поскольку темп роста сельского хозяйства должен опираться на капиталонакопление хозяйства, а это, в свою очередь, на соответствующую рыночную обстановку, постольку планом не намечены более благоприятные рыночные условия для ускорения темпа развития по сравнению с довоенной рыночной кон'юнктурой".

Так, вся наша проектировка оказалась, по мысли Н. П. Макарова, порочным кругом — развитие продукции требует воссоздания средств производства, воссоздание средств производства требует капиталовложений, для этого требуется капиталонакопление, последнее требует соответствующей рыночной обстановки, а ее то мы как раз и не создаем.

Правда, в конце концов Н. П. Макаров в согласии с Наркомземом устраняет порочность этого круга путем грандиозного увеличения государственных и крестьянских капиталовложений в сельское хозяйство, но об этом мы будем говорить ниже, а сейчас вернемся к мыслям Н. П. Макарова о различном значении восстановительных процессов в сельском хозяйстве и индустрии. Прав или не прав он в своем утверждении, что их содержание различно? Безусловно прав, и правота эта может быть подтверждена всей историей народного хозяйства СССР за последние шесть лет, стоит лишь взглянуть на темпы роста промышленности и сельского хозяйства. Если к сельскому хозяйству можно применить старую поговорку о том, что болезнь входит пудами, а выходит золотниками, то по отношению к промышленности надо создать новую поговорку — болезнь и входит и выходит пудами. В промышленности, где процесс восстановления сводился, как справедливо указывает Н. П. Макаров, главным образом, к использованию трудом уже имеющихся средств производства, восстановительный процесс характеризовался такими (с точки зрения сельского хозяйства) колоссальными коэффициентами роста продукции:

1923/24 г. в %% к 1922/23 г. — 130
1924/25 г. в %% к 1923/24 г. — 154
1925/26 г. в %% к 1924/25 г. — 145

В то же время сельское хозяйство, для которого процесс восстановления сводится к воссозданию средств производства, имело возрастание продукции в размерах, не превышающих 9%.

Особые свойства восстановительного процесса в сельском хозяйстве нам были известны и до выступлений Н. П. Макарова и именно они заставили нас проектировать те (вопреки мнению Н. П. Макарова и многих других) весьма скромные темпы роста, которые положены в основу перспектив развития сельского хозяйства. Насколько они в действительности скромны, мы покажем ниже.

Перейдем к соображениям Н. П. Макарова о необходимости для воссоздания средств производства капиталовложений, а для этого

капиталонакоплений и неблагоприятной для капиталонакопления рыночной обстановке. Говоря о воссоздании средств производства, он указывает на скот, на примере которого действительно наиболее ясно вскрывается неправильность всего построения Н. П. Макарова.

Говоря о капиталонакоплениях и капиталовложениях, Н. П. Макаров все время имеет в виду денежную их форму, совершенно забывая о другой форме накоплений и вложений — натуральной, свойственной крестьянскому хозяйству в весьма сильной степени. Применительно же к скоту, к возможностям его расширенного воспроизводства, именно натуральные, а не денежные накопления играют решающую роль. Между тем, о возможностях натурального накопления и базирующегося на них расширенного воспроизводства Н. П. Макаров не обмолвился ни одним словом.

Но зато у него имеется „великолепное" место, посвященное „нутряному" об'яснению высокого темпа роста с.-х. продукции, принятого нами и обоснованного, по мнению Н. П. Макарова, аргументами неудовлетворительного свойства. „Это происходит,—вещает он,—потому, что повышенный темп нужен (курсив Н. П. Макарова) составителям плана. Этим мы не высказываем никакого оттенка упрека или возражения. Наоборот, этим мы скорее готовы констатировать элемент должного (курсив наш), который необходим (курсив Н. П. Макарова) в плане с точки зрения развития производительных сил. Без этого темпа развития сельского хозяйства баланс народнохозяйственного плана не может быть сведен (хотя он и так не сходится по потреблению и экспорту...)".

О специфической ароматности этого места из статьи Н. П. Макарова пусть судят сами читатели, мы же обратимся только к деловой оценке его сущности.

Итак, все просто и ясно. Народнохозяйственный баланс может сойтись только при известном весьма высоком (по мнению Н. П. Макарова) темпе роста с.-х. продукции, темп этот, следовательно, нужен и мы, подперев его несостоятельной аргументацией, вводим подобный, явно против реальных возможностей преувеличенный темп, в свои расчеты. За что и заслуживаем покровительственного похлопывания по плечу со стороны Н. П. Макарова и раз'яснения, что хотя такой подход в плане, как к должному (хотя бы реально и неосуществимому) и полезен, но все наши ухищрения подменить возможное должным напрасны — баланс все равно не сходится.

Лучшим и бесспорным доказательством того, как мы „умеем" вводить в свои расчеты элементы „нужного", заменяя ими возможное, а также и показателем скромности или нескромности наших расчетов, может служить сопоставление показателей за 1926/27 г.— первый год пятилетия — в том виде, как они были запроектированы нами (запроектированы потому, что данных для статистического исчисления в нашем распоряжении еще не имелось) и какими они

оказываются в результате статистического их исчисления (в %% роста к 1925/26 г.):

	Наша проектировка	Статист. показатель
Валовая продукция	5,4	около 6,0
Посевн. площадь зерновых	6,2	7,7
Скот весь	5,0	7.4
В том числе: раб. лошади	4 5	8,6
Коровы	5,0	4,9

Вывод из приведенных цифр получается красноречивый как для нас, так и для Н. П. Макарова. Последний в пылу полемики превратил запроектированный нами рост сел.-хоз. продукции от 1925/26 г. к 1926/27 г. из 5,4% в 5%, а предварительное статистическое исчисление дает не 5,4%, а 6,0%. Н. П. Макаров из заслуживающих внимания запроектированных нами темпов роста отдельных элементов сельского хозяйства признает непреувеличенным только один — для лошадей, в отношении которых (в части рабочих лошадей) мы приняли рост от 1925 г. к 1926 г. в 4,5%, а статистические данные устанавливают прирост за этот срок в 8,6%. Разница колоссальная, ставящая вопрос о явной преуменьшенности нашей проектировки, согласно которой за шесть лет прирост рабочих лошадей намечается в 23,7%. А между тем, с точки зрения обеспеченности тяговой силой Н. П. Макаров считает принятое нами развитие посевной площади „высоко напряженным".

Мы надеемся, что в свете тех данных, которые выявились применительно к первому году перспективного периода, Н. П. Макаров и его сотоварищи по работе в НКЗ пересмотрят свои взгляды о возможностях развития сельского хозяйства СССР, и тогда возможно будет найти общий язык между нами и ими, в настоящее время, к сожалению, и не на пользу плановой работе, отсутствующий.

Может показаться, что мы желаем от Н. П. Макарова перемены во взглядах, диктуемой слишком малым эмпирическим материалом. Но пересмотра мы ждем под влиянием даже не всех материалов, характеризующих возможности развития сельского хозяйства, а лишь тех, которые должны быть для Н. П. Макарова наиболее показательными, исходя из его собственной концепции.

Одно из основных положений этой концепции сводится к тому, что для дальнейшего расширенного воспроизводства нет достаточного количества капиталонакоплений.

О том, что капиталонакоплений нехватит для приобретения крестьянством необходимого мертвого инвентаря, не поднимает вопроса и сам Н. П. Макаров. Что же касается живого инвентаря, в воспроизводстве которого Н. П. Макаров видит совершенно справедливо узкое место дальнейшего развития всего сельского хозяйства, то данные за 1925/26 г. свидетельствуют о таких громадных размерах роста рабочего скота, которые являются совершенно невиданными как для современного, так и для дореволюционного сельского хозяйства.

Размеры прироста рабочих лошадей от 1925 г. к 1926 г. должны заставить призадуматься потому, что в 1926 г. рабочие лошади пополнялись первой партией, так сказать, нормального революционного лошадиного молодняка, рожденного в 1923 г., так как молодняк рождения более ранних лет пережил или гражданскую войну, или голодные 1921 и 1922 годы, которые не могли не отразиться на его количестве. Поэтому прирост рабочих лошадей в 1926 г. дает впервые представление о тех темпах которые могут быть в современных условиях. При этом надо оговориться, что и на приросте рабочих лошадей 1926 г. должен был отразиться значительный неурожай 1924 г.

Судить о том, какой мы можем ожидать прирост лошадей в 1927 г. и в последующие годы, позволяют показатели отношений между рабочими лошадьми и молодняком в последние годы, определяя их по данным ЦСУ.

	На 100 рабочих лошадей приходилось			
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Молодняка старше 1 года . .	11,8	12,4	14 3	14,1
„ до 1 года	9,8	13,7	13,7	13,8

Вполне возможно, что за последние годы качество статистической регистрации улучшилось, и данные 1923 г. несовсем сопоставимы с данными последующих годов. Приняв самые высокие коэффициенты поправок на несравнимость данных, должно быть все же признано, что если молодняк рождения 1923 г. дал в 1926 г. прирост рабочих лошадей в размере 8,6%, то судя по увеличению в последующие годы относительного количества молодняка, мы, приняв во внимание все неблагоприятные условия, сопровождающие выращивание рабочей лошади, можем предполагать в дальнейшем рост рабочих лошадей в относительных размерах, не слишком значительно отличающихся от прироста в 1926 г. Этот вывод настолько многозначущ и многообещающ,— при его правильности мы можем ожидать роста рабочих лошадей от 1925 г. к 1931 г. в размере 40—45% и тем самым не только достижения, но и превышения довоенного количества рабочих лошадей,— что в настоящее время мы даже не решаемся его выставить в утвердительном смысле. Необходимо подождать материалов, позволяющих проверить данные о числе рабочих лошадей в 1926 г. и выявить прирост рабочих лошадей еще за один год—от 1926 г., к 1927 г.[1]

Но что можно вполне утвердительно решить уже и в настоящее время, так это то, что наши (а они не являются особо исключительными) представления о возможностях роста количества рабочего

[1] Первые данные о числе лошадей на весну 1927 г. показывают, что по УССР прирост рабочих лошадей от 1926 г. к 1927 г. оказался равным, примерно, прошлогоднему — около 9%.

скота в частности и развития сельского хозяйства вообще являлись преуменьшенными, и в применении к возможному росту рабочих лошадей запроектированный нами темп в 23,7% должен быть поднят, впредь до дальнейшего изученяя вопроса, до величины, близкой к 35%, в соответствии с чем подлежат пересмотру и остальные части нашей гипотезы о развитии сельского хозяйства и характере вытекающих отсюда связей с народным хозяйством в целом.

Должны пересмотреть свои утверждения и наши критики, считающие произведенные нами проектировки темпов развития основных элементов сел.-хоз. производства преувеличенными.

Перейдем теперь к замечаниям, характеризующим запроектированные нами темпы развития сельского хозяйства как преуменьшенные. Прежде всего, необходимо отметить, что в части соображений о возможной преуменьшенности общего темпа роста сел.-хоз. продукции наши критики в целом ряде случаев отправляются от тех наших собственных сомнений, которые содержатся в опубликованных материалах.

Сопоставляя запроектированный нами средний ежегодный темп роста сел.-хоз. продукции (по 5% в среднем за год) с средним ежегодным увеличением с.-х. продукции в последнее довоенное пятилетие (по 3—3,5% в год), мы на стр. 165 „Перспектив" заявляем: „При сопоставлении с последними коэффициентами запроектированное нами увеличение продукции сельского хозяйства на 5%, приняв во внимание незаконченность во многих районах восстановительного процесса и более благоприятные общие условия для развития сельского хозяйства в настоящее время по сравнению с довоенным, размеры запроектированного нами темпа не представляются уже столь значительными и вызывающими опасения за их преувеличенность. Мы же сами полагаем, что при благоприятных условиях развития запроектированные нами темпы окажутся превзойденными".

Наше личное мнение, выраженное в последней подчеркнутой фразе, лишает нас возможности сколько-нибудь решительно возражать на те критические замечания, которые считают пятипроцентный темп роста продукции преуменьшенным.

В настоящее время, когда после исключительно срочной проработки перспектив развития сельского хозяйства мы имеем возможность еще раз просмотреть все наши расчеты и предположения, общий вывод, к которому мы приходим теперь, сводится к разрешению в положительную сторону наших прежних сомнений и признанию, что запроектированные нами темпы развития окажутся при благоприятных условиях, т.-е., главным образом, при наличии в пятилетке не более одного неурожая, превзойденными. Спор может итти лишь о количественном выражении действительно реальных темпов развития. В настоящее время еще не закончен производимый пересмотр всех вопросов, связанных с определением темпов, почему мы лишь

предположительно можем наметить 30—35% прироста продукции от 1925/26 г. к 1930/31 г.

Остановимся лишь на одной частности, имеющей общее показательное значение. Тов. Хавин в своем выступлении в Комм. академии, а также и в статье на страницах „Большевика" указывает, что запроектированный нами темп возрастания урожайности свеклы и хлопка не соответствует нашей же проектировке распространения минеральных удобрений. В этом заявлении, так же, как и в ряде подобных, не учитывается одно весьма существенное обстоятельство, которое на частном случае с минеральными удобрениями можно весьма рельефно вскрыть. Сравнивая размер наших мероприятий по распространению минеральных удобрений за все пятилетие (1926/27—1930/31 гг.), тов. Хавин впадает в ту ошибку, что эффективности от них ожидает в полном об'еме уже в 1930/31 г. Между тем, мероприятия, проводимые в большей части в 1929/30 г. и целиком в 1930/31 г., скажутся лишь в следующие, выходящие за пределы пятилетия годы—1931/32 и 1932/33, так как формирование посевов названных им культур, дающих урожай в 1930/31 г., происходит в первой половине 1930 г., почему мероприятия даже 1929/30 г., не говоря уже о 1930/31 г., могут сказаться на продукции этого года лишь в весьма малой степени. В отношении минеральных удобрений программа их распространения предусматривает внесение в сельское хозяйство около 250 млн. пуд. за пять лет и ровно половина из этого количества вносится в последние два года и дает эффект лишь в следующем пятилетии. Отсюда ясно, насколько значительно будет отличаться эффективность от внесения минеральных удобрений даже в соседние годы ближайшего пятилетия.

О росте производительности разошелся с нашими предположениями и НКЗ, считающий, что по техническим культурам возможно ожидать увеличения урожайности на 12—15% вместо 10%, предположенных нами, по зерновым культурам на 7—7,5% вместо 6% и по животноводству на 7—8% вместо 5%. Выдвигая более повышенный рост производительности, НКЗ обусловливает его возможность „соответствующим увеличением об'ема агрикультурных мероприятий и капитальных вложений в сельское хозяйство".

Для нас, считающих собственные расчеты роста с.-х. продукции если и грешащими, то лишь в сторону преуменьшенности, предлагаемое НКЗ повышение производительности, с одновременным повышением и капитальных вложений ни много, ни мало как на 2½—3 миллиарда рублей (государственных и со стороны населения), разницав росте производительности, запроектированной нами и предлагаемой НКЗ, при подобном условии представляется весьма убогой и неоправдывающей трехмиллиардных затрат, так как, приняв рост производительности в размерах, предлагаемых НКЗ, мы получим за все пятилетие добавочной продукции, примерно, на один миллиард рублей. Кроме того, мы считаем, что при той точности наших зна-

ний в области сельского хозяйства противопоставление предполагаемого нами роста в 6% росту в 7—7,5%, или противопоставление 10%—12% является невозможным — это цифры одного и того же порядка, практически между собою не различимые.

Вообще же мы считаем, что вопрос о возможном росте производительности требует дальнейшей своей проработки и разрешение его возможно будет наиболее правильно лишь после порайонной проработки перспективного плана.

В ответ на обвинение нас в преуменьшенности расчетов роста урожайности отдельных культур и в частности хлебных, мы еще раз должны указать на то обстоятельство, на которое уже указывали в „Перспективах" — отсутствие данных и возможности определять реальное изменение урожайности и вытекающая отсюда осторожность в наших расчетах. К настоящему моменту положение изменилось лишь в том отношении, что начинают уже поступать данные о продукции за второй год (1927/28) периода перспективного плана, а мы так же, как и в первом (1926/27) году лишены возможности судить об эволюции среднего уровня урожайности.

Переходя к критическим замечаниям, касающимся запроектированных нами размеров роста товарного отчуждения с.-х. продуктов, приходится констатировать, что все они носят частный характер, общий же размер отчуждения особых возражений не встречает.

В заключение остановимся на весьма важном вопросе о капитальных вложениях в сельское хозяйство.

В нашей проектировке предусматриваются вложения, связанные с проводимыми государством мероприятиями, в следующих размерах, даваемых нами в сопоставлении с проектировкой Н. П. Макарова, весьма близкой к проектировке НКЗ.

	Наша проектировка	Проектировка Н. П. Макарова
Бюджет	1.200—1.350	2.300—2.500
Средства насел.	2.097	3.500—4.000
Итого	3.297—3.447	5.800—6.500

Следовательно, в противовес нашим расчетам выдвигается необходимость вложений в сельское хозяйство больше чем предполагаем мы на 1.100—1.300 м. р. в части государственных вложений, на 1.500—2.000 м. р. в части вложений населения, а всего больше на 2.500—3.300 м. р., при чем запроектированный нами темп развития сельского хозяйства считается реально осуществимым лишь при условии такого рода вложений.

Мы считаем необходимым остановиться в связи с исчислениями НКЗ и Н. П. Макарова прежде всего на вопросе о том, нужны ли в действительности для проведения намечаемых ими самими мероприятий названные выше размеры вложений.

Такой вопрос возникает при ознакомлении с запроектированными НКЗ натуральными об'емами отдельных мероприятий, в результате которого получается определенный вывод, что натуральный об'ем мероприятий по расчетам НКЗ растет далеко не в такой (и значительно не такой) сильной степени, как растут по его расчетам общие размеры вложений.

В весьма значительной части мероприятий разница в наших расчетах и расчетах НКЗ сводится к тому, что последний, по сравнению с нами, считает необходимым значительно большую часть стоимости того или иного мероприятия отнести за государственный счет. В связи с этим становятся понятными наши расхождения при определении государственных вложений. Но когда мы видим, что одновременно с этим возрастают и вложения населения и общая сумма вложений, то понимание расчетов и НКЗ и Н. П. Макарова, по крайней мере для нас, исчезает. Затрудняет понимание и способ расчета, примененный нашими критиками в части определения вложений со стороны населения. В статье Н. П. Макарова размер вложений населения вообще ничем не мотивирован, в письменном отрыве НКЗ вопрос о вложениях населения совершенно опущен, а в докладе, сделанном в Госплане от имени НКЗ, Н. П. Макаров указал, что по их предположениям на каждый рубль, затрачиваемый государством, население затратит 1 р. 33 коп. — вот и все основание расчета. Между тем, мы имеем все основания считать, что если бы НКЗ произвел детальный расчет натурального об'ема предлагаемых им мероприятий и определил их общую стоимость, то она получилась бы значительно меньшей, чем 5.800—6.500 млн. руб., и тогда при намеченных им государственных вложениях на долю населения осталось бы примерно в два раза меньшая сумма, чем называемая сейчас в 3.500—4.000 млн. руб. Или же, если бы НКЗ исходил из общих затрат в 5.800—6.500 млн. руб., то получился бы такой натуральный об'ем мероприятий, который по своим большим размерам никак не мог бы увязаться с теми скромными темпами роста основных элементов и производства с.-х. продуктов, которые запроектированы нами и для осуществления которых будто бы необходимы намечаемые НКЗ затраты.

Еще менее понятными становятся расчеты Н. П. Макарова, в части вложений населения, если оценивать называемые им $3^1/_2$—4 млрд. руб. с точки зрения посильности таких вложений.

Рассматривая с этой точки зрения запроектированные нами вложения населения (в сумме 2,1 млрд. руб.), Н. П. Макаров приходит к выводу (стр. 52), что уже в первом году пятилетнего периода, охватываемого нашей проектировкой, предусмотренные нашими расчетами капиталовложения населения превышают капиталонакопления не менее чем на 151 млн. руб., при чем „этот дефицит должен увеличиться к 1930/31 г. и дать в сумме цифру около 1.000 млн. руб. за пять лет. Таким образом, не выходя за пределы

работ Госплана, мы должны констатировать несбалансированность расчетов по капиталонакоплениям и вложениям".

В связи с последним выводом Н. П. Макарова нам придется перейти от критики критиков к защите собственных построений. Откуда получился вывод о превышении вложений над накоплениями? Н. П. Макаров берет цифры из одной работы Госплана — „Контрольные цифры" — о вложениях, приравнивает вложения накоплениям и сравнивает эти будто бы накопления с цифрой вложений, взятой им из другой работы Госплана — „Перспективы". Между тем, при этом оказался нарушенным основной закон всяких сравнений — можно сравнивать только однородные, а не разнородные цифры. В данном же случае сравнению подвергаются как раз разнородные цифры.

В „Контрольных цифрах" разрешалась задача — дать картину движения основных фондов сельского хозяйства за четыре года (1923/24—1926/27), отвлекаясь от изменений, зависящих от кон'юнктурного элемента — цен, почему все элементы фондов, в том числе и вложения, оценивались за все годы по одним и тем же ценам (1923/24 г.), что с исчерпывающей ясностью и оговорено в особом примечании на стр. 38. Так как цены 1923/24 г. на элементы, составляющие основные фонды сельского хозяйства, в частности, цены на скот осенью 1924 г., были значительно ниже цен 1926/27 г., то для последнего года стоимость фондов и сумма вложений в них, при оценке их по ценам 1923/24 г. (как это сделано в „Контрольных цифрах") и по ценам 1926/27 г. (как это сделано в „Перспективах") должны быть различны, а именно: оцененные по ценам 1926/27 г. они будут значительно большими, чем при оценке по ценам 1923/24 г. Эту разницу, зависящую от способов оценки, имеющую исключительно статистическую природу, Н. П. Макаров превратил в разницу, свидетельствующую о дефиците и несбалансированности наших расчетов.

Но вот весьма интересно, в какое положение ставит себя Н. П. Макаров, открывший дефицит накоплений в сумме до миллиарда рублей за пятилетие. Старается ли он изыскать способы покрытия этого дефицита? Первый его поступок — увеличить вложения, не взирая на дефицит, с запроектированных нами 2,1 млрд. руб. до 3,5—4 млрд. рублей и это только в части вложений, связанных с государственными мероприятиями. После произведенного увеличения вложений у Н. П. Макарова должен получиться дефицит уже не в 1 млрд. рублей, а по крайней мере в 2,4—2,9 млрд. рублей.

Для создания у населения накоплений, достаточных для покрытия запроектированных им вложений в мероприятия, проводимые государством, Н. П. Макаров указывает весьма простой путь — для этого необходимо лишь снизить цены на промтовары не на 17%, как это предположено в расчетах Госплана, а на 25—30%. Указав на такую возможность, Н. П. Макаров не затруднил себя расчетом,

какое дополнительное накопление произойдет в результате его предложения и насколько при его осуществлении будет в действительности ликвидирован разрыв между накоплением и вложениями. Расчет такой (конечно, самым грубым образом) может быть произведен, при чем в результате получается, что крестьянское накопление увеличится на 800—1300 млн. руб., так что дефецит хотя и уменьшится, но все же сохранится в размере полутора миллиардов рублей, т.-е. значительно больший, чем его открыл Н. П. Макаров в наших расчетах. Еще худшие результаты получаются у НКЗ, предлагающего на ряду со снижением цен на промтовары (в тех же размерах, что и Н. П. Макаров), снизить на 5% и цены на с.-х. продукты, что должно понизить на протяжении пятилетия выручку крестьянства примерно на полмиллиарда и в такой же степени повысить неувязку между накоплениями и вложениями.

Для нас совершенно несомненно, что и НКЗ и Н. П. Макаров допустили крупную ошибку, определяя размеры вложений в сельское хозяйство. Нам известны результаты работы Н. П. Огановского по проработке различных вариантов государственных мероприятий в области сельского хозяйства. Один из них, имеющий чисто теоретическое значение, ставил перед собою задачу определить размеры вложений при возможно максимальном натуральном об'еме мероприятий, превышающем тот об'ем мероприятий, который намечает в своем отзыве НКЗ. В результате такого подхода, при условии более значительного участия государства в финансировании мероприятий, чем то предусмотрено нами, у Н. П. Огановского получилось, что при общей сумме вложений в 4.234 м. р. (против 3.568 м. р. по нашему расчету) на долю государства падает 2.270 м. р. (против 1.470 м. р. по нашему расчету) и на долю населения 1.964 м. р. (против 2.097 м. р. по нашему расчету).

Здесь все ясно и понятно, находясь в пределах обычного человеческого понимания: если автор исчисления повышает долю государства в покрытии расходов по проведению тех или иных мероприятий, то тем самым он понижает долю расходов, падающую на население. Совсем не то получилось у НКЗ и Н. П. Макарова. И получилось неправильно. А между тем, произведи они свои расчеты правильно, исходя из принимаемого ими натурального об'ема мероприятий, ими была бы получена совершенно иная общая их стоимость, при чем при принятой ими сумме государственных вложений, на долю населения пришлись бы вложения не в 3,5—4 млрд. руб. и даже не в 2,1 млрд. руб., как то запроектировали мы, а значительно меньше последней цифры.

Тогда бы пришлось ставить вопрос уже не о дефиците накоплений в порядке недоразумения, как это делает Н. П. Макаров, а об определенном и совершенно реальном и весьма значительном дефиците промтоваров, спрос на которые соответственно сокращению вложений населения в мероприятия возрос бы, а производство

сократилось бы под влиянием предлагаемого сокращения вложений в промышленность (в связи с увеличением государственных вложений в сельское хозяйство) на 1.300 м. р. по расчетам НКЗ и на 1.000 м. р. по расчетам Н. П. Макарова.

Подводя итоги нашим возражениям на критику, идущую со стороны НКЗ и его отдельных работников, мы должны констатировать, что тот путь, на который они встали, неизбежно должен был привести их к ряду крупнейших и отнюдь не статистических просчетов. Главнейший из них — недооценка возможностей развития сельского хозяйства на базе накоплений (и не только денежных, но и натуральных) самих крестьянских хозяйств, по отношению которых использование накоплений, перераспределяемых через государственный бюджет и кредитную систему, должно играть в весьма большой степени лишь направляющую роль, а не источник, являющийся (как это получается у НКЗ) основным, обеспечивающим возможность дальнейшего развития сельского хозяйства.

Отсюда, отвлекаясь от всех неправильностей в использовании наших расчетов и в производстве собственных расчетов, вытекла и их критика запроектированного нами темпа развития, признание его максимальным, напряженно повышенным и т. п., тогда как он весьма скромен и даже преуменьшен против реальных возможностей, отсюда и требование от государства таких вложений в сельское хозяйство, которые явно нереальны (по крайней мере при той установке на индустриализацию страны, которую не отвергают и наши критики) с народнохозяйственной точки зрения. Чтобы понять всю справедливость последнего нашего положения достаточно привести нижеследующую справку. Государственные капитальные вложения равнялись в первый год пятилетия (1926/27 г.) — 186 м. р., возможная сумма на второй год (1927/28 г.) — около 220 м. р., всего за первые два года около 400 м. р. Таким образом, если принять для всего пятилетия сумму государственных вложений в размере 2,5 млрд. рублей, так как это предлагают наши критики, то на оставшиеся три года падает 2,1 млрд. руб., или в среднем по 700 м. р. в год против 200 м. р. в первые два года пятилетия. При таком положении вещей можно без особых доказательств утверждать, что подобный скачек государственных вложений, помимо всего прочего, нереален уже просто потому, что сельское хозяйство и органы, его обслуживающие, просто не смогут рационально использовать столь значительных сумм.

Мы считаем необходимым, во имя рациональной постановки плановой работы и повышения производительности труда плановых (далеко немногочисленных) работников обратить внимание и на еще одну сторону, связанную с проектированием размеров государственных вложений в сельское хозяйство. Как, возможно, ни мало удовлетворительна и грубо-схематична наша работа по намечению перспектив развития сельского хозяйства вообще и в разделе капитальных вложений в частности, она все же, хотя бы в первом приближении, пытается дать правильную ориентировку о тех народнохозяйственных условиях, в которых будет развиваться в ближайшие годы сельское хозяйство. Проектировки наших критиков не дают даже и этого, они, наоборот, дезориентируют и пытаются уверить себя и других в осуществимости явно нереальной по своим размерам государственной помощи сельскому хозяйству, вместо того чтобы искать способов использования имеющихся внутренних ресурсов в самом сельском хозяйстве, умелое и энергичное использование которых, при определенной, но по крайней мере в два раза меньшей, чем то выдвигают наши критики, направляющей помощи государства, могут и должны обеспечить надлежащее развитие сельского хозяйства.

После того как настоящая статья была сдана в печать, от НКЗ был получен исправленный отзыв на нашу работу. Наиболее существенное отличие по сравнению с первым отзывом имеется в части вложений в сельское хозяйство, что видно из нижеследующих цифр (в млн. руб. за 5 лет):

	Наше исчисление	Исчисление НКЗ	
		1 отзыв	2 отзыв
Безвозвратные расходы.	698	988	1.251
Кредит	777	1.718	1.749
Итого государственных средств	1.435	2 716	3.000
Средств населения . .	1.975	3.640	1.800—2.000
Всего	3.410	6.346	4 800—5.000

Приводимые цифры несколько изменены, по сравнению с даваемыми нами и НКЗ, для придания им вполне сопоставимого вида: наша цифра уменьшена на количество прочих расходов (250 м. р.) и увеличена на сумму вложений по статье индустриализации, проходящих по торговле (90 м. р.), а цифры НКЗ уменьшены на сумму расходов по лесному хозяйству (196 м. р.)

Разницу между двумя исчислениями НКЗ нельзя назвать иначе, как грандиозной. Вложение государственных средств в сельское хозяйство НКЗ в своем новом расчете увеличивает еще больше — почти на 300 млн. рублей,— доводя их до 3 млрд. рублей, уменьшая одновременно вложения самого населения на 1.600—1.800 млн. рублей, или почти вдвое!

Таким образом, наше утверждение о внутренней неувязке первого расчета НКЗ оказалось вполне правильным. При более тщательной проработке вопроса о вложениях НКЗ сам пришел к правильному сочетанию вложений государства и населения. Разница получилась весьма радикальная. Если по нашему расчету и по первому расчету НКЗ получалась, примерно, одна и та же картина — на рубль государственных вложений приходилось 1 р. 38 к.—1р. 34 к.

вложений населения, то по второму расчету НКЗ на рубль государственных вложений приходится лишь 60—66 к. вложений населения.

Самое удивительное в изменении суммы вложений населения сводится к тому, что, несмотря на радикально меняющийся характер всего исчисления, НКЗ в своем отзыве ни одного предложения, связанного с дальнейшим развитием, ни сельского хозяйства, ни народного хозяйства в целом не меняет. Получается такое впечатление, что какая бы сумма вложений самого населения в мероприятия, проводимые государством, не проектировалась, размеры ее на остальных элементах плана не отражаются. Вплоть до того, что если НКЗ, увеличивая сумму вложений населения до 3,5—4 млрд. рублей с 2 млрд. рублей, предлагавшихся нами, одновременно предлагал для увеличения крестьянских накоплений снизить цены на промтовары в значительно большей степени, чем то проектировалось в работе Госплана (на 25—30% вместо 17%), то такое же снижение предлагается им и в настоящее время, с одновременным уменьшением вложений в промышленность. Какие при этом создадутся условия эквивалентного обмена между городом и деревней и не создастся ли в результате подобных мер еще более сильный товарный голод, чем это было, например, в 1925/26 г., — подобных вопросов НКЗ, судя по отзыву, перед собой даже не ставит.

Для об'яснения цифр государственных вложений, выдвигаемых НКЗ, можно предположить лишь одно — это есть чисто ведомственная заявка, не учитывающая народнохозяйственных условий развития сельского хозяйства, исходящая из соображения о полезности большого запроса — чем больше запросишь, тем легче будет отстоять какой-то минимум.

Но если к расчетам НКЗ подойти без подобного рода предположений, то ничего, кроме категорического признания их безусловной оторванности от реальных возможностей, сказать о них нельзя. Нереальность своих расчетов должен почувствовать и сам НКЗ, тем более, что второй отзыв составлялся уже после того, как примерные размеры государственных вложений на второй год пятилетия (1927/28) были им самим отчасти уже проработаны в размерах, абсолютно не соответствующих цифрам на все пятилетие.

Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем[1,2]

I. Общая постановка проблемы

1. Конечной задачей настоящего очерка является определение вероятной тенденции в движении урожайности зерновых хлебов в течение ближайших 10—15 лет. Но хотя цель исследования состоит в прогнозе будущего,— центром нашей работы служит изучение эволюции урожайности в прошлом. Это станет понятным, если мы поставим вопрос о существе нашего прогноза и о методах, при помощи которых возможно его осуществить.

2. Изменение урожайности во времени, как и всякого экономического феномена, можно разбить на три основных компоненты: 1) вековая тенденция или плавный эволюторный уровень (secular trend, general trend); 2) циклические колебания (правильные волнообразные) и, наконец, 3) случайные. К последней группе принадлежат и неправильные циклические колебания (осцилляторные). Если мы изучаем помесячное движение, то к этим компонентам присоединяется еще четвертая слагающая — сезонные колебания, которые в нашем случае исследования — годичной динамики — отсутствуют.[3]

---

[1] В порядке обсуждения. Ред.

[2] Настоящая статья представляет собой очень сокращенное изложение работы, произведенной автором в Кабинете статистики Научно-исследовательского института с.-х. экономики по поручению С.-х. секции Госплана РСФСР и Госплана СССР для генерального плана. Большие счетные работы для исследования произведены в значительной части Б. Ц. Урланисом. По техническим соображениям мы, к сожалению, вынуждены отказаться от помещения многочисленных табличных приложений и значительно сократить число графиков. Авт.

[3] Отчетливое разграничение указанных компонент см. в ряде работ англо-американской математико-статистической школы, в частности у G. Udny Yule, „On the Time — correlation Problem with Especial Reference to the variate difference“ Journal Stat. Soc. Iuly 1921. Vol. LXXXIV. По вопросу об осцилляторных колебаниях см. интересную статью H. L. Moore в „The Quarterly Journal of Economic“, vol. XLI, 1926 г. № 1. Первая компонента — вековая тенденция, — по мнению некоторых исследователей, заключает в себе еще одну составляющую — большие циклы с периодом в 50—60 лет (см. Н. Кондратьев, „Большие циклы конъюнктуры“, „Вопросы конъюнктуры“, т. I, вып. I, 1925 г.). Отметим, что некоторые из авторов, признающих большие циклы, повидимому, не отличают их от вековой тенденции, сознательно включая эти циклы в понятие вековой тенденции (напр., Aftalion, March, Röpke и др.). Для исследуемого нами феномена урожайности и для сравнительно короткого периода времени разделе-

3. Теория кон'юнктурных колебаний занимается, главным образом, изучением циклических колебаний. Менее интересуют исследователя сезонные колебания, как самостоятельный об'ект изучения.[1] В области исследования русской урожайности до сих пор изучали большей частью связь между случайными (погодными) колебаниями урожайности и метеорологическими факторами, как причинами этих случайных погодных отклонений от какого-то эволюторного уровня.[2] Проблема изучения самого уровня ставилась значительно реже.[3]

4. Равным образом постановка проблемы экономического прогноза относилась до сих пор лишь к предвидению циклических кон'юнктурных колебаний, либо предвидению случайных (или осцилляторных колебаний). К этому сводилась и теоретическая постановка и практическое осуществление проблемы прогноза.[4]

5. В настоящем очерке речь идет об определении плавного или эволюторного уровня урожайности. Нахождение этого уровня вовсе не предрешает движения урожайности по найденной кривой, поскольку на нее будут наслаиваться другие компоненты. С другой стороны, прогноз развития общего уровня является неот'емлемой

ние этих двух слагающих представляется, вообще говоря, излишним, даже если бы такое разделение и было теоретически бесспорно. Мы здесь оставляем также без рассмотрения вопрос о том, существуют ли реально указанные компоненты или же это только абстракция, удобная точка зрения для теоретического научного исследования, так как тот или другой ответ на него не может воспрепятствовать постановке проблемы в указанном выше разрезе.

[1] Изучение сезонных колебаний стало лишь в самое последнее время предметом самостоятельного изучения. Обычно сезонные колебания находятся для того, чтобы их затем исключить (см. некоторые иностранные работы по этому вопросу в нашей статье: „Статистические (кон'юнктурные) институты Германии, Италии и Франции", журн. „Вестник Статистики", кн. XXIV, М. 1926 г.). Также в СССР сезонные колебания различных элементов народного хозяйства подвергаются самостоятельному изучению (работы И. Н. Леонтьева, Земблинова, Г. Геллера и А. Совалова).

[2] См. многочисленные работы В. М. Обухова и Б. С. Ястремского, напечатанные в журнале „Вестник Статистики" за 1921—26 гг., а также отдельные оттиски работ В. Обухова в издании ЦСУ, статью В. Обухова в сборн. „Проблемы урожая" (М. 1926 г.) и ряд других. Многочисленные работы этого типа мы встречаем и в англо-американской литературе.

[3] Этой проблемы — эволюции урожайности — касался А. Ф. Фортунатов в своей монографии „Урожаи ржи в Европейской России", М. 1893 (гл. IV). В новейшее время этот вопрос поставлен был В. Обуховым в его статье „Эволюция урожайности ржи за период 1883—1915 гг. в Европейской России", журн. „Вестник Статистики", кн. XV, М. 1923 г. и в недавно опубликованой работе „Движение урожаев зерновых культур в Евр. России в период 1883—1915 гг." в сбор. „Влияние неурожаев на народное хозяйство России", ч. I, М. 1927 г. Этих работ мы еще не раз коснемся в дальнейшем изложении.

[4] По вопросу о типах и методах экономического прогноза и о периодичности тех или других явлений, см. нашу работу: „Урожай, метеорологические и экономические циклы, проблема прогноза". Сборн. „Проблемы урожая". М. 1926 г. (есть отд. оттиск), где дана также и частичная сводка русской и новейшей иностранной литературы по этому вопросу.

частью прогноза вообще, ибо без этой части даже знание движения двух других компонент не может дать полного знания будущего.

6. Эволюционное движение социальных феноменов обусловлено, вообще говоря, рядом факторов, изменяющихся не волнообразно а поступательно: рост населения, развитие производительных сил страны, процесс дифференциации районов и усиления разделения труда, повышение уровня потребностей, развитие культуры,— все эти моменты оказывают непрерывное воздействие в одну сторону и вызывают постоянное изменение в определенном направлении.[1] В области урожайности этот плавный уровень определяется изменением моментов культурного порядка: распашкой новых земель, землеустроением, развитием и улучшением техники обработки, улучшением почвы, рационализацией и интенсификацией сельского хозяйства и т. д., в то время как осцилляторные или случайные колебания следуют изменениям метеорологических факторов. В общем можно присоединиться к формулировке Б. С. Ястремского (несколько смягчивши категоричность формулировки), что „культура и погода резко ограничили сферы своего влияния. Культура создает весьма плавный, не волнообразный уровень урожайности. Погода же порождает беспорядочные, случайные отклонения от этого уровня.[2]

7. Методы определения плавного уровня для данного эмпирического ряда сводятся в общем к двум: 1) методу аналитического выравнивания (метод наименьших квадратов) и 2) методу механического выравнивания.[3] Выбор метода определяется целями исследования. Современные англо-американские исследователи кон'юнктуры народного хозяйства (business cycles, business conditions) находят плавный уровень с тем, чтобы его затем исключить для получения

[1] Мы здесь не исследуем вопроса о том, какие феномены суть основные причины, а какие являются производными от этих основных движущих сил развития всякого общества.

[2] „Средний уровень русских урожаев и солнечные пятна". „Вестник Статистики", кн. XII. М. 1923 г. Категоричность формулировки необходимо смягчить, ибо, с одной стороны, метеорологические факторы изменяются, вероятно, не только случайно. Здесь констатируется рядом исследований (E. Brückner, H. Moore и др.) периодичность, в тайну которой мы еще не проникли. Метеорологические факторы обнаруживают также большие циклы, которые, таким образом, влияют на плавный уровень. С другой стороны, чем выше плавный уровень, тем менее резки должны быть случайные колебания, ср. аналогичное замечание Андерсона в его работе „О методе последовательных конечных разностей" (Variate — Difference Method), Сборник статей, посвященных П. Б. Струве. Прага. 1925 г., стр. 10—11. Таким образом, плавный уровень, а следовательно, и культурный фактор, его обусловливающий, может оказывать влияние на беспорядочные колебания.

[3] Особо отметим метод H. L. Moore, применившего для определения эволюторной тенденции индекса цен Sauerbeck'a ряд Fourier (См. H. L. Moore, „Generating Economic Cycles", Нью-Йорк, 1923 г.). Мы подробно коснулись этого вопроса в упомянутой нашей работе об урожае и циклах, а также в статье, посвященной теории H. Moore (Альб. Вайштейн, „Новая теория экономических циклов", „Вопросы Кон'юнктуры", № 1. М. 1925 г.).

в чистом виде случайных, либо случайных + циклических колебаний.

8. Метод механического выравнивания (во всех его разновидностях) достаточно произволен, и он может быть применяем лишь там, где этот плавный уровень сам по себе не является целью исследования. Кривая плавного уровня, полученная по методу механического выравнивания не имеет ни экономического, ни логического смысла. Произвольность механического выравнивания ясно видна при углублении и развитии идеи, положенной в основу этого метода, что и сделано американским статистиком King'ом, предложившим заменить нахождение и исчисление плавного уровня графическим выравниванием (проведением от руки плавного уровня). [1]

9. Но и метод аналитического выравнивания в достаточной мере произволен. Доказательство того, что выбранный тип кривой подходит к данному эмпирическому материалу и, следовательно, отображает плавный уровень ряда, обосновывают либо математически (Б. С. Ястремский, В. М. Обухов, В. А. Базаров), либо интуитивно-графически. [2]

Ни в том, ни в другом случае прогноз плавного движения, в виде экстраполяции данной кривой ни логически, ни математически не является допустимым. [3] Логическое содержание понятия эволюторного („векового") уровня не ясно, ибо его форма меняется

---

[1] См. статью W. W. King'a „Journal of the American Statistical Association", сент. 1924 г., т. XIX. („An improved method for measuring the seasonal factor")

[2] См. Б. С. Ястремский, „Теория изменяемости статистических рядов". „Вестник Статистики", № 1—4 за 1920 г. М. „Косвенный метод определения устойчивости или изменяемости статистических рядов". „Вестник Статистики", № 4—7 за 1919 г. М.

Эти две статьи дают определение плавного уровня (под которым можно подразумевать и временной уровень), применяя в качестве критерия расхождение среднего квадрата отклонений данного ряда от выбранного уровня и среднего теоретического значения квадрата отклонений.

Далее: „Выявление периодически изменяющегося уровня статистического ряда". „В. С.", кн. XIII, № 1—4 за 1923 г.

И, наконец, последняя работа „О связном анализе статистических рядов" („В. С.", кн. XXIII за 1925 г. М. В последней работе Б. С. Ястремский указывает на „неизбежность прослеживания той последовательности, с которой сокращается средний квадрат отклонений при постепенном повышении порядка параболы" (положенной в основу плавного уровня. А. В.).

В. М. Обухов. „К вопросу о нахождении уравнения регрессии, удовлетворяющего эмпирическому статистическому ряду". Статьи в „В. С." и отдельная брошюра. М. 1925. (Изд. ЦСУ).

В. А. Базаров. „Кривые развития капиталистического и советского хозяйства". (Журн. „План. Хоз." №№ 4, 5 и 6 за 1926 г.). В. А. Базаров полагает, что если отклонения от выбранной эволюторной кривой располагаются по нормальной кривой Гаусса, то это могло бы послужить достаточно надежным критерием правильности выбранной кривой (см. „План. Хоз.", № 5, стр. 77).

[3] Подробно об этом см. упомянутую нашу работу „Урожай, экономические и метеорологические циклы, проблема прогноза", гл. X, стр. 96—97 в сборн. и стр. 48—49 отд. оттиска.

в зависимости от цифр взятого эмпирического ряда и длины последнего.

10. Гораздо реже в основу построения плавного уровня кладется какой-либо закон развития данного феномена, полученный дедуктивным путем, или гипотеза, принятая на основании некоторых теоретических предпосылок или априорных предположений, проверяемых затем на эмпирическом материале. Такой закон или гипотеза представляется обычно в виде простейших алгебраических или трансцендентных функций: прямая линия (постоянный прирост), парабола 2 порядка (постоянная скорость изменения прироста или постоянное ускорение), парабола 3 порядка, [1] гипербола, [2] показательная кривая, синусоида и тригонометрические функции (гармонические колебания). [3] Часто выбор функции при изучении явлений социальных производится по аналогии с некоторыми физико-химическими процессами, для которых кривая развития уже установлена в соответствующих областях знания. [4]

---

[1] Парабола 2 и 3 порядка применяется в технике и в ряде физических явлений. По мнению В. П. Горячкина, тип кривой развития по параболе 3 порядка универсален и может быть применен к ряду явлений физики, а также других областей знания (см. его статью „Общая схема явлений" в „Научно-агрономическом журнале", № 1 за 1924 г.).

[2] Уравнение гиперболы применяется иногда в технике (водяная турбина), в теории вероятностей (положение D. Bernoulli о том, что предельная полезность (нравственное значение) определенной части дохода обратно пропорционально всему доходу, приводит к уравнению $yx = K$, где K есть полная полезность всякого дохода — постоянная величина, x — размеры состояния индивида, а y есть предельная полезность (нравственное значение) рубля для него. Гипербола может быть применена также при рассмотрении кривой подоходного налога (ср. Mario Marsili Libelli. Per l'imposta progressiva. Florence, 1903). В одной еще неопубликованной работе (Н. С. Моисеева), относящиеся к железнодорожному хозяйству довоенной России, с которой мы ознакомились в рукописи, величины поверстного эксплоатационного расхода, не зависящего от движения и величины поверстного расхода, зависящего от движения, по 16 различным жел. дорогам хорошо обобщаются уравнением гиперболы. Реже уравнение гиперболы встречается при изучении временных рядов.

[3] Наиболее распространен до сих пор выбор, в качестве плавного уровня, показательной кривой. Уравнение показательной кривой может быть взято с положительным знаком в показателе ($y = ab^x$), напр., при изучении явлений народонаселения (ср. G. Udny Yule. „An introduction of Statistics", London, 1922, глава VII) и может быть взято с отрицательным показателем ($y = ab^{-x}$). В последнем виде брал уравнение В. А. Базаров для движения эмиссии при восстановительном процессе, где x обозначает время (см. его статью „О восстановительных процессах вообще и об эмиссионных возможностях в частности", журнал „Экономическое Обозрение", январь 1925 г.). Этот же тип кривой применим, по мнению указанного автора, к ряду элементов народного хозяйства в период так наз. „восстановительного процесса". По мнению В. А. Базарова экономически нормальным (курсив автора) типом эволюции для физического об'ема продукции (а также товарооборота, денежного обращения, кредитных операций и т. д.) является показательная кривая с положительным показателем („План. Хоз.", № 5, стр. 85—87).

[4] См., напр., работу проф. Щукарева: „Термодинамика и кинетика общественных процессов", журн. „Наука и Техника", № 5—6, Одесса, 1925, где для процесса брачевания или насыщения емкости рынка данным товаром применяется формула

Если в основу плавного уровня для данного эмпирического ряда положена теоретическая кривая, выражающая закон развития, то экстраполяция здесь возможна, но только в том случае, если не только закон развития (тип кривой), но и форма и положение кривой (ее параметры) остаются неизмененными в будущем.

11. Для урожайности нельзя говорить о каком-то теоретически мыслимом развитии урожайности. Из простейших функций наиболее пригодной для изображения эволюции урожайности может служить либо прямая линия, предполагающая постоянный прирост урожайности (в пудовом выражении), либо парабола 3 порядка (выпукло-вогнутая по отношению к оси абсцисс—времени—кривая), предполагающая развитие урожайности сначала с развивающейся скоростью под влиянием положительного ускорения, а затем к концу явления с убывающей скоростью под влиянием отрицательного ускорения [1]. По этим двум кривым (в подавляющем большинстве случаев по прямой) мы и производили выравнивание эмпирических рядов урожайности для довоенного периода. Наоборот, было бы неправильно брать для выравнивания урожайности показательную кривую, предполагающую постоянный относительный рост (рост урожайности по сложным процентам), поскольку имеет место все же истощение производительных сил почвы. Однако, нельзя предполагать, что полученные плавные уровни действительно отвечают какому-то закону развития, имманентному данному феномену.

Исходя из изложенного выше, следует, что в нашем исследовании мы не имеем права на экстраполяцию кривых плавных уровней урожайности, полученных для довоенного периода.

12. Второй случай прогноза плавного уровня исследуемого феномена мог бы иметь место, если бы мы знали (или предположили) будущее развитие других явлений, связанных с исследуемым причинной (или функциональной) связью, при условии, что характер этой связи между параметрами плавных уровней нам известен. Зная связь между изучаемым явлением и образующими его факторами и зная будущее движение последних, мы могли бы теоретически наметить и будущее развитие интересующего нас явления. В нашем случае для этого необходимо знать связь между всеми факторами, обусловливающими динамику урожайности, и увеличением сбора на единицу площади, с одной стороны, и будущее развитие всех этих факторов — с другой. Этого будущего движения всех урожайнообразующих факторов мы дать не можем. Если бы и могли его запроектировать, то остался бы неизвестным массовый результат воздействия совокупности изменения этих факторов, хотя бы и было возможно учесть по данным опытных станций результаты применения каждого отдельного агрикультурного мероприятия в данном небольшом районе.

13. Таким образом, ни один из методов научного прогноза на самом деле не может иметь места. Вычисляемый для прошлого уровень урожайности представляет, по существу, движение сводной статистической величины, расчленить которую и выяснить удельный вес различных факторов, ее произведших, не представляется возможным. Поэтому прогноз будущего движения эволюторного уровня может быть разрешен лишь при внимательном изучении как тенденций эволюции урожайности в прошлом (в довоенный период), так и совокупности факторов, ее обусловивших. Учитывая возможные приблизительные изменения опять-таки всей совокупности условий в благоприятную или неблагоприятную сторону, можно высказать, в порядке экспертной оценки, предположения о направлении будущего изменения урожайности и о порядке величины этого изменения. Наши ориентировочные указания будут тем ближе к действительному движению урожайности, чем в более общей форме они будут даны, так как в этом случае отклонения могут взаимно компенсировать друг друга (для всего СССР и группы культур ориентировка будет точнее, чем при прогнозе для районов или отдельных культур).

II. Общее движение урожайности зерновых хлебов в XIX веке

Для получения представления об общей эволюции урожайности зерновых хлебов за достаточно длительный срок имеются в литературе материалы, собранные А. Ф. Фортунатовым в его книге и В. Г. Михайловским.[1]

Данные А. Фортунатова основаны на конкретных записях урожайности в отдельных хозяйствах и восходят к 1800 году. Но число записей у него в первые тридцать лет исчисляется единицами, а затем непрерывно растет, не представляя собой таким образом вполне сопоставимый во времени ряд. Ряд этот обнаруживает следующую динамику в XIX столетии:

Десятилетия	Число всех записей за десятилетие	В среднем по Евр. России в четвертях с дес.
1800—1809	24	8,1
1810—1819	49	6,9
1820—1829	79	6,7

насыщения раствора в физической химии. Аналогичную постановку проблемы находим у Г. Прокоповича „—К вопросу о методах изучения массовых явлений, подвергающихся непрерывному изменению“ (журн. „Вестник Статистики“, кн. XXIV, М. 1926). Априорные формулы применяются и в лесной таксации (ср. Г. Турский, „Очерки по теории прироста“, М. 1925).

[1] По параболе 3 порядка производили мы выравнивание урожайности (и посевной площади) хлопка в другой работе. См. А. Л. Вайнштейн, „Исследование тесноты взаимной связи между ценой, валовым сбором, урожайностью и посевной площадью хлопка в С.-А. С. Ш. М. 1924.

[1] А. Ф. Фортунатов, „Урожай ржи в Евр. России“. М. 1893. Гл. IV. Ряд В. Михайловского опубликован в „Бюллетене ЦСУ“, № 50 за 1921 г.

Десятилетия	Число всех записей за десятилетие	В среднем по Евр. России в четвертях с дес.
1830—1839	249	6,4
1840—1849	361	6,6
1850—1859	457	6,4
1860—1869	824	6,7
1870—1879	2.414	7,5
1880—1889	7.603	7,4

Если отвлечься от первого десятилетия, где число показаний ничтожно (2—3 в год), и высокая цифра легко могла быть случайной, то мы можем констатировать стабильность и даже небольшое падение урожайности за полвека, предшествовавшие падению крепостного права, а затем небольшой под'ем за последующее тридцатилетие (1860—1889 гг.). Средние по тридцатилетиям дают такую картину:

Годы	Средний урожай с десятины в четвертях
1800—29	7,24
1830—59	6,48
1860—89	7,20

Мы видим, что за тридцатилетие, следующее за падением крепостного права, урожайность в среднем возросла всего на 0,72 четв. с десятины, или на 11,1%, что дает совершенно ничтожный годовой прирост.

Более значительный прирост получим, если сопоставим десятилетия 1850—59 гг. и 1880—89 гг. При этом сравнении средне-геометрический ежегодный прирост составит около 0,5%. Сопоставление других десятилетий или более длительных периодов дает меньшие коэффициенты.

Другой источник — ряд В. Михайловского—охватывает период в 115 лет (1801—1915 гг.) и основан до 1882 г. на данных губернаторских отчетов, а с 1883 г. на сведениях Ц. С. К.[1] и дан в „самах“ (см. диагр.). Поскольку могла меняться и менялась густота высева, этот ряд принципиально более пригоден для длительного сравнения).[2] Цифры губернаторских отчетов, в целях сравнимости их с позднейшими данными Ц. С. К., повышены были В. Михайловским на 6,3%, сообразно разнице в урожаях ржи за 1883—1889 гг. для 50 губ. Евр. России по данным А. Фортунатова.[3]

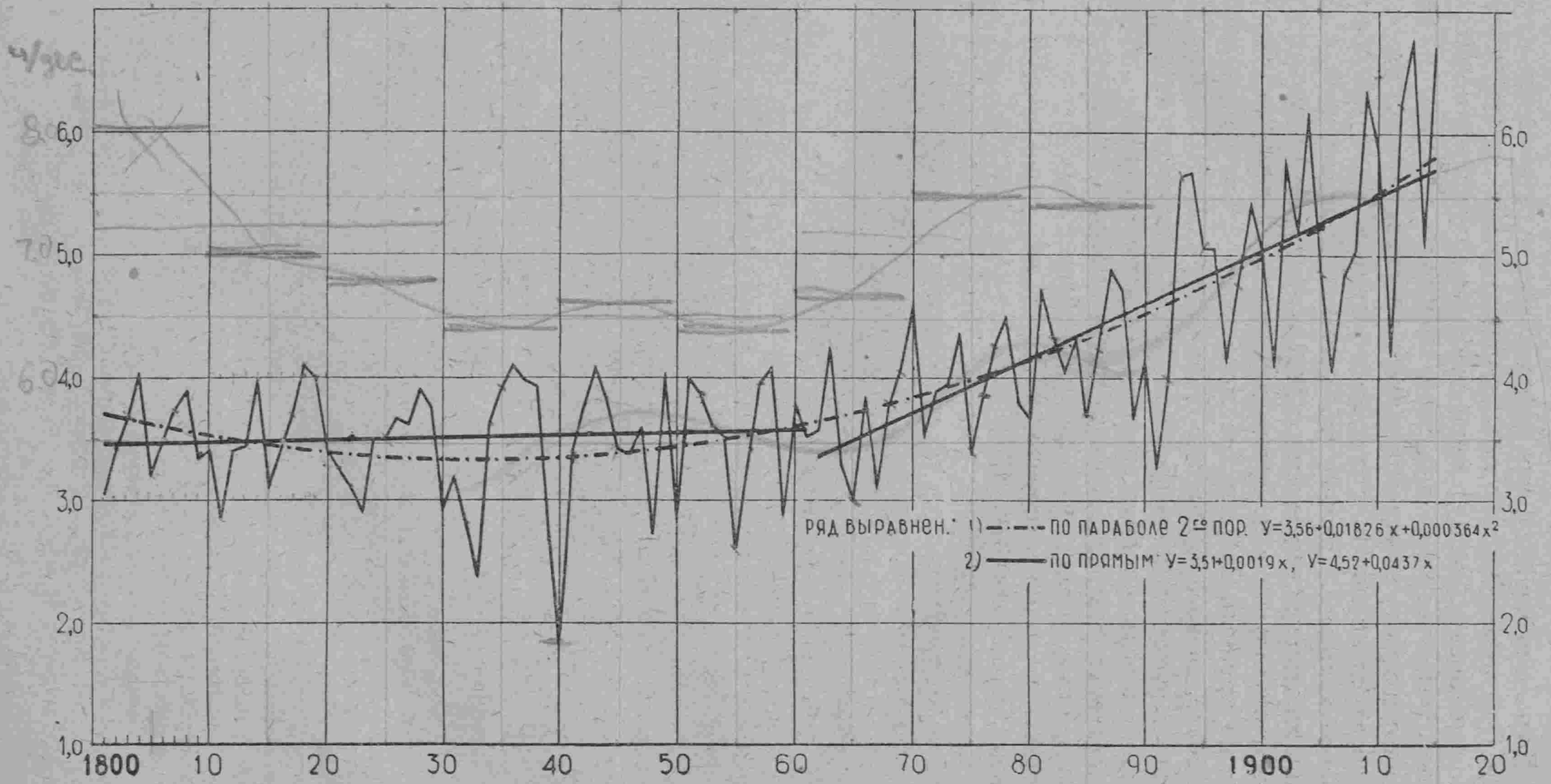
[1] За годы 1814—25, 28, 29, 1831 и 32 урожаи оценены В. М. приблизительно по словесным характеристикам бывшего М. В. Д. За 1867—69 гг. урожаи 60 губ. вычислены по неполным данным.

[2] Вопреки мнению Н. М. Виноградовой, „Русская урожайная статистика“. „Вестник Статистики“, кн. XXIV, стр. 51.

[3] Собственно говоря, повысить нужно было бы не на 6,3%, а на 7,2%, ибо такой коэффициент получается по данным А. Ф. Фортунатова (op. cit., стр. 46). Для 1840, 42 и 43 года мы приняли поправки М. Семенова, на основании данных А. Фор-

Динамика урожайности зерновых хлебов в России с 1801 по 1915 гг.

(Урожайность в „самах")

Данные губернаторских отчетов, конечно, далеки от безупречности. По словам Фортунатова, „губернаторские отчеты давно уже имеют невысокую, может быть даже незаслуженно низкую репутацию“.[1] Но все-таки для характеристики динамики и представления о порядке изменения цифр урожайности—этими данными пользоваться можно. К этому склоняется и В. Михайловский, по мнению которого „данные об урожаях, собиравшиеся в России административными органами с 1802 г., ближе к истине, чем обычно думают статистики и пригодны для цифровой характеристики урожаев по крупным районам (не менее 4—5 губерний в каждом)“.[2] Тем более, следовательно, это относится к данным по всей Евр. России. Другой возможный упрек ряду В. Михайловского — неоднородность охватываемой территории (и даже культур) — все-таки не препятствует нам пользоваться этими данными для самой общей характеристики темпа развития урожайности, поскольку этот ряд относится в общем к территории 50—60 губ. Евр. России и, главным образом, к урожаям ржи.

Если мы выравняем ряд В. Михайловского по параболе 2 порядка, то получим следующее уравнение плавного уровня, изображенного также на диаграмме, на ряду с эмпирическим (см. стр. 89),

$$y \text{ (урожайность в самах)} = 3{,}56 + 0{,}01826x + 0{,}00036422x^2 \quad (1)$$

где x обозначает число лет, с началом координат в 1858 году.[3] Анализ этого уравнения показывает, что минимум этой функции — плавного уровня — приходится приблизительно на 1833 г., после чего урожайность повышается, сначала, до освобождения крестьян, чрезвычайно медленно, а затем на конце кривой более быстро. Но плавный уровень в конце периода загибается очень быстро вверх, значительно уходя от эмпирической кривой, что об'ясняется методом ее построения — одна и та же кривая для всего периода, неоднородного по темпу под'ема урожайности в начале и конце. Если разбить весь период в 115 лет на две естественные части: период до 1861 г. включительно и с 1862 по 1915 гг., то получим следующие плавные уровни изменения урожайности (в самах):

1801—1861 гг. вкл. $y = 3{,}508 + 0{,}001{,}93x$; $x=0$ в 1831 г. (2)
1862—1915 „ „ $y = 4{,}523 + 0{,}043{,}7\ x$; $x=0$ для момента между 1888 и 1889 гг. (3)

тунатова, к ряду В. Михайловского (см. „Вестн. Стат.“, кн. XI). Нужно отметить, что поправка М. Семенова для 1843 г. является очень спорной, но мы ее оставили, так как на уровне плавной кривой принятие или непринятие этой поправки не отражается.

[1] Ibid., стр. 48.

[2] Бюллетень ЦСУ, № 50. См. также сопоставление данных всеподданнейших отчетов и Ц. С. К., произведенное А. Фортунатовым за 1883—89 гг., показывающее весьма сходную динамику этих двух рядов данных.

[3] Уравнение плавного уровня мы вывели сами, и оно заметно отличается от уравнения М. Семенова (см. указанную статью), хотя основной эмпирический ряд один и тот же. Повидимому, в исчисления М. Семенова параметров уравнения вкрались существенные погрешности.

Совокупность этих двух плавных уровней достаточно близко подходит к нашей эмпирической кривой, что ясно из диаграммы (см. стр. 89).[1] Между тем, эти уравнения свидетельствуют, что в первую половину XIX столетия прирост плавного уровня урожайности почти незаметен, и он замечается лишь во вторую половину, где он достигает заметной величины в 0,044 сама, что составляет немного менее 1% к среднему уровню за весь период. Перед войной этот процент плавного прироста, вследствие повышения к тому времени абсолютного уровня урожайности, составлял по этим же данным около 0,8%.

Анализ данных как В. Михайловского, так и А. Фортунатова, приводит к довольно идентичной общей динамике: стабильность или весьма ничтожный под'ем урожайности в первую половину века и более быстрый во вторую половину, после падения крепостного права. Но в определении темпа этого прироста наши источники дают несколько отличные результаты.

Если брать данные А. Фортунатова, то этот ежегодный прирост за тридцатилетие после падения крепостного права составил, как мы видели выше (по средне-геометрическому приросту), цифру менее 0,5%.[2] По данным В. Михайловского этот % ежегодного плавного прироста несколько выше.

Если брать первоначальную параболу 2 порядка, то ежегодный прирост в первое двадцатилетие после освобождения крестьян выразился в 0,8%, по этим же данным прирост до падения крепостного права выражался около 0,3% достигнутого плавного уровня. Таким образом, увеличение прироста урожайности после падения крепостного права выразилось по этим данным примерно в 0,5% к уровню.

Если же взять за плавный уровень совокупность двух прямых, то здесь ежегодный прирост плавного уровня во второй части рассматриваемого периода, как мы указали выше, составил около 1%

Отметим попутно, что вычисленный за длительный период средний уровень может дать ответ и на вопрос о вероятности той или другой комбинации урожайных и неурожайных лет, что имеет и некоторое практическое значение. Так, например, комбинация, в которой урожайность была выше среднего уровня четыре года сряду, встречалась после 1851 г. только один раз (четырехлетие, начинающиеся 1893 г.), а за все 115 лет семь раз. Четырехлетие, в котором урожайность четыре года сряду была средней или выше средней, имели место за шестидесятилетний промежуток времени перед войной всего два раза (четырехлетия, начинающиеся с 1881 г. и 1893 г.). Принимая во внимание, что 1925, 26 и 27 гг. дали урожай выше среднего или средний, легко вычислить вероятность того, что в 1928 г. урожайность зерновых хлебов будет средней или выше средней, если считать, что условия, определявшие до войны годичную колеблемость урожайности, не смогли еще значительно измениться.

[1] Среднее квадратическое отклонение точек эмпирической кривой от параболы 2 порядка (уравнение 1) = 0,0546, среднее квадратическое отконение от совокупности двух прямых (уравнения 2 и 3) составляет 0,0549.

[2] Сопоставляя 1850—59 и 1880—89 гг.

(ср.-арифметическая норма прироста).[1] Если принять во внимание слабый прирост до 1861 г., то мы получим, что после падения крепостного права среднее ежегодное дополнительное повышение плавного уровня выражалось около 0,9%. Но было бы неправильно все это повышение считать за действительное повышение урожайности. Ряд В. Михайловского выражен, как указывалось, в самах. Между тем, за рассматриваемые 115 лет происходил процесс перемещения хлебных культур из нечерноземных губерний в черноземно-степную полосу, где урожаи, выраженные в самах, были выше, нежели в нечерноземной. Так, по данным А. Фортунатова, мы имеем:[2]

	В самах	В четвертях
25 нечерноземных губ. . .	4,24	4,86
25 черноземных „ . .	4,90	4,44

Урожай в черноземной полосе абсолютно ниже, но так как там высев меньше, то в самах он оказывается больше. Если происходила передвижка посевов из нечерноземных губерний в черноземные, то, следовательно, должен был бы за этот счет увеличиться урожай в самах. Поэтому часть повышения плавного уровня урожайности, по данным В. Михайловского, нужно приписать не действительному росту, а видимому росту урожайности, вызванному указанным процессом. Отметим, что исследование кривых отдельно по черноземной и по нечерноземной полосе за период 1855—1886 гг., по тем же данным В. Михайловского,[2] показывает, что прирост урожайности происходил более быстрым темпом в черноземной полосе. Так, выравнивая эти данные по прямой линии, мы получаем следующие плавные уровни за 1855—1886 гг. (в самах, 1871 г. принят за начало координат):

По нечерноземной полосе . . . . . $y = 3{,}47 + 0{,}01506\ x$
„ черноземной „ . . . . . $y = 4{,}04 + 0{,}02832\ x$

Прирост по черноземной полосе в самах оказывается почти в два раза больше по абсолютной величине, нежели по нечерноземной. Средний (арифметический) процент прироста по нечерноземным губерниям составляет за этот период 0,43%, а по черноземным — 0,7%.[1]

[1] Так как ежегодный абсолютный прирост уровня мы считаем одинаковым (при плавном уровне в виде прямой линии), а сам уровень с течением времени повышается, то норма прироста, выраженная в %% к достигнутому уже уровню, все время падает. Средне-арифметическая величина, вычисленная из полученных таким образом ежегодных норм прироста, даст средне-арифметическую норму. Здесь и в дальнейшем мы средне-арифметическую норму прироста получаем иначе, путем отнесения ежегодного абсолютного прироста урожайности к средней урожайности за весь рассматриваемый период (отношение двух параметров уравнения прямой уровня), что не одно и то же, но практически дает достаточно близкие величины.

Таким образом, фактическая норма прироста плавного уровня в начале рассматриваемого периода будет больше, а в конце меньше, нежели средне-арифметическая норма прироста для всего периода, в отличие от средне-геометрической нормы, где норма прироста (по отношению к достигнутому уровню) всегда предполагается постоянной, а абсолютный прирост, следовательно, изменяющимся соответственно изменению уровня.

[2] Ibid, стр. 78.

Весь анализ данных за длительный период мы вели в настоящей главе для выяснения роли в под'еме урожайности такого огромного по своему значению социального факта, как раскрепощение крестьян. Несомненно, что это событие должно было стимулировать под'ем урожайности, ибо крестьянин стал более заинтересован в результатах своего труда, что, естественно, должно было повести к улучшению обработки земли и стремлению к оптимальному использованию имевшейся земли, труда и капитала. Но были и экономические причины этого под'ема. Те отрывочные данные о движении цен на хлеб, которые дошли до нас, показывают, что в общем период после падения крепостного права характеризуется в отношении цен повышательной тенденцией, вплоть до середины 70-х годов.[2]

Наоборот, цены до падения крепостного права были в общем низки. Литература 20-х, 30-х и 40-х годов полна жалоб на низкие цены. В урожайные годы хлебные цены сильно падали, значительно повышаясь лишь в случае неурожаев. В 1826 г. Академия Наук об'явила даже конкурс о причинах понижения цен земледельческих продуктов (ср. П. Б. Струве, „Крепостное хозяйство". М. 1913 г. гл. XII). Причины низких цен, а также резкой колеблемости цен лежали в ограниченности рынка для сбыта, вследствие отсутствия путей сообщения. При низких ценах на хлеб представлялось невыгодным вложение капиталов и дополнительного труда с целью увеличения производительности земли тем более, что увеличение продукции могло быть достигнуто расширением с.-х. производства на прежнем техническом базисе,т.-е. увеличением запашки. Этим же об'ясняется и разочарование в плодосменной системе, которой увлекались помещики начала XIX столетия и которая начала падать уже в 30-х годах, снова заменяясь экстенсивным зерновым хозяйством.[3]

[1] Эти результаты не совпадают с выводами А. Фортунатова (op. cit., стр. 91) и Грасса, „Страхование сельскохоз. посевов от неурожая". Но выводы указанных авторов мало убедительны по методам сопоставления и малочисленности данных.

[2] См. данные в издании „Временник Ц. С. К. Мин. Вн. Д." за 1889 г., № 5. Равным образом сильный рост обнаруживают экспортные цены на хлеба, как то можно судить из следующей таблички:

Средние цены в руб. за пуд в среднем за пятилетие

	1861—65	1866—70	1871—75	1876—1880
Рожь	0,58	0,67	0,77	0,93
Пшеница	0,77	0,83	1,05	1,25
Овес	0,54	0,58	0,70	0,84
Ячмень	0,45	0,50	0,57	0,66

[3] Ср. П. Лященко, „Очерки аграрной эволюции России", гл. IV и V.

Повышение цен после 1861 г. вполне понятно, если учесть, что освобождение крестьян должно было вызвать развитие промышленности и увеличить внедеревенское потребление хлебопродуктов. Рост цен делал возможным более сильный под'ем урожайности путем дополнительных затрат труда и капитала. Действительно, предшествующее исследование показывает, что падение крепостного права заметно изменило направление кривой урожайности в сторону под'ема и повысило средний уровень урожайности. Однако, влияние этого огромной важности социального фактора не следует преувеличивать. Принимая во внимание всю совокупность имеющихся в нашем распоряжении материалов, правда, далеко не полных и не всегда совпадающих, и анализируя их, мы приходим к выводу, что дополнительное увеличение прироста урожайности после падения крепостного права, нужно оценивать в общем около 0,5—0,6% имевшегося плавного уровня. Порядок этой цифры нам нужно будет принять во внимание в дальнейшем, когда мы будем говорить о перспективах развития урожайности в советский период.

III. Источники для динамики урожайности за предвоенный период (данные Ц. С. К. и Гл. Упр. Земл. и Землеустр.)

Для характеристики динамики урожайности зерновых хлебов за последнее тридцатилетие перед войной мы имеем, кроме материалов земской статистики, два основных источника: сведения Центрального статистического комитета и сведения, собиравшиеся Департаментом земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ, а затем Отделом сельской экономики и с.-х. статистики Гл. Управления земледелия и землеустройства. Характер тех и других данных и их разноречие неоднократно освещались и подвергались критическому анализу в литературе, например, тем же А. Фортунатовым, затем Д. Иванцовым, в последнее время Н. Виноградовой. [1] Приведем характеристику этих данных и некоторые итоги упомянутых исследований, прежде чем подвергнуть анализу один из указанных источников.

Собственные данные об урожайности стали регулярно собираться и публиковаться Ц. С. К. с 1883 г.[2] Для каждой волости Ц. С. К. рассылал 12 бланков (6 для владельческих хозяев и 6 для крестьянских); из получаемых данных выводились средние (простые

[1] Д. Н. Иванцов, „К критике русской урожайной статистики". Петроград. 1915 г. Н. Виноградова „Русская урожайная статистика" в журнале „Вестник Статистики", кн. XXIII и XXIV.

[2] Здесь и далее по юбилейному сборнику Центрального статистического комитета М. В. Д. СПБ. 1913 г. До этого Ц.С.К. разработал и опубликовал данные о посевах и урожае за трехлетие 1870—72 гг. по улучшенным всеподданнейшим губернаторским отчетам (см. Статистический Временник Российской империи. Сер. II, вып. 10). Данные об урожае 1880 г., собранные Ц. С. К. остались непубликованными (см. Юбилейный сборник, отдел III, стр. 28).

арифметические) по волости, из последних поуездные средние, а из поуездных — погубернские средние посева (в мерах) и урожая (в четвертях) по расчету на 1 казенную десятину. Эти сведения собирались для 50 губ. Европейской России и 12 полевых культур. [1] С тех пор методы собирания Ц.С.К. существенно не менялись, увеличиваясь постепенно лишь в об'еме (новые культуры) и в охвате (в 1907 г. уже вся империя). Но в общем публикация этих данных позволяет выделить сопоставимые погубернские ряды урожайности с 1883 г. для главнейших зерновых культур.

Для получения временного ряда движения средней урожайности данной культуры по всем 50 губ. Евр. России, или в данной губернии по всем зерновым хлебам с 1883 г., можно пользоваться невзвешенными средними арифметическими из погубернских урожайностей различных культур. В этом случае мы будем придавать одинаковый удельный вес динамике урожайности каждой культуры и каждой губернии, хотя, очевидно, урожайность разных культур и губерний оказывает различное влияние на динамику общей средней урожайности всех зерновых хлебов в губернии или на динамику средней урожайности данного хлеба по всей территории 50 губ. [2]

На ряду с этим, мы можем взвешивать ежегодную урожайность каждой культуры или каждой губернии (для получения динамики урожайности совокупности культур или всей территории 50 губ.), по посевной площади одного и того же года (например, начала или конца рассматриваемого периода). Тем самым мы примем во внимание разное значение эволюции урожайности той или другой губернии или культуры для общей средней. Это взвешивание по постоянным весам учитывает изменение только урожайности, но не передвижки в соотношении посевных площадей зерновых хлебов по отдельным губерниям или культурам.

Дело обстоит сложнее, если бы мы захотели учесть в динамике средней урожайности и эти передвижки, т.-е. получить средне-взвешенную динамику урожайности данной культуры по всей рассматриваемой территории (50 губ. Евр. России), или динамику совокупной урожайности всех зерновых культур по данной губернии, или, наконец, динамику общей взвешенной урожайности всех зерновых культур по всей территории 50 губерний, с учетом ежегодного изменения удельного веса каждой культуры и губернии в общей посевной площади зерновых культур всей рассматриваемой территории. Для этого нам необходимо было бы иметь данные о валовых сборах

[1] Озимая рожь; яровая рожь; озимая пшеница; яровая пшеница; овес, ячмень, полба; кукуруза; горох, гречиха; просо, картофель.

[2] Среднюю невзвешенную урожайность ржи по 50 губ., повидимому, брал В. Обухов в своей первой работе „Эволюция урожайности ржи за период 1883—1915 гг. в Евр. России". „Вестник Статистики", кн. XV. Впрочем, В. Обухов не дает в этой работе никаких указаний на природу и методы получения тех средних цифр, которыми он оперирует.

и о посевных площадях по каждой культуре и в каждой губернии с 1883 г. Между тем, Ц.С.К. стал собирать сведения о посевных площадях только с 1893 г. До этого мы имеем посевную площадь по двум обследованиям Ц.С.К.: 1881 и 1887 гг. При этом и данные о посевных площадях до 1899—1900 гг., повидимому, страдают значительными дефектами, затрудняющими их использование. [1]

Мы можем также получить динамику средней взвешенной урожайности, взвешивая погубернские подесятинные сборы по отдельным культурам за 1883—86 гг. по известной посевной площади 1881 г., подесятинные сборы 1887—1891 гг. по пропорции посевных площадей культур и губерний в 1887 г.; 1892 г. по пропорции посевных площадей отдельных культур и губерний в 1893 г., а следующие годы, начиная с 1893 г. по посевным площадям соответствующего года. Конечно, цифры средней взвешенной урожайности по отдельным культурам для всей рассматриваемой территории и по отдельным губерниям для всех зерновых культур, полученные, таким образом, до 1893 г., будут не совсем сравнимы с соответствующими цифрами 1893 и следующих годов, взвешенными по посевным площадям каждого данного года, но ошибка здесь будет небольшая, ибо она сводится к тому, что для данного года, например, 1883, мы берем в качестве весов пропорцию культур и губерний не этого же года, а 1881 г., т.-е. несколько отличную от действительной пропорции в 1883 г. Между тем, известно, что небольшое изменение весов не может значительно отразиться на величине средней взвешенной, а что изменение весов не очень значительно, видно из сопоставления пропорции культур за 1881, 87 и 93 годы. Кроме того, как следует из вышеизложенного, для проблемы урожайности динамика средней урожайности, взвешенной по переменным весам, представляет менее интереса, так как на эволюцию урожайности в этом случае могло по-

[1] Ср. у Ф. Череванина, „Познание России 1909 г.“, кн. II, а также в его последней работе „Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет—1883—1923 гг.“ в сб. „Влияние неурожаев на народное хозяйство России“, ч. 2. М. 1927 г.

Мы не можем не пройти мимо опубликования В. М. Обуховым динамики посевных площадей в том же сборнике. Последний без всяких оговорок и пояснений привел в своей работе динамику посевных площадей всех зерновых культур по губерниям, по полосам и по всей территории 50 губ., начиная с 1883 г., не указывая методов их получения. Между тем, Ц. С. К. имел цифры посевной площади только для 1881 и 1887 гг., а затем лишь с 1893 г. Данные о валовых сборах за 1883 — 1893 гг. Ц.С.К. получал, умножая поуездную урожайность в десятины на величину посевной площади сначала по 1881 г., а затем по 1887 г. Для получения динамики посевных площадей можно только произвести обратное действие: разделить величину валового сбора, даваемую Ц. С. К, на урожайность с десятины. Но получившийся ряд должен при этом свестись до 1893 г. к двум цифрам, а небольшие колебания вокруг них могут проистекать лишь от арифметических погрешностей и невязок вычисления. Так оно у В. Обухова и получилось. Между тем, неискушенный исследователь может сделать из даваемой В. Обуховым динамики посевных площадей неверные экономические выводы.

влиять относительное изменение посевов (например, рост урожайности мог быть обусловлен увеличением посевов в тех губерниях или тех культур, урожайность которых в пудах на десятину выше). В дальнейшем изложении, поэтому, мы подвергаем анализу данные Ц.С.К. о движении средней урожайности как взвешенной, так и невзвешенной. Необходимо, однако, иметь в виду, что динамика невзвешенной урожайности и взвешенной разными методами может обнаружить не совсем однородную эволюцию, ибо соответствующие ряды отвечают разным экономическим целям.

Данные об урожайности Департамента земледелия начали собираться с 1881 г., В противовес данным Ц.С.К., представлявшим собой, в большинстве случаев, суб'ективные оценки среднего урожая, сделанные волостными правлениями, данные Гл. У. З. и З. являются „частью конкректными сообщениями об урожайности в собственном хозяйстве корреспондента, частью суб'ективными оценками среднего урожая в той или иной, неопределенной в своих границах местности“ (Н. Виноградова, op. cit).

Кроме того, число получавшихся сообщений и их распределение по территории было неодинаково год от году. [1]

По тем уездам, по которым Департамент земледелия имел недостаточное количество собственных корреспондентских сообщений, оно заимствовало данные Ц.С.К. [2] Поэтому динамика данных Департамента земледелия не сопоставима.

Что касается уровня урожайности по сведениям Департамента земледелия и сведениям Ц.С.К., то первые выше данных Ц.С.К. Сопоставление тех и других сведений мы имеем у А. Фортунатова и Д. Иванцова. Приведем результаты сопоставления первого.

А. Ф. сопоставляет для 1883 г. погубернские данные об урожайности для 49 губерний Департамента земледелия и Ц.С.К. [3]

Средняя урожайность для 49 губерний (взвешенная из урожайности крестьянских и частновладельческих земель) по данным Департамента ровно на 20% более, чем у Ц.С.К. (по черноземным губ. +16,7%, по нечерноземной полосе +23,6%).

Поуездное сопоставление крестьянских урожаев, сделанное А. Ф. для 116 уездов (тех, где данные Департамента земледелия более или менее независимы от данных Ц.С.К) за 1883—89 гг., дало

[1] См. Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века, вып. I, СПБ, 1902 г., стр. 10, и Н. Виноградова, „Русская урожайная статистика“, „Вестник Статистики“, кн. XXIII. В той и другой публикации дается движение числа корреспондентов и их распределение по территории.

[2] См. об этом подробнее в упомянутой работе Д. Иванцова, также у А. Фортунатова (op. cit, стр. 48).

[3] За следующие годы можно производить сопоставление только поуездных цифр, ибо Департамент земледелия стал пользоваться для некоторых уездов данными Ц.С.К.

среднюю разницу тех и других урожаев +4,3% в пользу департаментских цифр, по сравнению с Ц.С.К. Для частновладельческих земель такое сопоставление за семилетие 1883—89 гг. сделано по 162 уездам, при чем средняя разница оказалась для 162 уездов +9,8% в пользу Департамента земледелия (стр. 51). Но затем А. Ф. почему-то делает вывод, что средняя поправка к сведениям Ц.С.К., о владельческих урожаях не превышает +5% (стр. 51).

Сопоставление погубернских за восьмилетие (1883—1890), хотя методологически неправильно, характеризует тот же уклон в разноречии данных двух источников. Если принять за 100 данные Ц.С.К. и выразить данные Департамента земледелия в %% к цифрам Ц.С.К., то крестьянские урожаи окажутся в среднем по России по Деп. земледелия в общем на 6,6% выше, а владельческие урожаи на 6,2% выше, чем по Ц.С.К.

Наконец, в результате сопоставления, Л. И. Грасс пришел к выводу, что „погодные средние Департамента земледелия и Ц.С.К. весьма близки между собой".

Таким образом, хотя абсолютный уровень урожайности по данным Ц.С.К. ниже, нежели Деп. земледелия и, вероятно, несколько преуменьшен против действительного (на этом особенно настаивает Д. Иванцов, дающий и меру поправки к этому уровню в %%), но динамику эти данные передают достаточно точно, вследствие большей однородности методов собирания на протяжении всего периода в 33 года. К этому выводу склоняется и Н. М. Виноградова. [1] Это заставляет нас предпочесть цифры Ц.С.К. данным Деп. земледелия, которые и менее самостоятельны и менее однородны.

Наконец, сопоставление земских данных и данных Ц.С.К. произведено было Д. Иванцовым и Н. Виноградовой, при чем последней методологически более правильно (с учетом различия организации и способов получения статистических данных). Относительно абсолютного уровня урожайности автор приходит к выводу, что из приведенных им сопоставлений „вытекает, повидимому, с достаточной степенью убедительности, что данные Ц.С.К. устанавливали уровень урожая очень близко к действительности" (курсив автора. „Вестник Статистики", кн. XXIV, стр. 90).

Этот вывод Н. Виноградовой сам по себе очень интересен, ибо наносит сильный удар общепринятому в настоящее время положению—о необходимости поправок, и очень значительных, к абсолютному уровню довоенной урожайности по данным Ц.С.К.

[1] „Вестн. Стат.", кн. XXIII, стр. 84 ... „успешные их (исследований ряда авторов. А. В.) результаты убедительно доказывают доброкачественность данных Ц.С.К. (по крайней мере в отношении передачи хронологических изменений в урожаях)". И в другом месте („В. Ст.", кн. XXIV, стр. 99): „И именно последнему обстоятельству (тому, что роль волостных писарей не сводилась к простой передаче полученных от хозяев бланков. А. В.) следует приписать доброкачественность данных Ц.С.К. и в то же время признать, что в лице волостных писарей Комитет располагал достаточно надежным аппаратом для получения первичных данных об урожае".

Что касается сопоставления (земских данных Ц.С.К.) в интересующем нас разрезе (с точки зрения ежегодных колебаний), то здесь мы имеем следующие результаты: [1]

Коэффициент корреляции между погодными губернскими средними (по земским данным и Ц.С.К.)

Губернии	Период, за который разработаны данные	Коэффициент корреляции	
Воронежская	1886—1908	1,00	
Вятская	1892—1905	+0,97	
Московская	1885—1908	+0,92	
Нижегородская	1892—1901	+0,98	Разные методы опроса
	то же	+0,98	
Орловская	1896—1903	+0,98	Разные методы опроса
„	1905—1913	+0,78	
„	1905—1913	+0,98	
Полтавская	1886—1910	+0,97	
„	1901—1915	+0,99	Разные методы опроса
„	1901—1910	+0,97	
„	1901—1915	+0,98	
Саратовская	1899—1906	+0,93	
Херсонская	1887—1907	+0,98	
Ярославская	1903—1909	+0,99	
„	1903—1909	+0,95	
„	1912—1915 [2]	+0,84	

Вышеприведенная таблица доказывает, что хронологические изменения урожайности передаются одинаково обоими источниками. Коэффициенты корреляции чрезвычайно близки к единице, и более или менее заметное уклонение коэффициента корреляции от единицы мы констатируем лишь в двух случаях — там, где способ получения данных об урожайности земствами существенно отличается от способа, практиковавшегося Ц. С. К.

Резюмируя все вышеприведенное, мы приходим к выводу о возможности положить в основу нашего исследования о довоенной урожайности данные Ц. С. К. за период 1883—1915 гг. (33 года). Эти ряды, как следует из предшествующего, вполне пригодны для отображения динамики явления. [3] Так как задачей нашей работы

[1] Н. Виноградова, op. cit, стр. 90—91.

[2] Земские данные, полученные путем экспед. обследования.

[3] Период в 33 года положить в основу исследования было бы неверно, если бы мы имели правильную периодичность в динамике урожайности. Тогда выбранный отрезок времени должен был бы заключать в себе целое число периодов, дабы случайность числа лет во взятом промежутке для исследования отразилась возможно наименьшим образом на искомом нами плавном уровне развития урожайности. Но, вопреки мнению Ф. Череванина, мы не думаем, чтобы динамика русской довоенной урожайности обнаруживала правильную 8-летнюю или 16-летнюю периодичность... Исследования, произведенные на выборку по разным губерниям, по методу гармонического анализа и периодограмм Н. С. Моисеевым (работа еще не опубликована), показали, что период в движении довоенной урожайности (если таковой существует) различен для разных культур и губерний, и если можно предполагать периодичность, то она скорее равна 5 годам.

является исследование эволюции урожайности (см. выше, гл. I), то мы предварительно отвлекаемся от случайных, погодных колебаний, находя плавный уровень урожайности, который мы искали в форме простейшей линии — прямой, теоретически и практически (см. далее графики) весьма подходящей для исследуемого феномена.[1]

Как известно, изменение по закону прямой линии предполагает постоянный ежегодный алгебраический прирост исследуемого явления. В нашем случае движение плавного уровня урожайности по уравнению $y=a_0+a_1 x$, где y есть урожайность в пудах на десятину, а x есть время (в годах), протекшее от начальной точки, соответствует ежегодному изменению урожайности в пудовом выражении на величину a_1. a_0 в вышеприведенном уравнении представляет собой среднюю урожайность за весь рассматриваемый период, параметр a_1 будет служить нам характеристикой эволюции урожайности.[2] Анализ полученных плавных уровней и урожайнообразующих факторов составит содержание второй части исследования.

[1] В вышеупомянутой работе В. Обухова, „Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883—1915 гг." (в сб. „Влияние неурожаев на народное хозяйство России", М. 1927) автором исчислены плавные уровни урожайности по отдельным хлебам по каждой губернии, плавные уровни средневзвешенной урожайности всех главных хлебов и всех зерновых хлебов по каждой губернии затем по черноземной и нечерноземной полосам, и, наконец, средне-взвешенная по каждой культуре и всем зерновым культурам вместе для 50 губ. Европейской России. К сожалению, указанная весьма интересная работа появилась в свет после окончания значительной части нашего исследования и, кроме того, здесь соединена вместе динамика урожайности на владельческих и крестьянских землях. Поэтому она могла быть использованной нами только в небольшой части, и мы вынуждены были произвести исчисления для настоящей работы самостоятельно. Расхождения с результатами В. Обухова будут указаны далее в тексте.

[2] Мы считаем неправильным брать в качестве характеристики эволюции урожайности коэффициент корреляции урожайности со временем, как то делает В. Обухов в вышеупомянутых работах. Коэффициент корреляции какого-либо феномена и времени не имеет ни математического основания, ни логического содержания, в то время как параметр в уравнении регрессии (a_1) имеет определенный логический и экономический смысл. В. Обухов, вводя этот прием в русскую практику, ничем не аргументирует в пользу него.

(Окончание следует)

И. Г. Туровский

Проблема цен и факторы ценообразования[1] [2]

Введение

Нет необходимости доказывать, что проблема цен является узловой в хозяйстве нашего Союза.

Высокий индекс отпускных цен на промышленные товары увеличивает разрыв с мировыми ценами, имевший место до мировой войны. Этот же высокий индекс обусловливает и разрыв с с.-х. ценами. К этим основным разрывам присоединяется ряд дополнительных осложняющих разрывов — разрыв между районными ценами, между ценами различных социально-экономических секторов и т. д.

Разрешение этой сложнейшей проблемы чрезвычайно трудно, оно кроме того затруднено силами, действующими извне (капиталистической финансовой блокадой). Разрешение этой проблемы требует мобилизации всех внутренних ресурсов.

Цены следует рассматривать как чрезвычайно краткий и в то же время наиболее четкий итог хозяйственных процессов. Это одновременно результат и показатель качества хозяйственной работы в данной хозяйственной обстановке. Цены не только итог прошлому, но и один из главнейших показателей тенденций и возможных процессов, возникающих в народном хозяйстве.

В нашем Союзе цена, имея в основе своей себестоимость, складывается под действием двух противоположных начал — стихийных процессов и целевого воздействия государства.

При чем, отмечается совершенно четкая тенденция изживания моментов, обусловливающих конкурентное зарождение цены в обстановке стихийных, не зависящих от хозяйствующего государства моментов — за счет усиления начал, обеспечивающих сознательное воздействие на образование цен в нужном направлении.

В условиях почти монополизации производства и торговли основными промтоварами, а также монополизации заготовок с.-х. культур,

[1] В порядке постановки вопроса. Ред.

[2] Материалом настоящего анализа послужили исчисления счетов прибылей и убытков, произведенные Центросоюзом, Советом синдикатов и Советом торгов по соответствующим системам, по единой методологии, установленной Комиссией Госплана по изучению ценообразующих факторов, под председательством Н. Н. Виноградского. Методология подсчетов, на основе указанных выше материалов, разработана автором данного анализа совместно с Ц. М. Кроном.

кредитного аппарата, внешней торговли и транспорта,—вопросы рыночного саморегулирования цен на базе конкуренции в значительной мере отпадают. Остается еще влияние стихийных процессов, проистекающих из несоответствия спроса и предложения.

При наличии указанных выше особенностей структуры советского хозяйства моменты планового воздействия в том случае, если это воздействие широко развертывается как система мероприятий, заранее продуманных и увязанных между всеми секторами хозяйства, могут оказать решающее влияние.

Отмеченная выше особенность советского хозяйства, кроме совершенно ясных, бесспорных, гигантских преимуществ (организация наиболее экономного хозяйственного метода для достижения поставленных целей) таит в себе и опасности:

а) Монопольность, выбивая в значительной мере импульс соревнования на внутреннем рынке, защищая от внешней конкуренции сплошным, барьером,—уменьшает стимулы для рационализации промышленных предприятий. С другой стороны, монопольность положения на внутреннем рынке, облегчая хозяйствующим организациям диктовку цен, тем самым может обусловить нездоровые с точки зрения народнохозяйственной изменения в структуре с.-х. производства, а с другой стороны, обострять социальные противоречия. В этом случае эти ошибки могут служить источником дополнительных кризисов, тем более глубоких, чем позднее они локализуются, и тем труднее разрешаемых, чем менее известны будут все элементы (в их связи), обусловившие возникновение кризиса.

б) Вторая опасность заключается, как это не парадоксально, в силе действия на образование цены рычагов, находящихся в распоряжении государства. Разрозненные или неодновременно действующие весьма сильные государственные рычаги могут либо аннулировать друг друга, либо обусловить отрицательный результат вместо ожидаемого положительного.

Так, регулирование на транспорте в отдельные периоды приводило к серьезным затруднениям на потребительском рынке (хлеб, масло), тем более тяжелым, чем реальней была сила этого регулирования.

Весьма сильное средство регулирования заготовительного рынка — метод лимитных, синдицированных цен — оказался в кампании 1924 и даже 1925 года бессильным, вследствие непроведения одновременного (своевременного в период наибольшего предложения хлеба) регулирования на транспорте, соответствующей налоговой политики, организационной перестройки внутриторгового аппарата и т. д.

Для преодоления этих опасностей необходимо итти следующими путями:

1) Чутким и своевременным учетом потребностей рынка, что относится как к хозяйствующим организациям, так и к планирующим.

2) Детальным изучением процессов производства и обращения продукции до поступления ее к потребителю, в целях постоянного контроля за соответствием цены себестоимости, а себестоимости — рациональной организации процессов производства, обращения и т. д.

Анализ должен показать предел снижения цены Участие организованных масс потребителей также будет служить одним из важнейших регулирующих факторов.

А главное—необходимо, чтобы мощные рычаги (транспорт, кредит, государственные, кооперативные заготовительные аппараты, монополия внешней торговли, распоряжение более чем тремя четвертями производства) действовали в руках государства, как система по единому плану. Необходимо иметь конкретный план мероприятий воздействия на цены, который во временном и пространственном отношении связывал бы все рычаги в сознательную систему, действующую на основе народнохозяйственного плана и тех основных задач, которые ставит себе государство.

Контрольные цифры, намечающие хозяйственный план, должны опираться на тщательно и всесторонне проработанную ценовую перспективу. Только в этом случае план не потерпит самых серьезных ударов от этого наименее исследованного, ведущего элемента народного хозяйства. Но для построения реальной ценовой перспективы, кроме талантливости в проектировке, необходим достаточный базис в виде четкого представления об основных ценообразующих факторах в народном хозяйстве.

К сожалению, до настоящего времени такого об'емлющего и четкого представления о ценообразующих факторах мы не имеем. В этой области только начаты исследования. Самая методология исследования еще недостаточно разработана; тем не менее, уже проделанное в этой области (по постановлению СТО) в частности Центросоюзом, Советом торгов, Советом синдикатов, кладет прочное начало для дальнейшего интенсивного развертывания исследовательских работ. Весь последующий анализ, построенный на указанных выше работах, вскрывает только одну сторону этого вопроса—ценообразующие факторы в торговле, да и то взрывает только поверхностный пласт. Еще много предстоит работы для дальнейшего уточнения дифференцирования, расширения расчетов, но и имеющийся материал позволяет извлечь новые данные, могущие служить исходными для ближайших конкретных проектировок.

2. Размеры издержек обращения

Изучение ценообразующих факторов в торговле и размеров издержек обращения встретило серьезные затруднения вследствие новизны вопроса, неразработанности методологии, отсутствия в хозяйственных органах необходимого качества материалов, и, наконец, вследствие универсального, по преимуществу, типа нашей розничной и мелкооптовой торговли, что затруднило изучение элементов ценообразования по товарам. В комиссии Госплана был специально подвергнут рассмотрению вопрос о возможности изучения ценообразующих факторов на основании изучения разности между отпускными и розничными ценами на промтовары, тем более, что в этом направлении была проделана значительная работа ВСНХ, неоднократно использованная в официальных выступлениях ведомств, а тем более в прессе.

Однако, после тщательного рассмотрения этого вопроса комиссия, в составе авторов крупнейших из имеющихся работ в этой области и руководителей статистики цен в ведомствах, пришла к заключению, что существующая статистика цен во всех без исключения ведомствах может служить только грубым кон'юнктурным показателем, пользоваться которым можно лишь в сопоставлении с прочими кон'юнктурными данными. Все представители ведомств, согласились, что статистика цен, которой располагают ведомства, в том числе и ЦСУ, не может служить материалом для изучения процессов ценообразования, состава издержек обращения и распределения этих издержек между звеньями.

Настоящий анализ, построенный на весьма ориентировочных подсчетах, все же позволяет приподнять край завесы, скрывающей до сих пор наиболее интересную, центральную проблему нашего хозяйства. Несмотря на то, что настоящая работа основана на сводных счетах прибылей и убытков по системам, в которых допущена в значительных дозах экстраполяция (особенно по торгам и кооперации), при чем самый подсчет счетов и прибылей, производился в ведомствах и организациях, — материал, положенный в основу ее, является наиболее репрезентативным и при том впервые настолько полно разработанным, что дает возможность проводить исследования ценообразующих факторов в таких разрезах и направлениях, о которых до настоящего времени нельзя было и думать.

Проделанная работа убеждает нас в том, что намеченный метод изучения ценообразующих факторов совершенно правилен, наиболее плодотворен и ближайшей задачей является всемерная борьба за повышение качества первичного материала и техники обработки, а также дальнейшего дифференцирования тех элементов ценообразования, какие выявлены в настоящее время, и тех дополнительных факторов, которые обусловливали формирование ценообразующих элементов.

В настоящей работе мы ограничиваем сферу своего исследования изучением ценообразующих факторов в торговле промтоварами по преимуществу при проведении их к потребителю через промышленность — синдикаты, кооперацию, путем наиболее организованным, хотя и не наиболее дешевым (путь в госрозницу от промышленности менее сложен), по которому к настоящему времени проходит основная масса промтоваров. [1]

---

[1] При оценке даваемых подсчетов следует сделать несколько замечаний о качестве первичного материала, подвергшегося обработке, равно и о методах разработки этого материала.

По синдикатам разработаны 10 счетов прибылей и убытков за 1924/25 и 1925/26 гг. По кооперации сводные счета прибылей и убытков: 1) по центрам кооперации отчетные бухгалтерские данные за 1924/25, 1925/26 гг., 2) по республиканским, краевым и облсоюзам за 1924/25 г. отчетные данные 9 союзов, за 1925/26 г. по 8 союзам; счета прибылей и убытков ВУКоопсоюза, Белкоопсоюза, Узбекберляшу Далькрайсоюза, Сибкрайсоюза, Уралоблсоюза, Севкрайсоюза и Севзапсоюза; разработаны за оба года и, кроме того, по Туркменберляшу за 1924/25 г. по отчетным бухгалтерским данным; распространение на недостающих произведено по удельному весу их в оборотах звена; 3) по райсоюзам вошли за 1924/25 г. отчетные данные 118 райсоюзов (без МСПО и ЛСПО) с удельным весом 52% в оборотах всех союзов (без МСПО и ЛСПО), за 1925/26 г. — 133 райсоюза (без МСПО и ЛСПО) с удельным весом 55,7%; распространение за оба года произведено по групповым средним (в зависимости от оборотов) и к полученным итогам прибавлены отчетные данные МСПО и ЛСПО; 4) по низовой сети структура и размеры счета прибылей и убытков были определены следующим образом: а) по городским и рабочим обществам за 1924/25 г. по отчетным данным 136 организаций, за 1925/26 г. по отчетным данным 111 организаций, б) по сельским обществам за 1924/25 г. по отчетным данным 5517 организаций, за 1925/26 г. по отчетным данным 200 организаций, распространение для структуры счета прибылей и убытков произведено по групповым средним в зависимости от размера оборотов, абсолютные же величины отдельных статей счета „прибылей и убытков" исчислены, исходя из суммы торгово-организационных расходов, взятых по данным текущего учета и удельному весу их в счете „прибылей и убытков", в) по транспортным обществам за 1924/25 г. вошли отчетные данные по годовому отчету Транспосекции и за 1925/26 г. 127 организаций с удельным весом 65% в оборотах всех ТПО.

По торгам представлен сводный счет прибылей и убытков за 1925/26 г. по 41 торгу с удельным весом 63% в оборотах, на недостающие торги произведено распространение по удельному весу их в обороте.

Накладные расходы исчислены по предварительным отчетным данным, помещаемым в торгфинпланах торгов.

Счета прибылей и убытков разработаны по единой, сравнимой форме (хотя и нет полной уверенности, что в одни и те же графы везде попали расходы одинакового содержания). Наложения разбиты на отдельные составные элементы и отнесены к покупному обороту.

Новизной излагаемого метода является то обстоятельство, что в подсчет издержек обращения взяты не „торговые расходы" по той суженной номенклатуре, которая обычно фигурирует во всех отчетах и совершенно условно отделяется от прочих расходов — накладных, с одной стороны, потерь, скидок, уценок и пр., и даже неналожение на так называемую себестоимость (т.-е. на покупную цену плюс накладные расходы), а полная сумма издержек по бухгалтерскому счету прибылей и убытков. Такой метод впервые вовлекает в изучение издержек

После этих предварительных замечаний перейдем к исчислению размеров издержек обращения при проведении товаров от промышленности через кооперацию в отношении к отпускной трестовской цене.

На основе перечисленных в примечании материалов применен следующий метод исчисления.

Выявляется:

1) Размер наложения промышленности и синдикатов на товарную массу, передаваемую в кооперацию, при чем делается условное допущение, что наложение для кооперации равно средне-взвешенному наложению синдикатов по всем их операциям.

2) Наложения кооперации к чистой товарной массе, поступившей в систему и реализованной ею. В виду того, что часть товарной массы, проходящей через систему, реализуется оптом на сторону, а часть реализуется оптовыми звеньями непосредственно из своей розницы, произведен подсчет с введением соответствующих поправок в размер наложений кооперации на товар, поступающий в кооперативную розницу, и произведено перераспределение наложений между оптом и розницей.

3) Наложения кооперации переводятся на единую (с синдикатами и промышленностью) базу — к отпускной трестовской цене (франко—фабрика).

4) Взвешивается вес товаров, идущих в коопсистему непосредственно от промышленности и от синдикатов (по отраслям), на этой основе исчисляется средняя накидка поставщиков кооперации.

5) К этой средней накидке прибавляется валовое наложение кооперативной системы, переведенное к отпускной цене треста, при условном допущении, что в общем наложения на промтовары и с.-х. товары мало различны. Сумма этих наложений и составит общее наложение торговли на отпускную цену трестов при проведении товара через кооперативную систему от промышленности и синдикатов.

6) Накидка кооперативная и вся накидка, в свою очередь, подразделяется на наложения опта и розницы.

Приводимый подсчет издержек обращения охватывает в 1924/25 г. 57,5%, в 1925/26 г. 59,3% кооперативного оборота.

Наложения синдикатов в 1924/25 г. на товары, проданные кооперацией, составляли при вышеуказанном допущении 12,36% к обороту по покупной цене в 1924/25 г. и 9,23% — в 1925/26 г. (наложения на всю товарную массу, проведенную синдикатами за соответствующие годы, составляли 13,89% и 11,54%).

обращения целый ряд факторов, до сих пор вовсе не учитывавшихся (накладные расходы, потери, скидки и т. д.).

Дефектом этого материала является отсутствие разбивки издержек обращения по отдельным группам операций (отдельно по сбыту и снабжению или заготовкам по промтоварам и сельскохозяйственным товарам и т. д.).

Самой условной цифрой в приводимых подсчетах являются наложения трестов; в виду отсутствия таких же материалов по трестам, как по синдикатам, мы использовали имевшиеся в нашем распоряжении калькуляции трестов. Естественно, что наложения таких крупнейших трестов как Сахаротрест, Резинотрест, на отпускную цену треста локо—фабрика экономически ничем не отличаются от наложений текстильного, нефтяного синдикатов. Они также отпускают товары непосредственно даже низовой кооперации с разветвленной сети складов франко—станция назначения. Приводимые ниже расчеты покажут, что допущенная в этой части погрешность не может сколько-нибудь заметно отразиться на главнейших выводах настоящей работы. В приводимой ниже таблице дается подсчет размеров наложений (в %% к цене треста):

	1924/25 г.		1925/26 г.	
Накидки поставщиков кооп. (пром. и синд.)	7,32		6,83	
Накидка кооперации	39,26		34,79	
В том числе оптовая	7,58		7,65	
Вся накидка	46,58	100%	41,62	100%
В том числе опт.	14,90	32%	14,48	34,8%
Розница	31,68	68%	27,14	62,2%

Сопоставление настоящего исчисления с оптово-розничными „ножницами“ Центросоюза иллюстрирует значительное совпадение результатов обоих видов исчисления. Оптово-розничные „ножницы“ Центросоюза страдают, однако, теми существенными дефектами, что не дают возможности определить всю накидку и структуру кооперативной накидки, т.-е. ценообразующих элементов.

Приведенные исчисления показывают, что по одному из наиболее экономных путей товаропродвижения мы имели в 1924/25 году и 1925/26 году еще весьма высокие издержки обращения, превосходящие исчисления, дававшиеся до настоящего времени. Кроме того, динамика за оба года показывает, что при заметном снижении всей накидки на 10,7%, основное снижение произошло за счет низовых звеньев и в гораздо меньшей мере за счет оптовых. Это ясно видно из следущей таблицы:

Динамика наложений к отпускной цене и их состав

	Наложен. опта	Налож. розниц.	Все налож.
1924/25 г.	14,90	31,68	46,5
1925/26 г.	14,48	27,14	41,62
% сниж.	— 2,82	—14,5	—10,7

Дальнейший анализ ценообразующих факторов по системам покажет, что несмотря на более интенсивное снижение наложения каждого оптового звена, чем розничных, вес опта во всей накидке повышается. Происходит это вследствие усложнения системы товаропродвижения в опте, в первую очередь внутри системы кооперации.

О влиянии прочих ценообразующих факторов на динамику и уровень издержек обращения мы узнаем при анализе элементов ценообразования по отдельным системам. Найденный уровень издержек обращения, а также специальный анализ систем даст возможность ответить на основные вопросы: о значении для торгового аппарата директивного снижения цен на 10%, о резервах и о составе издержек обращения и наложений и о возможной роли понижения издержек обращения в центральной проблеме цен, о перспективах динамики издержек обращения и мероприятий, необходимых для их дальнейшего сокращения.

3. Ценообразующие факторы в основных товаропроводящих системах

А. Синдикаты. Процесс синдицирования, интенсивно развивавшийся в течение последних лет, с народнохозяйственной точки зрения представлял прогрессивное явление не только вследствие роста в лице синдикатов опорных пунктов госрегулирования, но и как наиболее экономная форма организации крупно-оптового сбыта промтоваров. Если иметь в виду сумму расходов, какие фактически несли тресты на единицу товара при самостоятельной реализации и при реализации через синдикат, то экономность этой системы станет очевидной.

Однако, с точки зрения динамики ценообразующих факторов за изучаемый период (1924/25—1925/26 гг.) на рынке рост синдикатского движения означал относительное удорожание торговли. Как правило, большинство синдикатов получило право делать наценку на отпускную цену трестов, а тресты, передавшие продукцию в синдикат, получали тем самым возможность переводить статью калькуляции „торговые расходы“ в прибыль.

При снижении наложения синдикатов (благодаря значительному увеличению оборотов) на единицу продукции, проданной коопсистеме, на 25,4%, наложения на товар, купленный кооперацией у промышленности и синдикатов, в 1925/26 году по сравнению с 1924/25 годом уменьшились крайне незначительно (лишь на 6,9%) вследствие роста удельного веса более дорогого, в отношении наценок, поставщика—синдикатов — за счет более дешевого — промышленности. Их удельный вес в снабжении кооперации (промышленность + синдикаты взяты за 100) увеличился с 32,6% до 43,3%.

Вот почему резко идущая вверх кривая синдицирования означала для товарооборота повышение оптового наложения.

Оставим, однако, в стороне этот факт прогрессировавшего удорожания для рынка оптовых наложений в связи с появлением в обороте синдикатов и увеличением синдицирования сбыта промышленной продукции, факт, имеющий преходящее значение, ликвидация коего целиком зависит от регулирующих мероприятий, и рассмотрим состав и характер изменений синдикатской системы.

Представленные исчисления размера наложений относятся к 10 синдикатам. Наложения синдикатов к покупной цене (с акцизом) в 1924/25 году равно 186.684 тыс. руб. и 267.725 тыс. руб. в 1925/26 году, что составляет в %% к обороту по покупной цене в 1924/25 году 13,89% с Нефтесиндикатом и 9,66% без Нефтесиндиката, а в 1925/26 году — 11,54% с Нефтесиндикатом и 7,94% — без Нефтесиндиката.

Если сравнивать наложения 1924/25 г. и 1925/26 г., выключая из них транспортные расходы, мы увидим, что понижение в относительных цифрах наложения в 1925/26 г., в первую очередь, об'ясняется уменьшением транспортных расходов.

	1924/25 г.	1925/26 г.	Уменьшение наложения
Наложения с транспортом . . .	13,89	11,54	2,35
Наложения без транспорта . .	8,7	7,53	1,17

Уменьшение разницы в наложениях обоих лет произошло на 50% только за счет понижения транспортных расходов.

Проведено ли остальное снижение за счет рационализации торгового аппарата или методов работы синдикатов? У нас отсутствуют данные о динамике транзитных продаж в 1924/25 и 1925/26 гг. Об этом можно судить лишь косвенно хотя бы из того факта, что транспортные расходы без Нефтесиндиката (подавляющая часть реализации которого проходила и проходит через свою складскую сеть) увеличились в 1925/26 г. на 23,92% (с 25.566 тыс. руб. в 1924/25 г. до 31.684 тыс. руб.), в то время как оборот увеличился на 81,3%. Прямые данные НКТорга (в докладе о снижении цен) о размерах транзита в 1925/26 г. по важнейшим синдикатам дают следующие цифры:

По ВТС	21,4%	транзита (с центр. базы)
„ ВКС	25%	„ „
„ Продасиликату	57,6%	„ „

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что несмотря на серьезное изменение характера работ синдикатов и рост оборотов на 81,3%, результаты снижения наложений на 1,17% (из 8,17%) незначительны. Анализ динамики состава наложений вскрывает причину столь замедленного снижения наложений.

Рассмотрим сначала динамику абсолютных сумм (по статьям) в сопоставлении с динамикой оборотов.

Динамика отдельных статей наложений 1925/26 г.

(Абсолютные размеры 1924/25 г. = 100)

	Обороты	Транспортные расходы	Торговые расходы	В том числе содержание служащих
С Нефтесинд.	172,32	133,09	144,7	135,36
Без Нефтесинд.	181,30	123,92	146,53	159,32

	Стоим. заемн. капит.	Мат. пот.	Ден. пот.	Налоги и сборы	Приб.	Общее налож.
С Нефтесиндик.	170,77	46,80	24,89	149,82	250,22	143,15
Без Нефтесинд.	171,21	45,51	24,46	154,11	448,38	149,01

Обращают на себя внимание значительное повышение расходов на заемный капитал и сильный рост прибылей. Значительно повышаются и расходы на служащих. Первая статья есть косвенный скрытый источник накопления промышленности за счет торговли. Вторая статья, характеризующая накопление, дает коэффициенты роста за один год — 2,5 — 4,5. Правда, размер прибыли синдикатов в 1924/25 г. был невысок: с Нефтесиндикатом прибыль равнялась 0,89% к обороту по покупной цене и 0,52% без Нефтесиндиката.

Все же, если рассматривать синдикаты, как торговый аппарат трестов, имеющих целью наиболее экономно организовывать сбыт в соответствии с задачами, стоящими перед государством, то следует признать, что оснований к столь значительному увеличению прибыли не было.

Торговые расходы, в частности содержание служащих, понизились крайне недостаточно, несоответственно изменению характера работ и росту оборотов. В подсчетах НКФина по несколько отличному кругу синдикатов на 1 руб. зарплаты оборот составлял (в руб.):

	1924/25 г.	1925/26 г.
Все синд. без Нефтесиндиката . . .	96,5	109
Нефтесиндикат	24,8	27,2
Все синд. с Нефтесиндикатом	66,5	83, т.-е. увеличение эффективности определяется примерно в 25% приросте оборотов на 81%.

Эти данные дают основание сделать следующие выводы:

1. Высокая кон'юнктура была использована для увеличения накопления непосредственно в синдикатах. Промышленность ее использовала повышением стоимости кредита для торговли.

2. Имевшее место незначительное относительное понижение было обусловлено изменившимся характером продаж (введение транзита) в первую очередь понижением транспортных расходов, а также бурным ростом оборотов.

3. Высокая кон'юнктура дала возможность применения высоких наложений и не способствовала рационализации аппарата. Рационализация в широком смысле слова в синдикатах в 1925/26 г. еще не начиналась.

4. Относительное понижение наложений синдикатской системы все же означало повышение наложений на товарную массу, поступавшую в остальную товаропроводящую цепь, вследствие установления в большинстве случаев для синдикатов наценок сверх отпускной промышленной цены, в каковую было уже раз включено покрытие торговых расходов и рост синдикатского сбыта (более дорогого) за счет промышленного.

Посмотрим, какие резервы для снижения наложений содержат перечисленные выше статьи.

Состав наложений синдикатов в относительных цифрах

	Торгов. расх.	Стоим. заемн. капит.	Прибыль	Мат. и ден. потери	Итого 1+2+3+4	Транспорт	Налоги	Всего
Итого с Нефтесинд.								
1924/25 г.	29,0	14,7	6,4	7,3	57,4	37,4	5,2	100
1925/26 г.	29,3	17,6	11,3	1,7	59,9	34,7	5,5	100
Без Нефтесинд.								
1924/25 г.	30,2	24,3	5,4	10,2	70,1	23,4	6,5	100
1925/26 г.	29,7	27,9	13,9	2,2	73,7	19,5	6,8	100

Приведенная таблица показывает, что вес зависимых расходов в наложении синдикатов в 1925/26 г. значительно растет и что у синдикатской системы (без Нефтесиндиката) имеется резервуар свыше 70% наложений, изкоторого последние можно и должно понизить уменьшением сверхплановых или калькуляционных накоплений, путем рационализации аппарата, а главное путем перестройки самой системы работы.

В заключительной части будут сделаны более подробные предложения о характере перестройки синдикатской работы.

Следует указать, что и остальные 26% (транспорт и налоги) могут быть понижены за счет выпрямления жел.-дор. перевозок. Переломы в перевозках удорожают стоимость железнодорожных перевозок, и поэтому общее выправление организации товаропродвижения понизит и так называемые „независимые“ расходы.

Б. Система потребительской кооперации. В 1924/25 г. валовой оборот кооперации определялся суммой в 3.125.370 тыс. руб. по покупной цене; чистый оборот, т.-е. продажа товаров вне системы, составлял 1.905.391 тыс. руб. Валовое наложение всех кооперативных звеньев на указанную массу товаров составляло 662.457 тыс. руб., или 21,19% к валовому обороту и 34,78% к чистому обороту, т.-е. к товарной массе, пропущенной в основном к потребителю.

Из 662.457 тыс. руб.—192.079 тыс. руб. падает на долю оптовых звеньев и 469.348 тыс. руб. на долю низовых (розничных), или, принимая за 100% наложения всей системы, наложения опта составят 30% и розницы 70%.

Так как часть оптового оборота потребсистемы уходит на сторону (продажа госорганам, частникам, на экспорт и т. д.), а часть оборота оптовых звеньев кооперации (губрайсоюзов) проходит в розницу, то выключив из наложений оптовых звеньев наложения на товар, проданный на сторону, и перенося наложения губрайсоюзов в своей рознице в наложения всей коопрозницы, мы получим иные, соотношения наложений опта и розницы в коопсистеме, а именно: доля оптовых наложений будет равняться 18,4%, а розничных 81,6%.

По тем же рубрикам данные за 1925/26 г. представляют следующее: валовой оборот по покупной цене 6.018.066 тыс руб., чистый оборот—3.447.993 тыс. руб.; валовое наложение—1.035 251,8 тыс. руб.,

или 17,2% валового оборота и 30,01% чистого; наложения оптовых звеньев составляют 316.205 тыс. руб., или 30,5%, а наложения розничных звеньев 719.046 тыс. руб., или 69,5% всего наложения. При пересчете указанным выше методом, получим следующие соотношения: 22% оптового наложения и 78% наложения розницы. Главное, что характеризует динамику итога валовых наложений это изменение соотношений в наложениях опта и розницы.

Если наложения в %% к валовому обороту снизились в 1925/26 г. на (примерно) 19% (с 20,19 до 17,2), то наложения в %% к чистому обороту снизились только на 13,7%.

Пересчитанные нами соотношения наложений опта и розницы показывают, что вес оптовых наложений в общей сумме наложений увеличился до 22% вместо 18,4% в 1924/25 г.

Увеличение закупок кооперативной системы у синдикатов, более дорогого для рынка товаропроводника, чем тресты, еще более повысило вес опта в общей массе наложения.

Сопоставление динамики оборотов и наложений по звеньям (рост абсолютных величин) уяснит причины увеличения веса оптовых наложений (в гр. 3 показано относительное снижение наложений, выраженных в %% к обороту):

	Обороты	Наложения	Изм. налож. в отн. цифр.
	В %% к 1924/25 г., принятому за 100		
Центросоюз	174,3	133,4	76,5
Церабсекция	351,2	238,3	67,8
Транпосекция	222.6	112,3	50,4
Итого центры	209,3	138,7	66.2
Облсоюзы	276,9	202,5	73,1
Губрайсоюзы	194,6	160,3	82,4
Итого союзы	212,8	167,6	78,8
Горпо	176,5	151,0	85,5
ТПО	160,0	188,6	117,8
Сельпо	187,3	150.2	80,1
Итого низ. сеть	179,3	153,2	85,4

Приведенная таблица показывает, что несмотря на более интенсивный процесс снижения наложений в верхних звеньях, чем в низовых, усложнение процессов товаропродвижения пересилило эти благоприятные для опта факторы большего снижения, увеличив вес опта в сумме наложений; следует отметить, что бóльшее снижение наложений опта было вполне нормальным процессом, вследствие ненормальной высоты их и увеличения транзита в 1925/26 г. (т.-е. перенесение транспортных издержек на низовые и серединные звенья).

Так, по данным Центросоюза транзитные отправки по республиканским и областным союзам в 1925/26 г. увеличились в следующих размерах:

% транзита по промтоварам

	1924/25 г.	1925/26 г.
Белкоопсоюз [1]	62	76,3
Вукопспилка	48	71,3
Севкрайсоюз	6,0	54,7
Сибкрайсоюз	72,8	78,5
Уралоблсоюз	25,7	59,4

Однако, несмотря на развитие (в центральных и областных союзах) транзитных операций и интенсивный рост оборотов, уровень оптовых наложений продолжал оставаться весьма высоким. Даже у чисто расчетных звеньев, не ведущих совершенно складских операций,—Церабсекции и Транпосекции — наложения достигали 3,39—3,46% в 1924/25 г. и 2,30—1,74% в 1925/26 г.

Уровень и динамика наложений по звеньям приведены в следующей таблице:

Наложения в %% к покупной цене

	1924/25 г.	1925/26 г.
Центры	9,03	5,98
Центросоюз	11,35	8,69
Церабсекция	3,39	2,30
Транпосекция	3,45	1,74
Союзы	17,3	13,50
Облсоюз	13,50	9,87
Губ.- и райсоюз	18,17	14,98
Низов. сеть	25,22	21,56
Горпо	23,87	20,42
Сельпо	28,18	22,60
ТПО	20,29	23,91

Произведенный пересчет наложений к чистому обороту (с потребителем) дал для 1924/25 г. 36,5% наложений и 32,6% для 1925/26 г. Распределение на оптовые и розничные наложения внутри кооперации дало следующее (в %% к покупной цене):

	Налож. опта	Налож. розн.	Вал. нал.
1924/25 г.	6,71	29,79	36,5
1925/26 г.	7,17	25,43	32,6
% увеличения +, уменьшения —	+ 7%	— 14,6	—10,7

Итак, не только удельный вес, но и размер наложений кооперативного опта на каждый рубль поступившего в кооперативную систему для продажи в рознице товара увеличился на 7%, несмотря на более резкое снижение наложений каждого оптового звена, а наложения розницы на 1 рубль купленного товара, наоборот, сильно снизились (на 14,6%), обусловив благодаря этому общее снижение издержек обращения (наложение) кооперативной системы на 10,7%, несмо-

[1] По товарам и заготовкам.

тря на относительно (с оптовыми звеньями) замедленное снижение по каждому розничному звену.

На основании раздела о синдикатах и настоящего раздела можно утверждать, что 1925/26 г. в основном характеризовался бурным и одновременным ростом всего оптово-посреднического оборота далеко не в соответствии с ростом товарной массы (или розничного оборота).

Рассмотрим состав и динамику состава наложений звеньев потребительской системы в приводимой ниже таблице (вся сумма наложений по каждому звену принята за 100).

Приведенная таблица (см. стр. 115) дает представление о ценообразовании в потребсистеме. Производя весьма условно разбивку на расходы „зависящие“ и „независящие“, относя к „независящим“ накладные расходы, стоимость заемного капитала (для кооперации „независящий“ расход) и налоги, а к „зависящим“ — все прочие, мы получаем увеличение веса „независящих“ расходов (вместо 34,76% в 1924/25 г.—37,17% в 1925/26 г.). Происходит это за счет более интенсивного снижения „зависящих“ расходов и очевидно, главным образом, за счет роста транспортных расходов, так как увеличение транзитных отправок означает для кооперативных складских инстанций повышение транспортных расходов.

Накладные расходы, выраженные в %% к чистому обороту, повысились на 4,2% в 1925/26 г. по сравнению с 1924/25 г., в то время как отношение общего наложения к чистому обороту понизилось на 13,8%. Повышение это произошло в первую очередь за счет низовых и серединных звеньев,

Не исключена, однако, возможность повышения накладных расходов и вследствие разных способов учета. Несмотря на достаточно отчетливую инструкцию Центросоюза о формах и способах учета, в накладные расходы могут списываться и чисто-торговые. Так, весьма крупная статья в накладных расходах — командировки и раз'езды, статья притом наиболее одиозная для контролирующих инстанций,— естественно может увеличить свой вес в накладных расходах за счет торговых и т. д.

Подчеркиваем снова, что разделение издержек обращения на „зависящие“ и „независящие“ весьма условно и по нашему мнению сокращение „независящих“ расходов в значительной мере зависит, если не только от усилий данного торгового звена или даже системы, то во всяком случае от мероприятий, зависящих от торгового сектора народного хозяйства (напр., рационализация товаропродвижения).

На основании материалов специального обследования Цетросоюзом вопросов ценообразования в кооперативной системе (относящейся к периоду за I квартал 1926/27 г.), произведен подсчет состава накладных расходов, взвешенного по 10 важнейшим товарам

Состав издержек обращения потребкооперации за 1924/25 и 1925/26 гг.
(В %% к итогу)

Звенья системы.	Накладн. расх.		Торговые расходы			Стоимость заемного капитала (% упл.)	Материал. потери	Денежные потери	Налоги и сборы	Прибыль (+) или убыток (—)	Общая сумма налогов
	Всего	В том числе транспорт	Всего	В том числе: Содерж. служащ.	В том числе: Содерж. помещ.						
1924/25 г.											
1. Центросоюз	9,81	—	28,33	14,40	2,93	35,96	1,72	20,47	6,13	— 2,42	100%
2. Церабсекция	—	—	8,93	4,88	0,44	37,19	2,64	0,46	1,50	49,28	100%
3. Транпосекция	—	—	28,42	14,66	6,54	39,62	—	27,29	3,92	0,75	100%
Итого по центрам (1—3)	8,72	—	27,16	13,83	2,96	36,22	1,68	19,60	5,75	0,87	100%
4. Краев. и обл. союзы	33,65	—	32,70	16,50	4,05	14,27	5,67	3,28	4,80	5,63	100%
5. Губ- и райсоюзы	26,97	—	42,85	21,48	5,37	9,57	6,75	3,99	7,65	2,22	100%
Итого по союзам (4—5)	28,14	—	41,08	20,61	5,14	10,39	6,56	3,86	7,15	2,82	100%
6. Гор. и рабпо	14,89	—	45,78	23,01	6,31	4,07	4,38	5,67	10,87	14,34	100%
7. ТПО	21,57	—	45,05	28,38	7,24	5,68	2,45	4,49	12,98	7,78	100%
8. Сельпо	19,10	—	46,94	23,34	3,55	2,92	1,58	7,10	6,55	15,81	100%
Итого по низовой сети (7—8)	17,14	—	46,23	23,51	5,19	3,68	3,05	6,21	9,16	14,53	100%
Итого по системе (1—8)	19,57	—	44,17	22,39	5,09	6,67	3,88	6,15	8,52	11,04	100%
1925/26 г.											
1. Центросоюз	12,51	—	19,63	11,40	1,53	27,67	3,62	17,16	4,34	15,07	100%
2. Церабсекция	—	—	9,86	6,95	0,63	47,76	—	1,60	0,08	40,69	100%
3. Транпосекция	—	—	29,37	17,56	3,21	—	—	4,40	1,41	64,82	100%
Итого по центрам (1—3)	10,70	—	19,01	11,19	1,50	28,64	3,08	15,02	3,78	19,77	100%
4. Краев. и обл. союзы	42,83	—	21,02	12,20	2,59	7,43	5,21	3,93	2,56	17,02	100%
5. Губ- и райсоюзы	31,76	—	31,44	17,14	4,87	11,28	4,45	4,12	5,80	11,15	100%
Итого по союзам (4—5)	34,10	25,57	29,24	16,10	4,39	10,47	4,61	4,08	5 12	12,39	100%
6. Гор. и рабпо	17,84	—	44,84	23,94	5,84	3,63	1,17	3,47	11,08	17,97	100%
7. ТПО	21,92	—	38,04	24,34	5,60	6,64	2,09	10,35	8,44	12,52	100%
8. Сельпо	22,78	13,74	40,68	20,67	3,15	2,06	2,13	3,10	5,53	23,72	100%
Итого по низовой сети (6—8)	20,24	—	42,54	22,60	4,69	3,22	1,65	3,88	8,54	19,93	100%
Всего по системе (1—8)	23,65	—	38,11	20,44	4,49	6,08	2,50	4,33	7,44	17,89	100%

(хлопчатобум. изд., металлы и металлоизделия, сахар, соль, керосин, кожа-обувь, стекло, фарфоровые изделия, нехлопчатобум. мануфактура) по звеньям — сельпо, горпо, союзы.

Приводим итоговую табличку:

Статьи расходов	Сельпо	Горпо	Союзы
Гербовый сбор	10,51	10,03	11,89
Стоимость упаков.	5,10	3,12	1,72
Износ тары	1,29	0,48	0,72
Доставка	4,22	12,66	3,02
Расходы по поездке за товарами	22,33	1,78	2,12
Жел.-дор. транспорт	25,77	51,78	62,61
Разгрузка	27,19	9,48	9,83
Прочие	3,59	10,67	8,09
Всего накладных расходов	100	100	100
В %% к покупной цене	3,06	2,47	3,12

Произведенные подсчеты показывают, что:

1) жел.-дор. транспорт составляет 51,18—62,61% накладных расходов в горпо и союзах, несущих основную массу расходов по транспортировке товаров;

2) для сельпо, производящих основную закупку в соответствующих райсоюзах, вес транспортных расходов определяется 25,7%;

3) значительным расходом являются статьи доставки и разгрузки; по сельпо эти расходы превосходят стоимость ж.-д. транспорта и составляют 31,39%, в горпо и союзах эта статья составляет 22—13%;

4) недопустимо высокой статьей расхода сельпо являются расходы по поездкам за товаром.

Приводимые сведения относятся к I кварталу 1926/27 года, т.-е. к периоду еще более возросшего веса кооперативного опта. Нужно указать, что основной своей массой этот кооперативный опт нависает именно над сельпо и, несмотря на это, расходы по поездке за товаром составляют 22,33%, т.-е. почти равны расходу на жел.-дор. транспорт, составляя две трети расходов по доставке товара.

5. По горпо и союзам следует отметить высокий процент „прочих" расходов.

6. Значительный вес расходов на гербовый сбор по всем звеньям, равно как и значительный расход на раз'езды сельпо, лишний раз подчеркивает, что в накладные расходы сносится и то, что должно было частично попасть в торговые расходы, частично в специальную статью налогов и сборов и т. д.

Приведенный краткий анализ состава накладных расходов подтверждает наши положения о том, что и в этой области понижение расходов зависит в значительной мере от рационализации работ внутри звена, равно как и от рационализации товаропродвижения.

В разделе о синдикатах было уже указано, что снижение даже транспортных расходов возможно путем максимального устранения

встречных перевозок и переломов, что особенно часто встречается в нашем хозяйстве, в виду наличия значительного оптового аппарата с развитыми (количественно) складскими операциями.

Состав наложений показывает, что 73,7% в 1924/25 и 68,9% в 1925/26 году являются бесспорно сферой зависящих от торгового аппарата наложений и что с этой точки зрения поле для рационализаторской работы внутри торгового сектора, в первую очередь кооперативного, достаточно широко. Однако, понижение расходов за счет понижения качества обслуживания потребителя с народнохозяйственной точки зрения нецелесообразно (очереди из-за недостатка работников прилавка при изобилии управляющего, контролирующего и учитывающего персонала). Отметим также, что пределы снижения расходов при сохранении функций каждой системы и звена в том виде, как это имело место в 1925/26 году или даже в 1926/27 г., будут относительно ограничены и поэтому одновременно с внутренней рационализацией звеньев перед сферой торговли и, в первую очередь кооперативным аппаратом, стоит задача пересмотра всех функций своих звеньев в целях упрощения и удешевления товаропродвижения.

Изменения отношений отдельных статей к обороту по покупной цене по всей системе и звеньям показывает следующее (1925/26 г. в %% к 1924/25 г., принятому за 100):

	Накл. расх.	Торг. расх.	Стоим. заемн. капит.	Мат. пот.	Ден. потери	Налог	Приб.	Общее налож.
Вся система	98,0	70,0	73,7	52,4	56,9	70,7	131,6	81,1
В том числе:								
Центры	81,0	46,5	52,2	120,0	51,8	4,2	147,5	66,2
Облсоюзы	93,1	47,1	37,8	66,2	88,6	38,4	221,0	73,1
Райсоюзы	97,1	60,3	97,1	54,4	84,9	62,5	417,5	82,4
Низов. сеть	100,9	78,6	74,1	46,7	53,5	79,6	117,4	85,4

Раньше всего обращает на себя внимание исключительный рост прибылей в %% к обороту, несмотря на общее понижение %% наложений. У Центросоюза в 1924/25 г. не было прибыли, а в 1925/26 г. она составляет 1,2% к обороту и 15% всего наложения. По Церабсекции (исключительно расчетно-посредническое звено) прибыль составила 40—49% всех наложений, в Транпосекции в 1925/26 г.— 64,82% всех наложений. В областных и губрайсоюзах прибыль в 1925/26 г. составила — 1,5% к обороту; она увеличилась в %% к обороту в 3,5 раза по сравнению с 1924/25 г.

В низовой сети прибыль в 1925/26 г. составляла 3,53% к обороту и увеличилась по сравнению с 1924/25 г. незначительно (на 7—20%), в то время как в союзах увеличение исчисляется сотнями процентов, в Транпосекции — тысячами, а в Центросоюзе — „бесконечностью".

В кампанию по снижению розничных цен было обращено внимание на значительные накопления в низовых союзах. Между тем,

приводимая динамика показывает, что громадную роль в интенсификации процессов накопления играли именно организующие центры и союзы, при чем значительные накопления производились даже в комиссионно-расчетных звеньях, являвшихся по существу лишь центральными представителями по расчетам между промышленностью и кооперацией.

Столь высокие прибыли в оптово-посреднических звеньях естественно не представляли благоприятной почвы ни для организационной работы по снижению цен, ни для рационализации внутри собственного аппарата.

Таким образом, наши выводы сводятся к следующему:

1. 1925/26 год характеризовался бурным ростом оптово-посреднического оборота внутри кооперативной системы, вне соответствия с ростом товарной массы.

2. Интенсивный рост оборотов и увеличение транзитных отправок синдикатами, а также ненормально высокие издержки 1924/25 года обусловили более интенсивное снижение издержек обращения в оптовых звеньях, чем в низовых; однако, темп снижения наложений заметно отставал от темпа снижения издержек, вследствие многократного против 1924/25 г. увеличения накопления.

3. Несмотря, однако, на снижение наложений в оптовых звеньях (у центров — на 33%, у союзов — на 28%), общая масса их наложений на 1 руб. поступившего в систему товара в 1925/26 г. увеличилась по сравнению с 1924/25 г. на 7%, вследствие усложнения путей товаропродвижения внутри кооперативной системы.

4. 1925/26 год оставил большие просторы внутри хозяйственной системы для понижения издержек обращения и наложения, особенно за счет сокращения ненормально вздутой прибыли, по преимуществу в оптовых звеньях.

5. Система предварительных заказов ставит на очередь и делает весьма вероятным разрешение задачи об упразднении излишних торговых звеньев, сделавших свое историческое дело организации рынка и выявления рыночной физиономии в период зарождения и первичного роста советского рынка, построенного на основе новых хозяйственных отношений. В первую очередь это относится к хозяйственной деятельности центров и облсоюзов в области внутреннего оборота, а затем должно обусловить серьезное сокращение складской работы райсоюзов. Каково значение этого момента, видно из следующего.

Среднее наложение центров и облсоюзов по кругу учета, применявшемуся в наших исчислениях (более полному, чем в исчислениях Комиссии СТО), в случае выполнения директив Комиссии СТО составит примерно 4,1% к обороту.

Наложения трех систем (синд.-коопер. торгов.) в 1925/26 г.
(В тыс. руб.)

	Накладн. расходы	Торг. расх.	Стоим. кр.	Мат. потери	Ден. потери	Налоги	Прибыль	Общ. нал.
Синдикаты	92833,8	78291,9	46918,2	2553.9	2031,2	14591,1	30035,2	267255,3
Потреб. кооп.	244835,1	394596,7	62906,3	25806,0	44793,9	77065,6	185189,2	1035251,8
Торги	29160,4	59308,2	8648,4	1065,0	4694,4	22240,0	27434,5	152550,9
Всего	366829,3	532195,8	118472,9	29484,9	57519,5	113896,7	242658,9	1455058,0
В %% к итогу	25,21%	36,58%	8,141	2,03	3,54	7,83	16,67	100,0

Наложения двух систем (синдикат.-кооперац.) в 1924/25 и 1925/26 г.
(В тыс. руб.)

1924/25 г.	Накладн. расходы	Торг. расх.	Стоим. кр.	Мат. потери	Ден. потери	Налоги	Прибыль	Общ. нал.
Синдикаты	69750,6	54103,6	27473,0	5456,3	8159,0	9738,7	12003,1	186684,3
Кооперац.	129666,0	292624,0	44154,5	25721,2	40724 8	56448,9	73118,3	662457,7
Всего	199416,6	346727,6	71627,5	31177,5	48883,8	66187,6	85121,4	849142,0
В %% к итогу	23,49%	40,84	8,44	3,67	5,75	7,79	10,02	100,0%

1925/26 г.	Накладн. расходы	Торг. расх.	Стоим. кр.	Мат. потери	Ден. потери	Налоги	Прибыль	Общ. нал.
Синдикат	92833,8	78291,9	46918,2	2853,9	2031,2	14591	3035,2	267255,3
Кооперац.	244835,1	394595.7	62906.3	25866,0	44793,9	77065,6	185189,2	1035251,8
Всего	337668,9	472887,6	109824,5	28419,9	46825,1	91656,7	215224,4	1302507,1
В %% к итогу	25,9	36,35%	8,46	2,181	3,58%	7,05	16,5	100,0

4. Снижение торговых наложений, издержек обращения и цен

В настоящей работе мы опускаем анализ ценообразующих факторов в системе торгов. В этой системе действовали те же тенденции, в них проявилась та же динамика, что и в проанализированных системах синдикатов и кооперации. Приводимая сводная таблица (см. стр. 119) размера и состава наложений включает и систему торгов (валовые наложения торгов имеются только за 1925/26 год).

Приведенные таблицы (стр. 119) показывают, что структура валовых наложений на протяжении двух лет более или менее устойчива. Увеличение веса прибыли идет по преимуществу за счет снижения торговых расходов и потерь (материальных и денежных). Для дальнейшего анализа о возможности снижения цен проделано специальное исчисление о структуре наложения для товарной массы, прошедшей через системы синдикатов и кооперации. Они дают следующее:

	Накл. расх.	Торг. расх.	Стоим. кред.	Матер. потер.	Денежн. потер.	Налоги	Прибыль	Все наложен.
1924/25 г.	22,4	40,8	9,3	3,7	5,9	7,7	10,2	100
1925/26 г.	24,57	36,14	9,53	2,1	3,64	7,17	16,85	100

Так называемые „независящие“ расходы (накладные расходы, стоимость кредита и налоги) составляют: по трем системам за 1925/26 г. — 41,18%, по двум системам (синдикаты и кооперация), за 1925/26 г. — 41,39% и за 1924/25 г. — 39,72%; по двум системам (синдикаты и кооперация) по специальному подсчету на товарную массу, прошедшую через кооперацию — 41,27% за 1925/26 г. и за 1924/25 г. — 39,4%.

Эти предварительные данные позволяют нам сделать ориентировочный расчет о возможном снижении издержек обращения и наложения (руководствуясь постановлениями Комиссии СТО), о влиянии этого снижения на уровень цен и его значении для кооперативного аппарата. Комиссия СТО установила снижение наложения на себестоимость на 26%, что дает уменьшение всего наложения на покупную цену системы на 6,6 пунктов (с 32,4% до 25,8%). Эти 6,6 пункта дают при снижении отпускных цен на 5% и добавочном снижении синдикатов на 0,5% (данные доклада ВСНХ СССР), снижение розничных цен на 10% (по другому исчислительному варианту 8,9%), что в общем соответствует директиве СТО. Вся накидка составит тогда к моменту выполнения директивы 34,5% (за 100 взята новая цена треста) вместо 41,6% в 1925/26 году.

Для того, чтобы правильно оценить значение этой сниженной накидки, следует иметь в виду, что абсолютные ее размеры снизились больше, чем относительные, так как снижение накидки происходило к понижающейся базе (отпускной цене). Если, например, при цене товара в 1 рубль накидка составляет 30 коп. (30%), то при понижении цены товара на 10% и сохранении того же отношения накидки (30%), абсолютная величина накидки понизится до 27 коп. вместо 30 коп.

Далее надо, однако, ясно представить механику снижения цен для кооперации. По расчетам, вытекающим из изложенных материалов, десятипроцентное снижение цены влечет за собой снижение „зависящих“ расходов на 32% или 33,6% (по двум исчислительным вариантам)—при допущении, что действительно произошло, как это показывает доклад НКТорга, повышение тарифов и налогов на 1% к продажной цене (или 1,3% к покупной). Важно отметить, что этот процент снижения превосходит ныне существующую долю прибыли в общей сумме „зависящих“ расходов (28,6%). Несмотря на ориентировочность этих расчетов, обусловленных качеством лежащих в их основе материалов, они в общем правильно отражают суть дела.

Если принять во внимание, что Комиссия СТО при снижении процента наложений учла рост транзита, какой ожидается в 1926/27 г., и что понижение наложений ожидалось к концу 1926/27 г., а кампания по снижению цен предполагала выполнение максимального варианта к 1 июня, то станет понятным, почему десятипроцентное снижение к указанному выше сроку вызвало вначале сопротивление низового аппарата, а затем во многих случаях механическое снижение, опередившее процессы рационализации.

Каковы перспективы влияния издержек обращения на снижение цен в 1927/28 г. и каковы задачи в этой области на ближайший год?

Сведения, поступающие в настоящее время с мест о ходе кампании по снижению цен, показывают, что снижение цен в массе случаев предшествует понижению издержек обращения и производится либо за счет резкого уменьшения накопления, либо за счет предыдущих накоплений, т.-е. работы в убыток.

Данный анализ того, что означает для торговой системы постановление Комиссии СТО по нормированию наложений и как это постановление СТО увязано с директивой о снижении цен на 10%, показывает, что в 1926/27 г. торговый аппарат может усвоить новые наложения только путем всеобщей напряженной работы. В свое время директива о снижении на 15% управленских расходов трестов была осуществлена не без труда, несмотря на то, что она относилась к наиболее централизованному и организованному хозяйственному аппарату нашей страны. Для кооперации мелкого и распыленного аппарата дана директива снижения наложения примерно на 33%.

Предыдущий год значительных накоплений и относительно слабой работы по рационализации внутри кооопераций создал в аппарате инерцию, затрудняющую решительную и генеральную работу по пересмотру и понижению издержек обращения.

Приведенные данные показывают, что в секторе обмена, секторе наименее производительных расходов в народном хозяйстве имелись и имеются значительные резервы для сокращения издержек обращения. Каждый рубль экономии в секторе обмена означает увеличение на ту же сумму капитального строительства. Массовая кампания по снижению издержек обращения в каждом отдельном звене должна быть продолжена с неослабевающей, усиливающейся энергией, так как можно еще добиться значительной экономии за счет каждого звена. Однако, главное внимание необходимо сосредоточить на упрощении путей товаропродвижения путем борьбы с наметившейся гипертрофией опта.

Нынешняя стадия является переходной к новым формам построения товарооборота. Генеральной задачей является установление непосредственной передачи товара от производителя к рознице. Постепенное сжатие опта (как складского, так и торгово-расчетного звена) должно быть признано задачей уже ближайших лет.

Синдикатский аппарат должен быть полностью превращен в торговый аппарат промышленности. Синдикатская форма сбыта — потенциально наиболее экономная для промышленности; синдикаты не должны делать наценок сверх отпускной цены треста, их расходы должны покрываться соответствующей статьей в калькуляции треста. То же и в отношении стоимости кредита и прибыли. Синдикатский аппарат должен так построить свою работу, чтобы на основе заказов периферии выполнять отправки в торговом ассортименте.

В этих условиях хозяйственно становится излишним посредничество центральных и областных союзов. Значительно должны будут сократиться складские операции райсоюзов. Путем системы мероприятий необходимо будет стимулировать приобретение сельской кооперацией, не говоря уже о городской, товара непосредственно с фабрик, минуя по возможности складские операции союзов.

Организационная роль кооперативной системы из-за предлагаемых мероприятий не будет ослаблена, наоборот, она должна будет усилиться, идейное руководство организующих центров должно будет получить подкрепление в расширении и фактическом усилении их влияния на кредитную систему (Всекобанк, Госбанк), а также в деле заключения генеральных соглашений с промышленностью на основе торгово-финансового плана кооперации.

Подготовка к этой установке, разрешение которой мыслится в течение ряда ближайших лет, должна начаться уже с 1927/28 г.

Если все приведенные мероприятия, а равно и намечаемые должны будут дать абсолютно значительную экономию для народного хозяйства, то для разрешения проблемы цен мероприятия в сфере обращения окажутся недостаточно эффективными.

При условии выполнения директивы СТО о десятипроцентном снижении к концу 1926/27 г. при продвижении товара от промышленности через кооперацию розничная цена будет равняться 134,5, в которой за 100 принята новая отпускная цена промышленности; тогда в розничной цене издержки торговли составят немногим бобее 25,6%, а отпускная цена — 74,4%. При чем в торговой накидке 50% составят так называемые „независящие“ или, вернее, менее зависящие от торгового аппарата расходы.

Таким образом, для снижения цены на 1% за счет товаропроводящего аппарата потребуется снижение „зависящих“ расходов на 8% и наложения на 4%.

При стоящей перед нами задаче снижения цен, измеряемой не единичными процентами, при том условии, когда продажная цена состоит на 75% из отпускной цены треста, на 12,5% из расходов на транспорт, налоги и кредит и 12,5% из торговых расходов и накопления,—разрешение проблемы снижения цен основной тяжестью упирается в снижение отпускных промцен.

Это положение с исключительной ясностью должна осознать вся наша промышленность и органы, регулирующие промышленность. Надо полагать, что в соответствии с ростом ответственности промышленного сектора за своевременное разрешение проблемы цен перед всем народным хозяйством, будут расти и творческие усилия к снижению цен и себестоимости.

В виду того, что процессы рационализации системы товаропродвижения, в указанном нами направлении означающие достижение высших форм организации товаропроведения, будут растянуты на протяжении нескольких лет, создается опасение, что при снижении отпускных цен произойдет стабилизация или даже рост веса торговой накидки (несмотря на абсолютное ее снижение) в цене товара; поэтому необходимо — в виду большого значения „независящих“ расходов—одновременное планирование и этих элементов.

В. Г. Громан

К оценке хозяйственного положения СССР [1]

Попытка охарактеризовать положение народного хозяйства в целом и вместе с тем наметить тенденции развития представляется в данную минуту весьма трудной задачей. Во-первых, мы эту попытку делаем еще в июне месяце, когда до конца хозяйственного года осталось три месяца, а до нашего знания о нем расстояние еще больше, потому что по настоящему мы знаем только первое истекшее полугодие, а об последних месяцах мы имеем только предположительные данные. Трудность заключается в том, что мы пытаемся определить наше положение тогда, когда итоги хозяйствования не выявились вполне. Если даже брать сельскохозяйственный год, представляющий собой отрезок времени, у которого и об'ективные результаты гораздо более ясно определяются урожаем, то и эти итоги сельскохозяйственного года еще не ясны, поскольку по последним данным мы имеем лишь предположительные сведения о посевной площади и совсем не имеем данных о движении стада.

Другой итог подводит промышленность. Именно — что она сделала, насколько она увеличила свой основной капитал, какие произвела капитальные вложения к настоящему моменту. Отчетных данных о капитальных вложениях у нас также еще нет.

После этих предварительных общих замечаний перейдем к самой теме.

Само собой разумеется, что при оценке переживаемых нами хозяйственных процессов необходимо использовать всю сумму знаний, которая у нас имеется, во-первых, по всей системе кон'юнктурных наблюдений; во-вторых, некоторые имеющиеся ряды динамических статистических данных по линии государственной статистики; в-третьих, опыт работавших, который отразился в докладе ведомств, и опыт экспертов секций Госплана. Опыт этот многообразный, при чем каждый в отдельности далеко не отчеканен, дает часто лишь намеки на явления с крайне грубой степенью приближения к действительности и с постоянным указанием, что эти данности могут быть при последующем рассмотрении существенно исправлены. При таких условиях можно решиться сделать определенную экономическую характеристику только благодаря тому, что в течение вот уже шести лет

[1] Настоящая статья представляет собой литературно обработанный доклад автора на Всесоюзном совещании по контрольным цифрам 29 июня с. г.

плановой работы выработались методы того коллективного мышления, без которого разрешить задачу при таких данностях невозможно. Задача сводится к тому, чтобы из всей суммы данностей и суждений, которые имеются в Госплане, формулировать результаты этого коллективного мышления.

Существо хозяйственных процессов в Советской России не может быть рассмотрено изолированно от мирового хозяйства и даже больше — от всего мирохозяйственного целого со всеми его экономическими, культурными и даже политическими моментами. 1926/27 г., как и ряд предыдущих лет, проходил в атмосфере мира и внутреннего и внешнего. Мы развивали свои отношения с мировым хозяйством и по линии торговли, непосредственно за наличный расчет, и по линии кредита. Мы впервые в 1926/27 г. имели возможность получить крупные суммы иностранного долгосрочного кредита на переоборудование нашей промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Эта обстановка последние месяцы сменилась „Хиксовым действом". Всем известно, что видоизменяются об'ективные условия наших отношений с внешним миром. Если мирные тенденции предшествующих лет привели к Женевской конференции, где мы высказывались за возможность мирного существования двух систем — капиталистической и социалистической — и активной хозяйственной связи между ними; если резолюция международной конференции приняла такую постановку советского государства, то тем не менее непосредственные результаты „Хиксова действа" явно враждебны намечающимся условиям мирного строительства. В связи с этим встал вопрос об усилении нашей обороноспособности, и он должен сделаться на предстоящее время одним из самых главных.

В методологическом отношении я буду в докладе стоять на динамической точке зрения, рассматривая данный год, как отрезок на кривой развития. Я должен буду об'яснить, как родился этот год, какое он получил наследство от предшествующих лет, но главное, центральное внимание должно быть устремлено на то, какое наследство он передаст будущему году.

Самую характеристику хозяйственных процессов, нами переживаемых, я, согласно схеме Маркса, расчленяю на производство и распределение, понимая под последним долю в национальном доходе различных классов населения и роль фиска, как перераспределителя национального дохода между теми же классами населения; затем, условия обращения как товарного, так и денежно-кредитного, и, наконец, потребление и накопление. После рассмотрения об'ективных данных об этих основных элементах я попытаюсь сначала языком ведомств и их докладчиков, которые высказывались на нашем совещании, охарактеризовать это целое и дать собственную синтетическую оценку. Затем я выскажу и те предположения, которые намечаются, о возможных количественных темпах нашего развития в наступающем году.

Итак, перехожу к об'ективной характеристике условий производства.

Сельское хозяйство характеризуется тем, что исходом для данного его положения, созданного урожаем 1926 г., являлся рост посевных площадей под зерновыми посевами, выше среднего урожай зерновых хлебов и отсюда — повышенный сбор хлебов, явившийся к тому же повторным урожаем. С другой стороны, 1926 г. характеризовался падением посевов технических культур, вызванным невыгодными эквивалентами для сырья по сравнению с хлебом и промтоварами, а также и низким урожаем этих культур, обусловленным не только метеорологическими условиями, но, несомненно, и низким качеством обработки. Последнее отчасти было обострено большей выгодностью хлеба, вследствие чего большая часть сил была затрачена на обработку расширенных посевов хлебов и недостаточная часть была дана на технические культуры. Наконец, 1926 г. характеризовался крупным ростом животноводства и продукции стада.

Что произошло в самом 1926/27 г.? Для хлебов были установлены заготовительные цены такого уровня, что эквивалент хлеба по отношению к промтоварам ухудшился. В течение долгого времени и для сырья было такое же положение. Но перед посевом правительство признало необходимым изменить эквиваленты в пользу сырья и в пользу продуктов животноводства. По отношению же к хлебу было принято достаточное понижение продажных цен в районах, где производится сырье, и понижение промышленных цен; все это усилило улучшение эквивалентов для сырья и технических культур. Заготовительные цены на хлеб не были повышены. Всегда во все годы и можно сказать во всех странах в сельском хозяйстве к весне цены на хлеб повышаются. Это обусловлено не только социальным моментом, т.-е. что сначала отчуждают слабейшие хозяйства, а более сильные держат до конца хлеб, но и техническим моментом. Ведь хлеб это—материальная ценность, и когда вы держите его в амбаре, то расходуете и материал, и труд, а затем происходит усушка, порча и т. п. Мы цены не изменили. В кон'юнктурных обзорах на ряду с проблемой сырья я выдвигал вопрос о необходимости „весеннего гривенника", но это сочувствия не встретило. В результате, по данным Экспертного совета, вы имеете всего 0,8% роста посевных площадей, а для осени имели 2,5%. Следовательно, яровые абсолютно упали. Значит, эти весенние эквиваленты для посева не могли не оказать своего отрицательного влияния, и они его оказали.

Вот один из итогов истекшего с.-х. года. Я лично думаю, что дальнейшее уточнение повысит этот коэфициент. Некоторые районы уже указывают, что они ожидают больших посевов. НКЗ говорил нам, что он ожидает больший коэффициент, чем по данным Экспертного совета. Но он прибавил, что прирост посевных площадей будет все же ниже прироста населения. В этом отношении, значит, мы имеем деградацию. Технические культуры, эквивалент которых был

изменен, и особенно продукты животноводства этой весной характеризуются резким под'емом. Вы имеете рост технических культур на 10—15—20 и больше процентов. Положение животноводства, для которого индекс составляет 1,61, в то время как для хлеба — 1,03 и 1,35 — для сырья,— характеризуется тем, что крестьянство скармливает дешевый хлеб скоту. В этом вы видите, несомненно, прогрессивный рост и развитие сельского хозяйства, интенсификацию сельского хозяйства, но может быть с нарушением необходимой пропорции. Хлеб нам нужен, как таковой. Он есть и основа продовольствия и экспортный материал. И как справедливо указал и председатель Торговой секции, с одной стороны, и председатель Госплана— с другой, необходимо считаться с тем, что будущий год, по всей вероятности, будет неурожайным. Тогда хлеб приобретет уже особую исключительную ценность, как страховой фонд от всех потрясений, создаваемых абсолютным недостатком хлеба в стране. При этом освещении прогрессивные явления роста технических культур и роста животноводства и его продукции, несомненно, должны получить определенный делитель в виде падения яровых зерновых посевов.

Переходим к промышленной продукции. Она имеет, прежде всего, количественный рост, и крупный рост, но не по нашим привычным масштабам последних лет. Рост этот больше, чем вдвое замедлился против предыдущего года и дает 20% прироста против коэффициента 47. Мы, несомненно, имеем огромные организационные и технические улучшения. Мы имеем ряд показателей улучшения использования сырья и топлива на единицу продукции; мы имеем показатели о росте производительности труда одного рабочего, порядка 15% по кон'юнктурным данным, по ожидаемым данным всего года — 11%. Мы имеем ряд показателей по понижению себестоимости, но на ряду с этим мы имеем ряд показателей о повышении себестоимости в отдельных отраслях производства.

Состояние наших отчетных данных о движении себестоимости таково, что никто не решается дать даже экспертной оценки в смысле характеристики данного момента, а говорят только свои ожидания. Высший показатель, который мы слышали от соответствующего специалиста ВСНХ,— это ожидание в среднем за 1926/27 г. понижения себестоимости на 2%. Я лично, на основании кон'юнктурных данных, разделяю эту точку зрения.

Что касается второго существенного момента, характеризующего промышленность, т.-е. капитальные вложения, то мы отчетных данных не имеем. Орган ВСНХ, его Президиума, „Торг.-Пром. газета" отмечает, что состояние материалов вообще таково, что судить об экономической эффективности капитальных затрат невозможно. Сама регистрация поставлена так, что она не дает возможности судить об этом.

Мы здесь слышали доклад тов. Соколовского, который вызвал огромный к себе интерес и внимание со стороны Комиссии по кон-

трольным цифрам, где он правдиво и с большим пониманием дела обрисовал, почему собственно это так получилось.

Реконструктивные процессы у нас, так сказать, перемешались с восстановительными, и все повышение производительности нового оборудования остается на бумаге, в проекте, а в действитетьности не выявляется. Для выяснения действительных результатов этих частичных преобразований нужна какая-то постановка специального особого наблюдения и особых методов учета.

Хотя капитальные работы в этом году осуществятся, но кон'юктурные данные говорят, что они до сих пор, в первое полугодие, во всяком случае — шли замедленным темпом.

Два месяца — апрель и май — как они стали расширяться, но расширяться не в достаточной мере. По линии кредитов это расширение капитальных работ вызывает уже повышение требований кредитной системе, и поэтому у меня вызывает сомнение заявление тов. Гинзбурга, что будут осуществлены капитальные работы в размере 970 млн. руб.

Интересен факт, указанный представителем ВСНХ, тов. Соколовским, что огромный текущий ремонт по содержанию своему является капитальными работами, но относится на текущую калькуляцию и включается в себестоимость. Число рабочих растет чрезвычайно медленно и на ряду с ростом рабочих растет и коэффициент безработных. Мне неизвестна ни одна страна, где эти две кривые шли параллельно, а у нас они идут так. Вот это явление в значительной мере обусловлено указанными мною условиями сельского хозяйства, т.-е. слабым развитием сельского хозяйства, которое выталкивает рабочую силу из деревни. Затем, это об'ясняется также условиями распределения, которые я рассмотрю ниже. Но самый факт этих двух одновременных потоков является одним из тяжелых препятствий для рационализации.

При росте безработицы и при том размере социального обеспечения, которое может дать наше советское государство при данном уровне своего материального развития, несомненно известное сопротивление рационализации, сопровождаемое увольнениями рабочих, должно иметь место и оно имеет.

Но все же мы должны сказать, что в общем и целом 1926/27 г. является крупнейшим шагом вперед в смысле количественных и качественных достижений нашей промышленности,— и в этом заключаются условия ее дальнейшего роста.

Перейдем к мелкой промышленности. Здесь надо отметить тот недостаток внимания, который мы уделяем мелкой промышленности при ее огромном значении. Тов. Лавров дал нам коэффициент —9% роста мелкой промышленности ЦПО против прошлогодних 6%. Он же говорит, что возросла конкуренция крупной промышленности, недостаток снабжения сырьем, чрезвычайно затруднительны условия сбыта,— и в результате этого 9% роста. Как видно, мелкая промышленность в общем и целом дала слабый рост и, даже можно сказать, ничтожный рост, исходя из коэффициента потребности жизни и сравнения с коэффициентами крупной промышленности. В некоторых отраслях мелкая промышленность даже приостановилась. Конкуренция крупной промышленности, условия получения сырья и оборудования, условия сбыта и условия кредита были неблагоприятны, но тем не менее ряд районов дают показатели роста 9—6—5%, так что возможный обобщающий показатель может быть определен в 5—6% роста кустарной промышленности. Если в области взаимоотношений между крупной промышленностью и мелкой я могу констатировать добрые намерения со стороны ВСНХ: поставлено соответствующее задание, может быть даже и приступлено к некоторому выполнению этого задания — организации снабжения кустарей, то все же правильные взаимоотношения между госпромышленностью и мелкой кустарной промышленностью еще впереди.

Рассматривая транспорт, как производственный организм, можно характеризовать его тем, что седьмой год в Госплане мы, рассматривая его производственные нужды, каждый раз отмечаем необходимость серьезных капитальных вложений, но по совокупности обстоятельств это намерение приходится отложить на год. И вот такое отложение на год происходит седьмой год. Теперь транспорт определяет свою безусловную необходимость капитальных вложений цифрой порядка 600 млн. руб., а наш перспективный план определил ее в 577 млн. руб. Наша Транспортная секция, пытавшаяся отложить все, что только можно по программе работ, конкретно остановилась на цифре 388 млн. руб., и, мне кажется, надо признать, что преувеличения у нашей Транспортной секции нет.

Мы не имеем других показателей, кроме того, что до сих пор транспорт справлялся со своей разрухой, и это позволяло откладывать на год и говорить: авось еще справится. Транспорт свою работу увеличил, так называемые свои коэффициенты использования улучшил, но это совершилось ценой дальнейшего запущения основных капитальных нужд транспорта, и, повидимому, настанет пора, когда транспорт начнет очень сильно чувствовать это, и такая пора не за горами.

Строительство шло очень усиленным темпом по всем отраслям. Есть подсчеты, дающие цифру свыше 2,5 млрд. руб. за год. Но одновременно говорят, что оно было далеко невысокого качества, очень часто плохого, и плановости в деле строительства было чрезвычайно мало. Указывалось неоднократно, что техника нашего строительства абсолютно примитивна, что прогресса в этом деле нет; указывалось на отсутствие какого-либо регулирующего и планирующего начала, разрешения всей совокупности вопросов, и, таким образом, перспектив улучшения на будущий год качества строительства не видно.

На этом я заканчиваю обзор нашего хозяйства в производственном разрезе и перехожу к распределению.

Распределение — это наиболее динамичное из всех явлений.

Что говорят нам данные? Доля рабочего класса в национальном доходе и абсолютно и относительно увеличилась. Если определять в довоенном измерении, то вы можете рост покупательного фонда рабочего населения определить в 24%, благодаря увеличению числа лиц и росту средней зарплаты. Но доля служащих, по всей вероятности, осталась стабильной, потому что тут не было ни увеличения штатов, ни роста зарплаты, или было очень небольшое, а доля буржуазии понизилась. Я ее определяю в том же размере, как понижение дохода крестьянства от реализации с.-х. товаров, т.-е., примерно, процентов на 5. Это связано с изгнанием частных заготовок, с ликвидацией в значительной степени частной посреднической торговли, с изменившимися условиями рынка и тяжестью обложения, высотой жел.-дор. тарифов, специально повышенных для частных торговцев, и, наконец, с известной задержкой в развитии и мелких промыслов, где в качестве скупщика частный капитал имеет применение.

Покупательный фонд деревни от реализации с.-х. товаров и абсолютно и относительно упал, вследствие указанных мною низких эквивалентов для хлеба, упадка технических культур в их материальном выражении и одновременно с этим — повышения с.-х. налога и всех прочих сборов. Я определяю эту цифру в 5%. Это вопрос, подвергшийся особо детальному обсуждению по районам. Одни районы вычисляют рост у себя покупательной силой от реализации с.-х. товаров, другие — падение, третьи — стабильность. Общий итог в порайонном разрезе с правильным взвешиванием по числу крестьянского населения — я не знаю произведен ли,— но моя прикидка итога, полученного по общесоюзным данным, а именно, я брал данные по заготовкам по районам и по всему Союзу, брал заготовительные цены, приближенно учитывая частную заготовку и их цены, сопоставил с данными жел.-дор. перевозок — и это исчисление, степень точности которого не стопроцентная, привело меня к этому выводу о падении на 5% покупательного фонда деревни от реализации с.-х. товаров. В ряде районов (это районные обзоры нам позволяют сказать с определенностью), где развита промышленность или лесные разработки, эта недовыручка от реализации с.-х. товаров с избытком погашена. Но там, где этих условий не было, там эта недовыручка имеется. Но все же в других районах, в частности в нашем восточном, который дал огромный прирост сбора хлебов против прошлого года, там выручка поднялась. Доля госпредприятий и кооперативных предприятий как промышленных, так и торговых, росла и относительно, и абсолютно. Что это значит? При росте продукции промышленности, при повышавшихся даже отпускных ценах, или, во всяком случае, при неизменных, сопровождавшихся понижением качества, при стабильности себестоимости,— прибыли, конечно, росли. Вплоть до последнего периода нашего хозяйственного развития,

когда обнаружилось известное соответствие спроса и предложения, росли прибыли и в государственных торговых и кооперативных организациях. Банки развивали свою деятельность, и их прибыль также росла. И если вы имеете на ряду с этим даже падение покупательной силы деревни от реализации с.-х. товаров и падение частной торговли, то, несомненно, вы должны признать что и относительная доля обобществленного сектора росла.

Фиск — этот перераспределитель национального дохода — дал огромный прирост дохода, вследствие повышения акцизов и прямых налогов, а также вследствие роста доходов госпредприятий. Мы имеем коэффициент прироста госдохода совершенно небывалый по с.-х. годам. Я беру госбюджет (конечно, без НКПСа и НКПочтеля, потому что это есть странное включение в фиск оборотов целых отраслей хозяйства, которое мы по традиции делаем) и получаю в червонном выражении +48% роста государственных доходов, а в довоенных ценах +54%. И если посмотреть на отношение государственного дохода к товарной части продукции всей страны, т.-е. так называемый статический коэффициент этой величины, то вы увидите, что 1926/27 год дает коэффициент 17,2% по отношению к сумме товарной массы, тогда как предшествующий год давал 12,3%, а 1924/25 г.— 14,3% (в довоенном исчислении). Таким образом, этот коэффициент повысился на 40%. Результат такой, что мы, работники конъюнктуры, работники контрольных цифр, вместе со специалистами нашей Бюджетно-финансовой секции должны сказать, что источники дохода исчерпаны до отказа, что возможен лишь параллельный дальнейший рост бюджета и товарной массы в силу роста уже числа самих объектов, но никак не размеров обложения, и это, между прочим, определит собой одну из центральных величин нашего прогноза на будущее. Необходимо указать, на что шли эти огромные средства. Как никогда был развит раздел финансирования народного хозяйства, и это финансирование в колоссальном размере направлялось на нужды промышленности, затем, в гораздо меньших размерах, на нужды электростроительства, далее — общего строительства, кое-что перепало транспорту и очень мало — сельскому хозяйству.

Позвольте мне теперь перейти к условиям обмена. В этой области мы не имеем прямых показателей, а судим косвенными показателями и динамикой соответствующих показателей об явлениях продукции и явлениях, определяющих покупательный фонд. Я, при помощи тов. Гухмана, составил ряды по кварталам 1925/26 и 1926/27 гг. производства предметов широкого потребления и покупательных фондов. В то время как для прошлого года поквартальные приросты предметов широкого потребления были 132%, 133%, 132% и 130%, показатели покупательного фонда были: 148%, 158%, 148% и 145%; показатели покупательного фонда превышали показатели роста продукции. Для этого года вы имеете—128%, 126% для первого, 118%, 116% для продукции и 111%, 113%, 110% и 109% для покупательного фонда.

Так что это явление заключается в том, что соотношение этих показателей перевернулось совершенно, что показывает, что они пришли в соответствие. Мы характеризуем, в общем и целом, этот период 1926/27 г., как и последний квартал предыдущего года, как период приближения спроса и предложения в соответствие друг с другом, в общих ценностных суммах и массах, и уже на фоне этого приближения к соответствию ликвидирован тот огромный товарный голод, который характерен для прошлого года, когда показатель покупательного фонда намного превышает показатель роста продукции, т.-е. ликвидируется атмосфера товарного голода, и страна вступает в иную атмосферу, где иные показатели становятся характерными,— не эти соотношения масс покупательного фонда и ценности производимых предметов широкого потребления, а соответствие состава качественного предложения составу спроса. Это несоответствие ассортимента спросу является характернейшей особенностью. Система предложения продиктована историческим наследием, оборудованием, условиями производства, привычками. Несомненно, Октябрьская революция и весь восстановительный период не привели нас к той системе потребления, которая была до войны. Сейчас нет возврата к старому. И проблема построения ассортимента, проблема изучения спроса встает перед нами во всем своем значении. Интересно посмотреть на показатели нынешнего грузооборота. Самый важный показатель, что грузооборот растет, и характерно, что растет и сильнее продукции и даже сильнее товарной массы. Дело в том, что мы измеряем товарную массу в ценностном выражении, а грузооборот—в натуральном. Здесь мы золото, навоз, шелк, дерюгу и дрова складываем вместе и получаем итог Рост грузооборота обусловливается тем, что определяющей величиной все-таки является именно товарная масса, а если коэффициент повышается, то потому, что растут даже перевозки земли и глины для построек. С другой стороны, происходящее вовлечение отдельных районов в хозяйственную жизнь страны привело к тому, что коэффициент роста окраинных районов превышает коэффициент роста некоторых центральных районов. Происходящая отсюда дальность перевозок при нашем дифференцированном тарифе создает то противоречие, что прогрессивное с точки зрения народного хозяйства явление роста дальности перевозок и изменение состава грузов с точки зрения транспорта является неблагоприятным: получаются более дешевые перевозки, вследствие чего падают доходы.

И вот, на фоне падения доходности железных дорог явился стимул к повышению жел.-дор. тарифов, что, несомненно, увеличило торговые расходы. Торговля оплачивает транспорт. Одновременно с этим существовавшие эквиваленты по отношению к деревне, отразившиеся на с.-х. производстве, побудили нас встать на путь понижения цен. Как же расценивать это явление? Цены могут понижаться либо за счет действительного изменения издержек производства, либо за счет прибыли. Сокращение издержек может происходить от рационализации, может происходить от уменьшения тех плат, которые данная отрасль вносит в другие. Сокращению издержек препятствует повышение жел.-дор. тарифов, а также ряда других расходов, как арендной платы и т. д. Тем не менее, цены падают. Факт снижения цен, несомненно, имеет место. Но надо заметить, что это снижение часто происходит за счет прибыли торговых предприятий.

В понятие торговли и обмена входят и з а г о т о в к и. В общем заготовки характеризуются тем, что в количественном отношении они были ниже плана (хлебные заготовки и др.). А в ценностном отношении мы имеем следующее. Если брать полугодия хозяйственного года — мы имеем одни итоги, а если брать с.-х. год, то другие, при чем во втором случае более благоприятные. А именно, в последнее время были повышены цены на сырье и продукты скотоводства. Но все-таки наш хлебный план до июня осуществлен в размере 92%. Июнь месяц 8%, конечно, нам не даст и весь хлебный план выполнен не будет. Внешняя торговля характеризовалась тем, что мы опять-таки количественно не выполнили плана, а в ценностном отношении выполнили даже с избытком (я говорю об экспортном плане). Для нас была чрезвычайно благоприятная кон'юнктура по хлебному рынку и по ряду других товаров. С другой стороны, была совершенно неповторяемая благоприятная кон'юнктура для импорта основной, главной массы ввоза хлопка, порядка 150 млн. руб., которая вследствие огромного урожая и развития посевных площадей имела место в прошлом году. Мы покупали его ниже довоенного номинала, но теперь произошел разлив Миссисипи, произошло сокращение посевных площадей хлопка, и условия изменились. Нельзя не обратить внимания на то, что иностранные кредиты были оказаны в этом году в необычайно высоком размере. Поэтому пока что наш экспортно-импортный план считают идущим нормально, и торговое накопление валюты, по утверждению соответственного представителя, идет по плану, по другим ведомствам заявляется, что план выполняется ровно в половину.

Наши д е н е ж н о-к р е д и т н ы е отношения развивались в соответствии с ростом продукции товарной части и товарооборота, но несоответственно нашему плану. Оказывается, что годовую кредитную программу мы выполнили почти на 75% в одном первом полугодии. А если взять восемь месяцев, то окажется, что денежную массу мы выпустили в годовом размере (148 млн. руб. против 150 млн. руб.). И кредитная операция и вклады в некоторых частях превосходят предположенные годовые размеры. Из этого делают вывод, что было чрезмерное кредитование и чрезмерный выпуск денежной массы. Я держусь другого мнения. Я думаю, что контрольные цифры были проникнуты рестрикционным духом — „обжегся на молоке, дуешь и на воду“,— и в прошлом году были поставлены такие рамки

для денмассы и кредита, которые развивающееся народное хозяйство выдержать не могло, и оно шло сверх рестрикционных планов.

Доказательством этого служит то, что соотношения денежной массы и вкладов не те, которые были предусмотрены планом, т.-е. вклады росли гораздо быстрее, чем было предположено по контрольным цифрам, мы в планах зажимали кредит, но жизнь это не позволила проводить, так что в последний период развились уже иные отношения между вкладами и учетно-ссудными операциями, чем те, которые наблюдались за предшествующее полугодие: вклады падают, а учетно-ссудные операции растут. Это об'ясняется стремлением поддержать крестьянские посевы путем контрактации, что определяется миллионами тридцатью; отчасти расширились в последнее время требования на кредит со стороны транспорта, который получил также до пятидесяти млн. руб.

Переходя к потреблению и накоплению надо сказать, что в городах росло потребление и сельскохозяйственных и промышленных товаров; в деревне росло потребление сельскохозяйственных товаров. Что касается промышленных товаров, то в связи с падением покупательного фонда деревни от реализации с.-х. товаров, пришлось решать задачу о покупательном фонде ее на промышленные товары; я решаюсь говорить о том, что он упал.[1] В крупной промышленности, торговле, кредитной системе процесс накопления имел место в больших размерах, чем в предшествующий год, в сфере же буржуазии процесс накопления имел лишь местное частичное проявление, а у крестьянства, вследствие указанных выше причин, он также не мог быть значительным.

Отраслевой разрез я могу закончить и перейти к синтетической части своего доклада. Но позвольте перед моим синтезом, правда, тоже коллективным, как я уже сказал, поставить синтез ведомственный. Мы должны были констатировать огромную работу, произведенную ведомствами в деле подготовки контрольных цифр этого года. Они сделали гораздо больше, чем мы могли на них рассчитывать.

Мы говорили об исследовании динамики, о намечении известных директив для будущего, об основных лимитах только в их области, а мы получили почти контрольные цифры и по линии ВСНХ, и по линии НКТорга, и по линии бюджета, и даже по линии кредита. Наркомзем не союзный орган, и мы его не слышали, но наша Сельскохозяйственная секция проделала большую работу и также составила нам контрольные цифры.

И в отличие от прошлогодней практики, каждая отрасль народного хозяйства, вернее, представители этой отрасли, аргументировали не ведомственно, а народнохозяйственно, обосновывая роль

[1] Последующие подсчеты порайонных данных, показали, что доход деревни от реализации с.-х. товаров, за вычетом налога, упал, но был с избытком компенсирован ростом промысловых заработков.

и значение своей отрасли и свои требования и нужды с точки зрения тех требований, которые этой отрасли пред'являются всеми отраслями народного хозяйства.

И вот, каждый представитель той или иной отрасли хозяйства доказывал с огромной убедительностью, что именно его отрасль народного хозяйства находится в минимуме, что именно на нее надо обратить главное внимание и что именно с ее успехами связаны успехи всего целого и что если не будет на нее обращено достаточное внимание, она сделается тормозом всего народного хозяйства.

Так, наша ведущая отрасль — промышленность — с полным правом констатирует, что в ней изношенное оборудование, что у нее недостаток оборотных средств, что капитальные вложения делаются не в достаточном размере; поэтому она не может дать надлежащего немедленного эффекта. Она говорит, что количество ее продукции недостаточно, что она не может удовлетворить товарного голода на предметы широкого потребления народных масс и производственных потребностей других отраслей народного хозяйства; что нужно форсировать работу по переоборудованию и рационализации промышленности в области материального оборудования, так как она страдает от разносистемности и отсталости оборудования. По выражению тов. Базарова, наше оборудование представляет кунсткамеру оборудования трех веков.

Промышленность говорила нам, что она вынуждена стать на путь снижения цен, хотя элементов для снижения себестоимости еще нет; что она вынуждена снижать свою доходность и усиливать свои капитальные работы. Она нам доказала, что даже перспективный план недостаточен — иначе она станет тормозом всего народного хозяйства, иначе остановится транспорт, иначе крестьянство останется без оборудования и т. д.; что ей нужны 1.200 млн. руб на капитальные работы и на оборотные средства — 420 млн. руб., всего 1.620 млн. руб. с банковским кредитом, и все это так нужно, неотложно нужно, и именно столько и ни на копейку меньше, что она урезана до последнего.

Обратимся к представителям сельского хозяйства, которых здесь защищала наша Сельскохозяйственная секция. Они нам говорили, что сельское хозяйство есть база для всего народного хозяйства, что оно поставщик сырья и продовольствия, поставщик экспортных товаров, а поскольку мы экспортируем, постольку мы импортируем нужные для промышленности сырье и оборудование для ее рационализации, что сельское хозяйство задыхается от исторических условий, в которых оно находится до сих пор. Поэтому требуется прибавка в 180—200 млн. руб. на капитальные вложения в сельское хозяйство, как минимум-миниморум.

Сельское хозяйство в минимуме — все — для сельского хозяйства! — Это было нам аргументировано с исключительной важностью и ясностью.

Таким же образом и транспорт требует средств, что, по моему мнению, вполне справедливо. Он привык поднимать тарифы и осекся на этом, так как путь повышения тарифов дает не прибыль, но убыток. Он дотарифицировался до отказа при нашей поддержке. Уже абсолютно уменьшились на 10% перевозки пассажиров. Имеются показания о том, что на расстоянии нескольких десятков верст гужевой перевоз дешевле транспорта железнодорожного и уже везут гужом параллельно с железными дорогами. Нам было доказано, что транспорт есть кровеносная система народного хозяйства, что развитие сельского хозяйства и развитие промышленности немыслимо без под'ема транспорта, что это есть об'ективный центр бытия страны. При этом он еще запущен и сейчас необходимы в первую очередь 600 млн. руб. капитальных вложений, а минимум-миниморум — 450 млн. руб.

Строительство нам говорило, что техника у него такая, какой она была при царе Горохе, что коэффициент строительства выше всех возможных коэффициентов — 2,75, что строят дома из сырого леса. Тут один товарищ говорил, что срок службы этих домов — 10 лет, а я прибавлю, что в Новосибирске срок существования такого дома — 1 год; через год появляется грибок и дом этот распадается на головы обитателей его. Между тем, строительство находится также в минимуме. Условия квартирные, в которых живет наше трудящееся население, имея по 8 аршин на душу (да если еще учесть качество этих 8 аршин), чрезвычайно неблагоприятны.

Это производственные отрасли. Но спросите тех, кто ведает процессами обращения. Я уже вам иллюстрировал, что говорит торговля. Торговля говорит, что она поставлена в невозможные условия для удовлетворения расширявшегося товарооборота при сужающемся оборотном капитале, что с нее все дерут не по режиму понижения цен, а по режиму повышения цен — и за помещение, и за жел.-дор. тариф и т. д.; кредит для нее не соображен ни с расстояниями, ни со сроками, в которые она должна обслуживать товарооборот. Приводились районами примеры, что кредит рассчитан ровно на половину срока, который нужен для того, чтобы довести товар до места его назначения. Сроки кредита, условия расчета с промышленностью тяжки; оборудование ее, частью и экспортное, совершенно убого и жалко, между тем, как ей нужны хододильники, элеваторы и т. д. Денежно-кредитная система,— полгода, по крайней мере, она о себе молчала, но теперь, когда пришлось 148 млн. руб. выпустить за $2^1/_2$ месяца, она должна с полным правом заявлять: „берегитесь, мы, валюта, можем стать в минимуме, а этим парализуются все остальные стороны народного хозяйства". Подумайте о банках, о кредитно-денежной системе.

Вот те синтезы, которые делают представители отдельных отраслей народного хозяйства. Казалось бы остается развести руками и, не знаю, — пожалуй, пустить на узелки, или в орел и решку

разыграть — какие нужды важнее и чья аргументация из представленных представителями каждой отдельной отрасли более правильная. Но есть критерии, которые нам позволят найти об'ективные оценки как характеристики положения, так установления роли каждой отрасли, так и критерия для соизмерения их нужд.

Эти критерии были формулированы тов. Базаровым в такой форме: оптимальное сочетание развития производительных сил, роста благосостояния трудящихся масс и развития социалистических форм хозяйства. Я всегда прибавлял к этому — с учетом сохранения динамического равновесия народного хозяйства, требующего пропорциональности в развитии его отдельных элементов. Нарушение этих принципов приведет к бесплодию ассигнований. Бесплодность выражается в том, что вы можете начать строить фабрику и в середине прекратить эту стройку и оставить ее на волю ветров и дождей за невозможностью ее закончить. Вы можете произвести продукты, которые не будут нужны народному хозяйству и т. д. Так вот нам нужно найти критерий для оценки и для намечения тех весов, на которых мы будем взвешивать притязания различных отраслей. Я назвал этот критерий. Но как он конкретно применяется к современному моменту? Что сделала жизнь в этом году?.. Жизнь сделала очень немного. Она позволила нам почти завершить восстановительный процесс, приступить к реконструктивному процессу и тем самым поставила нас в рамки совершенно других темпов развития, чем те, которые были свойственны восстановительному периоду. Но мы все мерки черпаем из эпохи восстановительного периода и все нужды рассматриваем с этой точки зрения. Оценка потребностей была продиктована другим темпом, темпом восстановительного периода. И все же, несмотря на эти характеристики в отношении всех отраслей народного хозяйства даже и в отношении сельскохозяйственного производства, испытавшего наибольший удар, мы должны подвести прогрессивный баланс. Если вы посмотрите на характер притязаний ведомств, то это есть притязания на повышение темпа дальнейшего развития. Возможность нашего прогрессивного развития имеется налицо. Значит мы должны планировать прогрессивно развивающееся в целом хозяйство, но возможно научно определить вероятный темп этого развития. Всякие попытки перешагнуть этот темп приведут к бесплодной затрате усилий и, с другой стороны, могут создать нам такой неожиданный минимум, который парализует все другие достижения. Как никогда, обостряется сейчас потребность в надлежащем знании нашего народного хозяйства. По линии статистической нужно очень и очень многое сделать, чтобы сказать, что мы статистически знаем наше народное хозяйство; также и по линии экономической оценки нам нужно организовать экономическую экспертизу всех основных процессов. При плановом начале мы должны избегать произвольных построений, должна быть система контрольных цифр, которая гарантирует нас от гениальных идей и произволь-

ных построений, и явится результатом научного учета возможной связи явлений. Эту систему мы должны сейчас, в настоящее время, поставить на должную высоту. Мы должны призвать все ведомства и районы к народнохозяйственному мышлению. Лишь прекративши характерную ведомственную и районную склоку, мы найдем возможное оптимальное решение задачи.

Те возможные темпы, которые вырисовываются уже сейчас, строятся при непременном предположении среднего урожая. Экспертный совет постановил, что сейчас можно ориентироваться только на средний урожай в 4.350 млн. пудов; большинство его указывает на то, что возможно ухудшение, лишь меньшинство указывает, что возможно изменение в лучшую сторону. Если бы я был в Экспертном совете, то принадлежал бы к этому меньшинству. Но сейчас я разделяю мнение большинства: нужно сейчас ориентироваться на эти 4.350 млн. пуд., а возможно и на ухудшение вниз. Вот при таких условиях, при том условии, о котором я вам говорил, что наши тарифы дошли до отказа и все налоговые ставки тоже дошли до отказа, при таких условиях дадим себе отчет, каков возможный темп. Нам называет ВСНХ цифру роста продукции в 16,9%. Но этому координируют импортные требования, координируют 1.200 млн. руб. капитальных затрат, часть которых может отразиться и на текущем производстве. Если бы я так подошел: взял 1.200 млн. руб.— почему не взять 2 миллиарда. Но когда я попытаюсь сопоставить с потребностями других отраслей и с возможным темпом развития сельского хозяйства, то я сейчас же делаю шаг назад и говорю, что 16,9% роста промышленной продукции сделано при предположении, не могущем осуществиться. Но что же я сбавляю? Делаю минимальную скидку и даю максимальный результат. Максимальный результат для всей промышленности я даю 11,5%. Это значит 13% по крупной и 5% по мелкой кустарной промышленности. Для сельского хозяйства хлебная продукция будет ниже прошлогодней на 5%; в лучшем случае технические культуры дадут 25% прироста, я ориентируюсь на 20%. Я строю максимальный вариант. Для животноводства примем 8%. Что же получаем в результате? В результате и получаем 3% или даже 2% количественного роста сельскохозяйственной продукции. Повышая максимально возможную товарность для хлеба, давая только минус 2% при минус 5% продукции, я получаю прирост товарной части сельского хозяйства в 7%. Для промышленного производства 11,5%. Максимально возможный рост продукции народного хозяйства получается 7%, а товарной части 9,7%.

Переходим к грузообороту. Из года в год грузооборот превышает выраженную в ценностях товарную массу. Ясно, что он и в этом году должен превысить, но превысит умереннее, чем в предшествующие годы. Я останавливаюсь на +12,5%. Доход НКПС беру немного ниже, именно 10%. Рассмотрим госбюджет без НКПС и

без займов. Займы есть явление, подчиненное совсем другим законам, чем принудительное извлечение фиском доли национального дохода. Вы можете иметь благоприятную или неблагоприятную кон'юнктуру при займах, при различных условиях извлечения принудительного дохода. Если я имею по государственному бюджету цифру роста в 19% в 1925/26 г. и 54% в 1926/27 г., на чем можно остановиться теперь, после того, как нам стало ясно, что бюджет этого года является перенапряженным настолько, что мы ожидаем не полного получения всех доходов этого года. Я должен остановиться на цифре, пропорциональной росту товарной части—10%, и эта величина мне представляется максимально могущей в действительности быть извлеченной. Можно назначить какие угодно ставки и источники обложения, а результат будет одинаковый, ибо процесс выделения фиском национального дохода не произвольный, а закономерный. Если вы не хотите остановить производства или товарооборот, вы должны считаться с той долей, которая может быть извлечена. Поэтому, я останавливаюсь на цифре 10%.

Перейдем к покупательному фонду рабочего населения и покупательному фонду деревни.

В виду необходимости увеличения запасов мы могли бы стоять перед необходимостью абсолютного уменьшения покупательного фонда, но по счастью мы перед этим не стоим. Но все же мы стоим перед необходимостью огромного замедления в темпе его роста. Если для рабочего населения у меня выведен для прошлых лет рост в 44% и 19%, то теперь я останавливаюсь на росте 5%, а если для деревни у меня было 50% для 1925/26 г. и затем 2%, то теперь я останавливаюсь на росте в 7%. Мы все видим, что для возможности поднятия производства деревни нужно несколько изменить в ее пользу движение покупательного фонда и соотношение цен.

Как теперь проектировать экспортный фонд? Коэффициент экспорта из года в год очень устойчив. Я беру его пропорционально росту товарной массы и определяю прирост в 10% и экспорта и импорта. Все это в довоенных ценах. Если перейти к червонному выражению, то что можно предположить? Наши районы частью высказались за повышение с.-х. индекса точно так же, как и наша Сельскохозяйственная секция. Но позвольте сказать, что я считаю, что если бы пришлось повышать с.-х. цены, то вся кампания по под'ему покупательной силы денег, вся кампания по установлению равновесия спроса и предложения была бы сорвана. Поэтому я проектирую на стабильность цен средне-годовых. Это значит, что средне-годовые цены будут ниже существующих сегодня, ибо последние выше средне-годовых 1926/27 года.

При этих условиях возможно, что и промышленность понизит свои цены против средне-годовых этого года на 5%. Тогда у меня получится общее падение цен на 2% и тогда все то, что я выра-

жал в %% по довоенным ценам, у меня несколько умалится — в червонном выражении. Нельзя забывать, что повышение покупательной силы рубля имеет и обратную сторону, что этого рубля нужно давать меньше и получать будете меньше. Если мы понизили цены промышленной продукции, то промышленность с такой же легкостью промысловый налог в прежнем размере не заплатит. Потрудитесь оперировать большими рублями, и ваш аршин вместо 16 верш. сделается ровно 14 верш. Таким путем я получаю прирост товарной массы в 6% и рост бюджета в максимально возможной цифре в 8%. И здесь я опять нарушил принцип соотношения товарной массы и бюджета, но он больше будет зависеть от промышленной товарной массы. Если я поставил цифру роста госдохода — 8% без НКПС и НКПиТ, то я должен сказать, что я ставлю ее как максимальную. Можно формально сделать бюджет на 7.000 млн. руб. Я могу это сделать: весь доход промышленности, торговли и т. д. и всю прибыль внести в доходную часть бюджета, и получится 7.000 млн. руб. Это будет красивый, правильный бюджет. Но если мы говорим о реальном приросте возможного извлечения дохода, то вы получите названную мною выше цифру. Если я процентирую к 2.900 или 3.000 млн. руб. (без займов), то цифра прироста госбюджета 240 млн. руб. Сверх этого НКФ желает получить на займах 100 млн. руб. Расходы он ставит в 232 млн. руб., а доходы в 320. Я высказывался за возможность улучшения нашего международного положения; но, констатируя то состояние умов, которое отвечает нашему теперешнему положению, т.-е. наличности вероятной опасности, спрашивается — благоприятна ли эта обстановка для роста кредитных отношений. Я думаю, что нет. Все эти цифры представляют собой прикидку возможного и вероятного под'ема отраслей народного хозяйства и возможного извлечения из этого хозяйства средств, которыми государство располагает и может направить в ту или другую сторону, соответственно своему пониманию. Очевидно, что всякое изменение данных об урожае и об эффекте капитальных вложений и т. д. все это изменит, но при наличных данных, — вот единственно возможные максимальные перспективы. [1]

[1] Новые данные, полученные за время, истекшее от даты доклада (29 июня) до появления статьи в печати, подтверждают высказанное мною предположение о большем росте посевной площади, чем предполагалось ранее, а именно: площадь под главными зерновыми хлебами увеличилась на 2,3—2,6%, т.-е. примерно соответственно приросту населения. Однако, остается во всей силе вывод о влиянии низких весенних эквивалентов на яровой посев. Так, прирост озимых хлебов составляет 4,7%, а яровых—только 0,6%.

В видах на урожай мы не имели того ухудшения, которое предполагалось большинством Экспертного совета, а в связи с большим приростом посевной площади цифра валового сбора определяется как значительно более высокая, чем 4.350 м. п. Эти данные вносят соответственные изменения в докладывавшуюся мною первую гипотезу о возможных темпах развития на будущий год. Однако, общая концепция остается та же.

Приложение 1

Основные показатели народного хозяйства по с.-х. годам

Производство

Кон'юнктурные показатели	Единицы измерения	По довоенным ценам				В червонном выражении			
				Прир. за год				Прир. за год	
		1926/27	1927/28	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Сельск. хозяйство									
Зерновые	млн. руб.	3.503	3.310	6,0	—5	4.006	3.800	—12,5	—5
Проч., кроме технич.	„	3.499	3.610	13,0	3	4.369	4.500	—8,7	3
Техническ. культуры	„	664	795	—7,0	20	797	960	—13,5	20,6
Животновод. . . .	„	2.990	3.240	4,0	8	4.302	4.650	4,0	8
Все землед.	„	10.656	10.955	7,0	2,8	13.474	13.910	—4,2	2,8
Лесное хоз.	„	977	1.075	6,0	10	1.650	1.725	5,9	4,5
Рыболов. и охота . .	„	201	200	0,0	0,0	339	339	0,0	0,0
Все сельск. хозяйство	„	11.834	12.220	6,0	3	15.463	15.974	—3,1	3
Б. Промышленность									
Вся цензов.	„	6.285	7.090	16,0	13	11.122	11.950	19,5	7,4
„ мелкая	„	1.197	1.260	10,0	5	2.088	2.088	9,8	0,0
„ промышл. . . .	„	7.482	8.350	15,0	11,5	13.204	14.038	17,8	6,3
Все производство (А + Б)	„	19.316	20.570	10,0	7	28.667	30.012	5.5	4,5
В. Выручка									
НКПС	„	799	880	25,0	10	1.422	1.530	20,0	7,5
НКПиТ	„	81,8	90	18,0	10	144	155	14,0	7,6
Г. Крупн. госпромышл. (по отрасл. методу)									
1. Продукция	„	4.138	4.775	24,0	15,0	8.095	8.820	24,8	9,0
2. Число рабочих . .	тыс. чел.	1.995	2.040	9,0	2,0	—	—	—	—
3. Выработка 1 раб. .	руб.	2.074	2.340	14,0	13,0	4.058	4.320	14,4	6,0
4. Ср.-мес. зарп. 1 р.	бюдж. р.	25,38	26,5	9,0	6,0	58,71	61	13,0	4,0
5. Доля мес. зарпл. в прод. на 1 рабоч.	в %% к продук.	14,6	13 6	—4,0	—6,8	17,3	17,0	—2,8	—1,7
6. Продукция средн. производ.	млн. руб.	23,66	2.780	26,6	17,0	4.254	4.725	29,5	11,0
7. Продукция предм. шир. потребл. . . .	„	1.772	1.995	20,4	13,0	3.841	4.095	20,0	6,5

Приложение 2

Основные показатели 1927/28 г. по с.-х. годам

Распределение и обмен

Кон'юнктурные показатели	Единицы измерения	По довоенным ценам				В червонном выражении			
				Прир. за год				Прир. за год	
		1926/27	1927/28	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28	1926/27	1927/28
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Фонд зарплаты лиц наемн. труд.	млн. руб.	2.803	2.940	19,0	5,0	6.230	6.417	24,0	3,0
В том числе:									
Раб. крупной госпром.	„	602,4	655	18,0	9,0	1.383	1.467	21,0	6,0
Выплата пособ. по соцстраху	„	219,0	252	21,0	5,0	483,7	498	25,0	3,0
Весь покуп. фонд раб. населения	„	3.022	3.170	19,0	5,0	6.713,7	6.915	24,0	3,0
Покуп. фонд крест. населения	„	1.752	1.875	2,0	7,0	2.096	2.243	—5,0	7,0
Всего покуп. фонд населения	„	4.774	5.045	12,3	6,0	8.809,7	9.158	16,0	4,0
Всего доходов без НКПС, НКПиТ . .	„	1.807,6	1.980	54,0	10,0	3.216,3	3.474	48,0	8,0
Товарная часть (по реализ.)									
а) Сел.-хоз.	„	4.215	4.500	7,0	7,0	5.769	6.173	3,0	7,0
б) Промышл.	„	6.289	7.025	13,0	11,5	11.068	11.668	14,0	6,0
Вся товарн. часть . .	„	10.502	11.525	11,0	9,7	16.777	17.841	10,0	6,0
„ ср.-сут. погрузка по дис. данным . .	ваг.	26.734	30.100	18,0	12,5	—	—	—	—
Внешн. торговля СССР									
а) Экспорт	„	529	580	15,0	10,0	751,8	811	13,0	8,0
б) Импорт	„	455,1	500	—5,0	10,0	676,6	725	—16,0	7,0
в) Оборот	„	984,1	1.080	5,0	10,0	1.428,4	1.536	—3,0	7,5
Индексы в средн. за период Опт. цен. ЦСУ СССР (б. Госпл.)									
Общий	1913 г.	100	—	—	—	1.780	1.744	—4,0	—2,0
Сел.-хоз.	1,100	—	—	—	—	1.580	1.580	—8,0	0,0
Промышл.	„	—	—	—	—	2.003	1.903	—1,0	—5,0
„Ножницы“	„	—	—	—	—	1,270	1.204	11,0	—5,0

М. В. Иоффе

Закон тенденции нормы прибыли к понижению в условиях СССР[1]

I

Общие замечания

Еще задолго до Маркса путем конкретных наблюдений политическая экономия обнаружила, что несмотря на значительные улучшения в технике и организации производства, т.-е. несмотря на очевидный рост производительной силы общественного труда, — средняя норма прибыли на общественный капитал в капиталистических странах с течением времени постепенно понижается.

„Политическая экономия, — говорит Маркс, — видела явление и мучилась в противоречивых попытках дать ему об'яснение“.[2]

„Но, — продолжает Маркс, — при той огромной важности, какую имеет этот закон для капиталистического производства, можно сказать, что он составляет тайну, над разрешением которой бьется вся политическая экономия со времен Адама Смита, и что различия между разными школами после А. Смита состоят в различных попытках ее разрешения“.

Чем же обусловлена тщетность этих многочисленных и настойчивых попыток?

На этот вопрос Маркс отвечает следующим образом: „Если, — говорит он, — принять в соображение, что хотя вся предыдущая политическая экономия и очень близко подходила к различению постоянного и переменного капитала, но так и не сумела сознательно его формулировать; что она никогда не представляла прибавочную стоимость отдельно от прибыли, а прибыль вообще никогда не представляла в чистом виде, в отличие от ее различных обособившихся друг от друга составных частей, — как промышленная прибыль, торговая прибыль, процент, земельная рента; что она никогда основательным образом не анализировала различия в органическом составе капитала, а следовательно, и образования общей нормы прибыли, — то перестает быть загадочным то обстоятельство, что ей никогда не удавалось разрешить этой загадки“.[3]

---

[1] В порядке обсуждения. Р е д.

[2] Капитал, т. III, стр. 188, 189. Изд. 1907 г., стр. 158. ГИЗ. 1927 г.

[3] Как здесь, так и в последующем, следует иметь в виду, что термины прибыль, капитал и т. п. в применении к социалистической госпромышленности по своему социальному значению глубоко отличны от значения тех же терминов в капиталистических условиях.

Это загадочное явление было впервые об'яснено Марксом.

С непревзойденным блеском величайшего гения Маркс вскрыл механизм, благодаря которому с развитием производительной силы общественного труда в капиталистическом обществе норма прибыли не только может, но и должна постепенно понижаться.

Но анализ Маркса касается капиталистических отношений; они глубоко отличны от наших советских отношений, и основной задачей настоящего очерка является постановка вопроса о том, в какой мере закон тенденции нормы прибыли к понижению сохраняет свою силу в условиях СССР.

Однако, прежде чем перейти к изложению основной темы, необходимо сделать два весьма существенных замечания.

Первое из них сводится к следующему. Говоря о тенденции нормы прибыли к понижению, Маркс имел в виду все общественное производство, весь общественный капитал и всю общественную прибыль в целом.

В полном соответствии с этим и в настоящем очерке основным предметом последующего анализа будет также все народное хозяйство в целом, а не отдельные его части.

Но если рассматривать весь общественный капитал, „как целое, или каждый отдельный капитал только как часть всего капитала, прибыль и прибавочная стоимость суть тождественные величины“ (т. III, стр. 195).

Для всего общественного производства прибыль и прибавочная стоимость количественно совпадают. Поэтому „прибыль, о которой мы здесь говорим, есть только другое название самой прибавочной стоимости, которая берется лишь в отношении ко всему капиталу, а не только к одному переменному, из которого она возникает“; другое название самой прибавочной стоимости, рассматриваемой независимо от какого бы то ни было ее распределения на предпринимательский процент, процент на капитал, ренту и т. д., т.-е. независимо „от распадения прибыли на различные части, приходящиеся на долю лиц различных категорий“ (т. III, стр. 189).

Второе предварительное замечание относится к терминологии.

Термины Маркса сконструированы им применительно к условиям так называемого теоретически мыслимого „чистого“ капитализма. Мы же исследуем в настоящем очерке весьма пестрые конкретные общественные отношения, сложившиеся в советской действительности. Отсюда ясно, что договориться о терминах безусловно необходимо. Ибо безоговорочно пользоваться терминами Маркса в применении к нашим общественным отношениям, глубоко отличным от отношений „чистого“ капитализма, конечно, нельзя.

Общественные отношения „чистого“ капитализма представляют собой лишь один из типов пестрых общественных отношений СССР. По отношению к последним они являются лишь частным случаем. Поэтому воспользоваться терминами Маркса (а к этому вынуждает

нас отсутствие сколько-нибудь удовлетворительно сконструированной новой терминологии и ряд других соображений) можно не иначе, как существенно видоизменив их смысл, а именно: придав им значительно более общий характер, в равной мере применимый к общественным отношениям, сложившимся и в социалистическом секторе нашего хозяйства, и в простых товарных, крестьянских, ремесленных и кустарных, а также к взаимоотношениям между всеми этими различными по типу секторами нашего народного хозяйства.

Что касается возможности и плодотворности такого обобщения, то и то и другое при исследовании количественной стороны экономических явлений обусловливается и обеспечивается той неразрывной количественной связью, которая существует между материально-трудовым содержанием марксовых категорий и одним и тем же законом трудовых затрат, действующим при любой социальной форме общественных отношений.

„... Нельзя,—говорит тов. Бухарин,—за общественно-исторической формой проглядывать материально-трудовое содержание этого закона“. „Мы имеем,—продолжает он несколько далее,—разные формы действия закона трудовых затрат: и как закона трудовых затрат, и как закона ценности, и как закона производственных цен, т.-е. модифицированного закона ценности“. „Но при всем разнообразии форм они сводятся к некоему единству“. [1]

Безусловно присоединяясь к этим превосходным формулировкам тов. Бухарина, мы в настоящем очерке пользуемся законом трудовых затрат, как исходным пунктом и незыблемой основой обобщения основных марксовых категорий. В целях такого обобщения, исследуя количественную сторону экономических явлений, мы временно отбрасываем особый специфически-свойственный капитализму социальный смысл марксовых категорий и сохраняем лишь основной их стержень — их материально трудовое содержание (разумеется, с учетом количественной зависимости этого содержания от социальной формы, в которой оно конкретно проявляется). И именно это обстоятельство, т.-е. то, что, преодолевая трудности количественного анализа, мы временно оставляем в стороне специфически свойственное капитализму социально-классовое значение марксовых категорий, именно это и дозволяет нам применять их к диаметрально противоположным по своему типу общественным отношениям. Но обобщая таким образом категории Маркса и пользуясь этими обобщенными категориями, мы ни на минуту не забываем, что оперируем лишь с материально трудовым ядром этих категорий и постоянно имеем в виду, что социальная форма проявления этого ядра, а вместе с тем и социальный смысл обобщенных категорий будет точно

---

[1] Н. Бухарин, „К вопросу о закономерностях переходного периода“. „Правда“, №№ 148, 150, 1926 г.

таким, как у Маркса, лишь в применении к „чистому“ капитализму и совершенно иным во всех других случаях.

По существу, в таком обобщении нет ничего принципиально нового.

Маркс зачастую пользовался этим приемом в тех случаях, когда изучал не качественную, а количественную сторону экономических явлений. Так он поступал, например, и в главе, посвященной закону тенденции нормы прибыли к понижению, когда отвлекался от конкретных социальных форм, в которых проявляется созданная в процессе общественного производства прибавочная стоимость, т.-е. когда рассматривал общественную прибыль независимо от ее распадения на прибыль предпринимателя-фабриканта, торговую прибыль, процент на капитал, ренту и т. д. Так он поступал и во многих других случаях.

О том, что потребность в таком обобщении вполне назрела, красноречиво свидетельствуют, кроме работ тов. Н. И. Бухарина, работы тов. С. Г. Струмилина, тов. М. Н. Смит и многих других. Об этом же свидетельствует и все современное словоупотребление.

И все же, хотя частично такого рода обобщением марксовых категорий практически при количественном анализе пользуются решительно все (например, когда говорят о капитале, прибыли, зарплате по отношению к социалистическому сектору нашего хозяйства), но в полном об'еме необходимость такого обобщения (в измерительных работах, касающихся всего народного хозяйства) до сих пор еще не вполне осознана. Поэтому, во избежание недоразумений необходимо, в дополнение к сказанному о характере и цели таких обобщений, конкретно остановиться хотя бы на двух основных для настоящей работы терминах, а именно на терминах „капитал“ и „прибыль“.

Что разумеем мы в настоящем очерке под этими терминами?

Под капиталом мы разумеем здесь всю совокупность участвующих в производственном процессе страны созданных трудом средств производства (включая и средства существования), совокупность, рассматриваемую как со стороны ее конкретного вещного состава и общественной полезности, так и со стороны ее общественной стоимости, т.-е. со стороны количества овеществленных в ней общественно-необходимых трудовых затрат. Чем отличается это понимание термина капитала от значения того же термина у Маркса? Только тем, что оно не включает в себя никаких специфических социально-классовых моментов, характеризующих капиталистические отношения (в отличие от каких-либо других, напр., наемный рабочий и капиталист, эксплоатация рабочих капиталом и т. п.). И именно поэтому это определение приложимо не только к частно-капиталистическому сектору хозяйства СССР, но и ко всем другим его секторам, приложимо всюду, где имеются созданные трудом, действующие в производстве средства производства, независимо от социальной формы общественных отношений, присущих тому или иному сектору народного хозяйства. И, стало быть, это определение термина „капитал“ является более общим, чем значение того же термина у Маркса. Но, будучи более общим, оно во всех случаях вполне тождественно по своему материально-трудовому содержанию (потребительная стоимость и количественно-определенная трудовая стоимость) с материально-трудовым содержанием термина „капитал“ у Маркса.

Перейдем к „прибыли“.

Под прибылью мы разумеем здесь годовое приращение по стоимости всего общественного капитала страны (в указанном обобщенном смысле этого слова) плюс та часть прибавочной стоимости, которая пошла на возмещение убытков от стихийных бедствий или была в течение года потреблена непроизводительно (на содержание армии, на содержание нетрудовых слоев населения, на содержание слоев населения, хотя и трудовых, но несоздающих своим трудом стоимости и т. п.). Как видно из определения, и этот термин является у нас более общим, чем термин „прибыль“ у Маркса. Как и в предыдущем случае, он тождественен с термином Маркса по своему материально-трудовому содержанию и отличается от термина Маркса лишь тем, что оставляет в стороне все присущие термину Маркса социально-классовые моменты (доход капиталиста, противостоящего наемному рабочему, эксплоатация труда капиталом и т. п.), свойственные исключительно капиталистическому способу производства. Именно поэтому и этот термин в нашем понимании приложим ко всему народному хозяйству в целом и ко всем его секторам, поскольку мы рассматриваем их, как части всего общественного производства, — приложим независимо от типа господствующих во всей стране или в отдельных ее хозяйственных секторах общественных отношений.

Итак, указанное выше обобщение марксовых категорий делает их одинаково применимыми ко всем секторам народного хозяйства и ко всему народному хозяйству в целом. При этом следует иметь в виду, что в дальнейшем нашем изложении в применении к частно-капиталистическим отношениям не только материально-трудовое содержание этих терминов, но и социально-классовая их характеристика, будут у нас вполне тождественны с материально-трудовым содержанием и социальным смыслом тех же терминов у Маркса; в применении же ко всем другим секторам хозяйства и ко всему общественному производству в целом сохраняется лишь свойственное терминам Маркса материально-трудовое их содержание, но остается в стороне их всякий раз особое социально-классовое значение.

Разумеется, все сказанное о терминах, не исчерпывает затронутой проблемы, а только ставит вопрос и грубо намечает ее решение. Конечно, эта проблема заслуживает более подробного спе-

циального обсуждения. Но в пределах настоящего очерка мы этого (по вполне понятным причинам) сделать не можем.

Мы вынуждены ограничиться здесь формулированными выше краткими основными положениями, ибо они, несмотря на свою схематичность, все же дают нам возможность перейти к изложению нашей основной темы.

Исходный пункт анализа

Хотя в своем анализе тенденции нормы прибыли к понижению Маркс придавал своим терминам и, в частности, категориям „прибыль" и „капитал" более тесное значение, применимое без каких-либо оговорок только к условиям „чистого" капитализма,— все же за исходный пункт нашего исследования можно и должно принять теоретические положения Маркса. Это возможно, разумеется, лишь постольку, поскольку положения Маркса вытекают из чисто количественных моментов, не зависящих от специфической социальной формы, свойственной капитализму,— из моментов, присущих всякому способу общественного производства. Ибо совершенно очевидно, что в этих пределах анализ Маркса приложим не только к капиталистическому хозяйству, но и к хозяйству любого типа, а также и к хозяйству, где взаимно сплетены общественные отношения полярно различных типов, как то имеет место, например, в СССР.

Но принимая за основу нашего исследования положения Маркса, мы, конечно, не можем без критической проверки огулом относить их к нашим современным условиям. Несомненно, что при этом надо проявить максимальную осторожность.

Тут прежде всего необходимо тщательно выявить все явные и скрытые предпосылки Маркса. Затем надо внимательно проследить, с одной стороны, насколько эти предпосылки сохраняют свою силу при исследовании экономики нашей страны и, с другой стороны, насколько выводы Маркса неразрывно связаны с этими предпосылками.

Такой подход позволит судить о том, должны ли быть исправлены или изменены положения Маркса с введением предпосылок, вытекающих из характера наших общественных отношений.

Узловая и важнейшая мысль Маркса, организующая все его изложение, заключается в следующем: „Так как масса применяемого живого труда постоянно уменьшается по отношению к массе приводимого им в движение овеществленного труда производительно потребляемых средств производства, то отношение той части этого живого труда, которая неоплачена и овеществлена в прибавочной стоимости, к размеру стоимости всего употребленного капитала должно постоянно уменьшаться. Но это отношение массы прибавочной стоимости к стоимости всего примененного капитала образует норму прибыли, которая поэтому должна постоянно падать" (Капитал, т. III, стр. 188. Курсив наш. М. И.).

На чем основывается это центральное положение Маркса? Почему масса применяемого живого труда должна постоянно уменьшаться по отношению к массе приводимого им в движение овеществленного труда?

По Марксу все это является „только иным выражением прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, которое сказывается именно в том, что посредством возросшего применения машин и вообще основного капитала при том же числе рабочих в такое же время, т.-е. с меньшим трудом, превращается в продукты большее количество сырых и вспомогательных материалов" (Капитал, т. III, стр. 187. Курсив наш. М. И.).

Таким образом, Маркс об'ясняет уменьшение живого труда относительно мертвого (овеществленного), во-первых, тем, что на одно и то же количество живого труда, приходится все больше мертвого труда, овеществленного в основном капитале, и, во-вторых, тем, что с помощью этого возросшего по стоимости основного капитала одно и то же количество живого труда приводит в движение постоянно возрастающее количество мертвого труда, овеществленного в сырье, материалах и топливе.

Многие марксисты полагают, что главная роль принадлежит здесь первой стороне процесса — увеличению стоимости основного капитала. Так, например, тов. Спектатор пишет: „... капиталистический способ производства имеет, как известно, тенденцию к расширению, главным образом, основного капитала за счет оборотного и специально-переменного. Вследствие этого,— продолжает он,— несмотря на рост степени эксплоатации, создается тенденция нормы прибыли к понижению, т.-е. отношение прибавочной стоимости ко всему затраченному капиталу имеет тенденцию все больше и больше понижаться". [1]

Однако, Маркс, повидимому, придавал наибольшее значение не этой, а второй стороне процесса — увеличению стоимости оборотной части постоянного капитала. „Если,— говорит Маркс,— оборотная часть постоянного капитала, сырой материал и т. д., по мере развития производительной силы труда, постоянно возрастает по своей массе, то иначе обстоит дело с основным капиталом, зданиями, машинами, приспособлениями для освещения, отопления и проч. Хотя машины с увеличением их размеров становятся абсолютно дороже, но относительно они дешевеют. Если пять рабочих производят товаров в десять раз больше, чем прежде, то вследствие этого затраты на основной капитал не удесятеряются, хотя стоимость этой

[1] М. Спектатор, „Вопросы мирового хозяйства", стр. 97, изд. „План. Хоз." 1926 г. Курсив наш. М. И.

части постоянного капитала возрастает с развитием производительной силы, но она возрастает далеко не в такой пропорции" (Капитал, т. III, стр. 236. Курсив наш. М. И.).

Физический об'ем и стоимость

Маркс здесь говорит и о стоимости и о физических размерах оборотного и основного постоянного капитала. Но очевидно, что поскольку речь идет о норме прибыли, постольку решающее значение имеет не физический об'ем капитала, приводимого в движение одним и тем же количеством труда, а рост этого капитала по стоимости.

Что касается физического об'ема постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, то его рост есть очевидное и непосредственное выражение роста производительной силы общественного труда. Доказывать необходимость этого роста значило бы ломиться в открытую дверь.

Иное дело — увеличение постоянного капитала, приходящегося на единицу живого труда, по стоимости. Этот пункт требует доказательства, ибо и рост физического об'ема постоянного капитала всегда протекает при одновременном удешевлении отдельных его элементов, так что, рассуждая отвлеченно, стоимость его на единицу живого труда может при этом остаться неизменной или даже понизиться.

Итак, прав ли Маркс? Действительно ли с ростом производительной силы общественного труда должна возрастать стоимость постоянного (оборотного и основного) капитала, падающая на единицу живого труда?

Этот вопрос вполне уместен, так как количество живого труда, которое необходимо для приведения в действие всего общественного капитала и каждой отдельной его части, совершенно не зависит от стоимости капитала. Оно определяется исключительно техническим строением капитала (способом производства), ибо, как отмечает Маркс, „в процессе труда рабочий имеет дело не со стоимостью, а с потребительной стоимостью средств производства" (Капитал т. III, стр. 193).

Оборотная часть постоянного капитала

Начнем с оборотной части постоянного капитала (сырье, материалы и топливо).

При каких условиях общая сумма стоимости сырья, материалов и топлива, перерабатываемых одним и тем же количеством живого труда, возрастает? Легко понять, что такое возрастание стоимости оборотной части постоянного капитала на единицу живого труда предполагает (и это является скрытой предпосылкой Маркса), что рост производительной силы общественного труда в отраслях добывающих, в частности в сельском хозяйстве, протекает медленней, чем в отраслях, перерабатывающих сырье, материалы и топливо. В противном случае, несмотря на все возрастающий физический об'ем сырья, материалов и топлива, перерабатываемых единицей живого труда, — стоимость этих средств производства не могла бы увеличиться. Удешевление отдельных элементов оборотного постоянного капитала происходило бы быстрее, чем увеличение количества этих элементов на единицу живого труда, приводящего их в движение, и стоимость их на единицу труда понижалась бы.

Почему мы, однако, этого нигде не наблюдаем? Почему, оставляя в стороне отдельные и временные колебания, в общем и целом, рост производительной силы общественного труда действительно протекает быстрее в отраслях перерабатывающих, чем в отраслях, добывающих первичное сырье, топливо и материалы? Такое соотношение темпов роста производительных сил труда в добывающем и перерабатывающем секторах общественного производства обеспечивает увеличение стоимости оборотного постоянного капитала на единицу живого труда. Чем же обусловлено постоянство такого соотношения этих темпов? Развитие производительных сил протекало до сих пор именно так. Но, быть может, оно могло протекать и в ином направлении? И если возможен был иной характер роста производительных сил общественного труда, то почему, в действительности, он был именно таким, что производительная сила общественного труда развивалась медленнее в отраслях, добывающих первичное сырье, топливо и материалы, — и быстрее в отраслях, перерабатывающих эти средства производства? Разумеется, что это не могло быть простой случайностью. Разгадка должна быть, и, повидимому, она заключаечся в следующем.

В добывающей промышленности и сельском хозяйстве, где производительная сила труда теснее связана с постоянными или даже ухудшающимися природными условиями (истощение недр, уничтожение лесов, обмеление рек и т. д.), — производительная сила труда, в общем и целом, должна была развиваться медленней, чем в обрабатывающей промышленности, где природные условия имеют неизмеримо меньшее значение. В обрабатывающей промышленности в противоположность отраслям добывающим, на первый план выдвигаются условия, искусственно созданные человеком, т. е. имеется не ухудшающаяся или в лучшем случае стационарная обстановка производственного процесса, а непрерывно и быстро улучшающаяся с прогрессом техники и знаний.[1]

---

[1] Производительность труда связана и с естественными условиями, которые часто становятся менее выгодными параллельно повышению производительности, поскольку последняя зависит от общественных условий. Отсюда противоположный характер движения в этих различных сферах, прогресс в одних, регресс в других. Можно напомнить, напр., хотя бы о влиянии времен года, от чего большею частью зависит количество всех сырых материалов, об истреблении лесов, истощении каменноугольных копей и железных рудников и т. д." (Капитал, т. III, стр. 236).

Именно поэтому, до тех пор пока процесс развития производительных сил общественного труда происходил стихийно, он должен был протекать быстрее в отраслях, перерабатывающих сырье, топливо и материалы, и медленнее в добывающих отраслях; характер стихийно протекающего процесса должен был отразить, с одной стороны, присутствие постоянного благоприятствующего фактора, действующего в отраслях перерабатывающих, с другой — влияние постоянного неблагоприятного фактора (относительно стационарные или ухудшающиеся природные условия), действующего в отраслях добывающих.

Итак, в общем и целом, стихийное развитие производительной силы общественного труда в ином направлении итти не могло, и Маркс был целиком прав, когда считал, что относительное падение живого труда при относительном росте труда мертвого, овеществленного в сырье, топливе и материалах, т.-е. в оборотной части постоянного капитала, есть только своеобразное выражение роста производительной силы общественного труда.

Другой характер развитие могло бы получить только в условиях планового, организованного, сознательно управляемого хозяйства. В этом случае действие указанных выше благоприятствующих и неблагоприятствующих постоянных факторов может быть преодолено постоянным сознательным противодействием руководящих хозяйственных и планирующих органов. Разумеется, что такое сознательно проводимое постоянное противодействие может иметь место только тогда, когда оно будет признано экономически осуществимым и целесообразным.

И таким образом, вопрос о том, будет ли и в наших условиях производительная сила труда развиваться быстрее в отраслях, перерабатывающих, или в отраслях, добывающих сырье, топливо и материалы,— должен быть решен в том смысле, что (поскольку позволит усиление планового начала) рост будет протекать интенсивнее там, где этого потребуют интересы социалистического строительства.

Основной капитал

Если при стихийном росте производительной силы общественного труда стоимость оборотной части постоянного капитала, падающего на единицу живого труда, должна возрастать, то этого нельзя утверждать так категорически о стоимости основной части постоянного капитала (здания, машины, сооружения и т. д.).

Как указывалось, рост стоимости основного капитала на единицу живого труда представляет собою процесс, менее обязательный, чем рост стоимости оборотной части постоянного капитала на ту же единицу. Во многих случаях рост стоимости основного капитала (на единицу живого труда) сводится к нулю вследствие удешевления элементов этого капитала. Такое удешевление происходит

вследствие роста производительной силы труда как в отраслях, непосредственно вырабатывающих средства производства, так и в отраслях, добывающих необходимое для производства основного капитала сырье, материалы и топливо, а также (поскольку речь идет о цене производства) и в отраслях, производящих средства существования рабочих, что понижает стоимость рабочей силы.[1] Кроме того, одновременно с удешевлением отдельных элементов основного капитала рост производительной силы труда иногда сопровождается прямым уменьшением даже и физического об'ема основного капитала, приходящегося на единицу живого труда. Это, напр., наблюдается часто в химическом производстве, при достижениях в области лучшей организации труда, при большей нагрузке действующего капитала и т. д. Разумеется, что в этих случаях стоимость основного капитала на единицу живого труда может быстро снижаться.

И все же и в отношении основного капитала, в общем и целом, процесс протекал не в этом направлении, а в противоположном. Физический об'ем основного капитала рос весьма быстро. И хотя увеличение стоимости основного капитала отставало в своем темпе от роста его физического об'ема, все-таки оно обгоняло рост численности рабочей силы. Чем же это об'яснялось? Главным образом, техническим составом основного капитала. Основной капитал это — здания, машины, пути сообщения, средства передвижения и связи и всевозможные сооружения. Все эти элементы основного капитала чрезвычайно тесно связаны с отраслями добывающими, т.-е. именно с теми отраслями, где наиболее медленно шел рост производительной силы общественного труда. Таковы, например, всевозможные земляные работы, сырье для изготовления строительных материалов и т. п. Механизация сравнительно долго не проникала в эту область общественного производства, и поэтому важнейшие элементы основного капитала сравнительно медленно дешевели.

Огромную роль в процессе производства элементов основного капитала играет рабочая сила. Стоимость же рабочей силы в связи с культурным ростом, пробуждающимся классовым самосознанием и усилением классовой борьбы понижалась значительно медленнее, чем то можно было бы заключить, исходя из среднего темпа развития производительной силы общественного труда.[2]

Все это приводило к тому, что рост физического об'ема основного капитала, приводимого в движение единицей живого труда, сопровождался хотя и несколько более медленным, но все же весьма значительным ростом стоимости основного капитала, падающего на ту же единицу живого труда. Особенно быстро протекало увеличе-

[1] Стоимость капитала не зависит от стоимости рабсилы, но цена его производства до известной степени зависит от стоимости рабсилы, так как цена производства равна издержкам производства плюс средняя прибыль.

[2] Разумеется, и здесь мы имеем в виду стоимость капитала, модифицированную в цену производства этого капитала (см. предыдущее примечание).

ние стоимости мертвого труда, овеществленного в основном капитале, относительно живого труда, движущего этот основной капитал, в периоды, непосредственно следующие за усиленным железнодорожным строительством, сооружением каналов, тоннелей и крупных гидроэлектрических сооружений. Следует, однако, отметить, что периоды больших капитальных работ и новостроек, особенно земляных работ (железнодорожные насыпи и т. п.), отчасти проявляли и противоположную тенденцию, связанную с низким строением капитала в строительстве, как особой отрасли общественного производства.

Каковы наши перспективы относительно роста основного капитала на единицу живого труда?

Мы вступили в полосу реконструкции наших основных капиталов в период широкого строительства, в частности, строительства железнодорожного, так как транспорт является одним из самых узких мест нашего хозяйства. Это создает две противоположных тенденции. Реконструкция основного капитала и постепенное введение в действие новых фабрик, заводов и сооружений увеличивают относительный вес мертвого труда, овеществленного в действующем основном капитале. Напротив, строительство, как таковое, влияет понижающе, так как производство многих важнейших элементов основного капитала (напр., железнодорожные насыпи) характеризуется относительно невысоким органическим строением капитала и, в частности, сравнительно незначительным количеством специального (т.-е. обслуживающего строительство, как так вое) основного капитала. И все же надо думать, что в ближайшие годы, в общем и целом, стоимость действующего постоянного капитала, несмотря на довольно интенсивный процесс его обесценения вследствие роста производительной силы общественного труда и несмотря на невысокое органическое строение строительного капитала,— будет увеличиваться быстрее, чем количество занятой в производстве рабочей силы, так что стоимость постоянного капитала на единицу живого труда будет увеличиваться.[1]

Выводы

Итак, количество живого труда в капиталистических странах должно постепенно понижаться относительно количества мертвого труда, овеществленного в средствах производства, которые приводит в движение живой труд. Это об'ясняется, во-первых, тем, что при стихийном росте производительных сил производительная сила труда должна развиваться гораздо быстрее в промышленности, обрабатывающей и потребляющей первичное сырье, материалы и топливо, чем в отраслях, где они добываются; во-вторых, тем, что быстрому росту материальных размеров основного общественного капитала соответствовало хотя и более медленное, но все же весьма значительное увеличение его стоимости, сильно обгонявшее численный рост мобилизованного в стране живого труда. Увеличение количества мертвого труда, падающего на единицу живого труда, в капиталистических странах неизбежно должно было сопровождаться понижением нормы прибыли на общественный капитал, так как одновременно с уменьшением относительной величины живого труда должна была уменьшаться и неоплаченная часть этого живого труда относительно стоимости всего капитала. (Противодействующее влияние увеличения нормы прибавочной стоимости мы оставляем здесь в стороне.)

[1] В следующих очерках на этом вопросе мы остановимся подробнее.

Рассуждая отвлеченно, можно было бы думать, что этот процесс мог бы протекать и в ином направлении.

„Если,—говорит Маркс,—рассматривать дело абстрактно, то при понижении цены отдельного товара вследствие увеличения производительной силы, следовательно, при одновременном увеличении числа этих более дешевых товаров, норма прибыли может остаться прежняя, если, например, увеличение производительной силы влияет равномерно и одновременно на все составные части товаров, так что вся цена товара понижается в том же отношении, в каком возросла производительность труда, а с другой стороны, взаимное отношение различных составных частей цены товара осталось прежнее. Норма прибыли могла бы повыситься даже в том случае, если бы с повышением нормы прибавочной стоимости было связано значительное уменьшение стоимости элементов постоянного и в особенности основного капитала. Но в действительности,—продолжает Маркс,—как мы уже видели, норма понизится с течением времени“ (Капитал, т. III, стр. 205. Курсив наш. М. И.).

Таким образом, уже Маркс отчетливо формулировал ту мысль, что при абстрактном подходе к вопросу равно возможны все направления динамики нормы прибыли. Такому абстрактному подходу Маркс противопоставлял подход конкретный, учитывающий все реальные условия действительного процесса. И, как мы видели, эти реальные условия таковы, что необходимое для приведения в движение одного и того же количества мертвого труда, овеществленного в средствах производства, количество живого труда в капиталистических странах должно понижаться.

Насколько анализ Маркса сохраняет свою силу в условиях СССР? Разумеется, лишь постольку, поскольку у нас сохраняется, во-первых, более быстрый темп роста производительной силы труда в отраслях, потребляющих первичное сырье и топливо, чем в отраслях, добывающих это топливо и это сырье; во-вторых, поскольку и у нас будет продолжаться рост стоимости основного капитала в более быстром темпе, чем расгет количество действующего в общественном производстве живого труда.

Таков самый первый, наиболее общий ответ на поставленный нами вопрос.

Более конкретный ответ, учитывающий особенности хозяйственного развития СССР в ближайшие 10—15 лет, потребует от нас более углубленного анализа закона тенденции нормы прибыли к понижению.

Такой анализ мы дадим во втором очерке. Здесь же, во избежание недоразумений, считаем необходимым подчеркнуть еще лишь следующее.

Произведенный нами выше анализ обнаружил, что закон тенденции нормы прибыли к понижению в капиталистических условиях вытекает из определенного соотношения между количеством мертвого, овеществленного труда и количеством живого труда, который приводит этот мертвый труд в движение. Но и овеществленный и живой труд присущи всякому общественному строю, а не только строю капиталистическому. А это значит, что, если бы нам удалось выяснить, как изменится у нас в ближайшие 10—15 лет указанное соотношение между овеществленным и живым трудом, тем самым в основном был бы разрешен нами и вопрос о том, каково будет преобладающее направление динамики нормы прибыли в эти ближайшие годы в СССР.

Таким образом, и в наших современных условиях, несмотря на всю их пестроту и особенности (диктатура пролетариата, наличие социалистического сектора хозяйства и ведущее значение этого сектора во всем народном хозяйстве), узловым и решающим пунктом при изучении вероятной динамики нормы прибыли, как и в условиях чистого капитализма, попрежнему остается величина отношения между овеществленным и живым трудом. И с этой стороны гениальный анализ Маркса полностью сохраняет свою свежесть и силу, как будто бы он был написан Марксом только вчера специально для исследования общественных отношений СССР.

ОТДЕЛ II

За Советским рубежом

М. Рубинштейн

Мировая химическая промышленность

Ознакомление с состоянием мировой химической промышленности по ряду причин заслуживает особенного внимания рабочего класса. Общеизвестно совершенно исключительное значение химической промышленности капиталистических стран для подготовки и обслуживания войны. Каждый современный химический завод является потенциальным арсеналом, каждый из мощных химических трестов является одной из основных движущих сил, а вместе с тем и одним из важнейших инициаторов военных столкновений.

В то же время химическая промышленность в ее современных формах является наиболее ярким образцом „молодой" отрасли производства. Отражая нарастающую неравномерность капиталистического развития, она на фоне стагнации основных старых отраслей производства показывает за последние 15 лет совершенно исключительный во многих странах стремительный рост. Она обгоняет другие отрасли производства не только по темпу роста, но и по степени электрификации, по планомерному использованию науки, по высоте органического строения капитала. Несмотря на чрезвычайно высокую роль постоянного капитала (зданий, машин, аппаратов и т. п.), несмотря на задерживающее влияние монополий, она еще далеко не застыла в своем развитии, а наоборот, используя весь опыт и достижения старых отраслей производства, непрерывно изменяет свои методы, находится в постоянном движении.

По технической базе наше время называют началом эпохи электричества. Но в то же время его можно с полным правом называть эпохой „химической революции". Одни методы производства, одни продукты, едва успев развиться, вытесняются другими, также лишь на короткое время приходящими им на смену.

Таким образом, химическая промышленность является полем непрерывной рационализации, изменений, совершенствований. В то же время, как мы увидим в дальнейшем, все противоречия капиталистической рационализации сказываются в ней с особенной резкостью.

Несмотря на особенно далеко идущую специализацию, разные отрасли химической промышленности теснейшим образом связаны друг с другом, во многих отношениях об'единены в один громадный комплекс. Технические сдвиги и перевороты в одних отраслях немедленно оказывают влияние на другие, принуждают их к соответствующим изменениям.

Правда, технический прогресс в химической промышленности в значительной степени обусловливается уровнем, достигнутым другими отраслями производства. Например, ряд важнейших химических процессов, происходящих при высоком давлении, был бы неосуществим без соответствующего развития металлообрабатывающей промышленности, создания

новых металлических сплавов и т. п. Ряд новых химических производств создается успехами в строительстве гидроэлектрических станций и т. п.

Но еще ярче проявляется обратное взаимодействие. Химическая промышленность является типичным „производством средств производства". Лишь небольшая часть ее продукции поступает непосредственно к массовым потребителям. Основная продукция обслуживает в качестве полупродуктов, реактивов и т. п. другие отрасли производства. С каждым годом растет значение химии для всех без исключения отраслей промышленности — каменноугольной, металлургической, текстильной, кожевенной, пищевой и др. Все большее значение приобретает она и для сельского хозяйства, становясь, таким образом, одним из важнейших элементов развития производительных сил.

Развитие химической промышленности в ее современных формах абсолютно невозможно вне крупных предприятий, вне мирового рынка. С особенным размахом происходит в ней концентрация капитала, сосредоточение производств в руках нескольких гигантских сверхтрестов, господствующих над командными высотами промышленности, оказывающими огромное воздействие на правительственный аппарат, „общественное мнение", зачастую направляющих империалистическую политику и дипломатические переговоры отдельных государств. В то же время эти тресты тесно связаны друг с другом в международном масштабе.

Наконец, химическая промышленность с особенной ясностью отражает характерные для современного производства тенденции нового типа труда — разделение рабочих на массу так называемых подученных и узкий слой высококвалифицированных, так же резко отличающихся от прежнего, по существу, ремесленного типа квалификациии. Она показывает также значительный относительный рост и усиление значения в производстве служащих и техников.

Химическая переработка угля

Громадная распространенность сырья, мировые запасы которого, по существу, лишь чуть затронуты, и значительное количество ценнейших химических продуктов делают химическую переработку угля центральной проблемой современной химической промышленности. Несколько оттесненная в послевоенный период на второй план производством синтетических азотных соединений, она вновь выдвигается в настоящее время на первое место в связи с успешными опытами по получению из угля жидкого топлива.

Еще до войны дистилляция угля занимала основное место в наиболее развитой химической промышленности Германии. Но ее химические производные — смолы, бензол и др.— являлись лишь побочными продуктами при получении из угля осветительного газа и необходимого для металлургии кокса. Долгое время они вообще не использывались, являясь как бы отбросами производства. Но постепенно они из побочных продуктов становились, по существу, основными, во всяком случае наиболее ценными. Из них стали получать многочисленные соединения, служащие для изготовления взрывчатых веществ, удобрений, лекарств, дезинфекционных и антисептических составов, ароматических и вкусовых веществ, фотографических принадлежностей и всех красок для текстильной промышленности.

Во время войны мощные красочные заводы Германии стали громадными производителями ядовитых газов. Таким образом, военная мощь

империалистических государств в значительной степени зависела от снабжения побочными продуктами коксовых печей и развития красочной промышленности.

В начале мировой войны Германия имела в этом отношении громадное превосходство перед союзниками, производя больше, чем все страны Антанты вместе взятые и в четыре раза больше Соед. Штатов. В результате лихорадочных усилий, громадных правительственных субсидий, мобилизации всего научно-технического и промышленного аппарата Англии, Франции и особенно Соед. Штатов, обладающих величайшими в мире запасами угля и мощными финансовыми ресурсами,— удалось создать самостоятельную промышленность по химической переработке угля.

Особенных успехов добились Соед. Штаты. В то время как до войны лишь около 5% коксовых печей Соед. Штатов использывали побочные продукты, в 1923 г. их было уже 65,4%. В то время как до войны краски для текстильной промышленности почти целиком ввозились из Германии, в 1925 г. около 90% всего количества красок производились внутри страны, а часть их даже экспортировалась.

Во всех странах мы видим дальнейшее развитие методов дистилляции угля, переход на все более совершенные коксовые печи с большей нагрузкой, сокращением периода коксования и улавливанием продуктов, раньше улетучивавшихся. Лишь за последние годы началось практическое применение так называемой „карбонизации при низких температурах", имеющей ряд преимуществ и дающей другие продукты, чем прежняя дистилляция при высокой температуре. Значительная часть этих продуктов еще недостаточно исследована в отношении промышленного их применения, и в этой области имеется еще громадное поле для дальнейшего развития. Во всяком случае, сжигание угля в топках, использывающее лишь ничтожную часть тепла и дающее улетучиваться с дымом и газами ряду ценнейших продуктов, все более становится бессмысленной растратой. Дым фабричных труб, вдохновлявший стольких поэтов и служивший как бы символом труда, становится скорее символом технической отсталости и косности.

Однако, дальнейшиее развитие дистилляции угля и красочной промышленности натыкается в настоящее время на обычную капиталистическую преграду — отсутствие рынков.

Производственная способность мировой красочной промышленности удвоилась за время войны. Между тем, основной ее потребитель — текстильная промышленность — почти не расширила продукции. Ясно, что это должно было вызвать резкий кризис сбыта. Несмотря на то, что краски составляют лишь ничтожную долю в стоимости текстильных изделий страны, создавшие красочную промышленность во время войны из отмеченных выше военных соображений,— ни в коем случае не хотят отказаться от приобретенной в этой области самостоятельности. В результате, продукция красок за 1924 г. составляла лишь 55% производственной способности фабрик. В Германии этот процент составлял лишь 45%, в Соед. Штатах—57%. Правда, в последующие годы он несколько поднялся, главным образом, вследствие экспорта на восточные рынки, но все же загрузка фабрик остается чрезвычайно слабой. Несмотря на это фабрики поддерживаются и их акционерам обеспечиваются солидные дивиденды, при помощи всего правительственного аппарата.

Жидкое топливо из угля

Дальнейшее развитие старых методов дистилляции и химической переработки угля, помимо ограниченности рынка для красочной промышленности, натолкнулось на следующее экономическое затруднение. Как мы уже упоминали, получение побочных продуктов все более становится основным. Но увеличение их производства вызывает получение все больших количеств кокса, которые некуда девать, так как развитие металлургии значительно отстает. Это вызвало настойчивое стремление к более полной химической переработке угля, по возможности не оставляющей твердого остатка и дающей углеводородные соединения, могущие служить в качестве жидкого топлива. Техническое разрешение этой проблемы наметилось еще 10—15 лет назад, но лишь в 1925/26 г. началось, сперва в Германии, затем во Франции и Англии, производственное применение этих методов синтеза углеводородов, основным из которых является так называемая гидрогенизация угля. Большая часть этих методов требует применения катализаторов при высоких давлениях и температурах.

Важнейшим результатом реакции являются жидкие синтетические соединения, целиком соответствующие основным нефтепродуктам — бензину, газолину, тяжелым маслам и др. Нам незачем останавливаться здесь на роли жидкого топлива в современном транспорте и промышленности. Без него невозможно автомобильное сообщение и авиация, оно играет все большую роль в морском транспорте и постепенно проникает также на железные дороги. Без жидкого топлива современная война невозможна. А так как запасы жидкого топлива очень ограничены, сосредоточены в немногих странах и быстро истощаются, ясно, какое внимание должны были получить попытки получения синтетического жидкого топлива из угля, даже при их нерентабельности в настоящее время.

Из этих методов наиболее широкую известность получил патент Бергиуса, взятый еще в 1913 г., но потребовавший 12 лет напряженной коллективной разработки и свыше 12 миллионов марок для того, чтобы от лабораторных опытов перейти к заводской выработке. Лишь 1 апреля 1925 г. в Мерзебурге открылся первый завод по гидрогенизации бурого угля.

Метод Бергиуса состоит в соединении водорода с углем при давлении около 200 атмосфер и температуре в 500°. В качестве исходного материала пригодны почти все сорта угля как каменного, так и бурого, при чем особенно подходит угольная пыль и штыб, не выдерживающие длительных перевозок. Уголь мелко размельчивается и приводится в соприкосновение с водородом, получаемым из так называемого водяного газа. Из трех тонн угля получается 1 тонна нефтяных продуктов. По данным Бергиуса из 1 тонны угля получается приблизительно 100—200 *кг* сухого остатка, 70 *кг* воды, 150—250 *кг* горючих газов, 150 *кг* газолина (смесь бензина и бензола), 200 *кг* нефтяных масел средней плотности, 60 *кг* смазочных масел и 80 *кг* мазута. Для всего проведения процесса, т.-е. для самой реакции, нагрева и получения необходимой энергии, нужен только уголь, при чем весь процесс целиком механизирован и зарплата играет ничтожную роль.

Таким образом, угольные шахты становятся как бы богатейшими нефтяными источниками. Для получения потребляемых Германией 1 миллиона тонн нефти потребовалось бы около 3 миллионов тонн угля (правда, не принимая во внимание уголь, необходимый для получения водорода),— количество по сравнению с германской добычей совершенно незначительное. В связи с значением нефти в военной подготовке, метод Бергиуса, при его дальнейшей разработке и удешевлении, становится на ряду с красочной и азотной промышленностью одной из основ возрождения германского империализма. Немудрено, что он так встревожил гигантские нефтяные тресты Стандарт-Ойл и Шелл, поторопившиеся приобрести патент Бергиуса для заграницы (очень возможно, лишь для того, чтобы до поры до времени придержать его применение). Метод Бергиуса не является, однако, единственным. Как это обычно бывает, экономически назревшая, как бы висящая в воздухе, техническая проблема встречает усиленное внимание и коллективную работу научной мысли, соответствующую затрату средств и, в результате, ряд одновременных самостоятельных решений.

Ряд других методов гидрогенизации угля состоит в получении углеводородов из смеси водорода и окиси углерода при помощи катализаторов. Таковы: метод Баденской анилиновой фабрики, французский метод синтеза метана Саббатье, дающий горючее „метанол“ и др. Большие надежды обещает метод Фишера-Тропша, применяющий гораздо меньшие давления и температуры и дающий смесь алкоголей, носящую название „синтола“, или при применении других катализаторов основные продукты нефти — бензин, керосин, парафин и др., в чистейшем виде. Непрерывно идет дальнейшее совершенствование и удешевление этих методов. В Германии большая часть патентов и изыскательной работы находится в руках треста Иге, но, например, метод Фишера разрабатывается угольными трестами (при участии Тиссена и др.), образовавшими для этого специальное „общество облагораживания угля“. И во Франции имеются уже попытки перехода от лаборатории к заводской практике.

Эти методы разрешают попутно очень важную проблему смазочных масел, все в больших количествах потребляемых современной промышленностью. Они тесно связаны и широкими проектами снабжения газом на дальние расстояния (Ferngas). Но особенное значение имеют они для стран, лишенных нефти — Германии, Франции, Италии, в дальнейшем и Англии, нефтяные источники которой расположены в „опасных“ колониальных областях.

Их развитие вносит глубокие изменения в соотношения сил империалистических государств, обостряет и ставит в новой плоскости их борьбу. Оно вызывает новые формы и цели соглашений союзов и в то же время конкуренции и борьбы химических, нефтяных и угольных трестов при теснейшем участии капиталистических правительств. Трестам и странам, опередившим другие в развитии этих методов, оно обещает на время фантастические прибыли и ряд преимуществ в подготовке войны. Нелепы разглагольствования Гильфердинга на Кильском с'езде германской с.-д. партии, что эти открытия устраняют одну из основных причин империалистических войн.

Положение является как раз обратным. Но несомненно, что это развитие предвещает ряд крупнейших сдвигов современного капитализма, на оценке которых мы остановимся в дальнейшем, при обсуждении тенденций и значения всей химической промышленности в целом.

Азотная промышленность

Проблема фиксации азота также имеет в современной химической промышленности первостепенное значение. В то время как уголь и его химические продукты являются основной энергетической базой, связанный азот, играя еще большую непосредственно военную роль, приобретает огромное значение для обеспечения и расширения продовольственной базы.

Интенсификация сельского хозяйства невозможна без удобрений. Из трех основных элементов удобрений — фосфора, калия и азота, последний является наиболее важным и распространенным. $^3/_4$ всех удобрений содержат азот в той или иной форме. При этом употребление животных и растительных азотистых удобрений — навоза, жмыхов, хлопковых семян, остатков боен и др.—относительно все более сокращается. Применение чилийской селитры также уменьшилось за последние 15 лет, да и запасы ее очень ограничены. В то же время чрезвычайно выросло получение синтетических азотных соединений, использовывающих в качестве сырья неограниченные запасы азота в воздухе.

Мировое производство синтетического связанного азота выросло с 55 тыс. тонн в 1913 г. до 550 тыс. в 1925 г., т.-е. в 10 раз; производство аммиака из коксовых газов—с 283 тыс. тонн до 325 тыс. тонн; за тот же период добыча чилийской селитры сократилась с 433 тыс. до 375 тыс. тонн. В то время как в 1913 г. производство синтетического азота составляло лишь 7,1%, азота из коксовых газов 36,7%, чилийской селитры 56,2%,— в 1925 г. синтетический азот давал 44%, в то время как азот коксовых газов сократился до 26%, а чилийская селитра до 30% всего производства азота. [1] По другим данным, в 1926 г. синтетический азот составлял уже 47%, азот из побочных продуктов перегонки угля—27% и чилийская селитра—лишь 26%.[2] В Германии в 1913 г. было произведено 121 тыс. тонн связанного азота (синтетического и из коксовых газов), в 1925 г. уже 450 тыс.

Эти громадные сдвиги были вызваны появлением совершенно новых отраслей промышленности.

При синтетическом производстве азотных соединений применяются три основных метода: 1) фиксация азота посредством электричества („вольтовой дуги“) в азотную кислоту и ее соли — так называемую норвежскую селитру. Этот метод рентабелен лишь при особенной дешевизне энергии с гидроэлектрических станций и получил поэтому широкое распространение лишь в Норвегии и некоторых районох Соед. Штатов и Канады.

Наибольшее распространение получил второй метод—Габер-Боша, основанный на соединении азота и водорода в аммиак, происходящем под действием катализаторов при высоком давлении и температуре. Сходные методы выработаны Клодом, Казале и др. (отчасти посредством усовершенствования патентов Боша, выданных по Версальскому договору межсоюзнической комиссии).

В Германни по методу Боша производится $^2/_3$ всего связанного азота. Это производство сосредоточено на двух грандиозных предприятиях:

[1] „Ind. chimique“, Материалы к Межд. экономич. конференции.
[2] „Magazine der Wirftschaft“, № 8, 1927.

Иге, построенном в 1913 г. в Оппау, возле Людвигсгафена, с производственной способностью около 125 тыс. тонн связанного азота в год и законченном лишь в 1917 г., и заводе Лойна в Мерзебурге, с производственной способностью в 400 тыс. тонн (производящееся в настоящее время переоборудование доведет ее до 500 тыс. тонн).

Гигантское предприятие Лойна состоит из 600 заводских строений, имеет свои буроугольные шахты, занимает в настоящее время 15 тыс. рабочих. Основой предприятия являются газовые фабрики, производящие путем протока воздуха через раскаленный кокс так называемый генераторный газ с высоким содержанием азота, и при проходе водяного пара через кокс — так называемый водяной газ с высоким содержанием водорода. Из громадных газометров эти газы (соответствующим образом очищенные) поступают в контактно-водородную фабрику, где смешиваются в определенной пропорции, сжимаются под давлением в 200 атмосфер и проходят через контактные печи, где происходит их соединение. Получившийся аммиак вымывается водой и идет в дальнейшую переработку для получения удобрений.

Третьим методом связывания азота является поглощение его металлами и карбитами. Наибольшее распространение получил метод Франка Каро, связывающий азот воздуха при помощи кальция карбида при высокой температуре. Продуктом его является кальций цианамид, часто носящий название известкового азота (Kalkstickstoff). Метод рентабелен лишь в крупных предприятиях при наличии хорошего угля.

Наконец, как это видно из вышеприведенных цифр, большое значение имеет уловление аммиака и сернокислого аммония из коксовых газов, тесно связывающее азотную промышленность с перегонкой угля.

Все эти так стремительно выросшие отрасли производства имеют колоссальное военное значение. Азотные соединения (особенно азотная кислота, которую не трудно получить из других соединений) абсолютно необходимы для получения подавляющего большинства современных взрывчатых веществ — бездымного пороха, пироксилина, динамита, пикриновой кислоты, тринитротолюола, ароматических азотных соединений и др. Они носят в разных странах различные названия (английский „кордит“, американский „пиро“ и т. п.), но по существу делятся, главным образом, на нитроцеллюлозные соединения и нитроглицерины или их смеси.

Необходимо отметить, что и мирное протребление взрывчатых веществ в промышленных странах является в настоящее время весьма значительным, составляя, напр., в Соед. Штатах, 500 — 600 млн. фунтов в год. Без них невозможна современная горная промышленность, проходка шахт, туннелей, каналов, дорог. Такие сооружения, как Панамский канал, поглощают гигантские количества взрывчатых веществ.

Надо также отметить весьма значительное как прямое, так и косвенное военное значение производства красок и лаков для металлических поверхностей. Без них громадные массы металла военных судов, автомобилей, танков, аэропланов, аммуниции, колючей проволоки и т. п. подвергались бы чрезвычайно быстрой порче. Внутренняя и внешняя поверхность современных снарядов также обязательно покрывается лаками и краской. При этом все эти краски и лаки должны быстро высыхать, чтобы не занимать излишнего места и времени. Эта задача разрешается все более расширяющимся применением содержащих азотные соединения

нитроцеллюлозных лаков, поглощаемых современной промышленностью в громадных количествах и в то же время изготовляемых из тех же полупродуктов, что и взрывчатые вещества.

Таким образом, каждое предприятие по получению азотных соединений, каждая, на первый взгляд такая мирная фабрика удобрений являются важнейшими военными арсеналами. В то же время, обеспечивая интенсификацию сельского хозяйства, они дают для ряда стран возможность „продержаться“ во время длительной войны без подвоза заокеанского продовольствия.

Химическая переработка целлюлозы

Все большее значение в химической промышленности приобретает за последние годы обработка целлюлозы, при чем и в этой области мы видим такое же неразрывное сочетание мирного и военного производства, как и в азотной промышленности или переработке угля.

Помимо прежнего, все более расширяющегося использования древесной массы и целлюлозы для бумажного производства, где на первое место выдвинулась в настоящее время Канада, целлюлоза находит все более широкое применение для изготовления искусственного шелка, пироксилина, целлулоида и сходных пластических веществ, кинематографических фильм, коллодия, искусственной кожи, фибры и др. Исходным сырым материалом служат, главным образом, древесина и отбросы хлопка (linters).

Таким образом, и хлопок, помимо своего значения для текстильной промышленности, получил (особенно в Соед. Штатах) целый ряд новых промышленных применений. В частности, хлопковые семена, раньше выбрасывавшиеся в реки или скармливаемые скоту, служат для получения десятков важнейших коммерческих продуктов. В химическую переработку хлопка вложены в южных штатах Сев. Америки сотни миллионов долларов, на ней специализировались многие сотни химиков. Из продуктов хлопка получают удобрения, бумагу, искусственный шелк, целлюлоид, жиры, мыло, стеарин, косметику, глицерин, краски и т. д. Целлюлоза из хлопковых отбросов и глицерин из хлопкового масла служат основой производства нитроглицерина и динамита.

Но, пожалуй, важнейшим и интереснейшим продуктом целлюлозы является в настоящее время искусственный шелк, производство которого дает из года в год картину совершенно беспримерного роста.

Первый (нитроцеллюлозный) метод изготовления искусственого шелка был изобретен Шардоннэ еще 1889 г. Но понадобилось почти 30 лет изысканий и усовершенствований, чтобы получить в широкой заводской практике ровную и прочную нить, не уступающую естественной.

Мировая продукция искусственного шелка составляла в 1912 г. около 10 тыс. тонн., в 1925 г. уже 89.000 тыс. тонн (по итальянской оценке в 1913 — 9 тыс. тонн, в 1925 г. уже 84 тыс., т.-е. рост в 9 раз). [1]

При этом мировая продукция естественного шелка все это время держится на том же уровне (около 40 тыс. тонн), составляя в настоящее время менее половины продукции искусственного шелка.

---

[1] „Industrie de la soie artificielle, Материалы к Межд. эконом. конференции, Женева, 1927 г.

Основную роль в производстве играют в настоящее время Соед. Штаты, давшие в 1925 г. 27% мировой продукции, Италия дала 16%, Англия и Германия 14%, Франция 9%. Особенно стремительным был рост продукции в Соед. Штатах, где она с 1914 г. по 1925 г. выросла в 23 раза. В Италии за последние 3 года продукция утроилось, в Германии и Франции удвоилась. Довольно значительное производство искусственного шелка возникло в Японии, — стране, являющейся, как известно, основным поставщиком естественного шелка на мировой рынок. Крупная фабрика искусственного шелка предполагается к постройке английским трестом Куртольда в Индии (в районе Бомбея). Мы видим, таким образом, в производстве искусственного шелка наиболее типичный образчик молодой отрасли промышленности с стремительным ростом и непрерывными техническими изменениями.

Все методы получения искусственного шелка, исходя из отбросов хлопка или древесины (при чем, главным образом, применяется целлюлоза, получаемая так называемым сульфитным способом), превращают целлюлозу в вязкий раствор, пропускаемый под давлением через мелкие отверстия. Получаемые нити коагулируются в особых растворах, придающих им прочность. Ацетатный, нитроцеллюлозный и др. методы имеют в настоящее время сравнительно незначительное применение, главным образом для особенно дорогих сортов.

Около 90% всего производства искусственного шелка дает вискозный метод, где целлюлозный раствор (так называемый ксантат целлюлозы) получается при помощи сероуглерода.

В настоящее время ведутся усиленные изыскания по получению искусственного шелка из всех видов древесного сырья и целлюлозы.

Во всяком случе, сырье играет в этом производстве наименьшую роль и предприятия возникли там, где легче получить необходимые для переработки химические реактивы или имелась дешевая рабочая сила для дальнейших (по типу чисто текстильных) процессов обработки.

Предприятия по производству искусственного шелка очень концентрированы. Мелкие предприятия, не могущие производить постоянных совершенствований и изменений производственного процесса, при сохранении его массового характера, обречены на прозябание. Почти все производства находится в руках основных химических концернов. Важнейшие предприятия связаны в настоящее время и в международном масштабе не только соглашениями картельного характера, но и непосредственными „участиями“, настолько прочным „переплетением“ интересов, что во многих отношениях оно приближается к типу международного треста. Это, однако, не мешает в каждой стране воздвигать все новые таможенные преграды и вести ожесточенную борьбу за оставшиеся свободными рынки, при чем основным рынком в этой области является теперь Дальний Восток. Так, напр., для итальянского экспорта искусственного шелка первым рынком является Китай, вторым Индия, третьим Соед. Штаты и четвертым Япония. Крупные концерны зарабатывают на искусственном шелке колоссальные прибыли, использывая монополию для удержания цен на высоте, совершенно не соответствующей издержкам производства.

Производство искусственного шелка также тесно связано с подготовкой войны. Его полупродукты и применяемые в переработке химические материалы необходимы для производства взрывчатых веществ

и ядовитых газов. Крупнейшую роль в производстве искусственного шелка играют предприятия, изготовлявшие во время войны взрывчатые вещества — трест Дю-Понта, Нобеля, Германская группа Glanzstoff и Рейнско-Вестфальское общ. взрывчатых веществ. Все эти предприятия могут в случае нужды вновь начать обслуживание войны.

Сырье и рабочая сила

Современная химическая промышленность все в меньшей степени нуждается в редком сырье. Во всяком случае основные тенденции технического прогресса в ее важнейших отраслях направлены к тому, чтобы редкое естественное сырье (минеральное, растительное, отчасти и животное) заменить материалами, имеющими широкое распространение. На разрешении этой задачи были сосредоточены все усилия во время войны, когда, напр., германскому капитализму приходилось в своеобразном „плановом" порядке лавировать с наличными запасами химического сырья, направлять их на наиболее важные участки, заменять суррогатами и т. п. На эту сторону обращено и теперь усиленное внимание научно-технической мысли. В настоящее время почти все важнейшие отрасли химической промышленности ориентируются, главным образом, на синтезы из простейших элементов — углерода, водорода, кислорода и азота, распространенных повсеместно.

Правда, очень важный для химической промышленности продукт — серная кислота—получается в настоящее время, главным образом, из пиритов, добываемых в значительном количестве лишь в нескольких странах (Испания, Сев. Африка и др.). Но в настоящее время усиленно разрабатываются методы получения серной кислоты из широко распространенного гипса.

Алюминий, получаемый в настоящее время из сравнительно редких бокситов, пытаются получить из повсеместно распространенных сортов глины и т. п.

В общем и целом, сырье не служит в настоящее время значительным препятствием для роста химической промышленности. В отличие от металлургии крупные химические предприятия могут возникать всюду. Даже Италия, лишенная такого важнейшего материала, как уголь, развила за последние десятилетия значительную химическую промышленность. Современные химические предприятия ориентируются, главным образом, на источники дешевой энергии — буроугольной и гидравлической.

По сравнению с другими отраслями производства, рабочая сила также играет в химической промышленности относительно небольшую роль. Рабочих требуется гораздо меньше, чем в других производствах (по отношению к стоимости продукции) и значительно большая часть рабочих относится к категории неквалифицированных и подученных. Поэтому приведенные выше цифры численности пролетариата, занятого в химической промышленности, в основных странах далеко не соответствуют значению и удельному весу химического производства. Соответственно этому доля зарплаты в стоимости продукции химической промышленности чрезвычайно мала. С особенной яркостью это можно проследить по данным промышленных цензов Соед. Штатов, дающих цифры так называемой „стоимости, прибавленной в процессе производства", т.-е. стоимости продукции с вычетом стоимости сырья и материалов.

По этим данным доля зарплаты в стоимости продукции составляла, в 1923 г. по всем отраслям производства 17,3%, в текстильной промышленности 18,4%, металлургической 19,3% машиностроительной 26,5%, в то время как в химической промышленности она была лишь 8,8%, т.-е. около $^1/_2$ средней.

В то же время стоимость, прибавленная в процессе производства, составляла в среднем по всем отраслям производства 2.945 долл. на рабочего в год. В текстильной промышленности она была 2.373 долл., а в металлургической 2.373, в машиностроении 3.040, а в химической промышленности 5.276, т.-е. почти вдвое выше средней. [1] По переписи 1925 г. доля зарплаты в стоимости продукции снизилась в химической промышленности до 7,9%, а стоимость, прибавленная в процессе производства, выросла до 5.920 долл. на 1 рабочего. [2]

Еще ярче это сказывается в динамике производительности труда в химической промышленности. Так, с 1919 по 1926 гг. производительность труда на одного рабочего выросла в химической промышленности на 152%, в металлургической на 47%, а автомобильной на 31%. На один доллар зарплаты производительность труда выросла за тот же период в автомобильной промышленности на 14%, в металлургической на 37%, а в химической на 87%.

По другим странам нет сводных статистических данных этого рода. Однако, во всех капиталистических странах можно проследить то же явление: химическая промышленность создает наибольшие ценности и в то же время рабочие химической промышленности принадлежат к числу наиболее низко оплачиваемых, наиболее эксплоатируемых. В Германии они по зарплате стоят значительно ниже среднего уровня, превосходя из крупных групп трудящихся одних лишь текстильщиков. Более 50% химиков работают свыше 8 часов в день, в непрерывных производствах даже 12 часов в день. Положение химиков в Англии, где они распылены по ряду союзов, не многим лучше. 8-часовой рабочий день на деле повсеместно нарушается.

В Соед. Штатах химики совершенно не организованы, целиком во власти трестов с их компанейскими союзами, армиями шпионов, полным господством над рабочими поселками, полицией, школой, духовенством. Во всех странах распространенность сдельных и премиальных работ, спешка, опасность и вредность производства вызывает массовые несчастные случаи, особенно быстрое изнашивание рабочих.

Предприниматели стремятся привлекать в химическую промышленность рабочих из сельского хозяйства, в Соед. Штатах и Франции — „свежих" иммигрантов, обещают своим рабочим особые премии за вызов из деревни их родни. Низкая зарплата при вредности и опасности работ вызывает чрезвычайную текучесть рабочего состава.

Таким образом, мы видим в химической промышленности на первый взгляд противоречивое явление. С одной стороны, это область производства с наибольшей разницей между стоимостью сырья и готовых продуктов, с наибольшим „облагорожением" материалов, с другой стороны, роль рабочей силы и ее зарплата в стоимости продуктов являются

[1] Подсчитано по данным, приведенным в Commerce Jear Book of U. St., 1926 г.
[2] Подсчитано по данным переписи 1925 г. (Journal of Commerce, Май 1927 г.).

относительно наименьшей. Это об'ясняется тем, что химическая промышленность является производством с очень высоким органическим строением капитала, с громадной относительной ролью „кристаллизованного" труда в фабричных зданиях, сложнейших аппаратах и т. п.

Это вызывает большое значение машино- и аппаратостроения для химической промышленности. Крупные химические заводы большею частью сами производят для себя беспрерывно меняющиеся и совершенствующиеся аппараты. Поэтому значительная часть квалифицированных рабочих этих заводов состоит не из химиков, а из металлистов.

Зато очень большую роль играют в химической промышленности служащие, техники и научные работники. Нет отрасли производства где было бы так значительно их относительное число, в некоторых отраслях и крупных предприятиях достигающее соотношения — один служащий на трех рабочих. В громадных заводских лабораториях и обслуживающих промышленность научных институтах работают тысячи пролетаризированных, очень скромно оплачиваемых химиков.

Органически необходимое не только для развития, но и самого существования современной химпромышленности, изобретательство носит ярко выраженный коллективный, зачастую планомерно организованный характер. Изолированные индивидуальные изобретения стали почти невозможны, так как они требуют сложных и дорогих аппаратов, имеющихся лишь на фабриках, препаратов в больших количествах (большей частью являющихся побочными продуктами или отбросами фабричного производства). Каждое уже сделанное открытие нового продукта или метода требует для своего практического осуществления громадной длительной работы, значительного научного и технического персонала, затраты больших капиталов. В результате, все изобретатели, профессора и научные работники целиком зависят от больших фабрик и трестов. Заводы предоставляют им все необходимое для их работы, но ставят при этом свои задания и большей частью фактически экспроприируют изобретения. Значительная часть патентов даже носит название фирмы или фабрики, а не индивидуального исследователя. Таким образом, лаборатория и научно-исследовательская работа все более сливаются с фабрикой, а научно-технический персонал как по условиям, так и по типу труда все более сближается с положением квалифицированных рабочих.

Концентрация химического капитала

Химическая промышленность выделяется из других отраслей производства также исключительным по темпу и широте процессом концентрации капитала.

Германия. Наибольшей законченности и размаха достигла концентрация химической промышленности в Германии в гигантском тресте Иге — Interessen-Gemeinschaft, Akt. Gesellschaft für Farbenfabrikation (общность интересов, акц. общ. красочного производства). Первое соглашение об „общности интересов" было заключено между четырьмя крупными заводами красочной промышленности еще в 1890 г. Затем об'единение постепенно расширяло круг своих „участий" и влияния. Стремительным темпом оно выросло во время войны под действием военных заказов и правительственных субсидий. Передача по Версальскому договору союзникам основных патентов, оккупация крупнейших предприятий в Рейнской области, взрыв в Оппау, упорные кровопролитные стачки в Людвигсгафане и у Лойна, — все эти послевоенные передряги не поколебали мощи об'единения. Оно продолжало расширяться на дрожжах инфляции. В 1920 г. соглашение было возобновлено до 1999 г., а в ноябре 1925 г. оно формально превратилось в единый гигантский трест, являющийся (если не считать созданного согласно плану Дауэса общ. железных дорог) крупнейшим обществом Германии и одним из крупнейших мира. Его акционерный капитал составляет по номиналу 1.100 миллионов, а в настоящее время по биржевому курсу — 3.000 миллионов золотых марок. Дивиденды были повышены в 1926 г. с 8% до 10%. Если принять во внимание многочисленные списывания, увеличение резервных фондов и т. п., то чистая прибыль составит около 25%.

На предприятиях треста работало в начале 1927 г. 67.760 рабочих и 20.292 служащих, при чем, несмотря на повышение продукции, число рабочих за последние годы уменьшилось.

Эти цифры далеко не отражают его значения. Оно основано, главным образом, на том, что Иге захватило в свои руки основные отрасли производства химического сырья и синтетических полупродуктов, получив, благодаря этому, решающее значение во всей химической промышленности Германии, фактическое господство над 80% ее продукции. Он господствует также над всей научно-исследовательской работой, держит в зависимости профессоров и изобретателей, скупает важнейшие патенты.

Помимо горизонтального охвата разнообразнейших отраслей химии, он является одновременно и вертикальным трестом, захватывая источники сырья, топлива, конечную переработку своих полупродуктов, аппараты сбыта внутри и вне страны, банки, значительные „участия" в так или иначе соприкасающихся отраслях производства. Старой основой треста является переработка продуктов перегонки угля: получение бензола, толюола, нафталина, антрацена, фенолов, анилина и пр., а также производство основных неорганических продуктов — серной и азотной кислоты, хлора, брома, хроматов, соды и др. Все эти продукты служат основой для красочного производства треста, сосредоточенного на громадных заводах в Людвигсгафане, Вольфене, Леверкузене, Гехсте-на-Майне и Франкфурте. Последние три завода служат одновременно центрами обширного фармацевтического производства.

В заводах Агфа трест сосредоточил производство фотографических материалов и фильм.

Повышение акционерного капитала в конце 1926 г. было произведено, главным образом, для захвата взрывчатого концерна и тесно переплетенного с ним производства искусственного шелка. Сюда относятся следующие три основных общества:

1) Акц. общ. Динамит (бывшее Альфред Нобель) с тремя собственными заводами и решающим участием в ряде других предприятий, раньше производивших взрывчатые вещества и ядовитые газы, а теперь занятых, главным образом, производством искусственного шелка, искусственной шерсти (вистры), коллодия и т. п.

2) Акц. общ. Кельн-Роттвейль с 5 предприятиями такого же типа и большой фабрикой целлулоида.

3) Рейнско-Вестфальское общ. взрывчатых веществ с 8 заводами и рядом участий.

Тесно связан Иге также с крупнейшими общ. искусственного шелка Глянцштофф и через подставных лиц с баварскими взрывчатыми заводами. Через все эти общества Иге восстановил ряд международных связей — с английским трестом Нобеля, крупнейшим общ. искусственного шелка Курто и американским трестом Дю-Понта. Эти связи не ограничиваются соглашениями о ценах, обмене патентов и разделении сфер влияния, но и закреплены обменом значительными пакетами акций.

Центр тяжести Иге, вопреки его названию, составляла в послевоенный период не столько красочная промышленность, как производство азота, сосредоточенное в упоминавшихся выше предприятиях Оппау и Лойна. Мы уже отмечали также значение опытов по разжижению угля, сосредоточенных, главным образом, в руках Иге, который первый приступил к их применению в фабричном масштабе.

Надо отметить руководящее участие Иге в металлургических предприятиях общ. „Рейнская Сталь". В связи с этим доля Иге в германском стальном тресте (Rheinische Stahlwerke) составляет 8%. В охвате Иге сырья и топлива, помимо многочисленных каменноугольных шахт, основную роль играет в настоящее время бурый уголь Средней Германии. Посредством соглашения с частью бывшего Стиннесовского концерна — общ. Рибек-Монтан, Иге значительно увеличил свои буроугольные владения. Он имеет также свой банк, большие с.-х. поместья для испытания удобрений и т. д. Общее число предприятий, принадлежащих тресту или с решающим пакетом акций в его руках, превышает сотню.

Отражением чрезвычайно выросшего значения Иге является переход к его представителю председательского места в центральном союзе германских промышленников (Reichsverband der deutschen Industrie). Всегда занимавшееся представителями металлургии, оно перешло теперь к одному из руководителей Иге — Дюисбургу. По инициативе и под руководством Иге идут в настоящее время настойчивые попытки сближения этого союза с соответствующим английским об'единением — мощной Федерацией британской промышленности.

Таким образом, перед нами грандиозный, одновременно горизонтальный и вертикальный трест с многочисленными участиями, тесным и разносторонним переплетением с иностранными обществами, огромным воздействием на государственный аппарат, дипломатию, общественное мнение, науку и прессу, с щупальцами, проникающими во все отрасли хозяйства и общественной жизни, с резко аггрессивной политикой против рабочего класса.

Англия. Значительная концентрация химического капитала имела место за последнее время и в Англии,— стране, где в общем и целом концентрация капитала несомненно отстала от Соед. Штатов и Германии. И здесь химическая промышленность была застрельщиком концентрации в новых формах и масштабах.

Основными трестами химической промышленности Англии являются следующие четыре об'единения.

Динамитный трест Нобеля, господствовавший и до войны в английском производстве взрывчатых веществ и имевший теснейшие связи с Францией, Германией и другими иностранными группами. Во время войны в него влились все без исключения предприятия взрывчатых веществ, и он работал при ближайшем участии правительства. При этом

характерно, что связи Нобеля с Германией продолжались и во время войны. Динамитные патриоты с'езжались в 1915 г. на нейтральной почве Швейцарии и полюбовно делили прибыли.

После войны трест слился с пестрым концерном Nobel Industries (производства Нобеля), сохранив в то же время непоколебимую, огражденную правительством монополию в производстве взрывчатых веществ как самой Англии, так и всей Британской империи. Большое значение имеет его господство над производством взрывчатых веществ Южной Африки, от которого зависит ее горная промышленность (особенно добыча золота). Трест Нобеля имеет также ряд участий и интересов в Бельгии, Франции, Германии и Испании, тесную официальную связь с трестом Дю-Понта в Соед. Штатах, Канаде и Южн. Америке, ряд соглашений о ценах, рынках и т. п. со всеми руководящими предприятиями взрывчатых веществ в мире.

Кроме того, он имеет довольно значительные вклады в крупнейший автомобильный трест Америки — Генеральную корпорацию моторов и резиновый трест Дэнлопа. В значительной доле он участвует и в производстве искусственного шелка. Характерно, что при основном капитале в 16 млн. фунтов, его открытые инвестиции в других предприятиях составляют 22 млн. фунтов.

Вторым важным трестом является Британская красочная корпорация (British Dyestoff Corporation) — единое акционерное общество, созданное во время войны по инициативе правительства. Оно выросло на военных заказах и держится в настоящее время субсидиями правительства и запрещением импорта красок. Последний разрешается лишь по специальным лицензиям, выдаваемым в том случае, если домашняя цена в три раза выше довоенной. Благодаря этим мероприятиям импорт красок удалось сократить до $^1/_8$ потребностей страны, а убыточность производства компенсируется прямыми и косвенными субсидиями. Из акционерного капитала в 10 млн. фунтов правительство приобрело акций на 1,7 млн., в том числе одна акция „правительства его величества с специальными правами голосования".

И в уставе общества оговорено обязательство „поддерживать тесную связь с правительством", назначающим для этого в правление двух директоров, имеющих право вето. Все эти меры являются понятными, если принять во внимание военное значение общества, выстроившего большой завод ядовитых газов и могущего в случае необходимости использовать свои предприятия и полупродукты для значительного расширения их производства. По существу, основной смысл образования общества состоял в подготовке перехода на обслуживание войны.

Третьим трестом является общество United Alkali C°— крупнейший производитель хлористых продуктов, серной, соляной и азотной кислот, необходимых для всех отраслей химии.

Наконец, четвертый трест — общ. Бруннер Монд, с основным капиталом в 14 млн. фунтов, является крупнейшим об'единением основной химии. Основной его продукцией является сода, в производстве которой он тесно связан с известной группой Сольвея в Бельгии и Соед. Штатах.

Мондом заключено соглашение с громадным пестрым трестом Левера о монопольном снабжении содой его мыловаренного производства в

обмен за „невмешательство“ в последнее. Кроме того, Монд имеет ряд интересов и общих директоров с другими компаниями химической, взрывчатой и угольной промышленности. Особенно значительны его международные связи. У треста имеется 26 дочерних обществ вне Британии, в том числе Монд (Австралия, Китай, Индия, Япония), Сев.-амер. химическое общ., Канадская компания, германское общ. Armac, испанское, французское, южно-амер. общ. взрывчатых веществ. В ряде „маленьких“ войн, происходивших за последние годы в Европе, Азии и Африке, он охотно поддерживает обе стороны взрывчатыми веществами и удушливыми газами. Но чуть затронуты, как, например, в Китае, интересы треста, глава его Альфред Монд, бывший либерал, а теперь видный консерватор, громче всех кричит в Парламенте: „Мы требуем решительных действий нашего правительства для защиты жизни и собственности“. И этот трест тесно связан с подготовкой войны. Помимо вырабатываемых им полупродуктов, он купил по дешевке крупнейший правительственный завод синтетических азотных соединений в Биллингаме со всеми секретами производства, полученными от межсоюзнической комиссии. Таким образом, он сосредоточил в своих руках английское производство азотных соединений (при сохранении за правительством акций на 2 млн. фунтов), о военном значении которого мы уже говорили выше.

Все эти 4 треста слились в 1926 г. в один громадный сверхтрест „Имперские химические производства“ (Imperial chemical Industries), справедливо называемый „величайшей фузией Англии“. Его основной оплаченный капитал составляет 56,8 млн. фунтов, т.-е. больше чем Иге. Вместе с резервным капиталом и пр. он достигает 80 млн. фунтов (правда, капитал, вероятно, значительно разводнен). Слияние произведено путем обмена акций 4 трестов на акции нового общества, при чем большая часть их в руках Монда и Нобеля.

Во главе треста стоит вышеупомянутый Альфред Монд. Вторым председателем является руководитель Нобеля Megowann. В числе директоров имеется для связи с правительством бывший вице-король Индии лорд Рэдинг, руководитель Федерации британской промышленности Моспратт, видный банкир и один из авторов плана Дауэса Стэмп и ряд других представителей, связывающих трест со всеми важнейшими организациями английского и отчасти американского капиталистического хозяйства. Щупальцы треста особенно значительны в Испании, Южной Африке, Австралии, Южной Америке и Канаде. Помимо несомненного господства над химической промышленностью, у него значительные участия в угольном производстве, искусственном шелке, добыче никеля, автомобильной и резиновой промышленности.

Основной целью создания нового треста являются международные выступления, „возможность действовать с аналогичными большими группами в других странах на началах равенства, т.-е. добиться справедливой доли на мировых рынках“. Трест несомненно является одной из важнейших пружин империалистической политики консервативного правительства. Как мы видим, все его четыре составных части так или иначе связаны с подготовкой войны. Об'единение, несомненно, усилило их аггрессивность и силу воздействия на правительственный аппарат.

Франция. Во Франции и до войны существовала довольно значительная химическая промышленность, но она ограничивалась, главным образом, переработкой минеральных веществ. Предприятий органического синтеза до 1914 г. почти не существовало и продукты дистилляции угля, краски, фармацевтические изделия и проч. почти целиком ввозились из Германии. Промышленность была распылена по относительно мелким предприятиям, очень отставала по техническому оборудованию. Война дала огромный толчок ее развитию. Устранение конкуренции, возникновение неограниченного военного рынка, широчайшая помощь правительства,— привели к созданию ряда новых отраслей промышленности и предприятий: электрохимических, взрывчатых, ядовитых газов, дистилляции угля, красочных и пр. Быстрыми скачками росли обороты химической промышленности, вложенные в нее капиталы и прибыли.

Общая сумма капиталов, вложенных в химическую промышленность, оценивается в 1926 г. 5 млрд. франков, число рабочих — 300.000.

Ежегодное производство бензола выросло с 1914 по 1925 гг. с 17 тыс. тонн до 110 тыс., нафталина с 7 тыс. тонн до 40 тыс., антрацена с 750 до 4000 тонн, не говоря уже о ряде новых продуктов дистилляции угля, раньше вовсе не производившихся во Франции. В то время как до войны краски почти целиком импортировались, теперь французские фабрики удовлетворяют (по весу) 95% потребления страны.

Такие же сдвиги произошли и в фармацевтической промышленности, производстве целлюлоида, исскуственного шелка и ряде других отраслей.

Соответственно быстрым темпом шла и концентрация капитала. Так, из важнейших об'единений — общ. Кульман (Etablissements Kuhlmann) увеличило свой капитал с 6 млн. франков в 1914 г. до 190 млн. франков в 1925 г., число заводов с 5 до 18. Оно произвело в 1925 г. 430 тыс. тонн удобрений и 8,7 тыс. тонн красок (80% французского потребления). Оно поглотило старое об'единение „Компания красочных веществ“ (Companie des matiers colorants), фактически об'единило под своим руководством всю красочную промышленность Франции, путем многомиллионных „участий“ обеспечило себе основные источники сырья.

Общ. Пешинэ (Etabl. Pechiney) повысило свой капитал с 17 млн. франков в 1914 г. до 208 в 1926 г. (не считая крупных резервов). До войны оно имело лишь 5 предприятий. В настоящее время оно имеет 5 химических заводов, 10 электрометаллургических и многочисленные шахты. Оно пользуется внутри страны монополией в чрезвычайно прибыльном производстве алюминия, железных сплавов, разных солей, значительно расширяет производство синтетического аммония и пр.

Третье крупное общ. Сэн-Гобен (Saint Gobain) повысило основной капитал с 60 до 160 млн. (при чем резервный капитал составляет 277 млн.). Оно имеет 10 стекольных и 30 химических заводов, при чем опять-таки значительно расширяет производство синтетических азотных соединений. [1]

Впрочем крупнейшим предприятием в этой области является правительственный завод в Тулузе, находящийся в ведении так называемого Office Nationale d'Azote (при участии крупных промышленников).

Все предприниматели химической промышленности Франции об'единены в союз химической промышленности (Union des Industries chimiques), руководящий их борьбой против рабочих (крайне слабо организованных).

[1] „Revue syndicale de documentation economique“, №№ 2 и 3, 1927.

Летом 1925 г. в результате длительных переговоров образовалось новое мощное об'единение под названием „Комитет химических производств Франции" (Comité des Industries chimiques de France), [1] охватывающее 20 крупнейших обществ из всех отраслей промышленности (электрохимия, искусственный шелк, краски, взрывчатые вещества и пр.). Правда, новое об'единение не является, как Германии и Англии, единым трестом. Оно образовано по типу французского комитета металлургии (Comité des Forges), представляющему нечто среднее между картелем и предпринимательским союзом. Но его права и функции очень значительны. Он осуществляет почти полное прекращение конкуренции на внутреннем рынке, распределение продукции между разными предприятими, инициативу полного об'единения по отдельным отраслям (красочной, фармацевтической и пр.), планомерную рационализацию производства и снижение себестоимости одновременно с удержанием высоких цен. Наконец, как и в английском тресте, важнейшая цель создания комитета состоит в представительстве при международных картельных, финансовых и политических переговорах, обеспечении единых выступлений французской химической промышленности, давлении на правительство, взвинчивании протекционизма, наконец, в планомерной подготовке войны.

Французская химическая промышленность обладает в настоящее время многочисленными „участиями" в Бельгии, Испании, Швейцарии, Италии, Польше, Норвегии, Японии, имеет скрытые, но тесные связи с Иге и американскими химическими трестами, проявляет за последние годы усиленную активность в колониях.

И во французской химической промышленности производственная способность значительно выше фактической продукции. В случае войны ее можно сразу повысить во много раз. При помощи правительства, якобы для „национальной обороны", не только сохраняется раздутый производственный аппарат и высокие цены, но чуть не каждый месяц производятся новые установки, строятся новые предприятия для заполнения „пробелов".

Создание „комитета химпромышленности", в своеобразных формах завершающего ее конкуренцию, дает новый толчок к усилению аггрессивности химического капитала, превращению его в один из основных стержней империалистической политики.

Международная концентрация. Место не позволяет нам останавливаться здесь на концентрации химического капитала в других странах. Всюду она идет по тому же направлению, тем же стремительным темпом. Как мы уже видели на указанных выше примерах, особенно далеко зашли в химической промышленности и попытки международных соглашений. Все основные химические тресты ведут между собой оживленный обмен патентами и изобретениями, большей частью с соответствующими компенсациями в виде участий, передачей пакетов акций и т. п.

По отдельным отраслям производства делаются настойчивые попытки раздела мира на сферы влияния.

Наиболее оформленными международными об'единениями химической промышленности являются:

[1] „Wirtschaftdienst", № 24, 17/VII 1927.

Созданный в начале 1927 г. Международный картель искусственного шелка. Его основой является соглашение английского общества Куртольдз, германского Глянцштофф и итальянского Сниа-Вискоза при косвенном участии значительной части предприятий Соед. Штатов, Канады, Франции, Голландии, Австрии и др. Об'единение охватывает не менее 70% мирового производства. Его задачи состоят в регулировании размеров производства, предупреждении падения непомерно вздутых цен, распределении рынков и сфер влияния. Оно, однако, не ограничивается функциями картеля, так как соглашение сопровождалось обменом значительными пакетами акций и во многих отношениях приближается к типу международного концерна.

Тесно связано с этим об'единением искусственного шелка возобновившееся соглашение взрывчатых предприятий Соед. Штатов, Англии и Германии, путем участий связанное с рядом других стран. Его основой являются германские общества Динамит и Кельн-Ротвейль, английский трест Нобеля и американский Дю-Понта. Для обеспечения прочности соглашения пакет акций германских обществ на 15 миллионов марок „перешел в постоянную собственность дружественной иностранной организации". [1]

Большое значение имеет Международное общество по использованию патента Бергиуса (формальный центр которого находится в Люксембурге), созданное при участии крупнейших финансовых и промышленных групп Германии, Соед. Штатов, Франции, Бельгии, Англии и др.

Тесно связан с химической промышленностью Международный спичечный трест. Основой его являются Соед. Штаты и Швеция, но он охватывает почти весь капиталистический мир, в ряде стран обладая полной монополией. Ему принадлежит ряд целлюлозных и химических фабрик.

Из важнейших об'единений чисто картельного типа надо отметить создавшийся в 1926 г. суперфосфатный картель, охватывающий почти все европейские страны, международный бензольный картель, франко-германское калийное соглашение, межд. алюминиевый синдикат, азотный картель и ряд других. Как мы видим, входящие в эти международные соглашения отдельные отрасли производства в национальном масштабе являются в основных странах лишь частью общих химических трестов. Поэтому их международные связи являются лишь щупальцами более общих связей химических гигантов: Иге, английского треста, „имперские химические производства", комитета французской химической промышленности, Дю-Понта, итальянского треста Монтекатини.

Мы уже отмечали неоднократные за последние годы переговоры Иге с трестами и руководящими предпринимательскими группами Соед. Штатов, Англии, Франции, Японии и др. О результате этих переговоров и действительном содержании соглашений в печать попадают лишь крохи, отрывочные и часто намеренно запутанные и неясные сообщения и предположения. Насквозь милитаристский химический капитал оберегает тайны своей международной дипломатии гораздо более ревниво, чем производственные секреты.

[1] Der Farben-Konzern, 1927. Spezialarchiw, стр. 18.

Противоречия химической промышленности капиталистических стран

Химическая промышленность с необычайной яркостью отражает все основные противоречия современного капитализма.

Она доставляет человечеству и способна доставить в еще гораздо большем масштабе небывалую власть над природой, новые источники и методы использования энергии, ослабление зависимости от сырья, возможность получения из простейших материалов многочисленных сложных веществ, обслуживающих разнообразнейшие потребности производства и жизни. Перед ней, казалось бы, неограниченное поле для расширения и охвата новых областей, тысячи новых задач, эпоха непрерывного процветания и роста.

Между тем, она уже теперь испытывает громадное перепроизводство. Основные ее отрасли нагружены в важнейших странах не более чем на 50%—60% (например, в мировой красочной промышленности процент нагрузки составляет по германской предпринимательской оценке 56%, по английской—даже 36%; азотной промышленности около 50% и т. д.).

Борьба за рынки становится все более напряженной и острой, несмотря на все международные соглашения и попытки раздела мира. Внутри международных об'единений продолжается ожесточенная борьба за квоты, за новые переделы сфер влияния.

Выход из этих противоречий химический капитал пытается найти, главным образом, в обслуживании войны и ее подготовки.

Война для химической промышленности, в еще большей степени чем для металлургии, является беспредельным рынком. Она выгодна для нее сама по себе, даже независимо от победы или поражения. Она расстреливает миллионы тонн взрывчатых веществ, выпускает в воздух сотни тысяч тонн ядовитых газов, потребляет громадные количества вспомогательных орудий войны. Рынок дается без всяких усилий, по любым вздутым ценам, за счет налогов и обнищания масс в тылу, истребления и уничтожения на фронте.

Химический капитал живет войной, стремится к войне ради войны. Он готов из единого центра снабжать орудиями войны разные воюющие стороны, подстрекать к ее затягиванию, руководить спущенной с цепи сворой шовинистической прессы и фабрикуемого „общественного мнения", и в то же время сохранять международные связи, полюбовно распределять прибыли, обмениваться производственными секретами.

Но как это ясно для каждого показал опыт мировой бойни 1914—18 гг., война не только не ликвидирует противоречий, из которых капитал пытался выйти, но воссоздает их в еще более острой форме, ведет к новым столкновениям.

В промежутках между войнами химический капитал живет подготовкой к ним, использует государственный кошелек и аппарат принуждения для поддержания высоких прибылей с незагруженных и зачастую фактически убыточных предприятий.

Создавая при наименьшей затрате рабочих усилий наибольшие ценности, химический капитал в то же время с особенной резкостью эксплоатирует рабочую силу, с особенным хищничеством расточает, изнашивает здоровье и жизнь рабочих, бесжалостно бросает их под „Джагернаутову колесницу" капитализма.

С небывалой резкостью сказывается в современной химической промышленности противоречие между разбуженными производительными силами, между общественным характером производства и труда и капиталистической формой присвоения.

В других статьях [1] мы показали, как страны молодого капиталистического развития (Япония, Китай, Индия) одновременно со стремительным ростом производительных сил за последние десятилетия воспроизводят, повторяют в последних формах, доводят до небывалой остроты и напряженности все противоречия современного, в общем и целом, идущего к упадку загнивающего капитализма. То же самое происходит и с молодыми отраслями производства, наиболее ярким образом которых является химическая промышленность. Они растут стремительным, лихорадочным темпом, обгоняют другие отрасли производства. Но, вместе с тем, они целиком воспроизводят и еще более обостряют противоречия падающего капитализма. Их развитие свидетельствует не о новом периоде расцвета и под'ема, а скорее о судорогах агонии.

Развитие современной химической промышленности оценивается виднейшим теоретиком реформизма Гильфердингом, как показатель прочной и вечной стабилизации капитализма, его новых демократических, мирных, организованных форм, позволяющих осуществить постепенный безболезненный, почти незаметный переход к социализму без грозных потрясений, войн и революций. [2] Ничто не может быть дальше от действительности, чем это последнее слово ревизионистской мудрости.

Как раз химическая промышленность является наиболее ярким показателем не мирного перерождения капитализма, а небывалого напряжения империалистических и социальных противоречий, разрешить которые может лишь пролетарская революция.

[1] М. Рубинштейн, „Индустриализация Востока", „Красн. Интерн. Профсоюзов" № 4, и „К характеристике экономики Китая", „Большевик", №№ 9 и 10.

[2] Доклад на Кильском с'езде германской соц.-дем., Форвертс, 27/V 1927 г. и статьи в „Gesellschaft".

Г. А. Фельдман

Соображения о структуре и динамике народного хозяйства С.-А. С. Ш. с 1850 по 1925 гг. и СССР с 1926/27 по 1940/41 гг.

То, что механизация увеличивает производительность труда — является давно и всем известной истиной. Однако, количественного исследования зависимости производительности труда от вооружения рабочих рук машинами, орудиями и двигательной силой для всей промышленности в целом и для отдельных ея отраслей, до последнего времени не было опубликовано, что об'ясняется тем, что до последнего времени статистический материал не давал достаточных данных для такой работы.

В последние дни в „Monthly Labore Review" опубликованы данные разработанные двумя американскими статистиками,[1] дающие индексы „физического об'ема продукции" и мощности первичных двигателей для всей фабрично-заводской промышленности в целом и для отдельных ее отраслей, с 1899 по 1925 гг.— по цензовым годам. К этим данным мы присовокупили стоимость капиталов в фабрично-заводской промышленности и получили таким образом следующие любопытные ряды:

	1899	1904	1909	1914	1919	1923	1925
Мощность первичных двигателей .	34,2	45,7	63,3	76,0	100,0	112,8	121,8
Физический об'ем продукций . .	46,2	56,4	73,5	78,1	100,0	79,3	128,6
Капиталы[2]	37,2	50,5	66,8	74,5	100,0	—	—

Тесная коррелятивная связь между всеми тремя рядами бросается в глаза с первого же взгляда и действительно коэффициент корреляции между мощностью первичных двигателей и физическим об'емом продукции определяется в 0,993, а между мощностью и капиталами в 0,983.

Из этих сопоставлений с совершенной определенностью вытекает, что на данной ступени развития производительных сил размеры производства в целом[3] находятся в прямой и непосредственной зависимости от мощности применяемых двигателей и что размеры необходимых капитальных вложений, грубо говоря, должны быть пропорциональны той мощности

---

[1] В журнале приводятся данные из еще неопубликованной работы Pr. E. E. Dan u mr Woodlief Thomas.

[2] Капиталы пересчитаны нами на цены 1899 г. с учетом десятилетнего срока их амортизации.

[3] Данные того же источника, сгруппированные по отдельным отраслям, целиком подтверждают то, что мы приводим для всей промышленности в целом. Детальный разбор всех этих данных является предметом другой работы, которую мы готовим к печати.

двигателей, которую предполагается использовать.[1] Таким образом, увеличение производства находится в прямой зависимости от увеличения мощности применяемых двигателей и капитальных вложений.

Другой весьма любопытный факт состоит в том, что хотя стоимость капиталов, вложенных в фабрично-заводское оборудование, составляет лишь 2,5%—5% от стоимости всего народного имущества, тем не менее, наблюдалась весьма тесная корреляционная связь между индексами всего народного имущества в целом и индексами стоимости промышленного оборудования.[2]

Это иллюстрируется следующей таблицей по данным Willf King.

	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Прирост стоимости промышл. оборуд. в %%	6,5	6,8	6,2	4,9	2,7	1,2	5,8	19,5	(23,5)	(15,7)	
Прирост народного имущест. внутри страны в %% .	5,8	6,9	(1,1)	5,0	3,0	0,8	6,6	11,8	(9,3)	(2,8)	
Прирост народного имущест., включ. международные обязат. в %% .	5,8	6,9	(1,1)	5,1	3,0	1,0	7,5	12,6	(10,5)	(8,1)	

Из всего вышеприведенного можно сделать следующие выводы:

1) Увеличение промышленного производства находится в прямой зависимости от капитальных вложений в промышленности.

2) Капитальные вложения в промышленности соответствуют накоплению всего народного имущества в целом.

3) Увеличение мощности двигателей в фабрично-заводской промышленности Соед. Штатов являлось весьма веским показателем роста фабрично-заводских капиталов и всего народного имущества в целом.

Эти соотношения выявляют все значение распределения народного дохода между производственным накоплением и потреблением.[3]

---

[1] Отсюда вытекает что и производительность труда прямо пропорциональна мощности двигателей на одного рабочего.

[2] Некоторое исключение составляют лишь те годы, когда международные обязательства С.-А. С. Ш. претерпевали значительные изменения, и годы депрессии.

[3] Значение производственного накопления вытекает также из следующих математических выкладок. Если мы обозначим через НД — народный доход, И — народное имущество, п — личное потребление, С — отношение стоимости производства к стоимости производственного капитала, Кп — производственный капитал, А — амортизацию, Кт — капиталы в обращении, П — непроизводственное имущество, Д — годовой прирост, легко вывести следующие формулы:

$$Н.Д. = Д + п - С.Кп - А.$$

$$Д.И. = С.К. - п - А$$

$$\text{I.}\quad \frac{Д.И.}{И} = \frac{С.Кп - п - А}{П + К} = \frac{С.Кп - п - А}{П + Кп + Кт}$$

$$\text{II.}\quad \frac{Д.Н.Д.}{Н.Д.} = \frac{Кп\,Д.С. + С.Д.Кп - Д.А.}{Д.П. + Д.Кп + Д.Кт + п}$$

Мы видим, что темп роста народного имущества в сильной степени зависит от соотношения между производственным капиталом, потреблением и снашиванием имущества. Темп роста народного дохода зависит кроме того, и от превышения прироста производственного капитала над приростом остальных элементов народного имущества,

Мы приводим следующую таблицу, характеризующую эти соотношения в Соед. Штатах с 1850 по 1922 гг.

Таблица 1

Народный доход, потребление и накопление Соед. Штатов по десятилетиям 1850—1922 гг.

Десятилетия	Общая сумма народн. доход. за 10 лет	Общая сумма накопл. за 10 лет [1]	Общая сумма потреб. за 10 лет	Процентная доля накопления	Процентная доля потребления и восстан.	Прирост народного имущества в % %
	В млн. доллар. по ценам 1913 г.			В общей сумме народн. дохода		
	1	2	3	4	5	6
1850—1859	32.960	9.600	23.360	29,1	70,9	1,34
1850—1869	47.540	9.935	37.605	20,9	79,1	80,8
1870—1880	65.780	12.793	52.987	19,4	80,6	49,4
1880—1890	113.480	24.907	88.573	21,9	78,1	72,2
1880—1900	185.470	32.120	153.350	17,3	82,7	51,5
1900—1912	264.000 [2]	90.300 [2]	174.100 [2]	34,1	65,9	93,3
1912—1922	356.000	88.199	267.801	24,8	75,2	43,4

Самый факт такого распределения народного дохода (а факт требует подтверждения в виду неточностей учета и применяемых методов исчислений) подтверждается довольно близким соответствием темпов роста народного имущества с темпом роста мощности установленных в фабрично-заводской промышленности двигателей, отражающих размеры накопления всего народного имущества (диагр. 1).

Разумеется, рост всего имущества должен быть несколько слабее роста фабрик и заводов, так как последние за рассматриваемый период росли быстрее почти всех остальных элементов народного хозяйства.

Производство фабрично-заводской промышленности (физический об'ем продукций) с учетом поправки на полную нагрузку промышленности дает также весьма близкое к вышеуказанным движение приростов. Однако, эти индексы дают более низкие приросты, чем приросты мощности, так как они не отражают повышения качества продукции и степень ее совершенства.

Чистая продукция фабрично-заводской промышленности, с учетом прибавочной стоимости, значительно расходится с динамикой приростов мощности в силу того, что в ценностном выражении то особенно увеличивались те отрасли промышленности, которые требуют больших мощностей и капиталов на единицу относительно дешевых продуктов (металлургия, силикатная промышленность и проч.), то, наоборот, преобладала легкая промышленность с дорогим производством при сравнительно меньшем капитале.

Этими сопоставлениями, повидимому, подтверждается наш метод подсчета прироста народного имущества, в долларах 1913 г., состоящий в том, что мы приросты в номинальных долларах, по американским данным, пересчитывали по среднему индексу цен за соответствующий период времени. При применении такого метода мы руководствовались тем, что при подсчете имущества, для большей части его, американцы не производят переоценки на цены данного года. Значительное увеличение дали накопления за 1900—1912 гг., это об'ясняется тем-что как раз в середине 90-х годов произошел перелом в динамике цен в сторону роста, которые до этого беспрерывно снижались с середины 60-х годов. Это выразилось в том, что упала покупательная сила широких масс и увеличились прибыли капиталистов.

[1] К сожалению, мы не имеем пока данных, чтобы определить распределение накопления между средствами производства и потребления в процентных отношениях, и можем составить себе представление об этих соотношениях лишь по тем показателям, которые приводятся нами в дальнейшем.

[2] Эти цифры уменьшены в отношении 12 к 10, чтобы получить цифру, более сопоставимую с остальными, взятыми за 10 лет.

Диаграмма 1

Таблица 2

Динамика народного имущества в Соед. Штатах

Годы	Общая сумма нар. имущества	Стоимость земли в сельском хозяйстве	Стоим. народного имущества без земли	Прирост общей суммы нар. имущ. по десятилет. в долл. 1913 г. (без земли)	Народное имущество в долл. 1913 г. (без земли)	Прирост народн. имущества без земли за период (в % %)
	В млн. долларов					
	1	2	3	4	5	6
1850	7.136	2.618	4.518	—	5.020	—
1860	16.160	5.316	10.844	6.730	11.750	134
1870	30.069	5.944	24.125	9.486	21.236	80,8
1880	43.642	8.397	35.245	10.491	31.727	49,4
1890	65.037	10.120	54.917	22.874	54.601	72,2
1900	88.517	13.058	75.459	28.140	82.741	51,5
1904	107.104	— [1]	—	—	—	— [3]
1912	186.300	28.476 [2]	157.824	91.517	174.258	85,6
1922	320.804	54.830	265.974	70.918	245.176	40,7

[1] 1910 г.
[2] 1920 г.
[3] Пересчитано на 10 лет.

По нашей оценке темпы роста имущества и доля накопления в народном доходе не выявляют никаких иных закономерностей, кроме зависимости от кон'юктуры. Это повидимому об'ясняется тем, что „производственное накопление" происходит быстрее „потребительского", чем компенсируется более короткий срок жизни „производственного имущества".

При значительно большей относительной устойчивости потребления, накопление в большей степени зависит от кон'юнктуры, уровня цен и т. п. Поэтому динамика накопления следует за динамикой доли накопления в народном доходе. А так как рост производства зависит от роста основного капитала промышленности, то необходимо сделать вывод о сильнейшей зависимости дальнейшего роста и производства от кон'юнктуры и доли накопления в народном доходе.

Таким образом, замыкается порочный круг, узость потребительского рынка ограничивает развитие кон'юнктуры и увеличение накопления, ограничивает темп роста народного дохода. Сдвиг достигнется путем потери темпа во время кризиса, благодаря снижению цен, росту потребления, повышению кон'юнктуры и увеличению накопления, но при уничтожении части капиталов.

Нам могли бы угрожать обратные затруднения: рост потребления за счет роста накопления, обеспечивающего расширенное воспроизводство. Правильно составленный план развития структуры нашего производственного аппарата должен нас от этого охранить.

По данным, почерпнутым нами из материалов к перспективному плану, и контрольных цифр мы подсчитали, что по предварительной наметке предполагается, что накопление составит, примерно, 20% [1] от народного дохода в конце пятилетки. Эта цифра мало расходится от средних цифр, приведенных нами для Соед. Штатов, но намного ниже той цифры (21,9%), которая характеризовала накопление за тот период, когда в Соед. Штатах осуществился максимальный темп роста народного дохода, а именно за 1886—1890 гг. (91,7% за 10 лет и 6,8% в среднем за год). За 15 лет при таком темпе получился бы прирост в 163%, что случайно соответствует намеченному приросту всего народного дохода по предварительной наметке генплана.

Этот период американской истории представляет, очевидно, для нас исключительный интерес и мы должны на нем остановиться более детально (см. табл. 3).

Этот период начался на тринадцатом году после опустошительной гражданской войны, обошедшейся только в части военных расходов в 6,2 млрд. долларов и оставившей после себя государственный долг в 2,8 млрд. долларов.[2] Это был период весьма значительного роста фабрично-заводской промышленности, как видно из таблицы 4 (см. стр. 186).

[1] На основании данных, почерпнутых из контрольных цифр и материалов к перспективному плану, мы определили следующую динамику доли накопления в народном доходе:

в 1926/27 г.	11,9%,	в 1929/30 г.	15,5%
в 1927/28 г.	13,5%,	в 1930/31 г.	17,1%.
в 1928/29 г.	13%		

[2] А. М. Саймонс, Социальные силы в американской истории, стр. 180.

Таблица 3

Динамика народного дохода Соед. Штатов [1]

Годы	Народный доход в номин. долл. (В млн. долларов)	Народный доход в долл. 1913 г. (В млн. долларов)	Процент прироста народн. дохода по десятилет.	Народн. доход на душу населения в номин. долл.	Народн доход на душу населения в долл. 1913 г.	Процент прироста нар. дохода на душу населения по десятилет.
	1	2	3	4	5	6
1850	2.214	2 460	—	95,5	106,1	—
1860	3.636	4.132	+ 68,0	115,6	131,4	+ 23,8
1870	6.720	5.376	+ 30,1	176,3	139,4	+ 6,1
1880	7.391	7.780	+ 44,7	147,3	155,1	+ 11,3
1890	12.082	14.916	+ 91,7	191,9	236,9	+ 52,7
1900	17.964	22 178	+ 48,7	236,4	291,9	+ 23,2
						+ 7,9
1910	28.400	29.100	+ 31,2	307,0	315,0	
1920	74.158	36.300	+ 24,7	697,0	341,0	+ 8.3
1912	30.600	30.800	+ 38,9[3]	321,0	323,0	+ 10,7[3]
1922	65.567[2]	40.400[2]	+ 38,8[4]	597,0	369,0	+ 17,4[4]

Доля в народном доходе производства промышленности и электростанций увеличилась с 24,4% в 1880 г. до 31,6% в 1890 г. и достигла рекордной цифры за период с 1850 по 1910 гг. Доля же сельского хозяйства упала за тот же период времени (1880—1890 гг.) с 20,0% до минимальной цифры в 18,7%, несмотря на то, что в этот же период стоимость всех ферм увеличилась на 32,1%, одних с.-х. построек на 87,5% и живого инвентаря на 46,5%.

Эти цифры приобретают особый вес, если учесть, что индекс оптовых цен с 80-х по 90-е годы упал на 14,3%.

На диагр. 2 (стр. 187), мы показали изменения ряда структурных показателей за интересующий нас период.

В этой же диаграмме мы сопоставили намеченную в материалах к перспективному плану и предварительных наметках к генеральному плану динамику тех же показателей для СССР. Условными значками и указанием года мы набросали, примерно, к каким годам Соед. Штатов можно приурочить те величины, которые указаны в диаграмме для СССР.[5]

Отметим лишь в кратких словах главные выводы, которые вытекают из этого сопоставления.

По площади территории, численности населения и потреблению ржи Соед. Штаты никогда до сего времени не могли с нами равняться.

При сопоставлении с интересующим нас периодом истории Соед. Штатов (1880—1890 гг.) мы видим, что числа-показатели для СССР,

[1] С 1850 по 1900 гг. оценка В. Кинга, с 1910 по 1922 гг.— исчисление.

[2] Предварительная оценка.

[3] Процент прироста 1912 к 1900 гг.

[4] Процент прироста 1922 к 1910 гг.

[5] Знак О означает, что цифра для СССР никогда не встречалась в Соед. Штатах с 1850 по 1925 гг. Знак — указывает на отсутствие данных для Соед. Штатов. Знак +, что цифры для СССР попадают в период между 1880 и 1890 гг.

Таблица 4

Динамика фабрично-заводской промышленности Соед. Штатов

Годы	Мощн. первичных двиг. в млн. лошад. сил	Среднее число рабоч. за год в млн.	Исправленное число рабоч. услов. норм. при полн. загрузке предпр.	Мощность на 1 раб. при полн. загрузке предприят.	Прирост всей мощности двигателей		Прирост мощности на 1 раб.	
					За период	Среднегодовой	За период	Среднегодовой
	1	2	3	4	5	6	7	8
1869	2 346	2 054	—	(1,14)				
1879	3.410	2.733	—	(1,25)	+ 45,1%	+ 3,8%	+ 9,6%	—
1889	5.939	4.252	—	(1,40)	+ 74,0%	+ 5,7%	12%	+ 1,1%
1899	10.098	4.713	4,8.9	2,10				
1904	13.488	5.468	5,943	2,27	+ 33,5%	+ 6%	+ 8,1%	+ 1,6%
1909	18.685	6.615	7,692	2,43	+ 38,5%	+ 6,8%	+ 7,04%	+ 1,4%
1914	22.471	7.036	8,686	2,59	+ 20,2%	+ 3,7%	+ 6,6%	+ 1,3%
1919	29.507	9.096	11,370	2,60	+ 31 %	+ 5,6%	+ 0,4%	+ 0,08%
1923	33.082	8.778	10,450	3,17	+ 12 %	+ 2,9%	21,9%	5,1%
1925	35.735	8.384	9,860	3,63	+ 7,8%	+ 3,7%	+ 14,6%	+ 7%

примерно, совпадают для численности фабр.-зав. и горн. пролетариата, погрузки на жел. дор. и народного дохода. Что мы отстали от периода 1880—1890 гг. по соотношению между городским и сельским населением, длине ж.-д. сети, мощности двигателей фабр.-зав. и горн. пром., потреблению угля, чугуна, производства меди и потреблению хлопка. И, наконец, мы опередили этот период истории Соед. Штатов по численности городского населения и производству электрической энергии на станциях общественного пользования. Таким образом, уже из этой диаграммы совершенно ясно, что наша структура народного хозяйства никогда, в общем и целом, не имела места в Соед. Штатах, и что по совокупности показателей, приведенных в этой диаграмме, мы сейчас повидимому ближе к периоду до 1880 года и что за ближайшие 15 лет, в общем и целом, мы перешагнем через 80—90-е годы Соед. Штатов, но лишь по некоторым показателям.

При сопоставлении показателей, пересчитанных на душу населения, картина для нас еще менее благоприятна. Лишь через 15 лет мы по наметке достигнем плотности населения Соед. Штатов в 1893 году и производства энергии на электрических станциях общественного пользования на душу населения—1914 года, да и по потреблению пшеницы мы не отстаем от Соед. Штатов. По ржи мы, повидимому, недосягаемы. Но по всем прочим коэффициентам нам приходится искать подобных нашим цифр до 1880 года

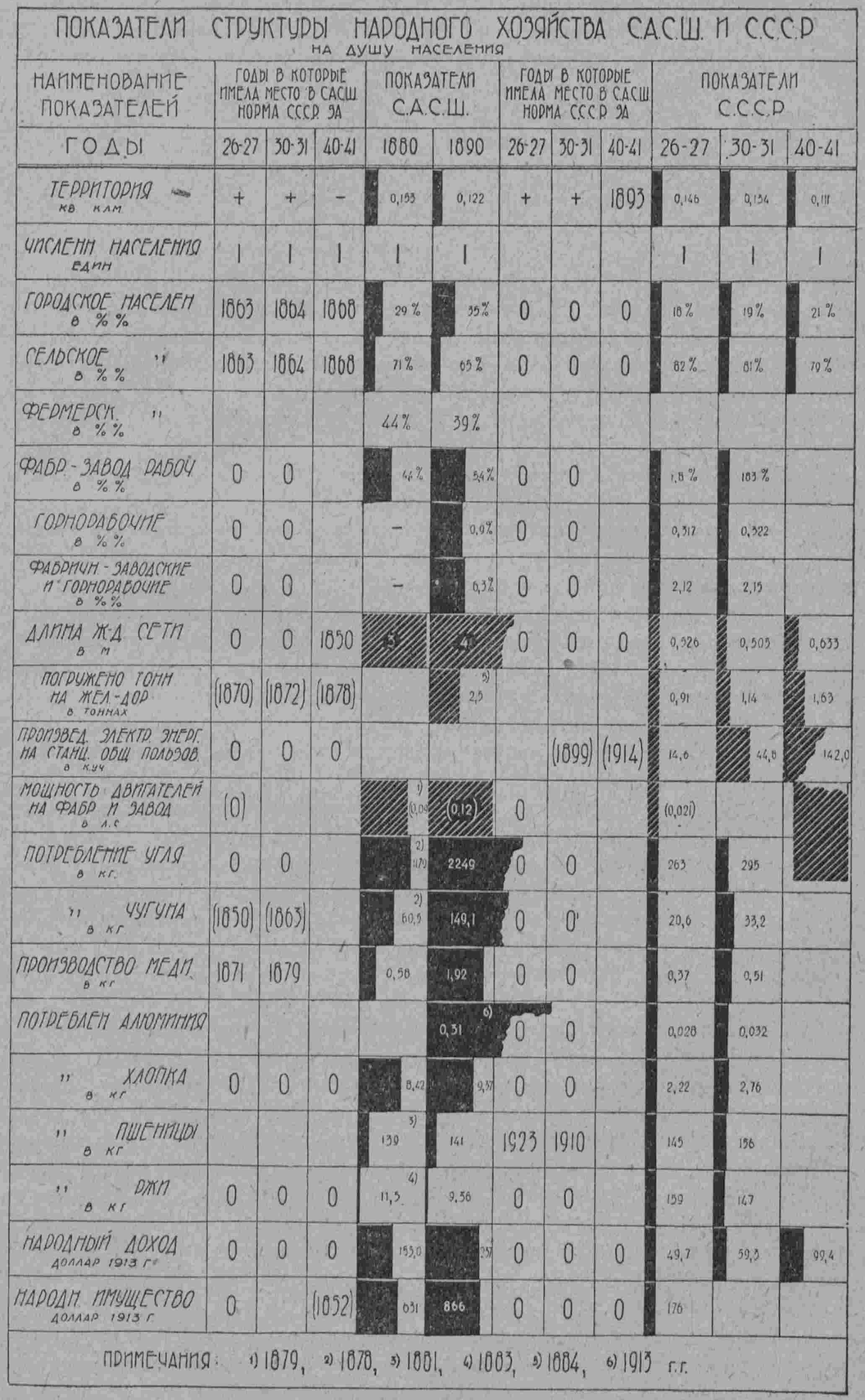

Диаграмма 2

в Соед. Штатах по большинству и до 1850 года. Необходимо оговориться, что по большинству наименований мы не располагали показателями для СССР на 1940/41 год и поэтому пока трудно оценить, насколько мы продвинемся по американской шкале по всем показателям.

На основе этой диаграммы мы считаем необходимым обратить внимание на огромный рост за 1880—1890 гг. потребления угля, чугуна и меди, в чем отразился имевший место в этот период бурный рост ж.-д. движения, индустриализации страны и электропромышленности (диагр. 3).

Однако, структурные сопоставления требуют равного масштаба сопоставляемых величин. В данном случае мы рассматриваем страны как производственно-потребительские комплексы, а наилучшим и наиболее полным выражением размеров производства и потребления является народный доход. Поэтому мы привели все показатели к равному народному доходу (СССР —7,2 млрд. долл. за 1926/27 г.) и сопоставили их в диагр. 4 (см. стр. 191).

Мы отдаем себе ясный отчет в том, насколько приблизительны исчисления народного дохода, но думаем, что это сопоставление представляет определенный интерес; приведенные данные следует и можно использовать так, как мы это сделали, даже если оно даст лишь приблизительную картину действительности.

Таким образом, мы как бы увеличивали и уменьшали страну на данный год, сохраняя то же соотношение всех частей с тем, чтобы довести страну на данный год до размера, позволяющего ей давать один и тот же народный доход при разной структуре. Таким образом, показатели как бы приведены к одному масштабу и непосредственно сопоставлены с точки зрения их значения и веса во всем производственно-потребительском комплексе.

Эта таблица показывает, что в чисто структурном отношении наше положение благоприятнее, чем это могло казаться из первых двух структурных таблиц. По грузообороту, потреблению чугуна, производству меди, потреблению хлопка мы не хуже Соед. Штатов в 80—90-х годах, а по численности населения (а мы знаем, что население может больше производит, чем оно может потреблять) как городского, так и сельского, по производству электрической энергии на станциях общественного пользования, потреблению пшеницы и ржи мы далеко впереди Соед. Штатов того времени. По численности пролетариата (фабр.-зав.), потреблению угля и плотности населения мы отстали, но не так уж значительно. По народному доходу и народному имуществу мы мало отстали от 1880 года.

Постараемся разобраться, каково наше положение с точки зрения намеченных темпов на основе совокупности указанных отличий от Соед. Штатов 1880 года.

Главное наше преимущество состоит в том, что в нашем распоряжении имеются такие технические и организационные средства, такой научно-технический аппарат, которого 50 лет тому назад у американцев не было.

Конкретно это выражается прежде всего в том, что мы будем сооружать наш производственный аппарат на базе „большой электрификации“.

Показатели структуры Нар Хоз САСШ и СССР

(Приведено к Народн доходу СССР в 1926-27 г.)

Наименование показателей	Годы, в которые имела место в САСШ норма СССР за			САСШ		Годы, в которые имела место в САСШ норма СССР за			СССР		
Годы	26-27	30-31	40-41	1880 г.	1890 г.	26-27	30-31	40-41	1926-27 г.	1930-31 г.	1940-41 г.
Территория млн. кв. клм	1851 г.	1856 г.	1877 г.	7,13	3,72				21,2	16,5	8,06
Общая числ. населен. млн человек	0	0	0	46,8	30,5	0	0	0	144,8	121,3	72,4
Числ. городс. населения млн. человек	0	0	0	13,3	10,8	0	0	0	25,7	22,8	15,4
Числ. сельск. населения млн человек	0	0	(1850)	33,1	19,6				119,1	98,5	57,0
Числ. ферм. населения млн человек				20,7	12,0						
Числ. фабр.-завод. рабочих тыс. чел	0	1869 г. 1850 г.		2114	1687 [3]	0	0		2607	2213	
Числ. горнорабочих тыс. чел	0	0			272 [3]	0	0		460	391	
Число фабр.-заводских и горных рабочих тыс. чел					1959				3067	2604	
Длина жел.-дор. сети тыс. клм	(1858)	(1854)		138,9	121,5	1920 г.	1924 г.		76,2	61,2	
Погружено тонн на Ж. Д. млн. тонн	+	+	+	93,9 [5]	163 [4]	+	+	+	131,0	138,5	18,3
Произ электро-энергии на электростанциях млд. куч	0	0	0			(1910)	(1918)	(1925)	21	5,4	19,3
Мощность двигателей в промышленности млн. лош. сил.				4,39 [1]	3,86 [3]				3,0		
Потребление угля млн. тонн	1862	1867		55,9 [5]	68,5				31,3	35,8	
" " чугуна млн тонн	+	+		2,9 [6]	4,0	+	+		3,0	4,0	
Производство меди тыс тонн	+	+		26,8	61,9	+	+		51,9	61,5	
Потребление алюмин. тыс. тонн	0	0	0						4,9	3,8	
" " хлопка тыс. тонн	+	+	+	358	285	+	+	+	321	335	
" " пшеницы млн. тонн	0	0	0	6,0 [2]	4,3	0	0	0	21,0	18,9	
" " ржи млн. тонн	0	0	0	0,45 [2]	0,29	0	0	0	23,0	17,9	
Народный доход млд. долл. 1913 г.				7,2	7,2				7,2	7,2	
Народн имущество млд. долл 1913 г.	(1865)			29,4	26,4				25,6		

Примечание: [1] 1879 г. [2] 1883 г. [3] 1889 г. [4] 1899 г. [5] 1884 г. [6] 1878 г.

Диаграмма 3

Это означает, что каждая установленная двигательная лошадиная сила обойдется нам во много раз дешевле, чем это обходилось Соед. Штатам в 80-х годах. Это значит, что каждая лошадиная сила дает нам энергию во много раз дешевле, чем в Соед. Штатах 50 лет тому назад, так как коэффициент полезного действия теплосиловых установок при большой электрификации в несколько раз выше, чем он был в те времена в Соед. Штатах, наконец, это значит, что мы сможем и рациональнее и дешевле сооружать наши фабрики и заводы и что капитальные вложения в нашем хозяйстве будут эффективнее, чем они были 50 лет тому назад в Соед. Штатах.

Было бы совершенно неверно измерять эффективность „капитальных вложений" в электрификацию путем сопоставления стоимости производства электрической энергии на больших районных станциях со стоимостью самих станций.

Эффективность капитальных вложений в электрификацию должна оцениваться по совокупности с капитальными вложениями во всю промышленность, которую эти станции будут обслуживать.

Цены на электрическую энергию могут колебаться от 1 коп. до 15—20 коп. и выше за квт.-час в зависимости от того, на какой станции она производится.[1]

Однако, выгодность развития энергетического хозяйства не исчерпывается этими сопоставлениями, так как нельзя забывать, что двигательная сила и электрическая энергия заменяют и умножают энергию человека, цена которой даже с учетом соответствующих орудий производства на единицу продукта (при ручном труде) в 20—30 раз выше стоимости механической силы и энергии.

Наконец, большие районные станции дают еще то огромное преимущество, что коэффициент их использования может быть значительно выше, чем на мелких станциях, что также увеличивает эффективность вложений в „большую электрификацию". На прочих преимуществах электрифицированного хозяйства мы не можем в данном месте останавливаться.

Сосредоточим наше внимание на следующих показателях эффективности капитальных вложений в разных отраслях фабрично-заводской промышленности Соед. Штатов (табл. 5, стр. 192).

Прежде всего, мы заметим, что стоимость продукции, взятая в отношении к капиталу в Соед. Штатах, уменьшается, при чем этот коэффициент особенно низок там, где налицо наиболее высокое органическое строение капитала, т.-е. там, где в большей степени используется двигательная сила.

---

1 При решении вопроса об относительной выгодности тепловых и гидравлических станций с точки зрения темпов развития, необходимо сопоставлять то производство энергии, которое получится при равной загрузке обеих станций на единицу вложенного капитала, при чем в капитал для производства энергии от тепловой станции необходимо включить капиталы, вкладываемые для соответствующего производства угля, нефти, торфа и т. п.

ПОКАЗАТЕЛИ СТРУКТУРЫ НАР ХОЗЯЙСТВА С.А.С.Ш. и С.С.С.Р (ВСЕГО).

НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ.	ГОДЫ В КОТОРЫЕ ИМЕЛА МЕСТО В С.А.С.Ш. НОРМА С.С.С.Р ЗА			С.А.С.Ш.		ГОДЫ В КОТОРЫЕ ИМЕЛА МЕСТО В С.А.С.Ш. НОРМА С.С.С.Р ЗА			С.С.С.Р.		
ГОДЫ.	26-27 г.	30-31 г.	40-41 г.	1880 г.	1890 г.	26-27 г.	30-31 г.	40-41 г.	1926-27 г.	1930-31 г.	1940-41 г.
ТЕРРИТОРИЯ В млн. кв. клм.	0	0	0	7,7	7,7	0	0	0	21,2	21,2	21,2
ОБЩАЯ ЧИСЛ. НАСЕЛЕНИЯ Млн. человек	0	0	0	50,3	63,1	0	0	0	144,8	157,7	190,4
ЧИСЛ. ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ. Млн. человек	0	0	0	14,4	22,3	1894 г.	1899 г.	1909 г.	25,7	29,7	40,6
ЧИСЛ. ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕН. В %%	1863 г.	1864 г.	1868 г.	28,6%	35,4%	0	0		17,8	18,9	21,3
ЧИСЛ. СЕЛЬСК. НАСЕЛЕНИЯ. Млн. человек	НИКОГДА			35,8	40,6	0	0		119,1	128,0	149,8
ЧИСЛ. СЕЛЬСК. НАСЕЛЕНИЯ В %%.	1863 г.	1864 г.	1868 г.	71,4	64,0	0	0		82,2	81,1	78,7
ЧИСЛ. ФЕРМЕРСК. НАСЕЛЕН. В %%				44,4%	39,2%						
ЧИСЛ. ФАБ.-ЗАВОД. РАБОЧИХ В тыс. чел.	+	+		2136 [2]	3324 [3]	+	+		2607	2877	
ЧИСЛ. ГОРНОРАБОЧИХ В тыс. чел.	+	+			536 [5]	+	+		460	508	
ЧИСЛ. ФАБР.-ЗАВОДСКИХ И ГОРНЫХ РАБОЧИХ В тыс. чел.	+	+			3859	+	+		3067	3383	
ДЛИНА ЖЕЛ. ДОР. СЕТИ В тыс. клм.	1869 г.	1870 г.	1875 г.	150,1	251,7	0	0	0	70,2	79,0	120,4
ПОГРУЖЕНО ТОНН НА Ж.Д. В млн. тонн	+	+	+	39 [4]	455 [6]	+	+	+	131	180	314,2
ПРОИЗВ. ЭЛЕКТРО-ЭНЕРГИИ НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯХ. млн. кчч	0	0	0			(1901 г.)	1908 г.	1918 г.	2,1	7,0	27,1
МОЩНОСТЬ ДВИГАТЕЛЕЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ Млн. лош. сил	1869 г.			4,4 [2]	7,0 [5]				3,0		
ПОТРЕБЛЕНИЯ УГЛЯ Млн. тонн	1869 г.	1872 г.		36,9 [2]	141 [6]				31,3	46,9	
" " ЧУГУНА Млн. тонн	1879 г.	1883 г.		2,9 [7]	9,4				3,0	5,2	
ПРОИЗВОДСТВО МЕДИ Тыс. тонн	1883 г.	1887 г.		28,9	120,8				31,5	80,0	
ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛЮМИНИЯ. Тыс. тонн						(1900)			4,0	5,0	
" " ХЛОПКА Тыс. тонн	1887 г.	+		423,0	590,0		+		321	436	
" " ПШЕНИЦЫ. Млн. тонн	0	0	0	7,0 [3]	8,9	1925			21,0	24,0	
" " РЖИ. Млн. тонн	0	0	0	0,0 [4]	0,6	0	0		23,0	23,3	
НАРОДНЫЙ ДОХОД Млд. долл. 1913 г.	1879 г.	+	+	7,8	14,9	0	+	1896 г.	7,2	9,4	18,9
НАРОДНОЕ ИМУЩЕСТВО Млд. долл. 1913 г.	1874 г.			31,7	54,0	0		(1894)	25,0		

ПРИМЕЧАНИЕ: 1) 1884 2) 1879 3) 1881 4) 1883 5) 1889 6) 1899 7) 1878 г.

Диаграмма 4

Таблица 5

Отношение в %% „всей продукции минус полуфабрикат“ к „капиталу“ для отдельных отраслей и всей промышленности Соед. Штатов

Отрасли промышленности	Отношения				
	1889	1904	1909	1914	1919
	1	2	3	4	5
1. Пищевая промышленность	216	193,8	173,2	184	165
2. Текстильная промышленность	91,5	81,4	79,4	83,5	78,4
3. Железо и сталеобратывающая промышленность	73,7	47 6	42,6	38,6	42,6
4. Деревообделочная промышленность	110,8	89,1	71,6	69,0	65,0
5. Кожевенная промышленность	101,7	90,4	77,4	78,3	70,8
6. Бумажная и полиграфическая промышленность	84,6	74,2	68,4	71,5	59,4
7. Ликеры и напитки	59,0	52,0	51,2	51,7	29,5
8. Химическая промышленность	54,5	51,0	51,0	51,1	54,0
9. Силикатная промышленность	77,1	60.4	51,0	54,4	51,6
10. Цветные металлы	149	112,4	98,7	103	83,0
11. Табачная промышленность	226	88,1	129,1	148,8	96,6
12. Промышленность транспортных средств	47,8	45,0	54,2	59,6	49,2
13. Ремонтн. ж.-д. и трамвайные мастерские	92,7	98.0	74,8	68,4	72,7
14. Смешанная промышленность	68,5	57,3	52,0	54,0	56,0
Вся промышленность	94,8	78,8	72,7	73,6	69,5

Мы полагаем, что это снижение получилось преувеличенным, вследствие того, что цены и индексы не учитывают все увеличивающегося энергетического содержания и изменения качества изделий.

С другой стороны, мы полагаем, что загруженность фабрично-заводской промышленности снижалась за наблюдаемое время и использование производственных возможностей несколько уменьшалось.

Изменения эффективности капитала C_1 для промышленности за последние годы по данным, взятым из контрольных цифр, выявлены нами в следующей таблице (табл. 6). Динамика C_1 определялась у нас все большим вовлечением неиспользованного оборудования в производство, предопределяя тем самым быстрые темпы роста.

Уменьшение ΔC_1 указывает на близость предела.

Таблица 6

Годы	Для фабр.-зав. промышленности	$C_1 = \frac{\text{продукция}}{\text{капитал}}$	ΔC_1
1923/24	$C_1 = \frac{5.885}{5,548}$	= 1,061	—
1924/25	$C_1 = \frac{8.248}{5.625}$	= 1,467	+ 38%
1925/26	$C_1 = \frac{11.508}{6.137}$	= 1,875	+ 27,8%
1926/27	$C_1 = \frac{13.001}{6.655}$	= 1,955	+ 4,2%

Приводимые нами значения для C_1 по трестированной промышленности (табл. 7) значительно ниже тех, что даны в табл. 6. Это об'ясняется и более высоким строением капиталов охваченных этой таблицей предприятий (данные за 1924/25 г.) и, вероятно, переоценкой капиталов.

Таблица 7

Трестированная промышленность	Основн. капитал действ. предпр. (тыс. руб.)	Продукция по отпускным ценам	Отношение продукции к капиталу
Металлическая	672,2	404,7	0,602
Электротехн.	58,6	78,7	1,342
Угольная.	228,2	117,3	0,515
Нефтяная	661,3	169.1	0,256
Химическая.	101,6	123,5	1,217
Текстильная	1.110,1	1.034,0	0,932
Пищевая	353,7	693,8	1,962
Бумажная	45,3	40,6	0,896
Прочие	3,72	5,68	1,526
Вся промышл.	3.234,8	2.667,4	0,825

Русские таблицы едва ли без оговорок сопоставимы с американскими, в виду разности в уровнях цен и иного строения производства. Тем не менее, цифры довольно близки к трестированной промышленности, хотя несколько ниже тех цифр, которые приводятся нами для 1899 года по Соед. Штатам.

Мы полагаем, что перед нами есть еще широкие возможности для увеличения C_1 путем рационализации производства, стандартизации, типизации и т. п., а также путем введения, по указаниям С. Г. Струмилина, многосменной работы на предприятиях.

Плановость также обеспечивает устойчивость C_1 из года в год и из месяца в месяц.

А что означала неустойчивость C_1 для периода с 1880—1890 гг. Соед. Штатов, видно из следующих сопоставлений. По американским подсчетам потери от стачек с 1881 по 1890 гг. составили 176,5 млн. долл. В 1883 г. разразился сильнейший кризис и в 1884 г. потребление чугуна упало на 14% по сравнению с 1883 г., потребление хлопка на 7%, потребление пшеницы на 15%, ржи — на 24%. Едва ли мы ошибемся, если оценим потери от неиспользования оборудования фабрик, заводов, горнозаводских предприятий и транспорта за два депрессивных года (1884 и 1885 гг.), по крайней мере, в 1 миллиард долларов при примерной оценке возможной продукции фабрично-заводской промышленности, горной промышленности и транспорта за эти годы в 7 миллиардов долларов.

Наше население в несколько раз превышает население Соед. Штатов того времени. Это, при слабости нашего потребительского фонда создает опасность чрезмерного увеличения последнего за счет необходимого увеличения основного капитала. От этой опасности нас должен оградить план.

Во всяком случае директива на индустриализацию дана и она должна обеспечить такое распределение национальных доходов, которое должно вести к накоплению производственного капитала.

Существует весьма распространенное мнение, что быстрый темп развития Соед. Штатов обусловливался притоком капиталов из-за границы и ввозом соответствующих оборудований.

Прежде всего, укажем на то, что огромная иммигриция почти ничего, кроме людского материала не давала. В литературе мы находим прямое указание, что приток совершенно необеспеченных рабочих давил на рынок труда и недаром в это десятилетие, именно в 1886 г., возникла Американская федерация труда, назначение которой состояло в том, чтобы оградить привилегированное положение квалифицированных рабочих от конкуренции иммигрантов.

Посмотрим, как развивался торговый баланс за интересующие нас годы:

Таблица 8

Экспорт и импорт золота и серебра и весь экспорт и импорт Соед. Штатов с 1881 по 1890 гг.
(В млн. долл.)

Годы	Золото			Серебро			Товары, золото и серебро		
	Эксп.	Имп.	Превыш. экспорт. (+) или имп. (—)	Эксп.	Имп.	Превыш. экспорт. (+) или имп. (—)	Эксп.	Имп.	Превыш. экспорт. (+) или имп. (—)
1881	2,6	100,0	— 97,5	16,8	10,5	+ 6,3	921,8	753	+168,5
1882	32,6	34,4	— 1,8	16,8	8,1	+ 8,7	800,0	767	+ 32,8
1883	11,6	17,7	— 6,1	20,2	10,8	+ 9,5	856	752	+104
1884	41,1	22,8	+ 18,3	26,1	14,6	+ 11,5	808	705	+103
1885	8 5	26,7	— 18,2	33,8	16,6	+ 17,2	784	621	+163
1886	43,0	20,7	+ 22,2	29,5	17,9	+ 11,7	752	674	+ 78
1887	9,7	42,9	— 33,2	26,3	17,3	+ 9	752	752	— 03
1888	18,4	43,9	— 25,6	28,0	15,4	+ 12,6	742	783	— 41
1889	60,0	10,3	+ 43,7	36,7	18,7	+ 18,0	839	774	+ 65
1890	17,3	12,9	+ 4,3	34,9	21,0	+ 13,8	910	823	+ 87
1881—90	245	332	— 87	269	151	+118	8165	7405	+760

Мы видим, что за 10 лет торговый баланс (включая золото и серебро) дал активное сальдо (+760 млн. долл.), при чем почти все годы давали активное сальдо. Обыкновенно это указывает скорее на экспорт капиталов, чем на импорт его. Но можно себе представить, что Соед. Штаты могли продавать товары за наличные и покупать их в кредит и тем увеличивать свою задолженность. Однако, обычно, это сопровождается утечкой золота из страны, между тем, мы видим, что золотой обмен дал пассивное сальдо в — 87,5 млн. долл., которые были компенсированы без значительных излишков активным сальдо по вывозу серебра в 118,2 млн. долл.

Таким образом, мы считаем весьма мало вероятным, чтобы торговые краткосрочные кредиты при данном строении торгового баланса играли значительную роль, как источник увеличения оборотных фондов Соед. Штатов за эти 10 лет.

Если мы остановим наше внимание на табл. 9, дающей импорт и экспорт товаров по статьям, то мы увидим, что экспорт полуфабрикатов и фабрикатов был намного выше импорта, и что импорт фабрикатов, среди которых могли находиться и ценные для Соед. Штатов орудия произ-

Таблица 9

Внешняя торговля Соед. Штатов по группам за 1881—1900 гг.
(В млн. долларов)

Годы	Импорт									Экспорт (чистый)								
	Пищевые продукты			Промышленное сырье и фабрикаты				Прочие	Весь импорт	Пищевые продукты			Промышленное сырье и фабрикаты				Прочие	Весь экспорт
	Сырье	Фабрикаты	Всего	Пром. сырье	Полуфабрик.	Фабрикаты	Всего			Сырье	Фабрикаты	Всего	Пром. сырье	Полуфабрик.	Фабрикаты	Всего		
1881	103	124	226	114	88	204	406	11	643	242	163	404	279	32,8	103	442	11,7	844
1882	105	139	244	131	99	239	469	11,6	725	155	176	331	233	37	125	395	4,9	733
1883	93	142	235	134	99	243	475	12,6	723	163	170	333	289	38	124	449	5,3	804
1884	103	131	234	119	95	208	422	12,3	668	130	175	305	240	38	118	396	4,4	725
1885	93	103	196	107	78	183	368	13,7	578	123	225	348	249	39,4	111	399	2,7	727
1886	92	113	204	128	92	195	415	16	635	101	226	327	254	34	112	400	2,4	666
1887	106	112	218	143	120	203	466	8	692	126	250	376	250	37	112	399	2,4	703
1888	116	111	227	155	122	211	488	9	724	86	247	334	271	40	114	425	2,3	684
1889	123	122	245	164	115	213	491	9	745	99	250	349	286	43	123	452	4,8	703
1900	129	133	262	171	117	231	518	9	789	132	219	351	305	47	133	484	4,9	845
1881—1900	1063	1230	2292	1366	1023	2128	4517	112	6922	1357	2101	3458	2656	385	1172	4213	36	7501

водства, был не велик и, во всяком случае, сопоставим с нашими настоящими возможностями. Между прочим, в списках важнейших товаров, импортировавшихся в то время в Соед. Штаты, машины вообще не значатся.

Однако, может быть капиталы притекали в виде сырья, пищевых продуктов и создавали базу для значительного расширения воспроизводства. На это нам дают ответ следующие данные о движении капиталов:

Таблица 10

	1869	1870	1875	1880	1885	1890	1898
Ценные бумаги Соед. Штатов, находившиеся в Европе (в млн. долл.) .	1366	1400	1300	— 2000[1]	1000 —	2500[1] 3000[2]	1856

Мы видим, что помещенные Европой в этот период капиталы в Соед. Штаты вообще относительно не велики и что их приток в общем и целом составил не свыше 1.000 млн. долл. за 10 лет.

Однако, мы должны обратить внимание на то, что из 1.365 млн. долл., которые Соед. Штаты должны были Европе в 1869 г., 1.000 млн. долл. приходился на государственные долги Соед. Штатов. Хотя, как видно из табл. 11:

Таблица 11

Государственные долги Соед. Штатов

Годы	Долг в млн. долл.	Уменьшение (—) или увеличение (+)
1870	2.331	—
1880	1.919	— 412
1890	852	—1067
1902	925	+ 73
1912	963	+ 38

государственный долг с 1870 по 1890 гг. уменьшился на 1479 млн. долл., однако, Соед. Штаты, как государство, перестало черпать капитал на внешних рынках лишь в 1895 г. Поэтому мы можем считать, что увеличение иностранных капиталов в промышленности, транспорте, сельском хозяйстве и торговле за 1880—1890 гг., даже при уменьшении государственного долга Соед. Штатов Европе с 1869 до 1880 гг. на 200 млн. долл. и всего на половину с 1869 до 1890 гг., вряд ли превысил 1.300 млн. долл. за 10 лет, или в среднем по 260 млн. довоенных рублей за год. Эти суммы шли, главным образом, на железнодорожное строительство, что имело значение в Соед. Штатах, так как превращало в капитал до того втуне лежавшие земли.

Если бы даже нам не удалось в течение ближайших 15 лет черпать на международном рынке капиталы по 260 млн. руб. в год, значит ли это, что достигнутые Соед. Штатами в те годы темпы для нас сейчас недостижимы... Отнюдь нет. Как мы указали раньше, потери от забастовок и недогрузки промышленности и транспорта во время депрессивных лет составили, по крайней мере, 1.176 млн. долл. Таким образом, даже в этом скромном для нас сопоставлении разница сводится к 1300—1176= =124 млн. долл., или, примерно, по 25 млн. руб. в год. Такая цифра лежит в пределах возможных ошибок и вообще существенной роли не

[1] По данным Рейбниц.
[2] По данным Дэнн.

играет в нашем хозяйстве. Приведенные выше цифры и соображения показывают, что в наших условиях, на данной стадии развития нашего хозяйства, достижимы максимальные темпы развития Соед. Штатов и без ввоза иностранного капитала, а следовательно, достижимо при намеченных нами в докладе условиях удвоения народного дохода на душу населения за 15 лет, как и предположено Комиссией по генеральному плану.

В заключение мы должны вкратце вернуться к вопросу об эффективности вложений в различные отрасли промышленности и всего хозяйства, в целом.

Значение эффективности капитальных вложений для темпов роста народного дохода чрезвычайно велико.

Так, мы видим из табл. 5, что в зависимости от того, будем ли мы вкладывать наши сбережения в пищевую обрабатывающую промышленность, а не в железо и в сталеобрабатывающую промышленность, получится эффект в несколько раз больший.

Таблица показывает даже, что наименее эффективны вложения в отраслях промышленности, вырабатывающих средства производства, и наиболее эффективны в отраслях, вырабатывающих средства потребления. Если расположить отрасли промышленности в порядке эффективности, то получается следующая любопытная картина: 1) пищевая, 2) табачная, 3) цветных металлов, 4) текстильная, 5) кожевенная, 6) в среднем вся промышленность, 7) бумажная и полиграфическая, 8) деревообделочная, 9) ремонтные мастерские, 10) транспортные средства, 11) разные отрасли (судостроение, электротехническая, резиновая и пр.), 12) силикатная, 13) ликеры и напитки, 14) химическая, 15) железо и сталь.

Такая картина может соблазнить близорукого противника индустриализации. Это кажущееся противоречие между показаниями американской статистики и нашей установкой на индустриализацию указывает лишь на то, что интересы завтрашнего дня противоречат интересам сегодняшнего дня.

Если бы мы захотели добиться максимального роста народного дохода за год или два, то мы должны были бы сосредоточить наши накопления на приобретение и сооружение всего того, что необходимо для развития легкой индустрии, и мы получили бы увеличение народного дохода в ценностном выражении большее, чем если бы затратили наши средства на развитие тяжелой индустрии.

Однако, мы должны проектировать таким образом, чтобы получить максимальные темпы развития, получить максимальную эффективность вложений на протяжении 15—20 лет и обеспечить максимальные темпы и на дальнейший период, и тогда нам придется взять всю совокупность вложений на 15 лет, учесть во сколько раз нам обойдутся дешевле те фабрики и заводы, которые мы построим собственными руками при помощи собственной тяжелой индустрии. Мы тогда легко убедимся в преимуществах индустриализации и с точки зрения эффективности капитальных вложений.[1]

[1] Вопрос о необходимости и пользе индустриализации страны со всех прочих точек зрения не входит в нашу тему и в достаточной степени освещен в нашей печати.

Сопоставляя данные о стоимости сельскохозяйственного инвентаря и скота, промышленного инвентаря и железных дорог (по King'y) с данными о доходах, получаемых в отраслях народного хозяйства (по данным National Buro of Economic Statistics), мы получим следующие коэффициэнты эффективности капитальных вложений на 1913 год:

Для сельского хозяйства	0,72
„ промышленности	1,82
„ железных дорог	0,21

Контрольные цифры для 1926/27 г. дают (по отношению ко всем капиталам) коэффициенты эффективности:

Для сельского хозяйства	1,38
„ промышленности	1,95

Судя по этим примерным сопоставлениям можно было бы сделать вывод, что поскольку мы должны были бы увеличивать наши экспортные ресурсы путем вложения новых капиталов за счет ввоза иностранного оборудования, мы должны были бы обратить, прежде всего, особое внимание на развитие пищевой промышленности (перерабатывающей), цветные металлы, табачную и текстильную промышленность. Увеличение экспорта за счет собственного производства основного капитала должно было бы производиться за счет развития электротехнической и химической промышленности.

Приведенные цифры об эффективности капитальных вложений в сельское хозяйство диктуют сугубую осторожность в этом вопросе, который может быть освещен лишь при детальном изучении эффективности вложений в отдельные отрасли сельского хозяйства.

Развитие всего нашего капитального строительства по генеральному плану, с точки зрения максимального темпа за 15 лет, должно было бы основываться на максимальной эффективности вложений за 15 лет по совокупности для всего народного хозяйства в целом.

С другой стороны, надо отметить всю относительность оценки темпов роста по суммарным ценностным соотношениям, хотя бы по ценам на какой-либо определенный год. Ценностные соотношения не определяют потребительской ценности товаров, а чем дальше мы будем уходить вглубь десятилетий, чтобы выбрать тот год, по ценностным соотношениям которого мы будем определять рост народного дохода или имущества, тем выгоднее будут эти сопоставления для тяжелой и машиностроительной промышленности, поэтому примат в проектировании генерального плана принадлежит социально-классовой точке зрения с учетом необходимой гармоничности в развитии всех элементов народного хозяйства, во избежение тех кризисов, которые в противном случае возникают.

Опять-таки с точки зрения достижения максимальных темпов увеличения народного дохода нельзя a priori исключить из состава действующего производственного капитала те устаревшие оборудования, которые в условиях капиталистического хозяйства могут показаться нерентабельными. При наличии избыточных рабочих рук, для того чтобы в наших условиях признать какое-нибудь оборудование морально сношенным, надо было бы доказать,

что хотя бы в пятнадцатилетней перспективе будет выгоднее, с точки зрения эффективности, затратить наши средства на новое оборудование и на оборотный капитал к нему, чем только на оборотный капитал к старому оборудованию.

Формулируем те условия, которые, по нашему мнению, могут нам дать возможность не только осуществить максимальные темпы, имевшие место в Америке и даже их превзойти без притока иностранных капиталов:

1) Плановое развитие всего хозяйства без кризисов перепроизводства, при максимальном использовании всего нашего оборудования и рабочей силы.

2) Обеспечение сырьевой базы для максимального использования всего нашего производственного аппарата.

3) Индустриализация страны на основе „большой" электрификации.

4) Планирование хозяйства на основе подсчетов максимальной эффективности суммы всех вложений за 15 лет по совокупности.

5) Быстрое увеличение накопления в размере свыше 20% от народного дохода.

6) Усиленное проведение рационализации во всем народном хозяйстве.

ОТДЕЛ III

Экономика и техника

А. Чаплыгин

О борьбе с языком пустыни

Проблема ирригации Заволжья

Всем нам памятны бедствия неурожаев 1920/21 и 1924 гг., глубоко отразившихся как на районах, непосредственно затронутых катастрофой, так и на хозяйстве всей страны. Сейчас, в полосе сравнительно благополучных годов и в расчете, что планомерная борьба с засухой начата, грозное бедствие, быть может, несколько позабыто и не так отчетливо и ярко сознается неизбежность в недалеком будущем новых ударов с этой стороны. Между тем, история засухи и исследования этого явления в естественно-историческом и экономическом отношениях говорят, что катастрофы, подобные недавно пережитым, строго периодичны, что период их не велик, и что если коренным образом не изменятся условия сельского хозяйства района засухи, то с громадным процентом вероятности,— наверняка,—можно ожидать следующего первого удара засухи не позже 1929/30 г., второго — не позже 1934/35 г. и т. д.

Ведется ли у нас действительная борьба с засухой? Стоим ли мы на верном пути? Можем ли мы быть уверены, что в 1929/30 г. не повторится того, что было в 1924 и 1921 гг., что было также и в 1917, 1911/12, 1905/06, 1901, 1898 и т. д. в глубь веков? Что делать, чтобы создать действительную гарантию того, что бедствия голода не повторятся и что урожай хлебов — основа нашего бытия и благосостояния — станет устойчивой, постоянной величиной, а не случайным выигрышем в азартной игре — земледелии в засушливых районах?

Ниже вкратце излагается схема первоочередных мероприятий по этому важнейшему для нас государственному вопросу.

I

Неурожай в истории русского народного хозяйства—явление глубокой давности и, можно сказать, традиционное. С XI века имеются сведения о его катастрофическом воздействии на хозяйство и жизнь района, охваченного бедствием, и на хозяйство страны в целом. Уже со времени Бориса Годунова центральное правительство начало практиковать „борьбу с голодом“, посылая в районы засухи хлеб и деньги, организовывая закупку скота, работы и т. д. Уже со времени Петра первого правительство пыталось от мер борьбы с последствиями неурожая перейти к мерам предупреждения неурожая, для чего в неурожайные области указом 1723 года были посланы, в качестве инструкторов по приемам „сухого“ земледеления, крестьяне Прибалтийских губерний.

Серьезное изучение неурожая началось со второй половины XIX в. Однако, до настоящего времени мы не имеем полного освещения этого

явления, вернее его последствий, как экономического фактора народнохозяйственной жизни. Во что, именно, в цифровом выражении, обходятся стране последствия неурожая, в какую сумму исчисляется ущерб народного хозяйства, причиняемый им как в районе, охваченном бедствием, так и во всей стране в целом, точного ответа на эти вопросы пока не дано, да, пожалуй, и не может быть дано, по крайней мере в отношении прошлого, поскольку тогда не имело места полное и всестороннее обследование влияния неурожая на все стороны жизни и хозяйства района и страны.

Бедствия неурожая обусловлены, прежде всего, естественно-историческими причинами, создающими явление засухи; с другой стороны, это естественно-историческое явление воспринимается сельским хозяйством с той или иной степенью остроты в зависимости от структуры самого хозяйства, обусловливаемой процессом его развития и видоизменения. Если природным условиям района отвечает тип сельского хозяйства, то коллизии между неблагоприятными естественно-историческими условиями района и требованиями хозяйства менее часты. Когда хозяйство под влиянием общих экономических условий развивающейся народнохозяйственной жизни выходит из этого благоприятного соотношения с естественно-историческими факторами и эволюционирует в другой тип, более остро воспринимающий неблагоприятные естественно-исторические условия, коллизии учащаются и явления неурожая при неизменности естестественно-исторических условий района начинают приобретать все более угрожающие формы.

Если мы проследим явление неурожая с точки зрения его экономических последствий, то приходится отметить все учащающуюся повторяемость его.

Если взять имеющиеся данные об острых неурожаях, то для XIX и XX веков мы имеем:

для	первой	четверти	XIX	века	2 неурожая
„	второй	„	„	„	4 „
„	третьей	„	„	„	4 „
„	четвертой	„	„	„	4 „
„	первой	„	XX	„	7 „

Таким образом, повторяемость явления неурожая возросла на протяжении столетия почти в четыре раза.

Если судить о неурожае по основной культуре засушливых районов—пшенице, то для Самарской губернии, по данным Поволжской колонизационно-мелиоративной экспедиции, мы имеем следующие цифры (колич. пудов на десятину):

	1984	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894
Урожаи ржи	55	51	48	29	26	26	22	13	26	40	48
„ пшеницы	—	22	36	13	15	21	22	13	31	33	55

	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1093	1904	1905
Урожаи ржи	43	43	24	13	47	46	25	26	53	47	19
„ пшеницы	25	39	27	14	27	35	13	32	36	49	21

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915
Урожаи ржи	7	31	32	52	35	9	48	52	30	60
„ пшеницы	6	19	21	49	39	7	27	50	35	49

	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924
Урожаи ржи	31	20	56	30	11	2	30	30	10,6
„ пшеницы	19	10	38	20	18	3	27	31	7,2

Средний урожай пшеницы за эти 40 лет составлял 26 пуд. Повторяемость различных цифр урожайности пшеницы характеризуется следующей таблицей:

Размер урожая	Число случаев	Годы
10 пуд. и ниже	6	1906, 1911, 1917, 1920, 1921, 1924
от 10 до 15 пуд.	5	1887, 1888, 1891, 1898, 1901,
„ 15 до 20 „	3	1907, 1916, 1919,
„ 20 до 25 „	6	1885, 1889, 1890, 1895, 1905, 1908
„ 25 до 30 „	5	1897, 1899, 1903, 1912, 1922,
„ 30 до 35 „	6	1892, 1898, 1900, 1902, 1914, 1923
„ 35 до 40 „	4	1886, 1896, 1910, 1918,
„ 45 до 50 „	4	1904, 1909, 1913, 1915,
„ 50 до 55 „	1	1894,
Всего	40	

Мы видим, что урожайность ниже средней (26 пуд.) была в 20 случаях, или в 50%, урожайность ниже 21 пуд. в 14 случаях, или в 35%, а урожайность ниже 16 пуд. в 11 случаях, или в 27%.

Следующая таблица показывает распределение неурожайных годов по десятилетиям:

Десятилетия	Число лет с урожаем пшеницы		
	Ниже 26 п.	Ниже 21 п.	Ниже 16 п.
1885—1894	6	3	3
1895—1904	3	2	2
1905—1914	5	3	2
1915—1924	6	6	4
Всего . . .	20	14	11

Таким образом, и по этим данным число неурожаев в последние десятилетия постепенно увеличивается.

Не придавая достоверности абсолютным величинам приведенных цифр в виду сомнений в статистике прошлого, все же явление неурожая для начала XX века приходится считать усилившимся.

Отсюда вывод, что если не будут осуществлены мероприятия по коренной борьбе с засухой, то за предстоящий период генплана (15 лет) страна переживет не менее 6—7 ее ударов. Это значит, что всякое паллиативное мероприятие по борьбе с засухой будет сметено очередным бедствием и что реальным средством борьбы является лишь пресечение самой возможности возникновения засухи, как естественно-исторического явления.

Как же выразится в цифрах ущерб, наносимый народному хозяйству неурожаем? Подсчитаем эти цифры лишь в небольшой части этого ущерба, каковой является помощь, организовывавшаяся правительством для охваченных бедствием районов. Общая сумма ассигнований на помощь губерниям, пострадавшим от неурожая за период с 1891 по 1908 гг., составила по данным инж. Кроянского свыше 500 миллионов рублей. В частности в 1891—1893 гг. на неурожай правительством израсходовано 170 млн. руб., из коих на общественные работы около 18 млн. руб. В 1901 году общая затрата на неурожай составила 34 млн. руб. при затратах на общественные работы около 2 млн. руб. В 1906—1907 гг. общая затрата выразилась в сумме 171 млн. руб. В 1911 году на одни общественные работы затрачено около 50 млн. руб., а всего за период 1901—1911 гг. на работы израсходовано свыше 66 млн. руб. Общая сумма затрат на борьбу с неурожаем в 1911 г. составила 132 млн. руб.

В 1920—1921 гг. на борьбу с неурожаем, считая и заграничную помощь в сумме до 115 млн. руб. золотом, всего затрачено до 300 млн. руб. золотом. В 1924 г. на борьбу с неурожаем затрачено всего 109 млн. черв. руб., в том числе на общественные работы 15 млн. руб.

Таким образом, общая сумма затрат из государственной казны на помощь пострадавшим от неурожая за период с 1891 по 1926 гг., т.-е. за 35 лет, составила свыше 1 миллиарда довоенных рублей.

Это значит, что если не будут осуществлены мероприятия по коренной борьбе с засухой, то на предстоящий период генплана надо предвидеть расход на ликвидацию последствий засухи в сумме не менее 500 млн. довоенных рублей. Отсюда вывод, что можно и должно затратить весьма крупные средства на реальную борьбу с засухой. Мы слишком бедны, чтобы продолжать роскошествовать в деле борьбы с засухой, как это делалось за эти 35 лет.

На огромном фронте борьбы с засухой невозможно иметь успех одновременно всюду, так как потребовались бы средства, каких у нас нет. Нужно выбрать наиболее опасные участки фронта и здесь одержать решительную победу.

История засухи, естественно-историческое изучение районов ее проявления и масштаб явления с экономической, народнохозяйственной точки зрения с определенностью свидетельствуют, что наиболее остро засуха

проявляет себя в районе Самарской и Саратовской губерний в их старых границах и в особенности в Заволжской части к югу от реки Б. Иргиза. Четырехугольник, очерченный границами Вольск—Пугачев, Пугачев—Александров—Гай, Александров—Гай—Камышин и Камышин—Вольск, является тем форпостом, который сельскохозяйственная культура Европейской России выдвинула в сторону жгучих песков Азии. Здесь наиболее остро русское крестьянское хозяйство чувствует губительное дыхание раскаленной пустыни, язык которой из-за Каспийского моря глубоко врезается в Волжскую долину.

Несколько цифр, иллюстрирующих вышеизложенное: среднее годовое количество осадков здесь составляет около 300 *мм*., т.-е. столько же, как и в ряде хлопковых орошаемых районов Ср. Азии; сумма осадков трех весенних месяцев (март, апрель, май) здесь 40—50 *мм*, т.-е. значительно меньше, чем, напр., в Чуйской долине Казакстана, где количество весенних осадков в среднем равно 134 *мм*; испарение в Новоузенске выражается цифрой до 900 *мм* в год, что опять-таки выше многих среднеазиатских районов. Но район этот — не пустыня. Здесь, в 1926 г. после перенесенных потрясений засух 1920/21 и 1924 гг. было до 100.000 хозяйств засевавших до 600.000 *га* (1.100.000 *га* в 1917 г.). Здесь в благоприятные годы, т.-е. в годы с суммой весенних осадков 130—150 *мм* средний урожай яровой пшеницы составляет до 60 пудов на десятину. Но средний за 40 лет урожай пшеницы равен лишь 26 пуд. на десятину, а в годы острой засухи он снижается до 10—7 и даже 3 пуд. на десятину. Район все же в значительной мере освоен и потому экономические, народнохозяйственные последствия засухи здесь выявляются особенно остро.

Итак, в этом районе в первую очередь должны быть сосредоточены мероприятия по борьбе с засухой. Одним из существеннейших моментов в системе этих мероприятий является вопрос организационный, на котором следует остановиться, прежде чем перейти к вопросам техники и экономики. Думается, что задачи известного государственного масштаба в условиях общей отсталости и косности широких народных масс, для того чтобы быть реально осуществленными, должны базироваться на том или ином „стержневом“, крупном государственном предприятии, вовлекающем в новые хозяйственные условия народные массы. Крупное государственное предприятие, как, например, железная дорога или ирригационная система, уже самим фактом своего существования создает новую жизнь в районе, развязывает его производительные силы, дает мощный толчок развитию самодеятельности населения в тех новых формах, возникновение которых возможно лишь на базе этого основного государственного мероприятия. Вот такой основной стержень борьбы с засухой должен быть найден, должен быть осуществлен, как государственное мероприятие (ибо иллюзорными оказались бы расчеты, что оно может быть осуществлено силами населения), и тогда могли бы быть поставлены реальные сроки и учтены, исчислены реальные результаты борьбы с засухой.

С изложенной точки зрения метод борьбы с засухой, основанный на предпосылке, что население собственной инициативой, собственной волей, собственными техническими достижениями сумеет провести дело борьбы с засухой, представляется столь же мало реальным, как пред-

положение, что население района, нуждающегося в путях сообщения, сумеет своей инициативой и на свои средства построить железную дорогу. Метод борьбы с засухой, взваливающий всю тяжесть и сложность задачи на плечи населения, плохо соорганизованного, малоподготовленного, и оставляющий за государством лишь роль советчика и кредитора, отодвигает крупные достижения в этом деле в весьма отдаленное будущее, а те достижения, которые возможны в сравнительно близкое время, в силу их незначительности будут сметены первыми же ударами засухи.

Таким образом, мы приходим к выводу, что организационно борьба с засухой для того чтобы быть реальной, должна быть построена, имея основой всего комплекса мероприятий крупное государственное предприятие, реконструирующее район засухи в противозасушливом направлении. На этом принципе построены излагаемые дальше технические и экономические моменты схемы в противоположность практикуемому в настоящее время методу борьбы с засухой, осуществляемому, как известно, в расчете лишь на влияние государственного кредита и государственной пропаганды.

II

Технические средства для изжития неурожаев вследствие засухи выдвинуты в двух основных направлениях—агротехническом и гидротехническом.

Агротехнический метод борьбы с засухой предлагает реорганизацию полеводства крестьянского хозяйства и введение в него усовершенствованных агрономических приемов. Гидротехнический метод борьбы с засухой имеет задачей устранение основной естественно-исторической причины неурожая — засухи, путем увеличения техническими приемами количества влаги на полях земледельца. И тот и другой методы предвидят реорганизацию всей системы хозяйства засушливого района и создание необходимой для этого экономической обстановки.

Эти два основных метода борьбы с засухой не следует противополагать друг другу, так как, вообще говоря, они друг друга дополняют и органически связаны. Однако, удельный вес того и другого метода в общей системе мероприятий по всему засушливому району неодинаков. Там, где колебания урожайности в связи с климатическими условиями проявляются меньше, большая роль принадлежит агротехнике. Там, где климатические условия менее благоприятны, где колебания урожайности поэтому резче и чаще, большее значение приобретает гидротехника. Поскольку вышеочерченный острозасушливый район Заволжья характеризуется, прежде всего, ухудшенными климатическими условиями, здесь „ведущая“ роль принадлежит системе гидротехнических мероприятий, тем более, что таковые могут быть проведены, как государственное предприятие, со всеми вышеуказанными организационными его преимуществами. Другим существенным для острозасушливых районов свойством гидротехнического метода борьбы с засухой является бесспорность результатов его применения: орошение гарантирует здесь высокий и устойчивый урожай. Агротехнические мероприятия, если и не сомневаться в достаточной их эффективности в условиях опытных полей, а опыт последних

лет заставляет думать, что здесь имелись преувеличенные надежды, едва ли быстро могут получить осуществление в условиях рядового крестьянского хозяйства. Между тем, засуха здесь не ждет, и сокрушительные частые и постоянные ее удары сведут на-нет частичные попытки агротехнической реконструкции хозяйства.

Указанные свойства гидротехнического метода борьбы с засухой уже обусловили широкое применение его в районах, по климатическим условиям схожих с Заволжьем, в частности, в Сев. Америке, да и в некоторых районах нашей страны, как например, нехлопковых частях Ср. Азии (бассейне рек Чу, Таласа, Или в Казакстане и др.). В Сев. Америке проблема борьбы с засухой гидротехническим методом, в связи с колонизацией пустынных земель западных штатов, поставлена в 1849 г., когда мормоны впервые применили искусственное орошение. В 1890 г. на западе С.-А. С. Ш. было уже 54.136 орошаемых хозяйств с площадью фактически орошенных земель около 1.500.000 *га*. В 1920 г. число орошаемых хозяйств достигло 231.541, а площадь фактического орошения 7.800.000 *га* при размере площади, покрытой оросительными предприятиями, до 14.600.000 *га* и при размере капитальных вложений в ирригацию 1.364.000.000 руб. Нужно отметить, что состав орошаемых культур в большей части орошенных районов вполне соответствует возможностям Заволжья: в 19 западных штатах основными культурами, по данным 1920 г., являлись: травы и кормовые на площади 2.200.000 *га*, зерновые на площади 935.000 *га*, сорго — 425.000 *га*, сахарная свекла — 154.000 *га*.

Современное положение сельского хозяйства в рассматриваемом районе Заволжья характеризуется следующими цифрами:

Части района	Число хозяйств в 1926 г.	Посев на хозяйство в дес.		Посевная площадь в дес.	
		в 1926 г.	в 1917 г.	в 1926 г.	в 1917 г.
Пугачевский	8.950	3,8	8,7	34.000	77.865
Новоузенский . . .	15.440	3,7	11,0	57.128	169.840
Немреспублика . . .	60.480	6,8	11,0	411.264	665.280
Николаевский . . .	8.948	5,5	11,5	49.214	102.920
Всего . . .	93.818	5,85 или 6,4 *га*	10,5 или 11,4 *га*	551.606 или 600.000 *га*	1.015.905 или 1.107.440 *га*

Если принять, что процентный состав культур и урожайность будут соответствовать среднему здесь бывшему, то размер продукции 1926 года исчислится следующими цифрами:

Культуры	%	Средняя урожайность в пудах с дес.	Число десятин посева	Сбор в млн. пуд.	Цена за пуд	Стоимость сбора в млн. руб.
Пшеница	68	26	374.000	9,72	85	8,26
Рожь	20	25	110.000	2.75	55	1,40
Овес, ячмень	9	25	49.500	1,85	55	0,69
Картофель (неорошаем.)	0,5	400	2.750	1,10	25	0,28
Прочие	2,5	25	13.750	0,34	55	0,19
	—	—	550.000	—	—	10,82

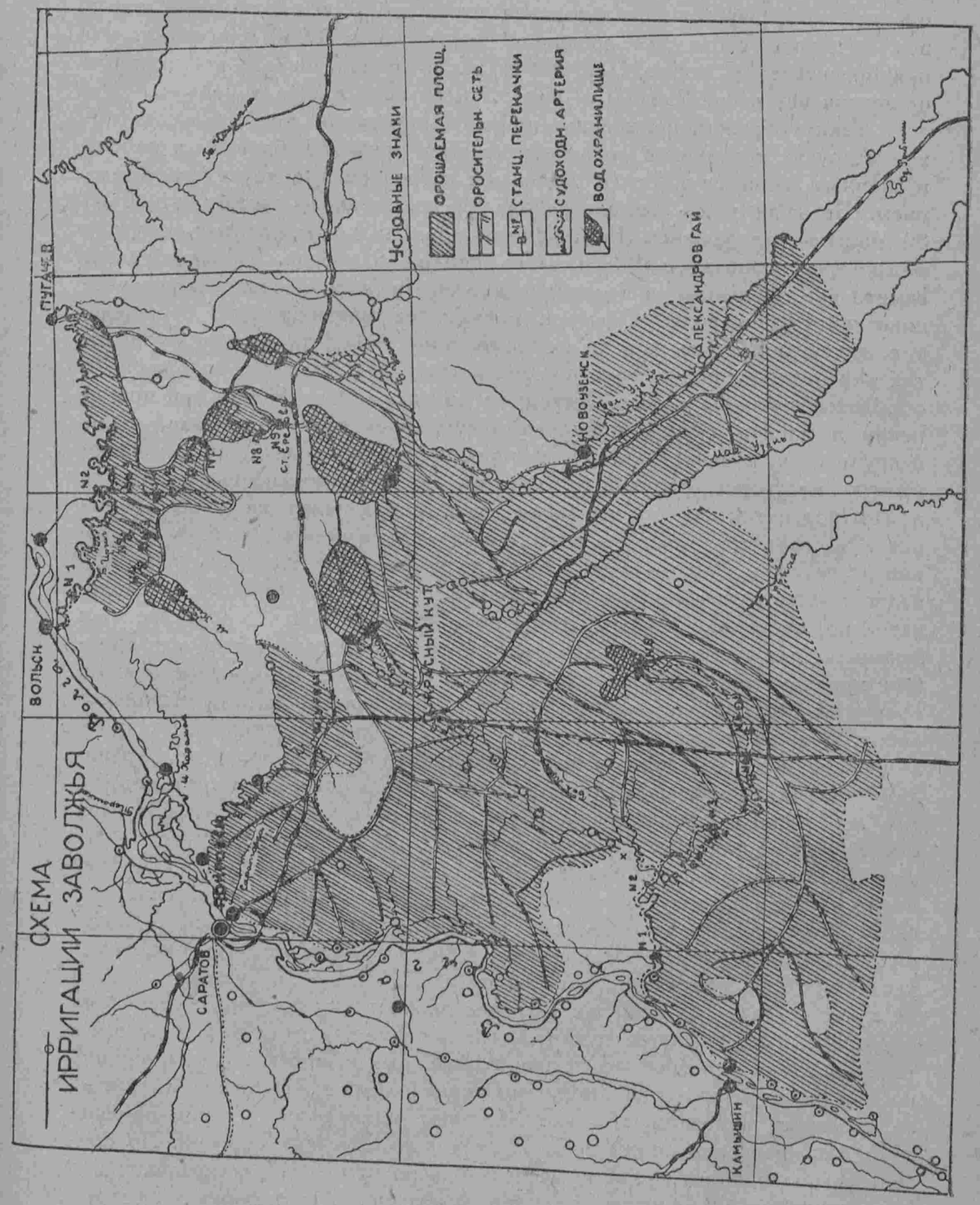
Средняя стоимость продукции полеводства составляет, следовательно, в 1926 г. около 10,82 млн. руб., а вместе с животноводством 13,85 млн. руб. и равна 16,2 млн. пуд. условной пшеницы. Считая, что при благоприятных климатических условиях к 1929 г. средняя площадь посева будет равна площади 1917 г., что к этому времени хозяйство восстановит свой основной капитал и что для натурального потребления района кроме серых хлебов, картофеля и проч. потребуется до 60 пуд. пшеницы в год на семью или $60 \times 94.000 = 5{,}84$ млн. пуд. на весь район, получаем следующую характеристику восстановительного процесса в неорошаемом хозяйстве:

Продукция	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Посевная площадь в *га*	600.000	770.000	940.000	1.110.000
Посев хозяйства	6,4	8,1	10,05	11,4
Валовая продукция:				
а) в млн. пуд. условн. пшеницы	16,2	20,7	25,4	29,0
В том числе пшеницы	9,72	12,30	15,20	17,30
б) в млн. руб.	13,85	17,6	21,8	25,6
Натур. потребл. пшеницы в пуд.	5,84	5,84	5,84	5,84
Товарная продукция (за вычетом натурального потребления)				
а) в млн. пуд. зерна	3,88	6,46	9,36	11,46
б) в млн. руб.	3,30	5,5	7,95	9,74

Мы видим, что неорошаемое хозяйство, если даже допустить сомнительное предположение, что до 1929 года оно сможет развиваться, не подвергаясь бедствиям засухи, сумеет освоить не более 1.100.000 *га* земли и довести валовую продукцию до 29 млн. пуд. условной пшеницы. Дальнейшее его развитие будет уже несомненно прервано ударом засухи, который уничтожит все достижения периода 1926—29 гг., и район, резко снизив и освоенную территорию и размер продукции, снова потребует крупных правительственных ассигнований на помощь пострадавшему хозяйству и на медленное его восстановление до следующей засухи.

III

Обратимся теперь к возможностям действительной борьбы с засухой в рассматриваемом районе, т.-е. к мероприятиям, предупреждающим самую возможность ее возникновения. Явление засухи, как известно, заключается в недостаточности и несвоевременности выпадения осадков, нужных для нормального произрастания растений. Таким образом, решение вопроса заключается в искусственном обеспечении растений влагой, т.-е. в проведении широких ирригационных мероприятий. При такой постановке вопроса и при предпосылке, что хозяйство района в данных условиях экономической и естественно-исторической обстановки неизбежно должно быть в основном зерновым и животноводческим и что, следовательно, размер возможных затрат на реконструкцию определяется этой предпосылкой, широкое развитие ирригации здесь встречало существенные технические затруднения. Дело в том, что количество местных осадков

здесь весьма незначительно, годовой сток с одного кв. километра составляет в среднем 40.000 *кб. м*, колеблясь в зависимости от количества осадков в широких пределах от 5.000 *кб. м* до 160.000 *кб. м*. Если принять коэффициент использования стока в 0,6, то возможный запас вод местного стока для орошения выразится в 1.080 млн. *кб. м*, что при оросительной норме 4.000 *кб. м* на *га* обеспечивает возможность орошения не свыше 250.000 *га* или 5,5% от всей площади района.

Таким образом, применение широкой ирригации требует использования других источников орошения, из коих наиболее близким к району и мощным является р. Волга. Здесь мы встречаемся с другим затруднением. Большая часть земель района расположена на высоте от 40 до 80 метров над уровнем Балтийского моря, в то время как отметка меженнего горизонта р. Волги здесь около 9,6 метров. Таким образом, самотечное орошение из Волги невозможно и надо предвидеть механический под'ем воды. Обычное применение механического орошения, т.-е. нагнетани воды из реки в оросительный канал, также неприменимо, так как при большой высоте под'ема и краткости оросительного периода обойдется слишком дорого. Выход из положения заключается в применении в данном случае принципа аккумулирования нагнетаемой воды в крупных и, следовательно, падающих небольшим расходом на сберегаемую воду водохранилищах, которые дают возможность удешевить под'ем воды, так как оросительная вода, требующаяся на полях орошения в течение трех месяцев в году, подается в водохранилища в течение всего года. Отсюда возможность уменьшить секундоток нагнетаемой воды в четыре раза против секундотока в оросительной сети и, следовательно, соответствующее удешевление накачки воды. Существенным моментом для удешевления предприятия явится и самый тип его: крупное предприятие с сосредоточенными в немногих пунктах основными сооружениями, позволит механизировать и рационализировать производство работ. Исходя из указанных основных технических принципов: а) аккумулирования волжской воды в водохранилищах, б) применения водохранилищ весьма значительного об'ема и в) построения всего предприятия, как небольшого количества крупных водных систем, схема получает следующий общий вид: волжская вода по двум подводящим путям — руслам Б. Иргиза и Б. Кушума на севере и Еруслана-Торгуни на юге подводится к системе крупных водохранилищ, расположенных в основной части близ сыртового водораздела в повышенных частях всей территории. Подводящие пути образованы путем устройства в каньонах вышеуказанных рек плотин — девяти на пути Б. Иргиз — Б. Кушум и шести на пути Еруслан-Торгунь. Эти плотины создают ряд б'ефов, образующих ступенчатый, самотечный от плотины к плотине под'ем воды в обратном к течению рек направлении, при чем перекачка воды из нижнего б'ефа в верхний производится насосными станциями при плотинах. Плотины снабжены судоходными шлюзами, которые образуют вдающиеся в глубь орошаемого массива водные пути по Б. Иргизу и по Еруслану-Торгуни. По описанным подводящим путям волжская вода поступает в водохранилища — М.-Кушумское, Б.-Кушумское, Малоузенское, Ерусланское, Большеузенское и Торгунское с общим полезным об'емом около трех миллиардов кб. метров. Из этих водохранилищ вода отпускается на орошаемую территорию по следующим ирригационным системам:

Наименование системы	Площадь, факт. орош., в *га*
М.-Кушумская	55.000
Б.-Кушумская	70.000
Междуречье М. и Б. Узеней	200.000
Междуречье М. Узеня и Еруслана	625.000
Междуречье Еруслана и Волги	320.000
Торгунская	280.000
Низовья Узеней	50.000
	1.600.000

Кроме того, воды местного стока, собранные в сети более мелких водохранилищ в районе Б. Иргиза и Камелика и в междуречьи Еруслана и Волги, общей полезной емкостью около 1,6 миллиарда кб. метров, дадут возможность орошать следующие районы:

Наименование районов	Площадь, факт. орош., в *га*
Иргизо-Камеликский	100.000
Алтатинский	70.000
Низовья Узеней	150.000
Междуречье Волги и Еруслана	80.000
	400.000

Общая площадь фактического орошения составит к 1941 году 2.000.000 *га*, из которых волжской водой будет орошаться 1.600.000 и водами местного стока — 400.000 *га*.

Основные цифры технического расчета схемы представляются в следущем виде.

Количество воды, необходимое за сезон для полива, исчислено по нормам НКЗ РСФСР в размере на поле от 900 *кб. м* на 1 *га* для пропашных, 1.100 *кб. м* для трав и до 1.300 *кб. м* для яровых. Оросительный ток на *га* в поле, в результате применения этих норм, получился для принятого основного типа хозяйства, размером 0,275 *м*/сек. от 1 мая по 10 июня и 0,180 *м*/сек. от 10 августа до 1 сентября. Общий размер оросительной нормы для всех типов хозяйства не превышает 2.000 *кб. м* на *га* в поле за сезон.

Вышеприведенные нормы полива исчислены в предположении, что техника выпуска оросительной воды на поля здесь такая же, как и в других случаях ирригации в нашей стране — в Ср. Азии, ЗСФСР и т. д., т.-е. что вода подводится к растению самотеком по поверхности земли. Большой интерес представляет в данном случае другой способ орошения — „дождевание", заключающийся в том, что из оросительного канала вода подается на поле путем нагнетания ее через особые приборы, разбрызгивающие воду на подобие дождя над орошаемым участком. Интерес этого способа заключается не только в том, что в этом случае требуется значительно меньшее количество воды для полива, что сильно удешевляется стоимость подвода оросительной воды к полю и уничтожается всякая возможность засоления, но и в том, что в этом случае не требуется от крестьянства уменья управлять подводимой на его участок водой и производить различные связанные с поливом операции. Здесь вода орошает участок так же, как это делает естественный дождь и операция по поливу может производиться даже без участия

крестьянина особой организацией, находящейся в ведении ирригационного управления. Непроработанный пока в описываемой схеме вариант выпуска воды дождеванием, в силу указанных соображений и „психологически“ большей приемлемости его для крестьянства, подлежит, несомненно, самому внимательному изучению.

Размер потерь в сети исчислен для трех групп грунтов района. Для первой группы грунтов — тяжелых глин сыртовых возвышенных частей между Б. Узенем и Ерусланом — практически водонепроницаемых, коэффициент полезного действия сети принят в 0,75. Для второй группы грунтов — глинистопесчаных — между Ерусланом и Волгой коэффициент полезного действия исчислен в 0,66. Наконец, для третьей группы грунтов — каспийских отложений южной части района, аллювиальных грунтов по долинам рек — коэффициент полезного действия определен в 0,54. Потери на испарение в сети вследствие незначительности их не учитываются.

Потери в водохранилищах на испарение приняты из расчета величины испарения 1.000 *мм* в год, что даст 15% от расхода в голове оросительного канала. Потери на фильтрацию водохранилищ не учтены в виду расположения водохранилищ в грунтах вышеупомянутой первой группы, т.-е. в тяжелых пластичных глинах, лежащих 20—30-метровым слоем и при постоянной смоченности их водой водохранилищ, практически являющихся водонепроницаемыми.

Потери на фильтрацию в подводящем канале явятся также весьма незначительными, так как русло подводящего канала, являясь руслом рек Б. Иргиза и Б. Кушума, расположено в наиболее пониженных точках тальвега, в берегах которого по имеющимся наблюдениям горизонт грунтовых вод выше горизонта воды в реке. Поперечная фильтрация здесь имеется лишь из берегов в русло реки. При подпоре воды в русле на высоту порядка 5 метров ожидается лишь прекращение существующей фильтрации из берегов в русло, но не возникновение обратной фильтрации. Опасным в отношении фильтрации возможно явится 20-километровый участок р. Б. Кушума от села Белкова до села Каменной Сармы, который предположено соответствующими работами сделать достаточно водонепроницаемым.

При расчете не учтен в запас прочности приток вод местного стока в подводящий канал.

В виду рельефа района оросительная сеть предположена без водосборной сети, каковой явятся каньоны рек с сетью балок и оврагов.

Период летней накачки, когда вода в подводящем канале движется без ледяного покрова, принят в 7,5 мес. Период зимней накачки, когда вследствие образования ледяного покрова подводящий канал пропускает лишь 0,5 летнего расхода, принят в 4,5 месяцев.

При средней отметке горизонта р. Волги у устья р. Б. Иргиз в 11 метров над уровнем Балтийского моря (меженний 9,6 метров), при высоте под'ема воды от 32 до 79 метров и при установке насосных станций системы „Hemphrey“, дающей значительную экономию в эксплоатационных расходах против насосных установок других систем, общее количество энергии, необходимой для под'ема воды на площадь 1.600.000 *га*, составляет 220.000 лош. сил при себестоимости энергии за 1 лош. силу в час—1 коп.

Стоимость устройства сооружений по изложенной оросительной схеме характеризуется следующими цифрами: стоимость на гектар земляных работ по устройству оросительной сети, в том числе и мельчайшей, при подсчете их по данным русских оросительных проектов составляет в условиях Заволжья среднюю цифру 67 дов. руб., исходя из цифры 0,6 руб. за кб. метр больших выемок, 0,3 руб. за кб. метр распределительной и оросительной сети. Если учесть, что уже в настоящее время по американскому опыту земляные работы экскаватором обходятся 0,2 руб. за кб. метр и что устройство распределительных и оросительных каналов в Америке обходится в несколько коп. за кб. метр, то можно предположить, что ко времени производства работ в пятилетие 1931—1936 гг. мы сумеем произвести земляные работы по ценам, приближающимся к американским, что стоимость их снизится на 30%—35% против бывшей русской практики и составит цифру около 45 дов. руб. на гектар.

Стоимость бетонных работ в данных условиях, т.-е. при возможности механизации работ в нескольких пунктах крупного сосредоточения их и при близости цементного завода, принята в 20 руб. за 1 кб. метр, или 22 дов. руб. на гектар орошения. Стоимость механических установок при современных условиях их производства принята в 250 дов. руб. (без стоимости плотин) на полезную лош. силу, что дает около 33 руб. на гектар орошения при средней высоте под'ема 75 метров. Общая стоимость ирригационных работ выразится, следовательно, в 100 дов. руб. на гектар орошения.

Размер эксплоатационных расходов исчислен, исходя из следующих цифр. Для насосных установок системы „Hemphrey“ расход топлива по опыту Чингфордской установки принят в 0,42 *кг* на 1 лош. силу — час полезной работы или $0{,}42 \times 7.000 = 2940$ *кг* в год. При цене угля в Самарском районе 22 коп. за пуд, 7.000 час. годовой работы и средней высоте под'ема 75 метров — расход на топливо в год составит на гектар орошения в среднем 5,4 дов. руб., а общий расход угля в год — $2.940 \times 220.000 = 646.800$ тонн, кругло 650.000 тонн. Расходы на ремонт и смазку выразятся цифрой 1,3 руб., на техперсонал 0,2 руб. и расходы на амортизацию и проценты на капитал составят 3,0 руб. Общий расход по под'ему воды выразится цифрой 8,8 руб. на гектар орошения.

Процент на капитал, вложенный в сооружения по сети и водохранилищам, принимая 6%, выразится цифрой 4 руб. в год на гектар орошения, а расход на амортизацию сооружений, принимая 0,5% от их стоимости, выразится цифрой 0,1 руб. Принимая расходы по содержанию сооружений в 2,1 руб. в год (с учетом отсутствия заиления каналов, питающихся осветленной водохранилищной водой), получим стоимость эксплоатации сети и водохранилищ в 6,2 руб. на гектар орошения. Таким образом, общий размер эксплоатационных расходов на гектар орошения выразится цифрой $8{,}8 + 6{,}2 = 15$ руб., из коих на проценты на капитал приходится 6 руб., на амортизацию 1,1 руб., на топливо 4,3 руб. и 3,6 руб. на содержание сооружений.

Согласно вышеизложенному, стоимость устройства орошения на площади 2.000.000 гектаров выразится цифрой 200 млн. дов. руб., а эксплоатационные расходы на всей орошаемой площади в 30,0 млн. дов. руб. в год.

Кроме указанных строительных и эксплоатационных расходов нужно учесть еще расходы по наполнению водохранилищ. Общий мертвый

об'ем волжских водохранилищ составляет около 133% от их полезного об'ема, указанного выше в цифре около 3 миллиардов кб. метров, и равен, следовательно, примерно, 4 миллиардам кб. метров. Количество воды, подымаемой в год на все механическое орошение из Волги, равно приблизительно 5.800 млн. кб. метров и обходится, не считая амортизации и процентов на капитал, в 12,6 млн. дов. руб. Следовательно, стоимость наполнения мертвого об'ема водохранилищ выразится цифрой около 8,5 млн. руб.

План строительства определяется соображением, что в первую очередь должны быть орошены районы, наиболее населенные и близкие к путям сообщения, каковыми являются Иргизский и Приволжский. Срок строительства для отдельных районов намечается 3—4 года, начало интенсивного строительства после 2 лет изысканий, общая продолжительность строительства 9—10 лет, с окончанием такового к 1937/38 году.

Темп освоения готовых площадей принят от 4 до 5 лет из расчета, что местное население в первый год освоит 50% площади, на второй —70%, на третий —90% и четвертый —100%, а пришлое население во второй год освоит 40%, в третий —60%, четвертый —80% и в пятый —100%.

При этих предположениях цифры капитальных вложений и эффекта строительства и освоения выразятся в следующей таблице:

	1930/31	1935/36	1940/41
1. Сумма капитальных вложений в млн. руб.			
а) в строящихся системах	54,2	66,7	—
б) в построенных системах	18,0	117,5	200,0
Итого . . .	72,2	186,1	200,0
2. Эффект строительства в *га*	180.000	1.175.000	2.000.000
3. Освоенные орошенные площади в *га* . . .	100 000	1.065,000	2.000.000
4. Эксплоатационные расходы ирригационного предприятия в млн. руб.			
а) 6% на капитал в строящихся системах.	3,19	4,00	—
б) первоначальное наполнение водохранилищ	1,60	0,80	—
в) содержание и управление эксплоатируемыми ирригационными системами	2,70	17,63	30,00
Итого . . .	7,49	22,43	30,00
5. Денежные поступления от ирригационого предприятия в казну в млн. руб.			
а) 6% на затраченный капитал	4,31	11,29	12,00
б) отчисления в амортизационный фонд.	0,20	1,29	2,20
Итого . . .	4,51	12,58	14,20
6. Суммы, начиная с 1926 г., в млн. руб.			
а) эксплоатацион. расходов ирригацион. предпр.	13,03	93,93	238,65
б) платежей водопользователей за воду (считая 15 руб. за *га*)	1,50	48,20	172,20
7. Убыток ирригационного предприятия . . .	11,53	45,73	66,45
8. Сумма поступлений в казну от предприятия (проценты и амортизация) в млн. руб. .	9,25	57,47	117,73

Из приведенной таблицы следует, что после освоения населением к 1941 г. всей площади в 2.000.000 *га* ежегодные эксплоатационные расходы ирригационного предприятия, составляющие 30 млн. руб., будут покрываться такой же суммой дохода, если плата за воду будет назначена в 15 руб. за *га*. При этом, однако, не будет покрываться первоначальная убыточность предприятия, которая к 1941 году выразится цифрой около 66 млн. рублей. Для того чтобы покрыть эту убыточность, возможно после 1941 года, когда орошаемые хозяйства значительно окрепнут, плату за воду увеличить с таким расчетом, чтобы первоначальная убыточность предприятия была ликвидирована. Следует отметить, что, как это будет показано далее, экономическое состояние орошаемого хозяйства предвидится настолько благоприятным, что увеличение платы за воду свыше 15 руб. с *га* вполне возможно и значительно раньше 1941 года.

Из приведенного технического описания схемы видно, какую огромную роль здесь играют энергетические возможности. Намеченная реконструкция района потребует влития в него свыше 220.000 лош. сил энергии на насосах. Это огромное количество энергии требуется в условиях исключительно благоприятной нагрузки — равномерной в течение целого года. В изложенной схеме пока освещен лишь один вариант — тепловая энергия донецкого угля в генераторах насоса „Hemphrey“,— дающий себестоимость энергии около 1,6 дов. коп. за киловатт-час. Возможны и подлежат проработке и другие варианты. Прежде всего, подлежит выяснению вопрос об электростанции на угле или имеющихся здесь в районе р. Камелика горючих сланцах. Меньше предвидится перспектив по использованию гидроэнергии. Если Самарскую луку на Волге окажется затруднительным использовать, как основной источник энергии, то вопрос об использовании гидроэнергии на ирригационных системах при часто встречающихся в их районе крутых уклонах местности даст возможность использовать гидроэнергию оросительных вод в целях того же „дождевания“. Весьма интересны перспективы использования имеющихся в районе Б. Кушума выходов горючих газов, к сожалению, пока мало исследованных. Наконец, возможность использования энергии ветров, весьма здесь интенсивных, также подлежит изучению.

IV

В соответствии с естественно-историческими и будущими экономическими условиями района предположено, что в период генплана будет происходить эволюция крестьянского хозяйства в сторону травопольно-животноводческого направления, при чем в период первого пятилетия эксплоатации орошенных земель оно в соответствии с навыками населения и об'ективными условиями экономической обстановки пройдет фазу усиленного, хищнического преобладания зерновых культур.

Эта первая фаза характеруется 45% твердой пшеницы, 30% мягкой пшеницы, 10% ржи, 5% овса и ячменя, 5% проса и 5% огородных (картофеля). В следующий пятилетний период хозяйство придет к более нормальному распределению культур в виде 25% твердой пшеницы, 20% мягкой, 10% ржи, 5% овса и ячменя, 4% проса, 6% огородных (картофеля) и 30% трав.

Урожайность пшеницы для начала орошения принята в 90 пуд. на гектар. В дальнейшем, вследствие улучшения агротехники крестьянского хозяйства и техники полива, средняя урожайность будет увеличиваться и к концу генплана в отдельных хозяйствах с десятилетним опытом полива достигнет цифры 135 пуд., наблюдаемых в настоящее время в передовых орошаемых крестьянских хозяйствах. Таким образом, исходя из положения, что к концу генплана половина орошаемого хозяйства пройдет десятилетний стаж, можно принять, что средняя урожайность пшеницы в районе будет равна $\frac{135+90}{2}=113$—115 пуд. на гектар. Эти цифры урожайности пшеницы нельзя считать обоснованными вполне твердо, так как данных для большого количества крестьянских хозяйств мы не имеем, а данные опытных станций и орошаемых участков вследствие не вполне удовлетворительного их расположения (грунтовые воды на глубине 1 метра, засоленность и засоренность) мало показательны.

Обследование Фролова по Б. Узеню и Еруслану дают урожайность от 110 до 200 пудов на десятину. Кригер для правильного орошения дает цифры от 36 до 154 пуд., Костяков дает цифры от 90 до 120 пуд., Пэкме—от 70 до 120 пуд., Бушинский—110 пуд., Саратовская станция для белотурки — 170 пуд., Уральская станция от 123 до 232 пуд. в зависимости от размера высева. Это последнее обстоятельство, повидимому, весьма существенно для величины урожая на поливных землях, так как загущенные посевы содействуют борьбе с сорняками на поливных полях. Сопоставляя все приведенные цифры, а также учитывая, что средняя урожайность пшеницы на фермерских полях Сев. Америки составляет 100 пуд. на гектар, можно, не рискуя большой ошибкой, принять, что на залежных, незасоленных почвах заволжских водораздельных плато урожайность пшеницы в среднем выразится в вышеприведенных цифрах—90 пуд. в начале и 115 пуд. к концу генплана. Для овса, ячменя и проса урожайность принята 125 пуд. на гектар, для картофеля 900 пуд. на гектар, для травы 330 пуд., а в среднем, при отводе одного поля под выпас, 210 пудов на гектар.

Принимая цену пуда твердой пшеницы в 0,9 дов. рублей, мягкой 0,8 руб., ржи, овса, ячменя и проса 0,55 руб., картофеля 0,25 руб., сена 0,3 руб., молока 0,5 руб., масла 3 руб. и мяса 5 руб. и считая, что в первое пятилетие хозяйство будет иметь в качестве продуктивного скота 1 корову и 3 свиньи, а во втором пятилетии в связи с введением в севооборот трав продуктивный скот увеличится до 5 коров и 7 свиней, получаем стоимость валовой продукции полеводства пятнадцатигектарного хозяйства в пятый год орошения 1.360 руб. и от животноводства (за вычетом кормов) 75 руб., а в десятый от полеводства (при урожайности пшеницы 135 пуд.) 1.450 руб. и от животноводства (за вычетом кормов) 200 руб., а в среднем на гектар хозяйства $\frac{1435}{15}=95$ руб. в пятый год и $\frac{1650}{15}=110$ руб. в десятый год.

Товарная продукция хозяйства исчислена, исходя из положения, что семья в первое пятилетие потребляет в год на питание 60 пуд. пшеницы, 40 пуд. прочего зерна, 100 пуд. корне-клубнеплодов и на обсеменение 8 пуд. на гектар. Кроме того, надо предвидеть натуральное потребление

хозяйственного скота — 2,5 лошадей, 0,5 коров и 1,7 прочих. Во второе пятилетие натуральное потребление увеличивается, так как хозяйственный скот увеличится до 3 лошадей, 0,5 коров и 2,2 прочих. Потребление хозяйства на нужды семьи и хозяйственного скота в денежном выражении в первые годы орошения характеризуется цифрой 264 руб., а в десятый год 320 рублей на хозяйство.

При этих условиях товарная продукция полеводства с гектара пятнадцатигектарного хозяйства выразится в среднем в 56 пуд. пшеницы. Товарная продукция продуктивного животноводства, не считая кож, шерсти и т. п., в начале орошения определяется в 125 пуд. молока или 5 пудов масла на хозяйство и 30 пудов мяса, а в десятый год в 36 пудов масла и 70 пуд. мяса.

Исходя из указанных размеров продукции и намеченных темпов ирригационного строительства и освоения орошенных земель и принимая, что к 1941 году половина хозяйств перейдет на травопольно-животноводческий тип, получим следующую характеристику увеличения продукции района на предстоящее пятнадцатилетие.

	1926/27	1930/31	1935/36	1940/41
1. Освоенная площадь в гектарах				
а) неорошенная	600.000	950.000	180.000	—
б) орошенная	—	100.000	1.065.000	2.000.000
2. Стоимость валовой продукции в млн. руб.				
а) с неорошенных земель	13,85	21,9	4,1	—
б) с орошенных земель .	—	9,5	101,0	206,0
Всего . .	13,85	31,4	105,1	206,0
3. Товарная продукция в млн. пуд.				
а) пшеницы	3,88	15,0	64,6	112,00
б) масла	—	0,03	0,35	2,75
в) мяса	—	0,20	2,12	7,00

Приведенные цифры свидетельствуют о чрезвычайном росте в результате орошения как валовой, так и товарной продукции района. Заволжье станет первостепенным в СССР хлебопроизводящим районом, обеспечивающим значительный ($^1/_7$ довоенного экспорта пшеницы) и постоянный экспортный фонд.

Это увеличение продукции района будет сопровождаться значительным снижением себестоимости ее для производителя. Если принять, что себестоимость пуда сельскохозяйственной продукции слагается из нормальных расходов на а) уплату $^0/_0{}^0/_0$ на капитал, вложенный в постройки и инвентарь, и на отчисления на их амортизацию, б) страхование и налог, в) обсеменение, г) оплату воды, д) натуральное потребление семьи и хозяйственного скота и е) оплату труда членов семьи по рыночным ценам, то в орошаемом хозяйстве с пятнадцатигектарным наделом размер этих расходов на 1 гектар для пятого года орошения выразится в 91 руб.

13 коп. и для десятого года — 97 руб. 93 коп. Продукция 1 гектара в пудах условной пшеницы в пятый год выразится цифрой 110 пудов и в десятый — 130 пуда. Следовательно, себестоимость в первом случае $\frac{91{,}13}{112} = 0{,}81$ руб. и во втором — $\frac{97{,}93}{130} = 0{,}75$ руб. Применив тот же метод расчета к современному неорошаемому хозяйству с посевом 6,4 *га* и неорошаемому хозяйству с посевом 15 *га*, получим сумму расходов на гектар соответственно 78,7 руб. и 51,1 руб., размер продукции 27 пуд. и 33 пуд. и себестоимость пуда 2,9 руб. и 1,55 руб. Приведенные расчеты себестоимости свидетельствуют о крайней убыточности сельского хозяйства района в современных его условиях. Себестоимость продукции неорошаемого хозяйства, не говоря уже об уродливом типе 1926 года, и для нормального пятнадцатигектарного посева дает цифру себестоимости пуда условной пшеницы — 1,55 руб., значительно более высокую, чем рыночная цена—0,85 руб. Крестьянин, хозяйствуя на неорошенной земле, может продавать (в средний год) свою продукцию по рыночной цене лишь за счет резкого сокращения своих денежных и натуральных расходов и, тем более, %% на капитал и амортизацию. При этих условиях, как мы это видим и в действительности, накопление в крестьянском хозяйстве невозможно, и если в годы хороших урожаев оно и имеет место, то в годы засухи оно сводится на-нет и расходуется основной капитал хозяйства.

После орошения положение дела резко меняется. В следующей табличке показано изменение средней себестоимости пуда условной пшеницы для всего района в целом, по мере осуществления орошения:

	1926/27	1930/31	1935/36	1940/41
Себестоимость пуда условной пшеницы в руб.	2,9	2,19	1,02	0,80

К концу генплана в результате перехода района на орошаемое хозяйство себестоимость продукции оказывается уже ниже рыночной цены и крестьянству обеспечивается нормальное удовлетворение всех потребностей как хозяйства, так и семьи.

Как уже упоминалось ранее, борьба с засухой является комплексом мероприятий. Кроме основного мероприятия — ирригации, — подлежащего осуществлению за счет государственных средств, необходимо предвидеть ряд сопутствующих мероприятий, осуществляемых либо как государственные предприятия, либо при помощи государственного кредита, либо за счет средств населения.

Еще до орошения, в первое пятилетие генплана, хозяйство должно восстановить свой основной капитал, уменьшившийся к 1926 году до 750 руб. против 900 руб. дореволюционного. Таким образом, хозяйству необходимы средства в сумме до 150 руб., главным образом, для приобретения хозяйственного скота. В связи с орошением необходимы расходы по расселению и землеустройству в сумме 315 руб. на хозяйство. Далее, в первые годы орошения потребуется усиление основного капитала примерно на 350 руб., главным образом, на приобретение инвентаря и тяговой силы. Наконец, на реорганизацию хозяйства в травопольно-животноводческом направлении потребуется еще до 700 руб. на хозяйство.

Таким образом, кроме расходов на ирригацию в сумме 1.500 руб. на хозяйство, осуществляемых за счет государственных средств, потребуется еще такая же, примерно, сумма из ресурсов самого крестьянства. Спрашивается, в состоянии ли будет произвести эти расходы орошаемое хозяйство? Каковы будут в нем денежные накопления, которые оно сможет вложить в эти необходимые для его развития мероприятия?

Если принять, что в первый год орошения хозяйство освоит 50% всего пятнадцатигектарного надела, что к пятому году будет освоен весь надел и что к десятому году хозяйство реорганизуется в выше охарактеризованный травопольно-животноводческий тип, что хозяйство будет нести расходы: а) по уплате налогов и страховки от 2,13 до 4 руб. на гектар, б) по обсеменению от 7,3 до 6,2 руб. на гектар, в) по оплате воды—15 руб. за гектар посева, г) по натуральному потреблению семьи и хозяйственного скота от 264 руб. до 320 руб. на хозяйство, е) на денежные расходы семьи в сумме 240 руб. на семью и ж) по процентам на капитал, вложенный в постройки и инвентарь и на амортизацию их,—то возможности денежного накопления в отдельном пятнадцатигектарном хозяйстве вытекают из следующих цифр:

	Первый год орошения (50% надела освоено)	Пятый год орошения (100% надела освоено)	Десятый год орош. (травопольно-животнов. тип)
Стоимость валовой продукции в р. . .	720	1.435	1.650
Сумма расходов хозяйства	797	982	1.125
Денежное накопление	— 77	+ 453	+ 525

Из таблицы видно, что в первый год орошения накопления не будет, к пятому году ежегодное накопление составит 450 руб., а к десятому—525 руб. Сумма накопления за 10 лет выразится цифрой

$$\frac{0+450}{2} \times 5 + \frac{450+525}{2} \times 5 = 3.560 \text{ руб.}$$

Таким образом, исчисленные выше в сумме 1.500 рублей расходы хозяйства на развитие и реорганизацию в течение десяти лет орошения покроются с избытком, и лишь с первые годы орошения потребуется некоторая кредитная помощь со стороны государства.

Исходя из вышеприведенных цифр, характеризующих развитие орошаемого хозяйства, можно набросать общую картину развития за период генплана сельского хозяйства всего района в целом. За этот период государство вложит в ирригационное предприятие 200 млн. дов. рублей. В результате будет орошено и освоено 2.000.000 *га* земли, при чем к 1941 году приблизительно половина всех орошаемых хозяйств на этой площади реорганизуется в травопольно-животноводческий тип, а другая

половина, позже получившая орошение, сохранит еще чисто зерновой характер. В дополнение к государственным вложениям в ирригационное предприятие, орошаемое крестьянское хозяйство вложит из своих ресурсов на усиление своего основного капитала и реорганизацию 153,5 млн. дов. руб., повысив свой основной капитал с 74 млн. дов. руб. до 227,5 млн. руб. Весь действующий капитал, добавляя к основному капиталу и оборотные средства (в крестьянском хозяйстве — стоимость семян, стоимость натурального потребления и часть денежных расходов), с 101,3 млн. дов. руб. в 1926/27 увеличится до 522,7 млн. руб. в 1941 году.

Результатом влития в район этих значительных денежных сумм явится:

а) увеличение трудовой емкости района с 94.000 хозяйств до 134.000 хозяйств при пятнадцатигектарном земельном наделе;

б) увеличение стоимости валовой продукции района с 14 млн. до 206 млн. руб. в 1941 г.;

в) увеличение стоимости товарной продукции с 3,3 млн. руб. до 166 млн. руб. Основные статьи товарной продукции района в 1941 году выразятся в 112 млн. пуд. пшеницы, 2,75 млн. пуд. масла и 7,00 млн. пуд. мяса;

г) снижение себестоимости пуда продукции (пшеницы) с 2,9 руб. до 0,8 руб.;

д) увеличение удельной продукции (на рубль действующего капитала) с 14 коп. до 38 коп.;

е) создание свободного денежного фонда в крестьянском хозяйстве (чистого денежного накопления) в сумме до 200 млн. руб. в 1941 г.

Таким образом, осуществление изложенной системы мероприятий по реконструкции сельского хозяйства Заволжья в корне разрешает вопрос о борьбе здесь с засухой, восстановляет и широко развивает удельный вес Нижнего Поволжья, как важнейшего хлебопроизводящего экспортного района, и подводит твердую базу под наш урожай и бюджет. Поэтому ирригация Заволжья является одним из основных рычагов реконструкции хозяйства всей страны и должна быть поставлена в ряду первоочередных строительных проблем СССР.

Заканчивая краткое изложение этой огромной и сложной проблемы, я хотел бы отметить, что проделанная мною с весьма скромными средствами и в краткий срок проработка, конечно, ни в какой мере не претендует на законченность, даже в стадии схематического проекта. Ряд чрезвычайно важных вопросов требует еще усиленной проработки в порядке уточнения схемы; сюда относятся вопросы энергетических возможностей для механического под'ема воды, вопрос техники выпуска воды на поля (дождевание), вопросы реализации новой колоссальной продукции района, вопрос о размерах надела и т. д. Своей работой я имел в виду лишь одно: поставить вопрос о борьбе с засухой на проработку в описанной новой трактовке. Таким образом, дальнейший план действий должен был бы заключаться: а) В использовании остающейся части 1926/27 г. для уточнения предлагаемой схемы, об'единив работу местных и центральных заинтересованных организаций и научно-технических сил по этому вопросу; это задача Госплана СССР, поскольку проблема исключительно

большого для Союза в целом значения, требующего разрешения крупнейших вопросов и сельского, и водного, и энергетического, и транспортного хозяйств; б) в проведении, начиная с 1927/28 гг., на базе уточненной схемы широких исследований для составления строительного проекта, создав для этого специальную авторитетную организацию; б) в приступе частично с 1928/29 г. и развернутым фронтом с 1929/30 г. к строительству, если проект подтвердит намеченные схемой перспективы.

Я хотел бы кончить тем, с чего начал: новые удары грозного бедствия засухи уже близки. Если не в 1928 году, то в 1929 году, если не в 1929 году, то, уж наверняка, не позже 1930 года оно поразит наше Заволжье. Не будем медлить с действительной борьбой с засухой.

А. Рудзит

Транспорт и жилищное строительство в густонаселенных пунктах[1]

Жилищный кризис, столь широко охвативший страну, поставил нас перед фактом, требующим, с одной стороны, самых решительных мер в области жилищного строительства, а с другой — более глубокого изучения самого вопроса.

Мероприятия государства, общественных организаций и населения, направленные на борьбу с жилищным кризисом, пока еще не могли вывести страну из создавшегося положения.

Факты последних лет показали, что рост населения и изнашиваемость основного капитала жилищных построек оказались более интенсивными, чем темп восстановления и нового строительства.

Период, охватывающий 1923/24—1925/26 гг., дает пока только замедление темпа снижения средней площади на одного живущего. Именно, в 1923/24 г. жилая площадь рабочих и служащих по Союзу на одного человека составляла 12,0 кв. арш., в 1924/25 г.—11,5 и в 1925/26 г.—10,8 кв. арш. В промрайонах, дающих значительный рост рабочей силы, средняя площадь еще ниже („Торг.-Пром. газ.", 30/I 1927, № 24). По данным Госплана РСФСР, жилищная норма, взятая в пределах РСФСР, понизилась на 8,4% в 1926 г. по сравнению со средней нормой 1923 г., в то время как население городов увеличилось на 10,9%. Таким образом, наибольшая острота жилищного кризиса падает на долю крупных городских центров.

Жилищное строительство, учитывая необходимость обеспечения жильем естественного прироста населения, компенсации ежегодного износа строения и увеличения существующей жилищной голодной нормы на человека,— требует возведения до 7 млн. куб. саж. в год и ежегодного расхода около 1 миллиарда рублей (проф. Бернацкий). Фактически же принимается постепенное нарастание ежегодных расходов на жилстроительство от 280 млн. руб. в 1925/26 г. до 850 млн. руб. в 1929/30 г. (Пятилетняя гипотеза лесной и древообрабатывающей промышленности ВСНХ, 1926 г.).

Диспропорция между темпом строительства и ростом потребностей в жилище вызвала существенные изменения в жизни городского населения — массовое переселение жителей из центра города на периферию. Возможность сравнительно быстрого при относительно малых затратах развития построек на окраинах и пригородах и относительная дешевизна пользования ими составляют основную предпосылку этого движения. Явление указанного расселения следует рассматривать, как начало массового возникновения на окраинах и пригородах новых населенных пунктов, долженствующих разрешить жилищную проблему в более широком смысле.

[1] В порядке постановки вопроса. Ред.

Само собою разумеется, что разрешить проблему жилища одними лишь мерами развертывания этого строительства немыслимо. Как система размещения, так и количество и размер, а равно и тип построек не являются единственными определителями выгод и возможностей всей суммы условий. Коль скоро расширится радиус и численность населенных мест окраинной и пригородной зоны, необходимость в средствах сообщения станет все более и более ощутительной как в отношении быстроты, регулярности и срочности передвижения, так и в отношении высоты издержек на передвижение. Таким образом, на ряду с общими мероприятиями по развитию современного жилстроительства за пределами городской зоны, мероприятия транспорта в них должны занять не последнее место. Во многих городских центрах недостаточность существующего пригородного транспорта уже ясно определилась и требует должного внимания со стороны государства.

Обращаясь для характеристики к паровому транспорту, необходимо отметить, что за последние несколько лет произошли резкие изменения в пробегах пассажиров. Средняя дальность пробега одного пассажира по сети сократилась на 20—30%, а на некоторых дорогах и значительно больше по сравнению с аналогичной дальностью пробега довоенного времени. Такое сокращение происходит исключительно за счет увеличения пригородного движения, характеризующегося ростом перевозок на короткие расстояния.

Так, например, по Московскому узлу имеем следующий рост пригородного движения: 10% в среднем в год до войны, а теперь — для 1924 г.—35% и 1925 г.—20%. Выявившаяся тенденция постепенного уменьшения коэффициента ежегодного прироста пригородного движения послевоенного периода отнюдь не должна рассматриваться как факт естественного ослабления расселения населения из центра города. Само по себе изменение это находит свое об'яснение в приближении транспортных возможностей к пределу, за которым дальнейшее увеличение движения технически невозможно. В этом главная сущность растущих транспортных затруднений на участках дорог пригородного сообщения.

Современный рост пригородных перевозок имеет по сравнению с довоенным еще и другую особенность, касающуюся самого состава пассажиров. В то время как раньше напряженность движения была строго обусловлена сезонными условиями, в настоящее время имеем большую равномерность распределения количества этих перевозок в течение года. Сказанное подтверждается нижеследующими данными:

	До войны	Теперь
Дачников	60%	20%
Зимников	20%	60%
Праздничных	20%	20%

Как явствует из этих данных, подавляющее большинство пассажиров, в прежнее время падавшее на летний период, теперь перешло на весь год. Вывод, который напрашивается, сводится к тому, что при равномерности распределения количества перевозок на протяжение круглого

года транспортные затруднения, учитывая максимальную заполненность пропускной и перевозочной способности пригородных линий, становятся явлением постоянным. Отсюда и вытекает неотложность задачи усовершенствования пригородного транспорта, как меры, облегчающей условия пассажирского движения и способствующей, вместе с тем, смягчению современного жилищного кризиса.

При решении вопроса о способах удовлетворения растущих потребностей пригородных сообщений необходимо указать, что в нашу эпоху, в эпоху гигантского технического прогресса, когда пути и средства сообщения также претерпевают огромные сдвиги в области их усовершенствования, рассматривать разрешение транспортной проблемы в развитии одного какого-либо из средств передвижения не приходится. На ряду с развитием рельсовых путей сообщения (паровая и электрическая тяга), во всех передовых странах мира за последние годы происходит широкое распространение и других видов механического транспорта (автомобили и автобусы). Более позднее средство передвижения — автобус — из европейских и северо-американских стран начинает быстро проникать вглубь Азии, Африки, Австралии и Южной Америки („Мотор", № 3—4 за 1923 г.).

Зачастую в прессе, а также и в деловых кругах приходится слышать смелые утверждения о несомненном преимуществе местного механического транспорта перед рельсовыми путями сообщения. Особенно выдающаяся роль приписывается механическому транспорту в области обслуживания нужд крупных городских центров, требующих большой гибкости и маневренности в движении. Попытаемся, поэтому, на основании имеющихся в нашем распоряжении данных, рассмотреть по возможности всю систему современных средств и способов сообщения, выяснить проводимые и предположенные к проведению мероприятия, а также произвести оценку каждого в отдельности с точки зрения поставленной задачи.

Разрешение всей проблемы пригородного транспорта мыслится в следующих направлениях, а именно: паровая тяга и условия удешевления провоза, электрификация пригородных сообщений, автомотриссы, трамвайное и автобусное движение и метрополитены.

1. Паровая тяга и удешевление стоимости провоза. До сего времени рельсовый транспорт с паровой тягой в области передвижения людей и грузов является доминирующим способом. Срочность, регулярность, быстрота, перевозимость большими партиями, автономность тяговых приспособлений,— все эти преимущества, практически усвоенные, с одной стороны, а с другой стороны, инерция существующего паровозного парка ослабляют конкуренцию других видов тяги с паровой тягой, обслуживающей перевозки на дальних расстояниях. Как орудие массового передвижения, связанного с дальностью расстояния, паровой транспорт, вероятно, надолго сохранит право гражданства в общей системе путей сообщения.

Несколько иначе обстоит это дело, если подойти к оценке парового транспорта с точки зрения специального назначения — обслуживания массового движения (пассажирское) с короткими пробегами, каковыми характеризуется движение пригородное. Особенность пригородного движения заключается в том, что здесь с наибольшей силой выступает необходимость удешевления провоза, гибкости и маневренности движения, как-то: ускорение оборота подвижного состава, повышение использования его, увеличение пропускной и провозной способности или обслуживание специальными паровозами (меньшей мощности) и другие условия.

Несмотря на незначительность основных затрат, связанных с сооружением пути, подвижного состава и т. д., претендовать на первое место в области обслуживания потребностей пригородного движения паровой транспорт не может ни в отношении дешевизны, ни в отношении его соответствия вышеперечисленным условиям. Прежде чем перейти к рассмотрению неудовлетворительности паровой тяги в ее техническом существе, необходимо вкратце коснуться вопроса о том, насколько реально мыслимо удешевление перевозок. Стремление к удешевлению провоза, стимулирующее развитие пригородного движения при паровой тяге, наталкивается на высокие эксплоатационные расходы. К сожалению, вопрос об эксплоатационной себестоимости в настоящее время недостаточно проработан, чтобы иметь правильное суждение о тех или иных конечных решениях. В связи с этим на ряде дорог производятся подсчеты себестоимости пригородных пассажирских перевозок по последним отчетным данным 1925/26 г.

Однако, по имеющимся грубо ориентировочным данным Курской дороги за 1925 г., которые едва ли существенно изменят выводы предполагаемого подсчета,[1] эксплоатационная себестоимость 1 пассажиро-километра в пригородном движении составляет 1,00—1,25 коп. Действующий же железнодорожный тариф имеет следующие ставки:

Нормальный	1,95	коп. с пасс.-*км*
Пригородный		
а) по разовым билетам	1,22	„ „ „ „
б) по месячным билетам	0,56	„ „ „ „
в) по сезонным билетам	0,42	„ „ „ „
г) по годовым билетам	0,37	„ „ „ „

Льготный тариф, действующий в пригородных сообщениях для рабочих и служащих предприятий и учреждений, не состоящих на хозрасчете, и для сотрудников профессиональных и партийных организаций характеризуется еще более низкими ставками, а именно:

а) по месячным билетам	0,42	коп. с пасс.-*км*
б) по сезонным билетам	0,27	„ „ „ „
в) по годовым билетам	0,2	„ „ „ „

Пригородный тариф действует на расстояниях до 107 *км*. Как видно из приведенной справки, действующий тариф по всем категориям ставок (разовые, месячные, сезонные и годовые) ниже себестоимости этих перевозок от 2,4% до 79,2%. Еще более значительна эта разница при отнесении ставок льготного тарифа к себестоимости перевозок, где процент этот достигает понижения свыше 83. Не менее интересным является сопоставление нашего пригородного тарифа с аналогичным тарифом на заграничных железных дорогах. Во Франции нормальный пассажирский тариф в 1923 г. по официальному курсу на июль 1923 г. составлял 1,44 коп. с пассажиро-километра, а пригородный по недельным абонементным

[1] От некоторых дорог уже поступили подсчеты себестоимости перевозок в пригородном сообщении, подтверждающие убыточность этих перевозок.

билетам — 0,15 коп. Этот тариф действует в течение лишь ограниченного времени, когда рабочие и служащие едут на работу и обратно. Необходимо учесть то обстоятельство, что себестоимость перевозки на французских дорогах гораздо ниже нашей вообще, и разница в тарифных ставках, на первый взгляд в пользу последних, фактически не является значительной.

Приведенные краткие примеры достаточно ярко свидетельствуют о том, насколько дальнейшее понижение тарифа нерационально вследствие явной убыточности для парового транспорта. При малых размерах пригородного движения (средние центры, как Саратов, Сталинград, Калуга и др.) тарифные меры окажутся особо убыточными, поэтому выход следует искать в других мероприятиях. Рассмотрим поэтому, какую роль в области развития пригородных сообщений может сыграть электрификация железных дорог.

2. Электрификация пригородных сообщений. Как выше указывалось, паровая тяга в пригородном движении страдает существенными недостатками. Прежде всего обращает на себя внимание несоответствие паровозов этому роду движения. Пригородное движение обслуживается паровозами, запроектированными для дальних перевозок, почему мощность их не использовывается полностью. В этом — один из главных моментов удорожания эксплоатации. Кроме того, на удорожание эксплоатации влияет еще необорудованность пунктов оборота поездов: за отсутствием в этих пунктах паровозных сараев, паровозы простаивают ночью по 8 — 10 часов в горячем состоянии на открытом воздухе,[1] что особенно вредно для них зимой.

Не лучше обстоит с паровым транспортом пригородных сообщений и в смысле утилизации подвижного состава. Несмотря на переполненность до 300% в часы наибольшего движения, суточная использованность подвижного состава достигает только 25 — 30%. Паровая тяга вследствие своей громоздкости, требует значительного числа путей, растяжения территории головных станций, что сопряжено с громадными основными затратами, не оправдывающими себя с точки зрения других вариантов технической реорганизации (электрификация). Для устранения этих недостатков и доведения пригородных сообщений с паровой тягой до степени возможного удовлетворения растущих потребностей в этом движении, потребовалось бы затратить свыше 18 млн. руб. для одних лишь Северных дорог (расчеты Отд. Связи и Электротехн. НКПС). Расходы эти распределяются, примерно, на следующие статьи: путевые и станционные устройства (6,3 млн. руб.), подвижной состав (8,4 млн. руб.), водоснабжение, депо и тяговые устройства (2,6 млн. руб.) и на сигнализацию, блокировку и т. д. (1,3 млн. руб.).

С переходом на электрическую тягу мы получаем, разрешение целого ряда вопрсов, например, немыслимое даже в условиях усовершенствования парового транспорта значительное повышение коммерческой скорости, ускорение оборота подвижного состава, рост использования подвижного состава до 75 — 85% вместо указанных выше 25 — 30% при паровой тяге, сбережение при электрической тяге на топливе около 35% от его стоимости и т. п. Совокупность

[1] Доклад Отдел Связи и Электротехники НКПС в СТО.

этих условий, столь резко отличающих электрическую тягу от паровой, вместе с тем сокращает и расходы, связанные с эксплоатацией паровой тяги. Переход на электрическую тягу дает возможность приближения себестоимости пассажирских перевозок к размерам ставок действующего железнодорожного тарифа. Так, по имеющимся данным (расчеты для Северных и Казанской дорог на 1930 г.), себестоимость 1 пасс.-*км* в пригородном движении с электрической тягой равняется 0,615 коп., тогда как с паровой тягой, как выше указывалось, она, примерно, составляет 1,00 — 1,25 коп., т.-е. менее последней почти вдвое. Возможность увеличения грузовой способности и весьма густого движения при малых составах при электрической тяге создает весьма большие удобства для пассажиров.

Теперь остается несколько остановить внимание на реальных предположениях и мероприятиях в области электрификации пригородных сообщений. Подходя к этому, необходимо указать, что в плане ГОЭЛРО (31/XII 1921 г.) имелось в виду электрифицировать, главным образом, железнодорожные пути магистрального типа (протяжением 2.832 *км*). Впоследствии при более точном учете наших ресурсов, однако, пришлось главное внимание направить на электрификацию пригородного движения и участков дорог, обслуживающих горные места. 7/V 1926 г. СТО был утвержден разработанный НКПС „Пятилетний план электрификации железных дорог".

Этот план ставит задачей осуществление электрификации крупнейших ж.-д. узлов СССР — Московского, Ленинградского, Харьковского и Киевского. Так как центральное в нем место занимает Московский ж.-д. узел, то рассмотрим более подробно размеры и характер предполагаемой его электрификации. Дороги эти подразделены на группы по интенсивности движения на них, что, вместе с тем, дает возможность выявить очередность мероприятий в смысле их технической реконструкции. Ниже следующие данные показывают количество пассажиров в сутки в одну сторону, какое предполагается к 1930 г. по отдельным группам дорог, а именно:

Группа I:	1) Северные ж. д.	52.500 чел.
	2) Моск.-Казанская ж. д.	46.750 „
Группа II:	1) М.-Бел. Балтийская ж. д.	42.000 „
	2) Моск.-Курская ж. д.	25.000 „
	3) Нижегородская ж. д.	32.500 „
	4) Октябрьская ж. д.	11.500 „

Столь высокая перевозимость по дорогам I и II групп указывает на необходимость немедленного проведения их электрификации. Пока СТО признаны подлежащими немедленной электрификации дороги первой группы, и несколько позже дороги второй группы.

На работы по участкам Мытищи — Пушкино и Мытищи — Щелково Северных ж. д. пятилетним планом электрификации испрашивалось на 1926/27 г. 5,2 млн. руб., фактически ассигновано только 3,5 млн. рублей.

Московско-Белорусско-Балтийская дорога—намечено электрифицировать участок Москва — Голицыно (44 *км*). На 1926/27 г. по плану испрашивался 1 млн. руб., отпущено же на проектирование—пока 35.000 руб.

М.-Курская и Нижегородская ж. д. — намечено электрифицировать уч. Москва — Царицыно — Подольск (42 *км*) и Москва — Обираловка

(23 *км*). В 1926/27 г. по плану предусмотрено 80.000 руб., но кредит сокращен до 40.000 руб. Вполне естественно, что при таких финансовых затруднениях ожидать успешного осуществления плана электрификации пригородных сообщений не приходится. Учитывая наблюдающийся быстрый рост движения населения из центра города, нужно признать, что мы, несомненно, стоим перед фактом дальнейшего обострения жилищного кризиса хотя бы по одной лишь причине — слабого развития средств передвижения. Поэтому важнейшей задачей дня является — увеличение, во что бы то ни стало, капитальных вложений в дело усовершенствования пригородного транспорта, главным образом, переходом на электрическую тягу.

Прежде чем делать окончательный вывод о значении электрификации пригородных сообщений, рассмотрим, вкратце, другие виды транспорта. Рассмотрение это является тем более важным, что в области обслуживания крупных городских центров начинают появляться такие средства передвижения, как автомотриссы, автобусы, автомобили, которые зачастую заявляют себя серьезными конкурентами с железными дорогами паровой и электрической тяги.

3. Автомотриссы. Под автомотриссой разумеют машину, приводимую в движение мотором внутреннего сгорания и предназначаемую для перевозки пассажиров с багажом как в самом корпусе машины, так и в пассажирских (1 — 2) прицепных к этой машине вагонах (Н. К. Мекк).

Применение автомотрисс, как средства обслуживания пассажирского движения на коротких и средних расстояниях, отличается многими преимуществами от паровой, а в некоторых случаях и электротяги. По указанию Брильe (статья Н. К. Мекка, „Железнодорожное Дело“, № 7, 1926 г.) преимущества локомотивов с мотором внутреннего сгорания по сравнению с паровым заключается в: а) минимальной затрате времени для пуска в ход локомотивов, б) легкости и дешевизне обслуживания в) отсутствии расхода топлива при стоянках, г) способности такой машины проходить сравнительно гораздо большие пробеги без снабжения водой и топливом, д) отпадении надобности в устройстве водоснабжения, е) экономии во времени по снабжению водой, чистке труб и топке котла, ж) уменьшении стоимости содержания, вследствие отсутствия котла, з) уменьшении вредного влияния на путь и в отсутствии дыма и искр, наконец, и) лучшего сцепления.

Помимо перечисленных преимуществ, автомотриссная тяга отличается экономичностью эксплоатации по сравнению с паровой. Эксплоатационная стоимость автомотриссной тяги в процентах к паровой колеблется от 28% до 58% (см. статью Мекка, „Ж. Д.“ за 1926 г., № 7). Особенно выгодным является применение этого средства на участках пригородного сообщения и в трудовых поездах, характеризующихся сравнительно небольшим движением, так как к тому же и сама емкость автомотриссы ограничивается незначительным количеством пассажиров — от 110 до 285 человек.

Вопрос о выгодности широкого распространения автомотриссной тяги на железных дорогах еще далеко не проработан, чтобы можно было твердо выявить взгляд на него. Несомненно, что игнорировать это средство в общей системе транспортных мероприятий нельзя. Применение автомотриссной тяги должно служить вспомогательным средством по

отношению к остальным видам рельсового транспорта. С точки зрения интересов обслуживания пригородного движения автомотриссная тяга тем более должна найти свое применение, учитывая специфические особенности этого движения (усиление движения в определенные часы, важность быстроты оборота подвижного состава и т. п.).

В настоящее время НКПС составляются соответствующие расчеты о пределах применения автомотрисс на железных дорогах. При этом уже теперь признается целесообразным применение их на большинстве дорог (около 15). Всего для 1926/27 г. потребность в автомотриссах исчислена в 39 штук. Наибольшее количество их предусмотрено для Донецких (5), Юго-Западных (4), Южных (4), Северо-кавказских (3), Казанской (3) и др. дорог. Таким образом, вопрос о развитии автомотриссной тяги на железных дорогах начинает ставиться вполне практически. Одно лишь затруднение, которое нужно устранить,— препятствие в обеспечении НКПС соответствующими ассигнованиями и выдачей лицензий на первое время на заказ автомотрисс за границей.[1]

4. Трамвайное и автобусное движение. Еще один вид рельсового транспорта — трамвай — при оценке может быть поставлен на ряду с автобусом. Как тот, так и другой вид транспорта выполняют одинаковую функцию в пассажирском движении, главным образом, городского и пригородного сообщения. Нельзя, однако, отрицать того факта, что между ними существует громадная разница в другом отношении.

Прежде всего первоначальные расходы на организацию трамвайного движения значительно выше, чем на автобусное движение, а стоимость эксплоатации — наоборот — выше при автобусном движении. Вполне естественно, поэтому, что тариф на автодвижение выше трамвайного. В Москве этот тариф превышает трамвайный в 2 раза. Причиной тому служит то обстоятельство, что стоимость ремонта автомашины быстро возрастает, автомашины в сравнительно короткий срок изнашиваются настолько, что дальнейший ремонт их становится невыгодным. Поэтому, при автобусном движении приходится делать очень большие начисления на амортизацию основного капитала. Таково в настоящее время положение с автобусной эксплоатацией в русских условиях.

Если обратиться к иностранной практике, то вопрос о целесообразности широкого распространения автобуса имеет следующее освещение. До 1926 г. в странах Европы и Америки наблюдается необычайной численности рост автомашин и их применения. На 1 января 1925 г. на всем земном шаре числилось легковых машин 18.615.045 штук, а грузовых — 2.891.937. На 1 января 1926 г. количество это увеличилось до 24.600.000 единиц. Наибольший удельный вес автомашин приходится на долю Соед. Штатов Америки, составляющий свыше 80% общего количества машин („Мотор“, № 9 — 10, 1926 г., ст. Л.). В отношении применения автомашин, в частности автобусов, также наблюдается огромный прогресс. В период с 1920 — 23 гг. количество пройденных километров автобусами в Париже возросло на 128%, в то время как трамвайное движение увеличилось всего на 23%. Не менее характерным является пример Лондона, где роль автобуса все более и более увеличивается. Количество авто-

[1] Это положение автора редакция не разделяет, ибо практикой доказана возможность постройки автомотрисс и в СССР.

бусных поездок на одного жителя в 1923 г. увеличилось на 30% по сравнению с 1920 г. (от 125 до 163), между тем как для трамвая количество это осталось стационарным или даже уменьшилось (4,9%). В Берлине в 1918 г. на автобусы приходилось всего 0,5% всех перевезенных за год пассажиров; в 1923 г. процент этот увеличился до 1,6%, а в ноябре 1924 г. — 3,9%. Столь быстрый рост применения автобуса в других странах приписывается усовершенствованию конструкции его, позволяющему снизить эксплоатационную себестоимость перевозок.

По имеющимся данным заграничной прессы стоимость эксплоатации автобусов постепенно приближается к стоимости эксплоатации трамвая. Сказанное относится, главным образом, к Парижу и Лондону. К сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь цифровая справка об эксплоатационной себестоимости автобусного движения в Соед. Штатах Америки („Мотор", № 11—12, 1926 г.). Согласно этой справке, себестоимость на 1 *км* пробега автобуса равняется 25,84 коп. Сюда входят: оперативные расходы, специально-транспортные расходы, содержание и ремонт транспортного имущества, расходы на горючие материалы и остальные (содержание контор, страховка, реклама и др.). Таким образом при учете средней вместимости автобуса в 24,1 чел., имеем себестоимость одного пассажиро-километра немногим выше 1 коп. С точки зрения пригородных сообщений, обслуживаемых паровой тягой, эксплоатация автобуса может оказаться более выгодной, чем последняя, но менее выгодной, чем электротяга (себестоимость равняется 0,5 коп.). При этом необходимо, однако заметить, что приведенная копейка с пассажиро-километра есть результат слагаемых, определяемых условиями американской жизни и совершенно чуждой нашим условиям кон'юнктурой.

Как указывает ЦУМТ, эксплоатация того же автобуса (по конструкции и емкости) в наших условиях окажется менее рентабельной, что об'ясняется многими причинами. К числу этих последних, прежде всего, следует отнести ненормальность расходов на персонал и плохое состояние дорог, ускоряющее изнашиваемость машины. Кроме того, высокая себестоимость эксплоатации автобуса обусловливается недостатками самой организации автобусного хозяйства, заключающимися в весьма плохом уходе и содержании автомобилей, а именно: повышенные затраты вызываемые размещением автобусов на дворе из-за отсутствия помещений, прогрев мотора и т. д., — все это ограничивает пока распространение автобуса, как средства обслуживания массовых перевозок пассажиров.

Что же касается дальнейших перспектив развития автобусного транспорта, то и здесь вопрос пока остается туманным, поскольку рентабельность его эксплоатации зависит от устранения условий, ее удорожающих. Правильная постановка автобусного хозяйства связана, во-первых, с необходимостью создать хорошие шоссейные дороги, находящиеся в настоящее время в весьма плохом состоянии, а затем выстроить в достаточном количестве здания для содержания автобусов, улучшить уход за ними и мн. др., что потребует значительных средств от государства при отсутствии твердой уверенности в целесообразности самой меры. Сомнения о выгодности развития автобусного движения усугубляются еще и тем, что продолжительность годности в работе автобуса весьма незначительна по сравнению с рельсовыми средствами передвижения. Нужно заметить, что интенсивный рост автобусного движения

в других странах, особенно в Америке, который наблюдался до 1926 г., начинает резко ослабевать в своем темпе.[1] Иностранная пресса зачастую об'ясняет явление это указанием на то, что автобус вообще не оправдывает ранее возлагавшихся на него надежд. Пользование им пока доступно лишь для более состоятельных классов общества.

В пользу автобуса можно сказать, что он является важным средством передвижения, где требуется: а) дополнение движения на линиях, не удовлетворяющих потребности в перевозках, б) усиление транспорта в часы наиболее интенсивного движения, в) замены трамваев в случаях неоправдываемости затрат на сооружение рельсового пути или ремонта существующей сети и т. д. В этом направлении вопрос о целесообразных размерах применения автобуса в области обслуживания пригородных сообщений и следовало бы проработать, поскольку до сего времени он не получил достаточно полного освещения.

Несколькой иной является проблема электрического трамвая.

Игнорировать этот вид транспорта едва ли целесообразно, учитывая связанные с ними выгоды в области эксплоатации и обслуживания потребностей пригородных пассажиров. С эксплоатационной точки зрения трамвай может иметь распространение в пригородном движении, во-первых благодаря сравнительно невысокой себестоимости перевозки (0,5 коп. с пасс.-*км*), равной себестоимости электротяги на железных дорогах нормальной колеи, во-вторых, возможности установления прямого сообщения пассажиров между центром и пригородом и, в-третьих, легкости передачи трамвайного вагона по существвующей сети городских дорог вне установления сообщения.

Таким образом, помимо вспомогательной роли в области снабжения основных ж.-д. линий массовыми перевозками, трамвай может занять совершенно самостоятельное место в обшей системе пригородного транспорта. Неясным лишь остается вопрос о целесообразности этого средства с точки зрения дальности пробега, длины радиуса обслуживаемого района. Есть указания, что применение электрического трамвая свыше десяти километров перестает быть выгодным; однако, более или менее точных расчетов, подкрепляющих подобные утверждения, найти не удалось Наоборот, до войны известны случаи предложения некоторыми частными предпринимателями провести трамвайные линии за пределами городского центра, значительно превышающими указанное расстояние (Москва).

Во всяком случае, при определении роли электрического трамвая центр тяжести должен лежать не в вопросе о целесообразности его применения, а в выяснении очередности дальнейшего его развития на ряду с остальными видами пригородного транспорта. Здесь речь может итти о связи этой проблемы с проблемой электрификации железных дорог, имея в виду размеры основных затрат на каждое мероприятие в отдельности.

---

[1] С.-А. С. Ш. — самая передовая страна мира в области автомобильного транспорта, — в 1926 г. сравнительно с предыдущим годом дали снижение общей продукции автомобилей. Любопытно, что сокращение это наблюдается, главным образом, в отношении производства пассажирских автомобилей. Так, в декаоре 1926 г. было выпущено всего лишь 137,4 тыс. штук, или почти втрое меньше октябрьского максимума (392,7 тыс. штук) 1925 г. (Торг.-Пром. газ. 12/III 1927 г., № 59), что явилось даже вопреки ожиданиям владельцев заводов.

Согласно общепринятым воззрениям специальных органов НКПС, вопрос об очередности указанных мероприятий, в этом смысле, может быть вырешен в пользу электрификации. Сооружение новых трамвайных линий вызывает основные затраты, которые не могут иметь места при электрификации существующих пригородных дорог. Кроме того, электрическое оборудование и подвижной состав трамвайной линии характеризуются более высокой стоимостью, нежели затраты, вызываемые на электрификацию железных дорог. Поэтому первоочередным должно быть признано осуществление намеченноге плана электрификации пригородных сообщений.

5. Метрополитен. Остается рассмотреть еще один способ обслуживания пассажирского движения крупных городских центров — метрополитен, т.-е. введение существующих железнодорожных линий в центр города. Этот способ дает возможность быстрого передвижения массовых размеров пассажиров из центра города на окраины и пригороды и обратно, значительного удешевления стоимости провоза в связи с невысокой себестоимостью перевозки (электротяга) и освобождение пассажиров от лишней траты времени, имеющей место при пересадках на другие виды транспорта. Потребность в организации метрополитена в таких городских центрах, как Москва, уже назрел.

Одной из стран, где впервые был создан метрополитен, является Франция (первая под'емная дорога была заложена в Париже в 1898 г.). Начиная с 1900 г., за какие-нибудь 20—25 лет, метрополитен раскинулся густой сетью во всех крупнейших столицах Западной Европы и Америки (Лондон, Париж, Берлин, Нью-Йорк и др.) и обслуживает десятки миллионов людей.

Для иллюстрации коснемся, вкратце, парижского метрополитена, как наиболее характерного по технике и организации („Техника и Жизнь", № 24, 1926 г., статья Кирснер). Метрополитен имеет 10 различных линий общим протяжением свыше 125 километров. Линии проходят большей частью под землей в тоннелях, вырытых на различной глубине; движение совершается посредством электротяги, потребляющей мощность около 41.000 киловатт переменного тока. Поступающая в поезд энергия служит помимо приведения в движение моторов еще и для освещения вагонов.

Скорость движения поездов 25 до 60 *км* в час. Густота движения определяется отправлением поездов через каждые 60—90 секунд, что достигнуто благодаря автоматической сигнализации и прочими усовершенствованиями технического порядка.

Не менее показательным является количество находящихся в обращении вагонов на линиях метрополитена, которое достигает ежедневно 1600; каждый состав (5 вагонов) делает в день от 250 до 300 пробегов. Количество километров, пройденных поездами метрополитена за 1925 г., около 2 миллиардов, подтверждает важность этого вида сообщения.

Осуществление ввода железнодорожных путей внутрь города должно быть признано одним из важнейших условий облегчения положения пригородного движения в связи с современным жилищным кризисом также и в СССР. Вопрос о сооружении метрополитена должен быть в первую очередь поставлен для таких городских центров, как Москва, отличающихся крупностью своих размеров и наиболее подверженных жилищным затруднениям.

В настоящее время существует проект, касающийся реорганизации Московского железнодорожного узла в смысле доведения некоторых ж.-д. линий до центра города. Проект имеет в виду установление непосредственного сообщения центра с лучшими дачными местами, расположенными на некоторых дорогах вблизи города. Так, например, преполагается соединение Виндавского вокзала с Трубной площадью, проходя вдоль речки Напрудной, угол Самарского переулка, Екатерининский парк, вдоль парка и Цветного бульвара, железобетонной эстакадой (первая очередь).

В дальнейшем означенная линия проектируется тоннелем под Рождественкой и Китай-Городом, выходя к площади Ногина, через сад Дворца Труда, Москва-реку и вдоль Канавы к Павелецкому вокзалу (вторая очередь).

Стоимость первого варианта (Виндавский вокзал—Трубная площадь, протяжением около 3 верст, включая оборудование, остановки и конечный вокзал, определяется, примерно, 3.000.000 руб. Устройство этой линии позволит ввести внутрь города до 50 пар поездов или до 20.000 пассажиров в день (В. Образцов). Экономия — 5 коп. с пассажира вместо взимаемых теперь на трамвае 11 коп. и сокращение времени не менее 40 мин. в день. Стоимость всей постройки — около 13—15 млн. руб. С оплатой процентов и эксплоатации дорога окупится в 8—10 лет. Движущей энергией проектируемых дорог мыслится электричество, в виду неудобств паровой тяги в условиях городской обстановки.

При разработке общего плана мероприятий по усовершенствованию пригородных сообщений, проблема метрополитенов должна занять не последнее место, учитывая выгоды, проистекающие для городских жителей от такого сооружения.

В заключение необходимо отметить, что вопрос о преимуществе, тем более полной замене одного вида транспорта другим составляет задачу в высшей степени сложную, и поэтому в строгой форме решен быть не может. Как наши опыты, так и заграничная практика не дают пока достаточно полного материала для разрешения столь трудной проблемы. Тем не менее, общий взгляд на очередность постановки той или иной задачи может быть выявлен, по нашему мнению, исходя из технической природы современного транспорта. В данном случае речь идет о выгодах и недостатках рельсового и местного транспорта в широком его понимании.

Современная транспортная техника пока такова, что незначительность первоначальных затрат сменяется впоследствии высокими эксплоатационными издержками и, наоборот, при высоких первоначальных затратах (рельсовый путь) эксплоатационные расходы дают пониженный коэффициент. Отсюда — несомненное преимущество рельсового транспорта, как средства массовых и дешевых перевозок. Электрификация пригородных линий и распространение на них вспомогательного средства — автомотриссы, расширение сети электрического трамвая и ввод железных дорог в центре города,— вот боевая задача пригородного транспорта, как меры, содействующей смягчению современного жилищного кризиса городских центров СССР.

ОТДЕЛ IV

По районам

В. Зейлингер

Основные итоги 1926/27 с.-х. года по районам

1. Одним из важнейших моментов закончившегося 30/VI Совещания плановых работников по контрольным цифрам были доклады представителей районов о состоянии народного хозяйства. Правда, не все районы были представлены — не было сделано докладов по Средней Азии, Казакстану и Западному району, но и без них сконцентрированный на совещании материал представляет огромное значение и интерес. Значение его двоякое. С одной стороны, мы имеем в нем порайонную экспертизу, дающую возможность проверить, уточнить и конкретизировать общие характеристики состояния и динамики народного хозяйства СССР, намеченные Союзным Госпланом. С другой стороны, эти доклады дают возможность развернуть анализ народохозяйственного целого Союза в территориальном аспекте, без чего он, конечно, был бы и односторонним и неполным.

В настоящей статье нам хотелось бы дать некоторые главнейшие обобщения из районных хозяйственных характеристик, при чем эти обобщения сосредоточат внимание, главным образом, на экономико-географическом моменте, считая, что использование районных экспертиз для проверки и уточнения общей оценки состояния народного хозяйства Союза сделаны уже в статье В. Г. Громана.

Само собою разумеется, что в данной стадии работы, когда районы еще не вполне закончили свои исследования динамики народного хозяйства, и связанные с ними обобщения неизбежно будут иметь очень грубый и предварительный характер, очень грубый между прочим и потому, что сами районы, фигурирующие, как единицы в исследовании, очень часто представляют собою сложные экономико-географические комплексы, нуждающиеся в дальнейшем расчленении и анализе (напр., Украина, Урал и т. д.).

2. Наиболее отчетливо порайонная динамика народного хозяйства Союза обнаружит свои характерные черты, если мы разобьем районы на следующие три основных группы: а) районы с сильно развитой крупной промышленностью, не связанной непосредственно с переработкой местного сел.-хоз. сырья; б) районы по преимуществу сел.-хоз. производства, не дополняемого крупной промышленностью; в) районы, представляющие собою новые в экономическом отношении территории районы колонизации.

К первой группе совершенно определенно можно отнести ЦПО, Северо-Запад, Урал. К этой же группе следует отнести и Украину с той оговоркой, что она представляет собою своеобразный хозяйственный комбинат крупной промышленности с мощным и быстро развивающимся сельским хозяйством. К этой группе приближается ЗСФСР, благодаря заметному влиянию на ее экономику нефтяной промышленности, но все же с целым рядом своеобразных черт, не дающих возможности безоговорочно отнести ее к этой категории районов.

Влияние на экономику и кон'юнктуру районов крупной промышленности в ряде случаев (для районов потребляющей полосы) осложняется,

вернее усугубляется, и сильно развитым лесным хозяйством, которое благодаря своеобразию определяющих его кон'юнктурных факторов также имеет дополняющее значение для прочих основных отраслей сельского хозяйства.

Ко второй группе районов можно отнести ЦЧО, Сев. Кавказ, группу Волжских районов. Представленные в них отрасли промышленности, главным образом, связанные с переработкой местного сел.-хоз. сырья (мукомолье, винокуренье) в кон'юнктурном отношении не имеют дополняющего значения к сельскому хозяйству района.

Весь этот массив чисто сел.-хоз. районов нужно с экономической точки зрения далее подразделить на районы (и подрайоны) с резко выявленными чертами аграрного перенаселения (типичный в этом отношении район ЦЧО) и районы без признаков аграрного перенаселения, со значительной землеобеспеченностью и экстенсивным сельским хозяйством.

Наконец, третья группа районов (и подрайонов) — главным образом Сибирь и ДВО — районы колонизации, первоначального освоения территории, районы с особо повышенными коэффициентами хозяйственного развития.

3. Остановимся в подведении итогов хозяйственного года, прежде всего, на первой группе районов, где крупная промышленность действительно ярко и определенно обнаруживает свою роль „ведущего начала" по отношению ко всей экономике района. Прогрессивные явления истекающего года тут, если можно так выразиться, территориально уплотняются и сказываются в особо яркой форме.

Прежде всего отмечаются значительные успехи самой промышленности — быстрое развертывание производства, в некоторых отраслях и районах (Северо-Запад) идущее еще за счет восстановительных возможностей, но в ряде случаев являющееся уже результатом новых капитальных вложений последних лет. На ряду с этим происходит большая внутренняя реорганизационная работа в промышленности — капитальные вложения из года в год возрастают, производительность труда повышается, технические коэффициенты использования топлива и сырья улучшаются. Правда, не всегда столь же определенны результаты в смысле общего понижения себестоимости производства — отчасти неблагоприятно влияют внешние факторы себестоимости (сырье, тарифы и т. д.), отчасти капитальные работы благодаря своей незавершенности не дали еще в истекающем году всего своего технического и экономического эффекта.

Рабочая сила продолжает дополнительно вовлекаться в производство, хотя уже в значительно меньшем размере, чем в прошлом году. Об'ясняется это отчасти и тем, что процесс рассасывания излишне набранной в прошлом году рабочей силы еще не закончился.

На ряду с этим безработица определенно растет не столько за счет внутренних трудовых ресурсов районов, сколько за счет огромной миграции рабочей силы из районов II группы. Особенно ярко это чувствуется в Сев.-Западном и Центрально-Промышленном районах с их огромной притягательной силой и крупной промышленности и столиц.

Финансовое положение промышленности, несмотря на снижение отпускных цен, улучшилось по сравнению с прошлым годом. Более или менее нормально шло и бюджетное и банковское финансирование. Несколько увеличились оборотные средства трестов, хотя проблема оборотных средств и связанные с нею затруднения далеко не могут еще считаться ликвидированными.

В общем определенно чувствовались и особое внимание, которое государство уделяло расположенным в этих районах основным отраслям

крупной промышленности, и соответствующая мобилизация личных и материальных средств. Но эти средства вливались в производственный аппарат, далеко не однородный в смысле своей близости к современному уровню технического развития, загруженности и т. д. На ряду с архаическим производственным аппаратом Урала значительно более модернизированная промышленность Украины; на ряду с Северо-Западом, где только в настоящее время мы приблизились к полному использованию производственной мощности, та же Украина, тяжелая индустрия которой последний год — два работает в условиях крайнего перенапряжения оборудования, в условиях частых аварий и т. д.

Далеко не столь определенную картину роста представляла мелкая промышленность. Некоторые отрасли ее испытывали даже определенные затруднения со сбытом и снабжением, отчасти вследствие конкуренции крупной промышленности. Но в общем итоге рост все же продолжался, хотя экспертная характеристика районов в большинстве случаев называет коэффициент, не превышающий 5—7%.

Сельское хозяйство указанной группы районов также обнаруживало признаки устойчивого роста. Влияние благоприятного урожая 1926 года скрещивалось с теми многочисленными прогрессивными воздействиями, которые оказывались промышленностью и городами районов — усиленный спрос на продукты сельского хозяйства, в особенности разные виды продукции животноводства и сел.-хоз. сырье, дополнительные заработки и т. д. Особое значение в данном случае имеет, конечно, Украина, крупнейший промышленно-сельскохозяйственный район. Устойчиво шел здесь и рост посевных площадей, и улучшения в составе их, и рост товарности сельского хозяйства, и рост животноводства.

Неблагоприятным моментом нужно считать неудачную политику заготовительных цен на сельскохозяйственное сырье, которая, однако, была выравнена во II и III квартале текущего года, определенные последствия чего уже чувствуются в новом и значительном приросте посевов технических культур в 1927 году.

Несмотря на то, что под влиянием снижения цен на сел.-хоз. продукты выручка крестьянства от реализации их сплошь да рядом была ниже прошлого года (в особенности благодаря росту сел.-хоз. налога и платежей), общая покупательная способность его не снизилась против прошлого года, а скорее даже дала рост (около 5%), что об'ясняется в этих районах значительным ростом промысловых заработков. Огромную роль сыграли тут и заработки, связанные (в потребляющей полосе) с значительным ростом в текущем году лесоразработок.

Рост промышленности особенно заметно отражался на движении доходов и покупательной способности городского населения, несмотря на то, что сокращение частной торговли и отчасти промышленности, определенно сократило доходы владельческих групп населения. Рост доходов пролетариата, несмотря на рост безработицы, несмотря и на указанные тенденции в доходах владельческих групп, оказался столь значительным, что в большинстве случаев экспертиза указанных районов говорит о росте покупательной способности города в размерах от 5 до 10%.

Таким образом, торговля этих районов в истекающем году имела под собою твердую и устойчиво развивающуюся базу. Определенно чувствовался рост спроса, повышение его квалификации, дифференциация спроса—нормальная картина прогрессирующего рынка. При этом явления товарного голода резко смягчились благодаря еще большему росту снабжения. Это создало реальные предпосылки для снижения розничных промышленных цен, которое и было проведено ко второй половине года, хотя и недостаточно дифференцировано, не без попыток обойти его

ухудшением качества товара, не без попыток провести его возможно позже (Северо-Запад). В ряде случаев это снижение цен не сопровождалось параллельным сокращением торговых расходов, что приводило к снижению прибылей кооперации.

4. Далеко не столь определенную картину представляет вторая группа районов — чисто сельскохозяйственных. Как уже было отмечено, эту группу следует разбить на две подгруппы—районы и подрайоны (напр., пограничная полоса Украины) аграрного перенаселения и районы экстенсивного сельского хозяйства.

Типичным для первых является ЦЧО. И здесь мы имеем, конечно, обычную картину восстановительного процесса, но признаки его осложняются и затеняются параллельно идущим процессом нарастающего (и не смягчающегося) аграрного перенаселения, дробления и мельчания хозяйств. Основная болезнь района кратко и ясно сказывается в следующем чрезвычайно важном факте, отмечаемом докладчиком района тов. Полютой,—в довоенное время в отхожих промыслах района было занято до 1 млн. чел., в настоящее время лишь около 150 тысяч. Часть этой рабочей силы мигрирует в другие районы—промышленные или колонизируемые, но поглотительная способность этих районов в настоящее время не столь велика, чтобы повести к ликвидации аграрного перенаселения. Таким образом, необходима решительная реконструкция сельского хозяйства района, интенсификация его, развитие животноводства, травосеяния и т. д. К этому толкает и все более остро чувствующаяся конкуренция зерновых экстенсивных районов Союза—явная нерентабельность при нынешнем уровне цен зерновой продукции района (согласно детальным расчетам себестоимости, произведенным Бюро контрольных цифр района).

Отпускаемые государством восстановительные кредиты, всевозможные агрикультурные мероприятия толкают район к реконструкции сельского хозяйства — отмечается значительный рост травосеяния, посевов картофеля и т. д., но эффективность их все же недостаточна для того, чтобы переломить тенденцию нарастающего аграрного перенаселения.

Вместе с тем определенно сказывающиеся тенденции к развитию разных видов продукции животноводства не встречают достаточно организованный рыночный аппарат, который мог бы их подхватить и оказать обратное и мощное влияние на производство (недостаточное развитие сел.-хоз. кооперации, аппарата по переработке, консервации, транспортированию и т. д.).

Иного характера явления и затруднения в экстенсивных аграрных районах Союза. И тут на общем фоне идущего к концу восстановительного процесса мы отмечаем в истекающем году отдельные тревожные признаки, свидетельствующие о недостаточной активности государства в его воздействии на производственную базу сельского хозяйства.

Хлебные заготовки прошли в истекающем году достаточно организованно, при хороших количественных результатах, при достаточно устойчивых ценах, приемлемых и для экспорта, и для снабжения внутреннего рынка. Но несомненно, они в ряде случаев недостаточно эластично приспособлялись к особенностям районов, вместе с тем они не всегда правильно дифференцировались и по культурам (слишком низкие цены на ячмень). Не оказывалось надлежащего внимания заготовкам засухоустойчивых культур (кукуруза). В отдельных случаях отмечается районами и недостаточно правильный учет товарных ресурсов района (напр., в Крыму, где благодаря переоценке хлебных излишков хлеб был вывезен в чрезмерном количестве, что привело к необходимости обратного ввоза его к концу года). Во всех этих случаях мы имеем дело с частичными дефектами заготовительной практики истекшего года, исправимыми в ближайшем же году. Но вот что заставляет задуматься серьезнее — это, во-первых, некоторая задержка в развитии посевных площадей и, во-вторых, чрезвычайно вялое развитие засухоустойчивых культур, о значении которых не приходится распространяться.

Сплошь да рядом районы отмечают сокращение (и притом значительное) озимого клина, не всегда достаточно компенсированное яровыми посевами. Если вообще рост посевов, не превышающий роста населения, нужно признать в наших условиях тревожным признаком, то это имеет особое значение для экстенсивных районов с большими резервами земельной площади и с большими рыночными перспективами для зерновой продукции. Мало того, некоторые из них отмечают достаточно вялое развитие и прогрессивных тенденций в составе посевной площади, что относится, как уже было отмечено, к засухоустойчивым. Но и с пшеницей не всегда обстоит достаточно благополучно. Напр., Нижнее Поволжье отмечает еще резкое отставание посевов пшеницы от довоенного уровня, которого оно рассчитывает достигнуть чуть ли не в течение 10—15 лет.

Если в отношении засухоустойчивых главное влияние приходится приписать рынку, то в отношении общей динамики посевной площади сказывается и недостаточность тягловой силы и, возможно, в отдельных районах уровень зерновых цен.

В составе аграрных районов специальное значение имеет рыбное хозяйство Нижнего Поволжья. Необходимо отметить, что в истекающем году оно себя далеко не оправдало. План улова выполнен лишь в размере 59%. Нехватает инвентаря, посуды. Рыбные промыслы, в связи с изменением конфигурации и обмелением дельты Волги, необходимо переместить. Для всего этого нужна, конечно, активная помощь государства.

В связи с отсутствием в указанных районах значительных промысловых заработков иначе сложилась в истекающем году и динамика покупательной способности деревни. Ряд районов (ЦЧО, Сев. Кавказ, Нижнее Поволжье) отмечают даже абсолютное ее снижение. И покупательная способность городского населения, повидимому, дала значительно меньший рост, чем в промышленных районах, что вполне понятно, если учесть на ряду с сокращением доходов владельческих групп относительно более слабый рост промышленного пролетариата.

5. Остановимся, наконец, на „молодых" колонизуемых районах Союза — Сибири и ДВО.

В течение последних лет вновь усилилась миграция в эти районы—плановая и внеплановая — в особенности из аграрно-перенаселенных районов. В связи с этим все показатели роста сельского хозяйства—и динамика посевных площадей, и динамика скота и общие итоги сел.-хоз. продукции (включая лесное хозяйство) — выражены особенно резко, несравненно сильнее, чем в наиболее прогрессирующих районах Европейской части Союза. В связи с этим особенно резко сказывается огромная капиталоемкость этих районов, ненасытимый голод в отношении все новых и новых капитальных вложений, огромная рентабельность этих вложений. Приток переселенцев все усиливается; между тем, отпускаемые на их устройство, на подготовку земельной площади средства явно недостаточны. Далее, требуются новые вложения для развития животноводства (маслоделия), экспортных отраслей промышленности (лесная, переработка рыбы и т. д.), каменноугольной промышленности района и т. д., и т. д. Очевидно, в таком же положении находится и ж.-д. транспорт, явно перенапряженный в истекшем году, с недостаточной пропускной способностью, и водный транспорт, требующий обновления, и порты, нуждающиеся в расширении.

Благодаря отдаленности районов дефекты планового снабжения основными промтоварами сказались здесь в истекшем году особенно ярко — несвоевременность завоза, несоответственный ассортимент, прямой недостаток ряда товаров, отсутствие минимально необходимых товарных резервов.

Как бы ни были скромны общие материальные ресурсы Союза, все более отчетливо вырисовывающееся значение Сибири и ДВО и для поглощения избыточной рабочей силы и для создания экспортных фондов Союза требует конечно, особой концентрации и средств и сил в этих колонизуемых районах.

6. Выводы из намеченной краткой порайонной характеристики хозяйственных процессов достаточно ясны. Если в отраслевом аспекте все более настойчиво выдвигается необходимость большей активизации нашей политики в области сельскохозяйственного производства, на ряду с продолжающимися усилиями по развитию крупной промышленности и транспорта, то в территориальном аспекте это означает большее внимание восточному и юго-восточному аграрному кольцу, „новым“ колонизуемым областям, на ряду с основными индустриальными районами Союза.

Г. Н. Черданцев

Районированная Средняя Азия

1. Среднеазиатский (Туркестанский) экономический район по сетке Госплана

Среднеазиатский или Туркестанский экономический район при установлении проектной сетки экономических районов Госплана не имел определенных и точных границ. Тем не менее, он мыслился в ярко очерченной географической локализации, и территория, охватываемая этим районом, представляла хозяйственное единство. Хотя разнородное и многообразное, оно обладало, однако, функциональной законченностью с точки зрения всесоюзного разделения труда и устойчивого народнохозяйственного равновесия, обеспечивающего вхождение Средней Азии в СССР.

Это разнородное и многообразное хозяйственное единство охватывало собою в физико-географическом отношении совокупность пустынных и горных ландшафтов и ландшафтов оазиса, созидаемых взаимодействием тех и других. Три указанные преобладающие естественно-исторических ландшафта давали основные черты естественно-историческому „лику“ Средней Азии. К ним присоединялись, однако, обогащая многообразие среднеазиатских ландшафтных черт и другие ландшафтные типы. Таковыми являются, например, ландшафты устий среднеазиатских рек, ее озер и морей, а также все то многообразие и разнородность, которые несут с собою различные морфологические единицы пустынь и гор. С точки зрения физико-географической — границы Среднеазиатского (Туркестанского) экономического района кончались на евере там, где заканчивались бассейны, принимавшие в себя среднеазиатские реки (Аму-Дарью, Сыр-Дарью, Или и др.), а Туранская низменность незаметными преобразованиями переходила в Киргизскую складчатую страну. Здесь южные пустыни сменяются степями и исчезают оазисы, и здесь сеткою Госплана была намечена граница среднеазиатского (туркестанского) экономического района.[1]

На этих натуральных ландшафтах, в прямом и переносном смысле слова, располагались экономические ландшафты. Этими экономическими ландшафтами и были — в полном соответствии природным ландшафтам — прежде всего, все те территориально привязанные экономические явления, которые соответствуют пастбищному кочевому-пустынному и горному хозяйству и оазисному поливному земледелию — во всех их вариациях и со всеми дополняющими их экономическими ландшафтами. С этой экономико-ландшафтной точки зрения северная граница экономического района проходила там, где к пастбищному кочевому хозяйству казаков, постепенно начинало присоединяться степное бесполивное земледелие более северных районов. В пределах этих систем территориально привязанных и территориально обусловленных экономических явлений средне-

---

[1] При фактическом проведении районирования граница должна была бы проходить по зоне, где признаки того и другого района находились бы в минимуме.

азиатского экономического района мы встречаем чрезвычайную разнородность и многообразие организационно-производственных типов единичных (сингулярных) хозяйств. Первобытное охотничье хозяйство пустынь и гор, скотоводческое кочевое хозяйство в двух типах — пустынном и горном, переходные формы кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому земледельческому, а именно — скотоводческо-земледельческие и земледельческо-скотоводческие типы хозяйств, далее своеобразное сочетание земледельческого и скотоводческого хозяйства в форме пастбищно-земледельческого хозяйства туркменов, зерновое богарное хозяйство, разнообразные по сочетанию культур типы интенсивного поливного земледельческого хозяйства, в особенности хлопкового, наконец, специальные садовые и виноградные хозяйства в определенных районах — все это разнообразие хозяйственных типов базировалось на очерченной выше естественно-исторической среде и в своем сочетании представляло то многообразное хозяйственное единство, которое обеспечивало Среднеазиатскому (Туркестанскому) экономическому району его функциональную законченность и устанавливало для него вполне определенные перспективы в рамках всесоюзного хозяйственного развития.

Среднеазиатский (Туркестанский) экономический район представлял собою по проекту Госплана могущественный животноводческо-земледельческий комбинат, район, который должен быть поставщиком хлопка и других технических культур для Союза, а также сырьевой базой и получать взамен недостающие ему средства и орудия производства и хлебофураж. Вместе с тем, эта специализация, усиливаясь и развиваясь, не должна была ни в коей мере препятствовать всестороннему и гармоническому развитию хозяйства Среднеазиатского экономического района, полному и скорейшему раскрытию всех его наличных производительных сил, решительной и систематической реконструкции его хозяйства. Наоборот, развитие специализации Среднеазитского района только и становилось возможным именно на основе широкого реконструированного хозяйства, подкрепленного всем комплексом благоприятствуемых местными условиями и развивающихся хозяйственных отраслей.

Обрисованная географическая локализация Среднеазиатского экономического района, его роль во всесоюзном разделении труда и его хозяйственное наполнение предопределили многогранность территориально-хозяйственных совокупностей, которые должны были оформиться в процессе „внутриобластного“ районирования.

2. Этапы районирования Средней Азии

История районирования Средней Азии может быть разделена на три периода: 1) дореволюционный, 2) пореволюционный до национального размежевания среднеазиатских республик и 3) с момента национального размежевания до настоящего времени. В первый — дореволюционный период идея районирования выдвигалась, как средство осуществить удобное административное разделение края и открыть его колонизационные возможности. Именно такая постановка задач местного районирования была дана еще первым туркестанским генерал-губернатором фон-Кауфманом, который полагал, „что административное разделение с очевидной пользой для дела может быть основано в настоящее время на этнографических, территориальных, бытовых, административных, экономических и финансовых соображениях, выгодах и удобствах“ и, в частности, отмечал, что „выделение оседлых районов в обособленную область прекратит доступ сартам[1] в кочевые районы, открыв их для русской колонизации“.

[1] В настоящее время термин неупотребляемый.

Крупнейшей дореволюционной работой были исследования б. Переселенческого управления, производившиеся с 1908 по 1914 гг., охватившие Фергану, Семиречье, Сыр-Дарью и значительные части б. Самаркандской и Закаспийской (Туркменской) областей и нашедшие свое отражение в материалах по киргизскому землепользованию. Эти исследования б. Переселенческого управления, равно как и материалы сенаторской ревизии Туркестанского края Паленом, исходили из предпосылки определяющего влияния естественно-исторических условий, в силу каковой экономическая среда изучалась в очерченных ими пространственных рамках и признавалась как бы всецело ими обусловленной.

Второй период разработки проблемы местного районирования и материалов, которые должны были лечь в его основу, падает уже на послеоктябрьскую эпоху и характеризуется тем, что в течение этого периода, продолжавшегося до национального размежевания,[2] теоретическое осмысливание задач местного районирования далеко подвинулось вперед, а практическая подготовка к проведению районирования была доведена до составления проекта районирования б. Туркестанской республики. Работа ныне покойного статистика-экономиста В. В. Русинова, опубликованная им в журнале „Народное хозяйство Туркестана“ в 1919 г., давала первую схематическую попытку установить сельскохозяйственные районы Туркестана, базируясь не только на естественно-исторических, но и на экономических условиях. В ряду последних В. В. Русинов выдвигал в первую очередь соотношение земледелия и скотоводства, разделяя районы на чисто земледельческие, чисто скотоводческие и переходные в разных сочетаниях, а также степень орошенности, различая поливные, богарные и переходные районы. В последующем, 4 декабря 1920 г., постановлением ТуркЦИКа была организована Административная комиссия, преобразованная в декабре 1921 г. в Подкомиссию районирования при Госплане ТЭС'а. Последней были выпущены „Материалы по районированию Туркестана“, вып. I в 1922 г. и вып. II в 1924 г. Эти материалы содержали как ряд теоретических статей, так и проект административно-хозяйственного деления Туркестанской республики. Этот проект был рассмотрен и одобрен в специальном расширенном заседании Госплана ТЭСа с участием представителей всех облисполкомов. В жизнь его провести целиком не удалось вследствие последовавшего национального размежевания Средней Азии. Третий и последний период работ по районированию Средней Азии характеризуется тем, что, с одной стороны, созданная теперь Среднеазиатская комиссия по районированию при Среднеазиатском экономическом совете продолжала собирание и разработку материалов по районированию, а с другой стороны, в этот период было практически проведено районирование в отдельных республиках. И в той, и в другой работе приняли ближайшее участие, как национальные комиссии по районированию, создавшиеся после национального размежевания в отдельных национальных республиках, так и широкие массы трудящихся. Так, проект районирования Узбекистана обсуждался на ряде собраний декханского актива, и в его обсуждении приняло участие свыше 200 тыс. человек, Среднеазиатская комиссия по районированию выпустила в свет результаты обследования 1924 г. Бухарской и Хорезмской республик под заголовком „Территория и население Бухары и Хорезма“, ч. I, Бухара, ч. II, Хорезм. ЦИКом и СНК Туркменистана издано составленное на основании трудов и обследований Комиссии районирования и Административной комиссии при ЦИКе республики в 1926 г. „Административное деление

[2] В 1924 г.

Туркменской ССР". Узбекской республикой в том же 1926 г. напечатаны— „Материалы по районированию Узбекистана"— в двух выпусках. Все эти работы дали возможность национальным республикам, одним несколько раньше, другим позже, в целом или частично, провести районирование. Таким образом, пореволюционный период и, в особенности, немногие годы после национального размежевания оказались наиболее плодотворными как в отношении разработки материалов по районированию, так и практической работы по его проведению, не говоря уже о совершенно новой постановке задач, целей и методов районирования. В последнем отношении национальное размежевание, в свою очередь, привнесло много нового. Оно определило проведение экономического районирования под безусловным корректированием последнего национальным моментом. В этом отношении опыт среднеазиатского национального размежевания и последующего районирования имеет не только местное, но и всесоюзное, более того — мировое значение.

3. Современный Среднеазиатский экономический район

Намеченный сеткой Госплана СССР Туркестанский (Среднеазиатский) район при национальном размежевании потерял свои северные районы — части б. Сыр-Дарьинской и Джетысуйской (Семиреченской) областей Туркреспублики, отошедшие к Казакской АССР, как населенные по преимуществу казаками. 14 октября 1924 г. состоялось постановление II Сессии ВЦИКа об образовании из Туркестанской АССР отдельных автономных единиц по их национальному признаку и 24 октября 1924 г. ЦИК СССР принял постановление о национальном размежевании Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик Средней Азии. По сравнению с прежней территорией этих республик, которая в общем совпадала с первоначальной наметкой Среднеазиатского (Туркестанского) района Госпланом СССР, вновь образовавшиеся национальные республики Средней Азии потеряли в пользу Казакстана около 38,1% территории, 28% населения и 56,6% скота. Если же считать и Кара-Калпакскую автономную область, также вошедшую в Казакстан, то эти проценты возрастут еще на 1—2%. В результате среднеазиатский экономический район в современных границах Среднеазиатских республик — Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской — потерял ту функциональную законченность и ту многообразную комплексность, которая вообще присуща госплановским районам — перспективным комбинатам, несущим определенную часть общесоюзного производства. Если сопоставить проект районирования б. Туркреспублики, обнимавший указанные выше северные районы; с существующими границами национальных республик, то станет совершенно очевидна та „ущербность" района, которая произошла. В естественно-историческом отношении мы видим, что границами национальных республик оказались разрезанными одни и те же геоморфологические единицы — пустыни, речные бассейны величайших среднеазиатских рек Аму-и Сыр-Дарьи, низовья которых вместе с бассейном Аральского моря оказались в Казакской республике, а верховья и среднее течение в пределах Среднеазиатского экономического района. Равным образом одни и те же горные хребты, одни и те же оазисы этими границами были разделены между двумя районами. В экономическом отношении из Среднеазиатского экономического района ушел почти весь животноводческий супплемент. На это отчасти указывают уже приведенные выше цифры, отмечающие отнятие от Среднеазиатского экономического района свыше половины всего скота при значительно

меньшем сокращении территории и населения. Еще определеннее выясняется это же положение, если мы взглянем на отошедшие полностью или частью округа и их экономическую характеристику по проекту районирования б. Туркреспублики. Частично или полностью отошли: Сарканский округ, скотоводческо-земледельческий, богарно-поливной; Алма-Атинский, скотоводческо-земледельческий, поливно-богарный, Фрунзенский, скотоводческо-земледельческий, поливно-богарный; Чимкентский, земледельческо-скотоводческий, поливно-богарный, и, наконец, Аму-Дарьинский, земледельческо-скотоводческий, поливной. В этих округах преобладающими являются скотоводческо-земледельческие, земледельческо-скотоводческие и чисто скотоводческие хозяйства. Наоборот, ближайшие к югу округа, оставшиеся целиком в составе современного Среднеазиатского экономического района — Самаркандский, Ташкентский, Кокандский — могут быть охарактеризованы, как почти сплошь земледельческие, поливные. Однако, наравне с отнятием от первоначально запроектированного Госпланом СССР Среднеазиатского (Туркестанского) экономического района почти всего скотоводческого супплемента, в означенных территориях выпали из района и совершенно однообразные с оставшимися в нем чисто земледельческие хлопковые районы, в особенности, Аму-Дарьинского округа, но также отчасти и Сыр-Дарьинского, Чимкентского и Фрунзенского. С другой стороны, с отходом главных скотоводческих районов, в пределах современного Среднеазиатского экономического района, все же остались скотоводческие районы во всех республиках, в особенности, в Киргизии. Поэтому, стремясь дать ясное и точное понятие о современном Среднеазиатском экономическои районе, в отличие от перспективно намечавшегося сеткой Госплана, можно сказать, что экономически и естественно-исторически это район неполный, ущербленный как по линии своих скотоводческих составных частей, так, до известной степени, и в части своей прямой, производственной специализации — технических культур, в частности, хлопка. Вместе с тем, разумеется, в современных границах среднеазиатских республик получившийся район является более однородным многообразное единство намечавшегося сменилось единством более однообразным, менее комплексным. Впрочем, надо иметь в виду, что это большое однообразие получилось не за счет уменьшения числа типов хозяйства, а за счет изменения количественного соотношения между скотоводческим и земледельческим хозяйственным сектором. Современный среднеазиатский экономический район это не столько большой (комплексный) район Госплана — с законченной специализацией на основе комбинированного производства, базирующийся на столь же большом (комплексном) и законченном естественно-историческом ландшафте, сколько исторически сложившийся и выявленный в результате национального размежевания национальный аггрегат, который неизбежно несет следы исторической случайности и известной ограниченности, не совпадающих непосредственно с требованиями экономической рациональности. Однако, эта ущербность и некоторая исторически обусловленная неполнота современного Среднеазиатского экономического района с избытком окупается той энергией и волей к хозяйственному строительству и общему окультурению своей жизни, которая возникла в результате развязанной национальным размежеванием творческой инициативы трудовых масс национальных республик. Нельзя также не отметить, что основная увязка с национальным признаком как в моментах национального размежевания, так и внутриреспубликанского районирования в значительной степени способствует, так сказать, органичности районирования и более легкой приживаемости создаваемых административно-хозяйственных членений территории и связанной с ней экономики.

4. Основное членение современного Среднеазиатского района

Современный Среднеазиатский район включает Узбекскую ССР, Туркменскую ССР, Таджикскую АССР и Киргизскую АССР. При взгляде на карту сельскохозяйственных районов Средней Азии можно заметить, что поливные хлопковые районы имеют своим центром Ферганскую долину, откуда и вытягиваются по речным и предгорным оазисам. Эти районы интенсивного оазисного земледелия окружаются неправильными очертаниями зерновых, по преимуществу поливно-богарных районов. Наконец, по периферии располагаются уже отдельными пятнами богарно-поливные и чисто-богарные, скотоводческо-земледельческие и земледельческо-скотоводческие районы. Национальное размежевание построило среднеазиатские республики на национальном моменте. Однако, национальный признак в данном случае не оказался всецело оторванным от экономических признаков. Наоборот, отдельным национальностям, на данной стадии хозяйственного развития, оказались присущими и определенные хозяйственные формы. Национальное размежевание оказалось, вместе с тем, и хозяйственным районированием. Этому результату весьма способствовала резкая определенность отдельных естественно-исторических ландшафтов, являвшихся местами общения отдельных народностей, а также, с одной стороны, примитивность веками существовавших хозяйственных форм, с другой — их органическая устойчивость, также складывавшаяся веками и в том случае, когда они отличались своеобразной сложностью и интенсивностью.

В результате, основное национально-хозяйственное членение Среднеазиатского экономического района на национальные республики является в то же время его основным районным разрезом.

В грубом обобщении Узбекистан — страна оазисного земледелия, охватывающая оазисы предгорий и речных долин, с культурой интенсивных технических растений, в частности хлопчатника. Здесь мы имеем чисто хлопковые районы и разнообразные сочетания хлопка с люцерной, рисом, джугарой в известном соотношении этих технических и кормовых культур с зерновыми. Здесь же вкраплены районы садовых и виноградных культур. Основными типами хозяйств являются различные вариации хлопковых хозяйств и специальные садовые и виноградные хозяйства. Нет ни одного округа, где в той или иной мере мы не имели бы культуры хлопка. Единственным исключением является особый Камимихский (Кенимехский) район с казакским национальным населением, характеризующийся скотоводческим направлением хозяйства и богарным (бесполивным) земледелием. В противоположность Узбекистану горная Киргизия более чем наполовину своей удобной сельскохозяйственной площади состоит из горных и высокогорных пастбищ (джайляу), и направление хозяйства ее кантонов является либо чисто-скотоводческим, либо чаще всего смешанным — скотоводческо-земледельческим и земледельческо-скотоводческим. Единственный целиком земледельческий — Фрунзенский кантон по населению является почти сплошь европейским. Здесь основными типами единичных хозяйств являются по преимуществу смешанные — земледельческо-скотоводческие и скотоводческо-земледельческие хозяйства.

Расположенный в колоссальных пустынях, Туркменистан представляет страну мелкооазисного интенсивного земледелия, в долинах пустынных рек по преимуществу, которое сочетается с пастбищным скотоводством. Основным типом хозяйства является туркменское пастбищно-земледельческое хозяйство. Это хозяйство характеризуется тем, что в отличие от скотоводческо-земледельческих и земледельческо-скотоводческих хозяйств казакских и киргизских районов в нем мы встречаем в гармоническом

сочетании, а не в антагонизме, две системы хозяйства — земледельческую и скотоводческую. При этом земледельческая система представляет собою парцеллярное хлопковое хозяйство, а скотоводческая — пастбищное пустынное скотоводство. Гармоническое сочетание и увязка этих двух систем достигаются тем, что они организационно разделены в одном хозяйстве, часть членов коего занимается земледелием в оазисе, часть же скотоводством в степи, об'единяясь лишь на известные периоды, когда требуется усиленный труд для реализации скотоводческого сезона. Наконец, Таджикистан, который входит в Узбекскую союзную республику, с известным основанием может рассматриваться как ее более экстенсивный подрайон, который характеризуется поливно-богарным и богарно-поливным характером хозяйства. Здесь хлопковая культура выступает в сочетании, главным образом, с зерновыми, и на ряду с поливным земледелием мы имеем богарное зерновое хозяйство. Здесь также имеются садовые культуры. Основным типом хозяйства будет зерновое и зерно-хлопковое хозяйство. Таким образом, здесь перед нами, с одной стороны, более экстенсивный, в целом более высокогорный Узбекистан. С другой же стороны, мы имеем здесь высокогорные пастбищные районы с скотоводческим хозяйством, чем Таджикистан сближается с Киргизией. В общем, следовательно, в составе современного Среднеазиатского экономического района мы имеем, в грубых чертах, такое основное государственно-хозяйственное расчленение: Узбекская и Туркменская ССР выступают, как два основных варианта интенсивного хлопкового хозяйства, основанного — в первом случае на оазисах главным образом, предгорного, а во втором — пустынно-степного характера; антиподом, в некоторых отношениях, обеим этим республикам является Киргизия. Что же касается Таджикистана, то он в значительной степени является промежуточным районом между теми и другими, сочетая в основе черты Узбекского района с некоторыми чертами Киргизии.

5. Существующее внутреннее районирование среднеазиатских республик в его целом

Если мы сопоставим число и соотношение административно-хозяйственных единиц в отдельных республиках, то получим следующую картину:

Число административно-хозяйственных единиц в среднеазиатских республиках

Адм.-хоз. единицы	Узбекистан			Таджикистан		
	до национ. размежев. в 1924 г.	после нац-размежевания		до национ. размежев. в 1924 г.	после нац-размежевания	
		в 1925 г.	в 1927 г.		в 1925 г.	в 1927 г.
1. Областей-округов . .	7	7+1	10+1	1	1	1
2. Кантонов—уездов—вилайетов	19	23	—	7	8	7
3. Волостей — туманов—районов	261	226	87[1]	39	39	57
Итого . . .	287	257	98	47	48	65

[1] По проекту — 85.

Адм.-хоз. единицы	Туркменистан			Киргизия			Всего		
	до национ. размежев. в 1924 г.	после национ. размежевания в 1925 г.	после национ. размежевания в 1927 г.	до национ. размежев. в 1924 г.	после национ. размежевания в 1925 г.	после национ. размежевания в 1927 г.	до национ. размежев. в 1924 г.	после национ. размежевания в 1925 г.	после национ. размежевания в 1927 г.
1. Областей—округов .	1	5	3	—	4	—	9	17+1	14+1
2. Кантонов—уездов—вилайетов	—	—	—	4	—	7	30	31	14
Волостей—туманов—районов	38	28	32	49	50	52	387	343	228
Итого . .	39	33	35	53	54	59	426	392	257

Эта таблица показывает, что число административно-хозяйственных единиц во всех республиках постепенно уменьшалось, что было достигнуто, главным образом, за счет сокращения числа волостей, а также уничтожения уездов при переходе на районную схему. В отдельных республиках этот процесс шел в диаметрально-противоположном направлении. В то время как в Узбекистане и Туркменистане число административно-хозяйственных единиц за 1923—27 гг. уменьшилось, в Таджикистане и Киргизии оно возросло. Это различие об'ясняется тем, что в обеих союзных республиках за эти годы было проведено полное районирование с уменьшением числа волостей, в то время как в республиках более удаленных, не связанных железными дорогами в своей большей части, каковыми являются Таджикистан и Киргизская АССР, не только не удалось уменьшить числа волостей—районов, но даже, наоборот, его пришлось увеличить, так как в этих республиках, окраинных и удаленных, административного деления российского образца во время, предшествовавшее национальному размежеванию, либо не существовало (Таджикистан), либо эти волости были крупны по размеру и многонациональны (Киргизия).

Если теперь мы обратим внимание на число единиц, на которое подразделяется республика, то мы увидим, что оно увеличилось. Последнее об'ясняется тем, что в республиках, перешедших от областной к окружной системе (Узбекистан, Туркменистан), число вновь образованных в результате районирования округов оказалось большим по сравнению с прежде существовавшими областями, крайне крупными по размеру. Интересно отметить, что и здесь существуют различия между Узбекистаном и Туркменистаном, с одной стороны, и Таджикистаном и Киргизией,—с другой. В то время как союзные—Узбекская и Туркменская—республики приняли окружную систему, Киргизская и Таджикская АССР предпочли кантональную (вилайетную). Это об'ясняется рядом обстоятельств. Прежде всего это—горные республики и, следовательно, уже в силу условий горного рельефа они разбиты на отдельные, сравнительно небольшие замкнутые районы. Эти районы, по своему масштабу меньшие, нежели округа, все же были бы еще крупны для районных волостей. Кроме того, Киргизия—район бывшей колонизации, требующий выделения и своего рода размежевания отдельных национальностей внутри. Наконец, прежде существовавшее местное административное деление в Таджикистане—вилайетная система—ближе по масштабу к кантону, нежели к округу.

Изменение структуры внутреннего расчленения отдельных республик явствует из приводимой ниже схемы сменявшегося административно-хозяйственного их устройства:

Узбекистан	Таджикистан	Туркменистан	Киргизия
Область—уезд—волость (вилайет—туман—район—Шуро). Округ—район—волость.	Вилайеты—туманы. Округ—район—волость. [1]	Округ—район. волость.	Округ—район—волость. Кантон—район—волость.

6. Районирование Узбекской, Туркменской, Киргизской и Таджикской республик

а) Узбекская ССР представляет в настоящее время законченную районированием республику: она имеет 10 округов и один отдельный район. Их наименование и характеристика явствуют из следующей таблицы:

Название округа и его центр	Число районн. волостей	Число сельсоветов	Характеристика орошенности	Характеристика направл. сел. хозяйства
1. Хорезмский, г. Хива.	10	186	Поливной	Зерно-хлопко-кукурузо-люцерновый.
2. Бухарский, г. Бухара.	7	156	Поливной	Зерно-хлопко-люцерновый.
3. Урта-Зеравшанский, г. Кермине	6	97	Поливно-богарный	Зерно-хлопковый.
4. Самаркандский, г. Самарканд	10	171	Поливно-богарный	Зерно рисо-хлопковый
5. Ташкентский, г. Ташкент	12	204	Поливной	Рисово-хлопко-зерн.-люцернов.
6. Ходжентский, г. Ходжент	3	57	Поливной	Зерно-хлопковый.
7. Кокандский, г. Коканд	11	242	Поливной	Хлопко-джугаро-зерновой.
8. Андижанский, г. Андижан	12	289	Поливной	Хлопковый.
9. Сурхан-Дарьинский, г. Ширабад или Кум-Курган . . .	6	129	Поливно-богарный	Зерно-хлопко-рисовый
10. Кашка-Дарьинский, г. Бек-Буди (Карши)	8	167	Поливно-богарный	Зерновой с посевами риса, хлопка, люцерны.
11. Камимихский (Кенимехский) район . Кишл. Камимих (Курама-Таго-Курган)	—	15	Богарный	Скотоводческий.
10+1 округов	85 райволостей	1713 сельсоветов		

В результате районирования Узбекской республики соотношение отдельных административно-хозяйственных подразделений изменилось, также как изменился их характер и номенклатура. Приходилось (в среднем):

До районирования	После районирования
На каждую область—уездов 3,3	На каждый округ—районных волостей 8,5
На каждый уезд—волостей 9,6	На каждую районную волость—сельсоветов 20
На каждую волость—сельсоветов 5	
На сельсовет—населенных пунктов 8,5	На сельсовет—населенных пунктов 5,6

[1] По одному из проектов.

Районирование дало Узбекистану лучшее расчленение на однородные в хозяйственном отношении административно-хозяйственные единицы — округа, укрупнило волости, увеличило количество сельсоветов. Кроме того, как мы увидим ниже, оно произвело, если можно так выразиться, национальное размежевание внутри республики, образовав отдельные национальные округа, районные волости и выделив национальные сельсоветы.

б) Туркменская ССР в настоящее время представляет также районированную республику, в которой районная система насчитывает уже около трех лет существования, так как Туркменистан перешел на районное расчленение ранее других среднеазиатских республик, непосредственно вслед за национальным размежеванием. Его административно-хозяйственное деление представляется в данный момент в следующем виде: 1) из пяти первоначально образованных округов — Ташаузского, Ленинского (Чарджуйского), Керкинского, Мервского и Полторацкого—два последние упразднены с непосредственным подчинением входивших в них районных волостей ЦИКу ТССР; 2) выделены особо четыре района — Красноводский и Атрекский район из б. Полторацкого округа и Теджен-ский и Серахский из б. Мервского также с непосредственным подчинением их центру республики. В результате современное деление представляется следующим:

Округа	Районные волости		Сельсоветы		Примечание
Керкинский, г. Керки	7		42		
Ленинский (Чарджуйский), г. Чарджуй	7		43		
Ташаузский, г. Ташауз	5		34		
	6	13	135	253	б. Мервский округ
Г. Мерв					
г. Асшабад (б. Полторацк)	7		118		б. Полторацк. окр.
	32		372		

Особенностью районирования Туркменистана явился опыт перехода от трехчленной системы — округ—район—аулсовет к двухчленной: район—аулсовет. Районирование Туркменистана—страны особенно маловодной и с сохранившимися еще прочными пережитками родовых и племенных группировок—естественно должно было в особенности учитывать и момент общности водопользования, и необходимость вносить в экономическое районирование такие коррективы, которые способствовали бы скорейшему изжитию вредных сторон родовых и племенных взаимоотношений. В этих условиях в существующей фазе районирования достигнуты значительные результаты: 1) упрощено административное устройство и заменено административно-хозяйственным, 2) об'единены в округа однородные в хозяйственном отношении территории, 3) сделан опыт дальнейшего упрощения административно-хозяйственного устройства путем частичного перехода от трехстепенного к двухстепенному делению. Разумеется, сверх того, достигнуты и остальные преимущества районной системы в смысле создания условий, приближающих власть к населению, облегчающих ведение планового хозяйства, удешевляющих содержание аппарата и т. п.

в) Киргизская АССР в данное время представляет следующую картину административно-хозяйственного деления:

Кантоны	Волости	Сельсоветы	Направл. сел. хозяйства
Фрунзенский	5	46	Земледельческий
Чуйский	3	31	Скотовод.-земледел.
Таласский	5	55	Скотовод.-земледел.
Кара Кольский	10	92	Земледел.-скотовод.
Нарынский	9	26	Скотоводческий
Ошский	11	106	Земледел.-скотовод.
Джеляль-Абадский	9	99	Земледел.-скотовод.
Всего	52	455	

Районирование Киргизии, помимо общих достижений, особенно интересно двумя моментами: во-первых, большим влиянием национальных вопросов, общих, правда, всем среднеазиатским республикам, но в Киргизии еще особо осложненных фактами дореволюционного прошлого, во-вторых, применением при районировании кантональной системы. Помимо этого, районирование Киргизии интересно и в естественно-историческом отношении, так как эта страна горных пастбищ и речных долин богата разнородностью естественно-исторических ландшафтов, и в экономическом отношении, так как здесь мы встречаем все типы хозяйства — в области земледелия от поливного хлопкового до зернового богарного, в области скотоводства от высокоинтенсивного молочного хозяйства меннонитов до самого экстенсивного кочевого скотоводства.

г) Таджикская АССР из всех среднеазиатских республик отличается тем, что она находится в процессе незаконченного районирования, вернее даже в его первых этапах. Об'ясняется это тем, что значительная часть территории современного Таджикистана не имела прежде и обычного для остальных частей деления на административные единицы (область, уезд, волость), а входя в состав б. Восточной Бухары, обладала местным делением на вилайеты и туманы.

В настоящее время Таджикистан имеет 6 вилайетов и одну автономную область. Часть из них подразделяется попрежнему на туманы, часть — на волости. Вилайеты следующие: Гармский, Гиссарский, Кулябский, Курган-Тюбинский (в них 39 туманов), Истаравшанский (Ура-Тюбинский), Пенджикентский и Горнобадахшанская автономная область (в них 18 прежних волостей). Это незаконченное районирование предполагается закончить путем замены вилайетной системы — окружной и системы туманов и старых волостей — укрупненными волостями. В качестве одного из проектов намечается следующий состав округов: Кара-Тегинский, Дарвазский, (Локайский, Гиссарский, Кулябский, Курган-Тюбинский, Истаравшанский Ура-Тюбинский), Пенджикентский и Горнобадахшанская автономная область (Памир). Но дело районирования Таджикистана, наиболее удаленной республики, по которой не имелось до последнего времени никаких материалов,— это дело, хотя и ближайшего, но все-таки будущего.

7. Национальное внутриреспубликанское районирование

Наш общий очерк, дающий представление о районировании Средней Азии, был бы не полон, если бы мы не отметили тех достижений, которые имели место в национальном „внутриреспубликанском“ размежевании. Национальное размежевание Средней Азии несомненно представляет опыт крупнейшего масштаба, но он был бы неполон, принципиально невыдержан и практически недостаточен, если бы национальное размежевание

по республикам не сопровождалось и не завершалось известным национальным размежеванием и внутри. Последнее, конечно, должно было итти и фактически шло по линии защиты интересов нацменьшинств. Последнее было в особенности необходимо потому, что Средняя Азия испытала в прошлом миграционные процессы и передвижения народов, как, быть-может, никакая другая страна. Вполне понятно поэтому, что в результате тысячелетий получались чересполосные конгломераты отдельных национальностей, племен и групп. Применение в этом отношении районирования представляет глубокий интерес. Выделение происходило не только при разнонациональном составе, но иногда приходилось производить его и при разноколенном или различном родовом составе населения одной и той же национальности.

Выделение национальных административно-хозяйственных единиц происходило по всем степеням схемы районирования, начиная с округа и кончая сельсоветами. Так, в Узбекистане мы имеем:

1 национальный Таджикский округ (Хаджентский);

12 районных национальных волостей с компактным национальным меньшинством;

306 национальных сельсоветов (из 1.750 сельсоветов республики).

Эти 306 национальных сельсоветов разделяются по национальностям следующим образом:

Таджикских	107	Каракалпакских	18
Казакских	51	Туркменских	13
Кураминских	31	Арабских	12
Русских	24	Персидских	4
Киргизских	24	Уйгурских	3
Кипчакских	19	Всего	306

В Киргизии мы имеем: 1 кантон европейских нацменшинств (великороссы, украинцы, немцы), 12 национальных волостей, из коих 11 европ. и 1 узбекская. 113 национальных сельсоветов (из 455 сельсоветов республики) и 27 смешанных сельсоветов нацменьшинств.

Национальный состав этих советов таков:

Украинских	51
Великорусских	14
Немецких	6
Узбекских	19
Дунганских	1
Татарских	2
Европейских (смешанных)	20
Всего	113

Районирование Средней Азии достигло известного этапа, близкого к первоначальному завершению. В процессе работы по районированию приобретен огромный разносторонний опыт. Работы по районированию привели к такому экономическому познанию края, о котором прежде трудно было и мечтать, и это несмотря на скудость, местами отсутствие статистических материалов, естественно-исторических наблюдений, антропологического изучения. В некоторых своих сторонах этот опыт, вне всякого преувеличения, имеет мировой масштаб. Но нельзя успокоиться на достигнутых позициях: районирование есть процесс, по мере развития коего впервые открываются перспективы для широчайшей и совершенно действенной плановой работы. Поэтому необходимо завершение и дальнейшее уточнение и усовершенствование достигнутых уже результатов, которые уже сейчас обнаружили чрезвычайную „рентабельность“ осуществляемой задачи.

В. Закандин

Закавказская промышленность в свете индустриализации

В процессе лихорадочной работы Закавказской промышленности по восстановлению оставшихся от царизма промышленных предприятий перед ней стояла одна основная задача — довести использование унаследованного промышленного имущества до стопроцентной эксплоатации.

Крайняя скудость средств и возрастающее требование рынка побуждали форсировать восстановительный процесс, не ставя в то время (1921—24 гг.) задач по перераспределению капиталов промышленности и изменению соотношения отдельных отраслей промышленности. Эти моменты и определили физиономию современной промышленности, отразившей на себе целиком политику царского правительства на окраинах бывшей Российской империи. Сущность ее сводилась к превращению окраин в колонии центральной России. В Закавказьи это конкретно вылилось в насаждение отраслей промышленности, не создающих экономически самодовлеющего района. Несмотря на то, что Закавказье по своим природным богатствам может удовлетворять местный спрос на ряд промтоваров (хлопчатобумажная и шелковая мануфактура, нитки, металлы, изделия из них, химикали, стекло, цемент и т. п.), практически экономика Закавказья сложилась так, что основная группа производимых промтоваров вывозилась для удовлетворения нужд других районов, а Закавказье, отправляя сырье и полуфабрикаты, всецело зависело от этих районов. Все это происходило, несмотря на то, что, допустим, хлопок совершал пробег в центральный текстильный район и возвращался в Закавказье в виде бязи или ситца, то же происходило с металлами и т. д. Восстановительный процесс в Закавказье прошел по линии наименьшего сопротивления, и к данному времени Закавказье имеет худшую, с точки зрения индустриализации страны, промышленную структуру. Дело в том, что, как и во всем Союзе, в Закавказьи наиболее жизнеустойчивыми в период гражданской войны оказались предприятия по изготовлению предметов широкого потребления и продуктов питания. По этому руслу и направилось форсированное восстановление. Медная промышленность, представляющая колоссальный экономический интерес для всего Союза, оказалась в худшем положении, и трудности ее восстановления оказались не по силам. Примерно в такое же положение попала марганцевая промышленность. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется полных данных о продукции промышленности в 1913 г., но имеющиеся сведения по основным отраслям дают возможность сделать некоторые предварительные выводы и дать характеристику восстановительного процесса (см. табл. на стр. 258).

Колоссальный рост соляной, силикатной, лесной и кожевенной промышленности об'ясняется следующим: по соляной — до войны Закавказье

[1] По материалам Госпланов Закфедерации, за исключением особо оговоренных случаев использования материалов других организаций.

Наименование отраслей промышленности	В %%% к итогу				В %%% к 1913 г.		
	1913	1924/25	1925/26	1926/27	1924/25	1925/26	1926/27
Каменноугольная	1	2,5	2,5	2	110	126	183
Марганцевая	22	28	16	14	60	47	59
Медная	32	5	5	10	7	11	31
Соляная	0,01	1	0,5	0,6	530	550	687
Силикатная	1,99	6	9	6	205	385	410
Табачная	28	21	22	20	37	54	70
Хлопчатобумажная	5	16	18	20	148	259	397
Шелковая	4	4	5	6	30	75	114
Кожевенная	3	9,5	11	9	148	232	283
Лесопильная	3	7	11	12,4	108	249	328

питалось, главным образом, ардаганской солью, в настоящее время отошедшей к Турции, ныне эксплоатируемое нахичеванское соляное месторождение и бакинская самосадочная соль не были рентабельными и добыча на них шла для удовлетворения нужд окружающего населения; потеря ардаганского округа побудила все внимание перенести на оставшиеся месторождения, и так как приведенная выше таблица составлена по принципу сквозных отраслей промышленности с поправкой на современную территорию, то и получился громадный рост продукции соляной промышленности; в части цементной промышленности громадный рост об'ясняется тем, что цементный завод был открыт в 1914 г., так что фактическое увеличение продукции по сравнению с 1913 г., по цементной промышленности должно быть исправлено по 1914 г. что не сделано вследствие отсутствия сведений; рост производства хлопчатобумажной промышленности не знаменует собой восстановление, ибо Закавказье обогатилось двумя новыми фабриками и правильнее в данном случае говорить не о восстановлении, а о превышении 1913 г. вследствие новостроек; остальные отрасли превышают 1913 г. в силу органического роста ранее имевшихся предприятий. Обращаясь на основании приведенной таблицы к анализу происшедших передвижек в соотношении ассортимента изделий и тенденции в росте продукции отдельных отраслей, мы приходим к следующим выводам:

1. Наиболее бурный рост дают отрасли, производящие предметы широкого потребления, превысившие (кроме табачной промышленности) довоенный уровень.

2. Это свидетельствует о максимальном использовании местного сельскохозяйственного сырья.

3. Отрасли промышленности непосредственно индустриализирующего характера (марганец, медь) значительно снизили свой удельный вес, в чем и заключается ухудшение соотношения отдельных выводов продукции в общей массе ее по Закавказью.

При оценке этого явления следует иметь в виду, что закавказская медная промышленность является основой химической промышленности (использование отбросов производства), поэтому восстановление ее, помимо уменьшения дефицита в нашем м таллобалансе, знаменует собой уменьшение нашей зависимости от заграничной химической промышленности.

Отсюда следует, что восстановление медной промышленности является задачей общесоюзного значения и как раз на этом фронте закавказская промышленность отстала. Необходимо более детально остановиться на основных моментах работы промышленности за последние

годы и по мере возможности оценить ее под углом зрения директивы об индустриализации страны.

Производственная структура Закавказья по сравнению с другими районами и республиками вполне удовлетворительна. Принимая всю материальную часть (продукция промышленности плюс продукция сельского хозяйства) народного хозяйства каждого района за 100, для промышленности мы имеем:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
ЗСФСР [1] без Азнефти	27	31	36
„ с Азнефтью	54	57	61
РСФСР [2]	40	42	43
Урал [3]	33	35	
УССР [4]	37	43 5	47,5
БССР [5]	18	23	24
СССР [6]	38	40	40

Имея в виду, что в подсчет доли промышленной продукции по всем перечисленным районам вошли так называемые экстерриториальные предприятия, каковым в Закавказье является Азнефть, при определении тенденции закавказского народного хозяйства и оценке количественного приближения к индустриализации, следует брать продукцию с Азнефтью.

Необходимо отметить, что приведенная структура должна считаться уже устойчивой, ибо продукция сельского хозяйства в 1926/27 г. достигла примерно 95% довоенного уровня и темп роста ее значительно отстает от роста промышленности, следовательно, в дальнейшем будет увеличиваться удельный вес промышленности.

Рассматривая с качественной стороны путь, пройденный прочей цензовой закавказской промышленностью, мы имеем следующую динамику развития отраслей, производящих средства производства и отраслей, производящих предметы потребления (по цензовой промышленности в довоенных рублях):

	В %%% к предыдущему году		В %%% к итогу	
	Средства производства	Предметы потребления	Средства производства	Предметы потребления
1924/25 г.				
СССР [7]	158	151	53	47
ЗСФСР	—	—	15	85
РСФСР [8]	—	—	35	65
1925/26 г.				
СССР [7]	147	138	54	46
ЗСФСР	106	142	12	88
РСФСР [8]	—	—	34	66
1926/27 г.				
СССР [7]	118	110	56	44
ЗСФСР	168	128	15	85
РСФСР [8]	—	—	35	65

[1] За первые два года данные заимствованы из „Краткого обзора нар. хоз. ЗСФСР за 1925/26 г.", изд. Госплана ЗСФСР, стр. 13.
[2] „Контрольные цифры народного хозяйства РСФСР на 1926/27 г.", стр. 41.
[3] „Контрольные цифры Союза", стр. 273.
[4] „Контрольные цифры Союза", стр. 226.
[5] „Контрольные цифры Союза", стр. 248.
[6] Исчислено на основании данных о валовой продукции.
[7] Данные по СССР заимствованы из книги „Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 г.", стр. 176.
[8] См. „Контрольные цифры РСФСР на 1926/27 г."

Сокращение удельного веса производства средств производства в 1925/26 г. произошло вследствие сокращения выработки марганца.

Приведенные показатели свидетельствуют о запоздалом росте производства средств производства: в 1925/26 г. прирост равен 6%, а в 1926/27 г.—68%. Решающее значение здесь имеет медь, выработка которой в сравнительно крупных размерах будет происходить только в наступившем году— в довоенных рублях выработка меди с 753 т. р. в 1924/25 г. поднимается до 1.175 т. р. в 1925/26 г. и достигнет 3.175 т. р. в 1926/27 г. Здесь и кроется усиленный темп роста производства средств производства за последний год.

Произошедшие за последние годы перегруппировки внутри промышленной производственной структуры свидетельствуют о росте удельного веса группы пищевкусовой промышленности с 29% в 1924/25 г. до 31% в 1926/27 г., при чем отмечается весьма значительный темп роста. Так, в 1925/26 г. прирост продукции определялся в 35% и в 1926/27 г. ожидается прирост в 54%. Значительную роль здесь играет рост маслобойной промышленности в связи с постройкой крупного маслобойного завода в Гандже и не меньшую роль играет продолжающееся развитие спирто-вино-коньячной промышленности, увеличивающей свою продукцию в 1926/27 г. почти на 50%.

Группа текстильной промышленности (хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани и первичные обработки хлопка—сырца) с 15.917 тыс. дов. руб. в 1924/25 г. увеличила свою продукцию до 22.088 тыс. дов. руб. в 1925/26 г. и ожидается в 1926/27 г. увеличение до 24.375 т. р., что дает прирост в 1925/26 г. 39% и 1926/27 г. 10%. Имея в виду, что хлопкоочистительная промышленность предполагает уменьшить в наступающем году выработку на 6%, прирост в 10%, принятый для остальных отраслей текстильной группы, значительно увеличивается. Удельный вес хлопкоочистительной промышленности с 22% в 1924/25 г. падает до 14% в 1926/27 г., остальная текстильная промышленность наоборот увеличивает свой удельный вес с 7% до 11%. Металлическая группа за счет меди и металлоизделий дает значительный рост: прирост в 1925/26 г. равен 39% и в наступившем году ожидается прирост 128%. Таким образом, все же приходится констатировать преобладающее значение пищевкусовой промышленности, дающей бурный рост при максимальном удельном весе.

Материальной базой для развития пищевкусовой промышленности являются природные условия, несложность и сравнительная дешевизна ее оборудования и участие крестьянского хозяйства в начальном процессе (сырьевом). Значительный рост текстильной промышленности вполне закончен и оправдывается не только усиленным рыночным спросом, но и приближением производственных процессов к сырьевой базе.

Дать оценку степени индустриализации народного хозяйства Закавказья по второму, выдвинутому Госпланом СССР критерию, по соотношению лиц, занятых в промышленности и сельском хозяйстве, к сожалению, нет возможности, ибо нет данных о численности населения, занятого в сельском хозяйстве. Поэтому приведем относительно характерные сопоставления, дающие возможность глубже проникнуть в происходящие в закавказском народном хозяйстве процессы.

Количество промышленной и с.-х. продукции, приходящейся на душу населения. (в дов. руб.): [1]

[1] По довоенным ценам; продукция только цензов. промышл. по „Контрольн. цифры народного хозяйства на 1926/27 г.“, стр. 238—243; для сельского хозяйства, без вычета переходящ. статей, см. стр. 339 и 248 „Контрольн. цифр. нар. хоз. на 1926/27 г.“

РЕСПУБЛИКИ	Продукция промышленности			Продукция сельского хозяйства.			Вся продукция.		
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
ЗСФСР без Азнефти	9,97	13,41	17,37	—	—	—	47,03	52,75	56,89
„ с Азнефтью .	41,25	49,05	56,62	37,06	39,34	39,52	78,31	88,39	96,14
БССР	5,89	9,50	12,50	83,23	82,82	86,99	89,12	92,32	99,49
РСФСР	31,98	42,78	47,75	58,20	69,76	70,91	90,18	112,54	118,66
УССР	28,46	48,07	57,10	61,60	73,10	72,90	90,60	121,13	130,00
СССР	29,41	40,99	45,80	65,39	78,67	82,18	88,80	119,66	127,98

Выскакивающая из ряда продукция промышленности ЗСФСР (со включением Азнефти) в данном случае не характерна, ибо продукция Азнефти по сравнению с другими районами непропорционально велика в отношении населения, но принимая даже и ее, рост продукции промышленности, как видно из таблицы, главным образом, происходит за счет форсированного темпа развития остальной промышленности, где ежегодный прирост (в %%) обгоняет прирост продукции Азнефти. Уместно здесь будет отметить, что большая и самая интенсивная часть восстановительного процесса Азнефти закончилась в 1924/25 г., последующие годы знаменуют собой органический рост производства.

В приведенной таблице можно сделать три основных вывода в отношении индустриализации:

1) Производительные силы (недра, с.-х. сырьевая база) Закавказья до сих пор не использованы.

2) Закавказье по сравнению с другими районами является наиболее отсталым, поэтому больше других районов может претендовать при распределении средств на восстановление и реконструкцию хозяйства на применение „коэффициента на хозяйственную отсталость“.

3) Место Закавказья в общей системе народного хозяйства СССР в достаточной степени выявлено этой таблицей, что говорит за необходимость усиленного внимания со стороны центра, ибо местное накопление неизбежно связывается с отсталостью и, следовательно, по сравнению с другими районами будет итти более медленным темпом, что должно быть учтено при распределении национального дохода Союза.

Считаем не лишним привести еще показатели степени индустриализации технического характера, т.-е. по мощности работавших двигателей. Этот признак следует признать заслуживающим внимания, ибо он дает представление о механизации производства, т.-е. движении промышленности по пути приближения к одной из основных директив экономической политики о поднятии технического уровня нашего производства. Эти показатели дают следующую картину: [1]

[1] Данные о работавших двигателях заимствованы у ЗакЦСУ.

Виды промышленности	На 1 НР продукции в довоенных рублях			На 1 рабочего НР		
	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Добывающая						
ЗСФСР	900	1.735	2.464	1,21	0,61	0,50
СССР	—	—	—	1,02	1,40	св. нет
Обрабатывающая						
ЗСФСР	4.146	5.441	6 600	0,62	0,69	0,75
СССР	—	—	—	0,84	0,90	св. нет
Вся						
ЗСФСР	3.017	4.425	5.698	0,74	0,67	0,69
СССР	—	—	—	0,89	1,05	св. нет

Таким образом, механизация производства в добывающей промышленности относительно уменьшается и во всяком случае не поспевает за ростом продукции, а следовательно, и ростом рабочей силы. Ручная работа превалирует над механической. Особенно отставание механизации заметно при сравнении ее с ростом продукции В обрабатывающей промышленности имеется тот же процесс отставания, но в несколько замедленной форме, и так как пополнение рядов рабочих в обрабатывающей промышленности идет менее интенсивно, то эта промышленность имеет возрастающее участие механической силы в производстве Приведенное сравнение с данными по Союзу достаточно ярко характеризует техническую отсталость закавказской промышленности.

Итак, соединяя все приведенные признаки, так или иначе выясняющие пройденные промышленностью Закавказья этапы, можно утверждать, что здесь происходит борьба недр и местной сырьевой базы, усиленно питаемой местным сельским хозяйством. Попутно заметим, что наступивший год в отношении с.-х. сырьевой базы весьма благоприятен. Центр промышленности индустриализующего характера (медь, железо, уголь) находится в зачаточном состоянии (кроме нефти). Промышленность, опирающаяся на местное сельскохозяйственное сырье (спирто-винно-коньячное, табачное, шелковое, хлопчатобумажное, кожевенное, маслобойное и т. п.) имеет длинную историю; сравнительно прилично налажен производственный аппарат, обеспечена местным сырьем и спросом (кроме винно-коньячной и в некоторой степени табачной), и поэтому в период восстановления эта промышленность достигла максимального развития. В результате полученного ею прироста внутрипроизводственная структура промышленности по сравнению с 1913 г. ухудшилась, что в целом снизило Закавказье в отношении приближения к поставленным задачам об индустриализации.

Обнаруженный промышленностью Закавказья за последние годы уклон в сторону развития хлопчатобумажной, шелковой, кожевенной и маслобойной промышленности—безусловно явление здоровое, ибо это практически разрешает вопрос о генеральном пересмотре географии промышленности и приближении производства к сырьевой базе и потребителю (последнее особенно в отношении хлопчатобумажной промышленности). Сырьевая база легкой индустрии в Закавказьи весьма значительна

и до сего времени в части, допустим, хлопка, шелка, шерсти, кожсырья и т. д. участвует в снабжении соответствующих отраслей промышленности других районов. Мощность сырьевой базы и обусловливает массовое развитие обрабатывающей с.-х. сырье промышленности, что в значительной степени упрощается более сохранившимся оборудованием и возможностью располагать предприятия в наиболее выгодном пункте (транспорт, рабсила, рынок).

Возможности развития в Закавказьи промышленности индустриализирующего характера (медь, химикали, железо, уголь и пр.) чрезвычайно велики. Закавказская медь в довоенные годы покрывала значительную часть российского производства, что видно из следующих сопоставлений [1]):

ГОДЫ	Производство в тыс. пуд.					Импорт	Общее потребл.	%% участия закавказской меди	
	Урал	Закавк.	Киргиз.	Енис. район	Всего			В произв.	В покр. спроса
1910	650	477	185	37	1.322	401	1.667	36	29
1911	769	526	202	29	1.526	447	1.971	35	27
1912	1.085	599	277	35	1.996	429	2.396	30	25
1913	996	628	309	39	1.972	376	2.338	32	27

Снижение удельного веса закавказской меди об'ясняется более интенсивным ростом медной промышленности Урала, увеличившим свое производство за указанные четыре года на 53%, в то время как закавказская за эти годы дала прирост только 31% при росте потребления по 4%; несмотря на это—значение закавказской меди все же было настолько внушительно, что резкое сокращение добычи последних (революционных) лет не может, конечно, не быть весьма ощутительным. Из четырех эксплоатируемых в довоенное время месторождений производительность в 1913 г. равнялась: Аллавердском — 232 тыс. пуд., Зангезурском — 110 тыс. пуд., Кедабекском — 79 тыс. пуд. и Чорохском — 206 тыс. пуд., последний ныне отошел к Турции.

Самым мощным месторождением как в смысле запасов руды (примерно 87 млн. пуд.), так и в отношении качества ее (по самым низким показателям 12% содержания меди) является Зангезурское. Здесь имеется в меди примесь золота и серебра. Разведанные запасы руды в Аллавердском районе (вместе с Шамлунскими рудниками) определяются в 532 тыс. пуд. меди, средний выход меди в Аллавердах 3,8%, в Шамлуне 6%. Эти запасы не только разведаны, но и подготовлены. Кедабекское месторождение, некогда имевшее решающее влияние для закавказской медной промышленности, ныне считается истощенным. Однако, это утверждение оспаривается и требует проверки, ибо в конце прошлого века Кедабек тоже был одно время заброшен, но в начале 900-х годов разведка установила богатые запасы меди и успешная эксплоатация продолжалась до 1918 г.

---

[1] „Народное и государственное хозяйство СССР за 1922/23 г.," стр. 187.

Как видно, запасы медной руды весьма значительны, но разработка их весьма затруднена, вследствие отсутствия топлива (кокса), удаленности некоторых из них от линий железных дорог, неудовлетворительного состояния грунтовых дорог и, разумеется, главным препятствием является отсутствие капиталов. Аллавердская группа получила разрешение транспортной проблемы постройкой железнодорожной линии Тифлис—Крас, которая прошла в 3 верстах от заводов. Положение Зангезура будет улучшено ныне строящейся линией Баку—Джульфа. Эта магистраль пройдет в 37 верстах от месторождения и постройка под'ездного пути от магистрали совершенно изменит экономическое положение Зангезура в медной промышленности к СССР. До последнего времени зангезурская медь отправляется гужем на ст. Евлах, Закавказской ж. д., находящуюся на расстоянии 240 вер. от Зангезура.

Каменный уголь имеет в Закавказьи два месторождения: Ткварчели и Тквибули. Ресурсы определяются для Ткварчелей от 11 до 13 миллиардов пудов (окончательно не установлено, так как работа Глав. геологич. комитета, производившего разведку, не закончена). Запасы Тквибульских месторождений определяются примерно в 6 миллиардов пудов. Качество ткварчельских углей приравнивается к кардифскому. Тквибульские угли значительно ниже и, кроме того, не выдерживают долгого хранения, преобладание в тквибульских углях мелких углей ставит на очередь вопрос об облагораживании их (брикетирование, коксование). Только при таких условиях он может рассчитывать на значительное распространение. Помимо задачи по удовлетворению местного спроса в энергетическом топливе, местные угли должны заменить собой ныне ввозимый уголь для технологических целей. Развертывание закавказской угольной промышленности, являющейся только производством средств производства, трансформирует свою продукцию в орудие производства, ибо закавказская угольная промышленность имеет полное право вытеснить с рынка нефть и, таким образом, значительно увеличит наш экспорт (а следовательно, и импорт, в частности завоз оборудования) и производство светлых продуктов нефтеперегонки.

В виду чрезвычайной остроты топливного баланса Союза и поставленной задачи о создании положительного внешторгового баланса, считаем необходимым на этом вопросе несколько задержаться.

Структура топливного баланса Закавказья определяется следующим удельным весом различных видов топлива:

	Дрова	Древесный уголь	Камен. уголь	Нефть	Всего
1924/25 г. . .	11,03	0,08	1,32	87,57	100
1925/26 г. . .	10,85	0,13	1,12	87.90	100
1926/27 г. . .	11,42	0,07	2,11	86,40	100

Следовательно, развитие закавказской топливной промышленности: 1) увеличивает наш экспортный фонд, 2) защищает закавказские леса от истребления, что очень важно для сельского хозяйства, 3) ликвидирует завоз донецкого топлива, идущего для технологических целей, наконец, 4) возможен экспорт угля за пределы ЗСФСР.

Затем богатые перспективы имеет Дашкесанское месторождение железных руд. Минимально запас высокопроцентной руды (не ниже 60%) Дашкесанского месторождения определяется примерно в миллиард пудов [1] и, наконец, к этой группе производства относится химическая промышленность, имеющая богатые перспективы.

[1] См. ст. Л. Конюшевского, „Дашкесанское железо", „Экономический вестник Закавказья", № 23.

Таким образом, имевшая место до сего времени борьба тяжелой и легкой индустрии при всех трудностях на пути развития тяжелой индустрии дала перевес легкой индустрии.

Очередное пятилетие, судя по ориентировке капитальных затрат промышленности, по всей вероятности не изменит внутрипроизводственную структуру промышленности. Всего предполагается израсходовать на промышленность в пятилетие 140 млн. руб., в том числе на промышленность индустриализирующего характера предполагается ассигновка в 67 млн. руб., в том числе на силикатную 8 м. р., горнозаводскую—34 м. р., химическую—25 м. р., а остальные 73 м. р. ассигнуются на легкую индустрию, в том числе крупные затраты проектируются: по текстильной промышленности 47 м. р., пищевкусовой—9 м. р., лесной—13 м. р., строительные материалы—2 м. р., кожевенную—1,5 м. р. и полиграфическую—2 м. р. Следовательно, очередные затраты распределяются: 40% на промышленность, производящую средства производства, и 60% на прочую.[1] Этим проектом и определяются пути развития закавказской промышленности. В частности, вопрос о развитии здесь выработки орудий производства в течение всего первого пятилетия не получит положительного разрешения.

Размер капитальных затрат и пропорциональность потребности Закавказья в них для удержания последнего на известном хозяйственном уровне в отношении остальной промышленности Союза постоянно вызывает сомнения.

Удельный вес Закавказья во всей промышленности СССР выражается следующим рядом цифр:

С Азнефтью	4,5	3,9	4,0
Без Азнефти	1,6	1,5	1,7

Темп роста продукции цензовой промышленности более детально вырисовывается в следующих сопоставлениях:

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
	Цензовая		
ЗСФСР без Азнефти .	55	76	100
„ с Азнефтью . .	228	277	325
БССР	25	42	55
РСФСР	3135	4236	4871
СССР	4060	5797	6640
	То же в % % к предыдущему году		
ЗСФСР без Азнефти .	—	138	131
„ с Азнефтью . .	—	121	117
БССР	—	166	123
РСФСР	—	134	113
СССР	—	143	114

По цензовой промышленности, таким образом, темп роста вполне обеспечивает пропорциональность развития закавказской промышленности общесоюзной. Но, разумеется, с точки зрения выдвинутого лозунга о подтягивании окраин, к каковой бесспорно относится Закавказье, этот темп не достаточен, ибо он гарантирует только пропорциональность роста, следовательно сохранение ранее бывшей хозяйственной отсталости.

Обращаясь к процессу обобществления, т.-е. к максимальному росту государственной и кооперативной промышленности за счет снижения удельного веса частной (в том числе и концессионной) промышленности,

[1] В приведенные цифры капитальных затрат не вошли затраты Азнефти.

можно с удовлетворением констатировать значительное развитие сектора обобществленной промышленности, что видно из следующих сопоставлений:

РЕСПУБЛИКИ	Государств.			Кооперативн.			Частная		
	1924/25	1925/26	1926/27	1924/25	1925/26	1926/27	1924/25	1925/26	1926/27
ЗСФСР без Азнефти .	79	80	83	14	12	10	17	8	7
„ с Азнефтью .	92	92	93	5	5	4	3	3	3
РСФСР[2]	92	92	93	4	4	4	4	4	3
СССР[1]	90	89	90	6	7	6	4	4	4
Урал[2]	78	82	83	7	6	6	14	12	12

На ряду с развитием обобществленных форм идет укрупнение предприятий, хотя в отношении рабочей силы предприятия закавказской промышленности, не считая Азнефти, все же весьма незначительны; так в 1924/25 г. на одно предприятие приходилось продукции 144 т. р. при 60 рабочих, в 1925/26 г. 174 т. р. при 69 рабочих и, наконец, в 1926/27 г. запроектировано 230 т. р. при 85 рабочих.

Совершенно особо и достаточно остро стоит вопрос о вовлечении работы промышленности в плановое русло. Достаточно взглянуть на удельный вес промышленности, подведомственной ВСНХ, чтобы убедиться в том, что на этом участке дело обстоит неблагополучно.

Удельный вес промышленности ВСНХ во всей промышленности (по продукции):

	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Азербайджан	27	40	46
Армения	38	40	49
Грузия	39	40	42
ЗСФСР без Азнефти . .	35	40	45
„ с Азнефтью . .	78	76	76

Значительный вес в не ВСНХовской промышленности имеет хлопкоочистительная и маслобойная промышленность, но если даже считать, что она планирует и регулирует по линии Главхлопкома, все же будет иметься крупное ядро промышленности, регулируемое и планируемое в ведомственном порядке.

Разработанные материалы госпланов Закфедерации позволяют утверждать, что промышленность ВСНХ имеет большой темп роста и, как было указано выше, постепенно получает преобладающее значение.

В подтверждение приводим следующую таблицу:

Темп роста (в %% к предыдущему году)

Республики	1925/26 г.		1926/27 г.	
	ВСНХ	Прочая	ВСНХ	Прочая
Азербайджан	177	122	144	112
Армения	143	135	204	142
Грузия	151	144	136	125
ЗСФСР	162	131	145	120

[1] Контр. цифры нар. хоз. СССР, стр. 207.
[2] Контр. цифры нар. хоз. РСФСР, стр. 45.

Удельный вес отдельных республик, входящих в Закфедерацию представляется по годам в следующем виде (без Азнефти):

РЕСПУБЛИКИ	1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.	
	По продук.	По рабсил.	По продук.	По рабсил.	По продук.	По рабсил.
Азербайджан	52	35	52	33	49	33
Армения	10	8	9	13	13	18
Грузия	38	57	39	54	38	49
	100	100	100	100	100	100

Рост удельного веса промышленности Армении происходит, главным образом, за счет расширения медной промышленности.

Грубые подсчеты дают рост выработки на одного рабочего. Так, в 1924/25 г. по всей цензовой промышленности выработка равнялась 2420 дов. руб., в 1925/26 г.—2510 дов. руб. и в 1926/27 г.—2704 дов. руб., динамика определяется следующим рядом: 1924/25 г.—100, 1925/26 г.—104, 1926/27 г.—112.

Попутно считаем необходимым сказать несколько слов о рабсиле. Этот вопрос постепенно приобретает остроту. Особенно, видимо, он обострится в следующие годы, когда на новостроящиеся предприятия потребуется квалифицированная рабочая сила. Трагедия закавказской промышленности в этом отношении заключается в том, что она не знает качественного своего состава (выявление действительной квалификации занятой рабсилы включено в программу РКИ). Отсутствие твердых плановых предположений не дает возможности выявить потребную рабсилу (с качественной стороны) и, наконец, безработица органами НКТ не изучена. Регистрация происходит по документу с прежней службы, экспертиза отсутствует. Все это осложняет вопрос о насыщении промышленности рабсилой. В текущем году предполагаются затруднения с металлистами и текстильщиками. В остальных отраслях, по имеющимся данным, сколько-нибудь значительного недостатка не ожидается.

Резюмируя все сказанное, мы приходим к следующим выводам:

1. Промышленность ЗСФСР в 1926/27 г. действует с неизменившимися естественными материальными ресурсами, а именно:

а) благоприятный урожай сельскохозяйственного сырья полностью обеспечивает в нем потребность промышленности;

б) топливные ресурсы за истекающий год не дали каких-либо неблагоприятных показателей;

в) хотя по имеющимся сведениям в квалифицированной рабочей силе и испытывается недостаток, но сравнительно незначительное увеличение кадра рабочих дает основание полагать, что рабочий вопрос не примет обостренной формы;

г) на фоне нарастающего недостатка промтоваров промышленность ЗСФСР, реализующая в массе свою продукцию на местном рынке, в наступающем году не может столкнуться с кризисом сбыта.

2. Отрицательным фактором для промышленности ЗСФСР в наступающем году является сжатие центром кредитов на воспроизводство основного капитала, вследствие чего в 1926/27 г. ожидается сокращение капитальных вложений в промышленность ЗСФСР;

3. Темп роста промышленности свидетельствует о достаточной интенсивности работ по восстановлению, но пропорциональность развития по сравнению с остальными районами не дает оснований полагать, что закавказская промышленность стоит на правильном пути, ибо в порядке осуществления директивы о подтягивании хозяйственно отсталых районов закавказская промышленность должна проявить более интенсивный рост, чем это имеет место в данное время.

4. Процесс восстановления можно считать законченным (кроме медной, марганцевой и табачной промышленности), и наступивший год должен явиться переходным к массовому новому строительству.

5. Идея индустриализации получила разрешение только с количественной стороны. Качественно индустриализация по сравнению с довоенным временем стоит на более низкой ступени. Наступивший год дает в этом отношении благоприятные показатели. Однако, она не даст довоенного соотношения производства основного и оборотного капитала.

6. Ближайшее пятилетие пройдет под знаком превалирующего значения предметов широкого потребления и продуктов питания.

7. Весьма положительным явлением следует признать:

а) систематическое укрупнение предприятий;

б) рост сектора обобществленной промышленности;

в) рост выработки на одного рабочего;

г) интенсивный рост валовой продукции.

8. К числу отрицательных показателей относятся:

а) относительное уменьшение механической двигательной силы;

б) слабый темп роста медной промышленности;

в) слабое вовлечение промышленности в плановое русло;

г) значительное участие нефтетоплива в топливном балансе (в части местного потребления).

ОТДЕЛ V

Критика и библиография

Проф. Э. Э. Понтович. Казна и контроль, с предисловием И. Ланда. Финансовое издательство НКФ СССР. Москва. 1927 г., стр. 135, тираж 1500 экз.

В нашей экономической литературе начали прививаться довольно дурные нравы. Считается „хорошим тоном“ написать подобающее „критическое“ предисловие на три—четыре странички и под их прикрытием выпускать в свет все без всякого критического разбора. Философская казуистика проф. Понтовича уже была изложена в нескольких статьях на страницах „Вестника финансов“ (№№ за 1925, 1926 гг.). Для чего понадобилось собрать все это во единый „труд“ (как выражается в предисловии И. Ланда), при пользовании которым „читатель должен пропускать через призму марксистского понимания определения и понятия автора, должен учесть конкретные условия советской действительности“[1])? Иначе говоря, наш советский читатель должен воспринимать Понтовича не таковым, как он есть на самом деле, а в „призме“, в свете, ему чуждом, и „действительности“, которую он абсолютно игнорирует. Любопытно было бы узнать у тов. Ланда, „с какого боку“ он считает полезным труд Э. Э. Понтовича? Оказывается, что проблема финансового контроля является скудно разработанной областью, и этот пробел заполняет проф. Понтович. Какой наивностью, граничащей с издевательством, звучат для всякого, читавшего „Казну и контроль“ разговоры насчет „марксистской призмы“ и проф. Понтовича? Два полюса, два антипода, и в этом смысле книжка проф. Понтовича на десятом году революции как-то особенно выявляется на фоне всей изданной у нас экономической литературы.

Профессор с первых же строк вводит вас в круг своих пониманий и определений. Начинает он строгой формулировкой понятия государства. „Государство есть политический союз, и государственная власть — власть политическая“. Для осуществления политических целей является, однако, ненеобходимым обладание не только личными, но и материальными средствами. Отсюда то существенное значение, которое принадлежит понятию „казны“ и дальше: „понятие казны не есть понятие об экономической мощи, об экономических и финансовых возможностях государства. Понятие казны есть понятие юридическое, а не экономическое или социологическое“. После „Государства и революции“ Ленина проф. Понтович через нашу советскую литературу безнадежно пытается воскресить исконно-буржуазную и социально-утопическую теорию о независимости государства от экономики, и, отсюда, о внеклассовом характере государства. На таких, с позволения сказать, пониманиях долгое время выезжали все буржуазные общественные науки, и по сей день западноевропейские коллеги нашего автора заодно с ним провозглашают эмансипацию политической власти. Профессор на протяжении всего своего труда пытается резко отмежевать „юридическое“ от „экономического“ и от „социологического“. Безнадежно: любой рабфаковец и школьник 2-й ступени высмеют такие „понимания“ нашего профессора.

С понятием казны связано понятие фиска, но фиск государства отличается от прибыли в частном хозяйстве тем, что на него нельзя

---

[1] См. предисловие И. Ланда.

распространить принципа выгодности, здесь играет роль не прибыльность, а полная удовлетворенность „потребности государства, как единого политического и культурного целого". „В противном случае государственная власть обращается в чисто-хозяйственное явление, но явление уродливое, так как политическая власть государства в этих условиях будет не служить обществу". О каком „обществе" здесь речь идет? Неясно. Одно лишь понятно, что для Понтовича существует единое общество, с надклассовым государством.

У нас в СССР государство, по мнению Понтовича, „раздробляет себя на бесконечное число юридических лиц частного права", в деятельности коих преобладают, по утверждению профессора, „частно-хозяйственные принципы" (? Ш. Т.).

„Дела этих предприятий — казенные дела, но не дела казны в формальном смысле этого слова". „Таков режим государственного капитализма" СССР. Вот вам точная характеристика нашего переходного периода на костоломном языке буржуазной юриспруденции. „Итак, казна (фиск) в смысле материальном есть у нас нечто значительно более обширное, чем казна в смысле формальном" и оказывается, что государственный интерес у нас отражают такие органы, как СТО, Госплан и ЭКОСО, а фискальный интерес „совершается в Финансовом управлении". Проф. Понтович пытается резко разграничить интересы наших хозяйственных органов от финансовых, вот для чего ему и понадобилось это „материальное" и „формальное". Профессор не понимает самых элементарных основ нашей экономики и хочет во что бы то ни стало втиснуть наше бытие в узкие рамки своей юридической казуистики, отсюда и представление его о государственном хозрасчете, как о частно-хозяйственном интересе, отсюда и резкое распределение функций хозяйственных от финансовых, отсюда и так называемое слияние государства с гражданским обществом.

Следующая глава касается снова общих положений — вопроса о финансовом управлении, где автор „последовательно" проводит свою точку зрения резкого разграничения функций плановых органов от функций финансового управления, которое является „ведомством планового руководства делами казны". Считая вдобавок, что органы финансового управления служат „целям поддержания дисциплины в различных сферах государственного хозяйства", автор ставит, таким образом, финансовый контроль не только вне общего планового руководства хозяйством, но и над ним.

Останавливаясь на том, как советская власть стремилась устранить формализм и бюрократизм из сферы государственного контроля, автор повествует: „Огромная ценность старой министерской организации для осуществления сложнейших задач управления в момент перехода к новому строю казалось для всех (? Ш. Т.) очевидной". Еще раньше для автора было еще более очевидным, что „наркоматы, т.-е. бывшие министерства, были унаследованы от старого строя". Все, как-будто бы, более, чем очевидно. Произошла „какая-то" перемена строя, советская власть засела в старые министерства и издает законы — так пишется история... Отсюда, конечно, у автора логический вывод: „Если власть должна была мириться с чуждым советской системе бюрократическим элементом, то над деятельностью всех наркоматов (читай „министерств". Ш. Т.) должен быть утвержден истинно рабочий и истинно крестьянский надзор". Итак, „советская система" спасовала перед бюрократизмом, вообще она „примирилась" с ним. Нашему профессору невдомек ни классовый смысл советского государства ни социальное значение имеющихся в нашем аппарате бюрократических извращений.

Проф. Понтович не учитывает, что контролирующие органы у нас являются частицей нашего госаппарата и никаких своих особых интересов быть не должно, затем государство у нас, как сам автор цитирует, — не „потерпит бюрократизма" по причинам, о которых знать не хочет проф. Понтович. Отсюда следовало бы сделать соответствующий вывод. Но проф. Понтович уверяет нас, что весь наш государственный аппарат бюрократичен. Для него совершенно идентичен старый государственный контроль с нашим советским финансовым контролем. Название лишь изменилось: вместо министерства — наркоматы, вместо государственного контроля — финансовый контроль. Отсюда профессор делает неминуемый вывод, — финансовый контроль, как прямой наследник бывшего государственного контроля, должен перенять у своего предка всю его формально-бюрократическую основу.

Игнонируя классовую природу государства, автор применяет критерий, пригодный для буржуазного государства, с одинаковым „успехом" к государству советов, — совершенно противоположного характера и содержания. Подход этот, по существу, явно бюрократический — формальный. Совершенно смехотворно выглядит, например, такое подразделение автора на „государственный" и „надгосударственный" контроль.

В следующей главе о начете автор продолжает выступать в роли глашатая бюрократических основ. Возражая вообще против начета, как меры воздействия финансового контроля, автор безапелляционно, с твердой уверенностью заявляет: „О начете не может быть и речи в случаях, когда соответствующие административные учреждения или соответствующее должностное лицо расходовало отпущенные ему суммы совершенно законно, хотя бы оно и потерпело от таких действий убыток". Иначе говоря, проф. Понтович рекомендует финконтролю придерживаться исключительно буквы закона, совершенно не обращая внимания на последствия тех или иных „законных действий". Поскольку можно сослаться на закон, постольку данное действие, несмотря на громадный вред для казны, не должно преследоваться. Совершенно чудовищно! Нельзя применять закона „на веру", необходимо прежде всего знать, что закон преследует определенную целесообразность, и если от применения этого закона „казна потерпела" убытки, то закон этот, несомненно, изжил себя. Если данное действие распорядителя кредитов непосредственно казне убытков не причиняет, все же действие это может вызвать целый ряд явлений, которые в конечном счете причинят казне неимоверный ущерб. Никаких убытков казна, как-будто, не терпит от нарушения бюджетной дисциплины, но это нарушение вносить дезорганизацию в финансовый план (бюджет) и отсюда все вытекающие последствия. Диалектический подход применим не только в высших сферах нашего познания, он необходим в повседневной практической жизни и работе, во всех „социальных мелочах".

Нельзя рассматривать, как это делает Понтович (и к тому же с достаточной аббарацией) лишь поверхность явления. Нужно прежде всего выявить особенность явлений, установить закономерность новых формаций, их отличие от старых, но ни в коем случае не вколачивать в старые раз установленные и отжившие догмы высшую стадию социального развития.

И после всего этого нам рекомендуют пропускать все это через марксистский фильтр. Извините, пропускать-то ведь нечего! По ряду положений даже смешно и не хочется возражать проф. Понтовичу. А все же автор предисловия считает полезным издание тому подобных „трудов".

Да, „вообще говоря, мы успели заразиться от западно-европейской государственности, при всем революционном к ней отношении, целым рядом вреднейших и смешнейших предрассудков, а отчасти нас умышленно заразили наши милые бюрократы“ [1] (Ленин, т. XV, стр. 112).

Ш. Я. Турецкий

Производственный план по сельскому и лесному хозяйству на 1926/27 год, под общей редакцией М. А. Алексеева. Издание НКЗема ЧАССР, гор. Чебоксары, 1927 г. Стр. 58, с приложением сводной операционно-финасовой ведомости.

Самый факт издания Наркомземом Чувашской республики производственного плана нужно приветствовать. Это указывает на твердое стремление внедрить плановое начало в сельскохозяйственную действительность.

Однако, нельзя не отметить того обстоятельства, что „первый блин“ Наркомзема ЧАССР, в издании плана, несомненно вышел комом. Наиболее существенные недостатки издания нельзя оправдать необходимостью значительных сокращений тех плановых материалов, которые, как это видно из предисловия, у Наркомзема ЧАССР имеются. В 58 страницах возможно было бы уместить довольно много и, во всяком случае, все самое существенное. Недостатки издания скорее об'ясняются совершенно непростительной небрежностью в его редактировании. Производственные планы необходимо более тщательно подготовлять к печати, имея в виду, что рядовому читателю — в большинстве агро-или ветработнику слишком некогда разбираться в логических противоречиях, неясностях в изложении, недомолвках, ошибках в подсчетах и т. д.

Основным недостатком изданного плана является полное отсутствие классового подхода в построении мероприятий. Можно подумать, что в Чувашреспублике нет классового расслоения в деревне, что нет необходимости подтягивания бедняцкой группы к уровню хотя бы середняцкой группы. При чтении плана получается впечатление, что Наркомзем решил обслуживать только лишь зажиточное крестьянство, между тем, в действительности, повидимому это далеко не так. Допущением при издании плана указанного пробела Наркомзем, вероятно, сам на себя клевещет.

Не менее существенным недостатком изданного плана является также почти полное игнорирование сельскохозяйственной кооперации. Правда, в плане отдается некоторая дань кооперации—ей отведены целых... полторы страницы. Но может быть дело не в количестве, а в качестве? К сожалению, и в качестве кооперативного плана приходится более, чем сомневаться. Прежде всего, в этом-то плане определенно проглядывает ставка на зажиточные слои крестьянства, о простейших видах кооперации, единственно лишь доступных бедноте, почти не говорится ни слова, если не считать упоминания вскользь о двух товариществах по общественной обработке земли,—это на всю-то Чувашскую республику! Сеть специальных товариществ предположено значительно расширить: в течение целого ряда лет сеть достигла 45 единиц, а в текущем году ее предположено довести до 101 единицы, т.-е. расширить на 124,4%. Конечно, все это очень хорошо, но наркомземовские чудодеи, к сожелению, не обнаруживают тайны своих чудес. Повидимому дело об'ясняется весьма просто: хромает учет кооперативов; в период составления плана, возможно, была проведена кампания по учету, отсюда мгновенный рост сети более, чем вдвое. Мы попытались

[1] Разрядка наша. Ш. Т.

дать такое простое и весьма правдоподобное об'яснение, единственно лишь исходя из соображений, что чудес на свете не бывает и что специальные виды кооперации, развитие которых тесно связано с ростом благосостояния крестьянства, не делают очень резких скачков в своем развитии. Качественная характеристика кооперативной сети в плане совершенно отсутствует: в нем нет не только балансовых данных, но и простого указания на размеры паевых капиталов. Это более, чем легкомысленный подход к вопросу.

Отдав некоторую дань кооперации (неприлично же совершенно о ней не писать!), составители плана упорно не пожелали хотя бы упомянуть о деятельности низовой сельскохозяйственной кредитной сети.

Большинство из перечисленных в плане мероприятий совершенно не обосновано. Не указано, чем вызывается намеченный планом об'ем мероприятий, чего мы уже достигли и что еще остается впереди для дальнейших наших достижений; почему на такое-то мероприятие ассигнуется столько-то рублей, а на другое меньше? Каков предполагаемый эффект мероприятий? Ответы на все эти вопросы имеются в полном плане Наркомзема—не испорченном. Издавая план, Наркомзем и здесь по непонятным причинам решил на себя наклеветать.

В качестве одного из наибольших курьезов плана необходимо отметить помещение в нем нового проекта сельскохозяйственного районирования. Это один из многочисленных проектов, которые у Наркомзема Чувашской республики, повидимому, имеются в запасе в большом количестве на всякий случай, при чем Наркомзем считает своим долгом каждый новый план снабдить обязательно новым проектом районирования. Наркомзем не может изображать из себя портного, который, не имея лучшего применения своим силам, перекраивает ежегодно территорию Чувашской республики, как этого пожелает тот или иной специалист или группа специалистов.

Кроме указанных основных недочетов изданного Наркомземом ЧАССР плана, в последнем имеется большое количество мелких недостатков: отсутствие логической связи между мероприятиями по различным отраслям сельского хозяйства, случайный порядок в расположении материала, отсутствие какой бы ни было системы в изложении, отрывчатость изложения, небрежность стиля.

Ярким примером небрежности издания является таблица на страницах 34, 35 и 36 (такая большая таблица!). В верхней части страницы 35 в графах — число лекций и число слушателей цифры 40 и 72, ни с чем не складываясь, каким-то непостижимым образом дают изрядные итоги: 1008 и 560! На странице 36 в тех же графах по Чебоксарскому уезду, цифры 72 и 40 тоже чудесным образом превращаются, в итоге, в 576 и 320, но здесь, по крайней мере, есть почва для предположений о том, что это цифры средние для всех пунктов, в которых намечены курсы.

Примеров небрежности издания к сожалению так много, что для их исчерпания, пожалуй, пришлось бы составить целую брошюру, по об'ему мало уступающую самому плану.

На стр. 45 сообщается следующее: „На 1926/27 год центром предоставлено для внешнего переселения 9.000 душевных долей“ (курсив наш. Н. Б.).

Мы рекомендуем Наркомзему Чувашской республики осторожнее относиться к своим изданиям и воздержаться в дальшейшем от такой широкой демонстрации (тираж 1.200 экз.) того, как не следует издавать книги.

Н. Буланже

Задачи и перспективы государственного кредита в СССР (Сборник статей под редакцией проф. Д. А. Лоевецкого). Финансовое издательство. 1927 г., стр. 251.

Выпущенный Финансовым издательством сборник по вопросам государственного кредита состоит из ряда статей и большого статистического и справочного материала о наших государственных займах. Помещенные в сборнике статьи посвящены принципиальным вопросам политики нашего государственного кредита, его истории и теоретической сущности, отдельным проблемам дальнейшего развития государственных займов в СССР.

Представленный в сборнике статейный материал может быть разделен по своему содержанию на три группы.

К первой группе могут быть отнесены статьи, исследующие вопросы политики государственного кредита (статьи Д. А. Лоевецкого „Задачи и перспективы государственного кредита", Л. Н. Юровского „Наш государственный кредит на рубеже 1926/27 г.", И. В. Эпштейн „Политика госкредита"). Вторая группа включает статьи, посвященные анализу теоретической сущности нашего государственного кредита и характеристике его истории (статьи М. И. Боголепова „О государственном кредите", Г. В. Вульфа „История государственного кредита в СССР и его проблемы"). К третьей группе принадлежат статьи, специально исследующие отдельные проблемы развития государственного кредита (статьи Н. Д. Силина „Проблемы долгосрочных государственных займов", А. А. Дезена „Накопление промышленности и перспективы госкредита", С. М. Винокура „Текущий долг СССР", Е. О. Фашинского „Частный капитал и государственный кредит", А. Д. „Государственный кредит и частный денежный рынок", В. В. Павлова „Правовое положение фондового рынка"). Особняком стоит статья К. А. Кузнецова „Иностранный государственный кредит в его современных проблемах".

Помещенные в сборнике статьи дают довольно подробную характеристику современного состояния нашего государственного кредита, перспектив и задач его дальнейшего развития. По замыслу редакции, сборник предназначен для широкого круга читателей и, в первую очередь, для финансового работника. Преследуя своей целью популяризацию основных вопросов политики государственного кредита, сборник знакомит читателя в доступной и легкой форме с нашими достижениями, намечая, вместе с тем, задачи, стоящие перед нами в дальнейшей работе. Сборник является не только введением, но представляет также довольно подробное изложение отдельных проблем нашего государственного кредита. На ряду с этим, сборник служит хорошим справочником по статистике государственного кредита; в сборнике опубликованы справочные сведения и разработанные статистические данные о всех государственных займах. Удачная программа сборника, легкость и доступность изложения, богатство фактического материала,— все эти достоинства придают новому сборнику особенную ценность, тем более, что в нашей литературе по государственному кредиту не было до сих пор такого специального издания. Первые опыты, предпринятые в этой области в предшествующие годы, оставляли желать много лучшего. Монографические работы по вопросам государственного кредита, выпускавшиеся отдельными изданиями и появлявшиеся в журнальной литературе, не могли удовлетворить нужды в специальном сборнике, рассчитанном на широкого читателя.

Неизбежным почти всегда недостатком сборников является некоторая повторяемость материала в отдельных статьях. Не свободен от этого недостатка также и рецензируемый сборник. Особенно заметно это

повторение в статьях руководящего характера. Дефектом сборника является, кроме того, преобладание общих статей и недостаточная разработанность отдельных проблем государственного кредита. Сравнительно более подробно освещены вопросы размещения государственных займов на частном денежном рынке. Недостаточно исследована в сборнике проблема накопления; беглые замечания по вопросам, связанным с проблемой нашего современного накопления, разбросаны почти во всех статьях; отдельные замечания не исчерпывают, конечно, всей проблемы; меж тем, именно для нас в вопросах государственного кредита эта проблема представляет чрезвычайной важности теоретический и практический интерес. Если по соображениям популяризации представлялось, быть может, целесообразным отказаться от теоретического исследования проблемы накопления в условиях нашей экономики, то, во всяком случае, необходимо было специально и достаточно подробно остановиться на этих вопросах в связи с проблемой нашего национального дохода.

Нельзя не отметить соображений об очередных задачах в деле снижения стоимости государственного кредита и общих размерах увеличения наших займов. Нельзя не согласиться также с соображениями об ограниченных возможностях в деле развития долгосрочного кредита. Однако, последние наши достижения позволяют, в известной мере, преодолеть тот пессимизм, которым проникнуты были отдельные статьи, посвященные вопросам долгосрочного государственного кредита. Бодрые мотивы руководящих статей намечают верные пути нашей дальнейшей работы.

Представив сводку материалов по ряду принципиальных вопросов нашего государственного кредита, сборник открывает новые возможности для дальнейшего исследования отдельных проблем.

А. М. Гольденберг

Проф. Л. Велихов. Опыт муниципальной программы. Материалы для академического курса и перспективных планов городского хозяйства. Госиздат. Москва — Ленинград, 1926 г. стр. 102, цена 1 р. 50.

Книга Л. Велихова посвящена хозяйству города и проблеме его планирования, предназначена быть „материалом академического курса и перспективных планов городского хозяйства" и является конспектом к лекциям, читанным автором в Донском Политехническом Институте. Строго говоря, мы имеем дело с двумя книгами, из которых первая является не чем иным, как программой курса по городскому хозяйству, но отнюдь не „муниципальной программой" (заголовок книги совсем не соответствует ее содержанию), а вторая — книгой о перспективных планах городского хозяйства.

Что касается первой части, то автор не дал в ней полной и отчетливой классификации отдельных хозяйственных областей. Задачи охраны — суд и милиция, остались скомканными и не выявлены в самостоятельную хозяйственную область, равно как и социальная помощь и охрана труда, здравоохранения и просвещения — развиты мало; промышленность, торговля и сельское хозяйство в городах — совсем отсутствуют. Наоборот, городское благоустройство развито непропорционально сильно.

Во второй части автор впал в чрезвычайно тяжелую ошибку, смешав коммунальное хозяйство в истинном смысле этого слова, т.-е. хозяйство коммуны (промышленность, торговля, здравоохранение и т. д.) в данном случае — городской, с тем, что совершенно неправильно сейчас называется „коммунальным хозяйством", а на самом деле представляет собой лишь часть этого хозяйства, а именно благоустройство. Отсюда

совершенно ошибочно утверждение автора, что „народное образование, врачебное дело и социальное обеспечение в СССР почти полностью выделены из коммунального хозяйства“. Ничего подобного, все эти хозяйственные области ведутся горсоветами за счет собственного бюджета и входят в систему городского хозяйства в гораздо более широком об'еме нежели это было до революции.

Благодаря этой ошибке (для академического материала совершенно недопустимой), автор всю главу о планировании городского хозяйства превратил в главу о планировании городского благоустройства.

Таким образом у автора нет сознания того, что существует на свете особая и цельная хозяйственная отрасль, так наз. „коммунальное благоустройство“, т.-е. создание коллективного жилища со всей сложностью его технического оборудования.

Есть и другие, совсем курьезные ошибки, свидетельствующие о том, что автор не совсем в курсе всех организационных деталей нашей плановой работы. Например, он усматривает, что в „центре“ создается новый плановый орган „Коммунхозплан“, „задачей которого явится об'единение деятельности Госплана и НКВД.

К сведению автора: Коммунхозплан существует уже с 1922 г. и является плановой ячейкой НКВД, работающей по директивам Госплана.

Далее автор усматривает параллелизм в существовании „плановых органов“ и органов „коммунального хозяйства“, а также предполагает, что составление планов коммунального хозяйства может быть поручено либо ВСНХ, либо НКВД, либо Госплану(?). Все это показывает, как еще не ясно для наших работников на местах ни значение и характер плановой работы ни ее организация.

В работе Л. Велихова есть и еще досадные ошибки. Например, он смешивает европейское законодательство о городских планах (стр. 78), являющихся лишь нормированием планировки городов и их роста и расширения, с плановой работой в административно-хозяйственном смысле слова, как это понимается в Советской России.

Оставляя в стороне другие мелкие курьезы в том же духе, нельзя не отметить, что автор горячо возражает против „бескрылой психологии“ плановиков, стремящихся вогнать городское хозяйство в „Прокрустово ложе“ бюджета... Реальность — есть первое условие практической плановой работы, а „окрыленная психопатия“, стремящаяся построить хозяйственный план вне финансовых возможностей, является „планированием в воздухе“, построением воздушных замков, привнесением той неопределенности, которая в корне противоречит плановому делу.

Столь же неправильны возражения автора против восстановления хозяйства, которое ему рисуется механическим воспроизведением прежнего. Ничего подобного! „Восстановление“ должно быть одновременно и реконструкцией, и если оно выделяется, то лишь как экономическая категория материальной стоимости основного капитала, хотя и представляющая капитальное вложение, но не производящая накопления нового капитала, не создающая новых ценностей.

Автор дал обширную библиографию как до-, так и послереволюционную, как книжную, так и журнальную. В работе подсобного, программного характера подобная библиография имеет особенно важное значение. Однако, материал, данный автором, далеко не исчерпывает вопроса, более полный в отношении книг, он случаен в отношении журнальной литературы и не содержит многих основных журнальных работ как до-, так и послереволюционной эпохи.

Что касается пропусков указаний по книжной литературе, то, также не касаясь всех отделов, восполним материал автора книгами основными,

т.-е. исторического и общего характера: Н. Чечулин, „Города Московского государства в XII в.“, 1881 г.; Джаншиев, „Эпоха великих реформ 1897 г.“; А. Кизеветтер, „Местное самоуправление в России“, 1910 г.; М. Петров, „Городское управление в России“ в „Сборнике муниципальных знаний“, в. III. 1918 г.; А. Джабар, „Муниципальная программа“, 1910 г.; З. Френкель, „Партия нар. свободы и местное самоуправление“, 1917 г.; В. Трутовский, „О муниципальной программе“, 1917 г.; И. Владиславлев, „Классификация литературы по вопросам земского и городского самоуправления“, 1916 г.; Программа всероссийского с'езда по оздоровлению городов, 1917 г.; Совещание деятелей по городскому хозяйству, 1913 г.; Постановления с'езда по городскому благоустройству в Одессе, 1910 г.; Свод постановлений с'езда по улучшению городских финансов в Киеве, 1913 г.; Э. Кенингам, „Швейцария и ее учреждения“, 1893 г.; М. Петров, „Муниципальные задачи социализма“, 1918 г.; Э. Вандервельде, „Город и деревня в Бельгии“, 1900 г.; С. Григорьев, „Городские предприятия“, 1919 г.; Ж. Гед, „Государственные предприятия и социализм“, 1906 г.; Агодов, „Муниципализация промышленных предприятий“, 1907 г.; С. Драгомонов, „Муниципальные предприятия в Швейцарии“, 1913 г.

Чрезвычайно интересен с исторической точки зрения труд Г. Юстия, „Основы силы и благосостояния царств. 1772“ (особые главы о постройке при расширении городов). Крупным пробелом по отношению к дореволюционной литературе является отсутствие упоминания библиографических указателей: Б. Веселовского. Образцовый каталог по вопросам местного управления. Города библиотеки, 1912 г.; Систематический указатель по вопросам городского самоуправления. Херсонск. общ. библиотеки, 1911 г.; „Самоуправления“ указатель 1918 г. и указатели пишущего эти строки в „Изв. Минской Гор. Думы“, № 5, 1916 г., в „Сборнике муниципальных знаний“, 1918 г. в. III.

Есть пропуски и в современной литературе, но они не столь серьезны, так как новые книги обычно печатаются в специальных журналах, которые, однако, автором тоже указаны не все. Нет, например, коммунального хозяйства „Украины“, Бакинского „Красного Баку“ и вообще большинства местных журналов. Не указаны также специальные и крайне важные для книги издания, как „Каталог-путеводитель по Моск. коммун. музею“, „Летопись музея-города“, в Ленинград, 1919 г.; издание этого музея: Курсы по коммунальному хозяйству, 1923 г.

Несмотря на все отмеченные выше недочеты, книгу Л. Велихова надо приветствовать, как попытку поставить перед советской общественностью проблему городского хозяйства и привлечь к ней внимание.

М. Петров

Hermann Levy. Monopole, Kartelle und Trusts in der Geschichte und Gegenwart der englischen Industrie, 2-e Aufl., Verlag von Gustav Fischer, Jena, 1927, S. 328.

Герман Леви. Монополии, картели и тресты в прошлом и настоящем английской промышленности. 2 изд. Изд. Густав Фишер, Иена, 1927 г., стр. 328.

Patrick Fitzgerald. Industrial Combination in England. London, 1927, p. 230.

Патрик Фицжеральд. Индустриальное комбинирование в Англии. Лондон, 1927, стр. 230.

Обе книги, вышедшие почти одновременно, заполняют весьма существенный пробел в мировой экономической литературе о трестах и картелях. В то время как формы концентрационного движения в Германии

изучены довольно основательно и мы насчитываем по этому вопросу значительную литературу как обще-теоретического, так и монографического характера, проблемы трестирования и картелирования в английской промышленности освещены только в двух—трех работах, вышедших еще до войны и с тех пор значительно устаревших.

Первое издание книги Леви вышло еще в 1909 г. Рецензируемое издание, помеченное 1927 г., совершенно переработано и дополнено новыми данными.

Первая часть книги посвящена английским монополиям в эпоху меркантилизма и сравнению их с немецкими монополиями того же периода.

Во второй части книги разработан вопрос о монополистических об'единениях предпринимателей в угольной и медной промышленности в конце XVIII и первой половине XIX века.

Последняя часть посвящена современному трестированию и картелированию в английской промышленности.

Вторая рецензируемая книга, принадлежащая перу Фицжеральда, одного из редакторов английского экономического журнала „Statist", истории английских промышленных об'единений не дает, зато содержит большой материал по характеристике современных английских трестов и картелей.

Монополистические организации предпринимателей в английской промышленности — явление, по преимуществу, последних лет. Движение к картелированию и трестированию, едва только намечавшееся в начале XX в., за период войны и послевоенные годы получило такой размах, что стало ныне, по свидетельству Фицжеральда, „твердо упрочившейся особенностью английской индустриальной организации". Комиссия, обследовавшая английские тресты после войны, пришла к заключению, что „в недалеком будущем под контроль трестов подпадут, повидимому, все значительные отрасли британской промышленности". Если это обстоятельство не было должным образом освещено в экономической литературе Запада, то отчасти виной этому, возможно, традиционное представление, об'яснявшее слабость английских трестов до войны пресловутой „индивидуалистической психологией" английского предпринимателя.

Подвергая резкой критике это представление, Леви указывает, что уже в конце XVIII в., когда ни континентальная Европа, ни Соед. Штаты не имели даже намеков на монополистические организации промышленников, Англия обладала двумя крупнейшими монополиями, диктовавшими цены на мировом рынке. Это были монополистические организации предпринимателей в угольной и медной промышленности, которые впоследствии распались. По мнению Леви, три причины способствовали слабости английских монополий до войны: отсутствие протекционистских пошлин, низкий морской фрахт, облегчавший иностранную конкуренцию, и отсутствие минеральных богатств монопольного характера. В Германии и Соед. Штатах наличие таких ископаемых как железная руда (Германия и Соед. Штаты), медь (Соед. Штаты), а также высокие пошлины, ограждавшие туземную тяжелую промышленность, способствовали тому, что здесь монополистические об'единения развивались преимущественно по вертикальной линии, по линии сращивания добычи угля и железа с металлургией. Горизонтальная концентрация являлась здесь, в большинстве случаев, следствием концентрации вертикальной. В этом, по мнению Леви, коренное отличие трестирования в германской и американской промышленности от трестирования в английской промышленности.

Действительно, ни в английской металлургии, ни в угольной промышленности мы не найдем мощных вертикальных трестов. Правда, за годы войны в железоделательной и сталелитейной промышленности произошла сильная концентрация капиталов, но несмотря на отдельные крупные фирмы, как Болдуин, Болкау и Воган и др., имеющие собственные рудники не только в Англии, но и в Швеции, Испании и т. д., английская металлургия не знает таких грандиозных предпринимательских монополий, как металлургия Германии или Соед. Штатов.

Одна из причин этого — наличие дешевого заграничного сырья, а также незначительность и нерентабельность добычи железной руды внутри страны.

Итак, наиболее старые и мощные отрасли промышленной Англии, бывшие некогда монополистами на мировом рынке — угольная и металлургическая, — не в пример другим странам монополистического капитализма, лишь слабо охвачены концентрационным движением. То же следует сказать и о текстильной промышленности, не так давно еще бывшей мировым гегемоном, а теперь быстро утрачивающей свое былое значение.

Приходится оговориться, что это относится к промышленности, работающей на американском хлопке; часть же производителей высококачественных изделий из египетского и суданского хлопка (эта отрасль промышленности насчитывает 19.000.000 веретен — $^1/_3$ всех веретен хлопчатобумажной промышленности) об'единена в большой комбинат „Fine Cotton Spinners and Daublers". Крупные об'единения имеются в нитяной и швейной промышленности. Эти отрасли полностью находятся в руках двух фирм: „Котс" и „Инглиш Сьюинг Котон К-о". Обе фирмы имеют интернациональный характер.

Промышленность искусственного шелка (Англия занимает одно из первых мест среди европейских производителей) контролируется фирмой Courtaulds. Феноменальный рост этого концерна, капитал которого ныне превышает 26.000.000 фунтов, а ежегодная прибыль — 5.000.000 фунтов, обязан в значительной мере обладанию секретами производства и ценными патентами.

Одна из наиболее мощных английских монополий — всемирно известный мыловаренный трест „Братья Леверс", так же, как и нитяной, мясной, табачный и др. тресты, интернационален по своей структуре.

То обстоятельство, что трест контролирует свыше двухсот фирм, а акционерный капитал его достиг огромной цифры в 65.000.000 фунтов, свидетельствует о грандиозном размахе предприятия.

Но наиболее важным событием в английском движении в сторону концентрации и трестирования за последние годы Леви считает организацию осенью 1926 г. мощного химического треста „Имперская химическая промышленность", включившего в себя четыре химических концерна: Бруннер-Монд, Юнайтед Алколи, динамитный трест Нобеля и Британскую корпорацию красок. Акционерный капитал треста превышает полмиллиарда рублей.

Бруннер-Монд, являющийся главным производителем соды, взамен продажи своих интересов в тресте Леверс, обеспечил себя выгодным договором на исключительное снабжение последнего продуктами своего производства. Трест Нобеля, усилившийся за время войны, тесно связан с грандиозным американским динамитным концерном Дю Пон, работающим в Соед. Штатах, Канаде и Южной Америке, имеет значительные интересы в Бельгии, Германии, Испании и т. д., вместе с алмазным концерном Де Беерс контролирует взрывчатую промышленность Южно-Африканского союза и т. д. Через посредство группы Бруннер-Монд химический трест связан с антрацитовыми копями, посредством группы Нобеля — с промышленностью искусственного шелка. Одной из причин, способствовавших основанию и укреплению мощного химического треста, была протекционистская таможенная политика в отношении химических

изделий, введенная во время войны. В 1925 г. были возобновлены таможенные пошлины на 5000 химикалий (так наз. key chemiculs).

Организация треста, об'единяющего почти всю английскую химическую промышленность, несомненно стоит в связи с огромным усилением германского химического треста и должна облегчить уже давно ведущиеся переговоры об образовании интернационального химического картеля.

Мощные монополистические об'единения имеются и в табачной промышленности. Еще в 1902 г. „Имперская табачная К-о", капитал которой ныне составляет 42 млн. фунтов, заключила соглашение с Американским табачным трестом о разделе мирового рынка. Оба мировых концерна связаны участием в „Британско-американской табачной Комп.", но за последние годы доля американского капитала в вышеназванной компании значительно уменьшилась.

Монополистические организации имеются также в промышленности искусственных удобрений — в производстве сульфат-аммония и в производстве чилийской селитры, в цементной промышленности, в производстве свинцовых белил, аппретуры и окраски тканей, в ситценабивном производстве, в нефтяной, резиновой, мясной, спичечной промышленности и т. д.

Исходя из своей основной посылки, что образование и рост английских трестов и картелей, в отличие от континентальных форм трестирования, обязан не столько влиянию привходящих факторов — протекционистской политике, наличию монопольных минералов и т. д., сколько концентрации капитала, Леви полагает, что и в будущем монополистическое движение в Англии будет отражать „в кристаллически чистом виде влияние концентрационного движения на создание мощных монополистических организаций".

Большое достоинство книги Леви — вдумчивая и добросовестная, документально обоснованная проработка всех исследуемых вопросов. Недостатки же ее коренятся в общем мировоззрении автора. Такое, например, бросающееся в глаза обстоятельство, что крупнейшие английские монополии — мыловаренный трест Леверс (имеет собственные плантации в Зап. Африке, в бельгийском Конго, на тихоокеанских о-вах и т. д.), картель текстильных фабрикантов, работающих на египетском и суданском хлопке, нефтяные тресты, каучуковые компании и т. д. базируются на эксплоатации колоний и полуколоний, — совершенно ускользнуло от внимания Леви.

В этой связи было бы чрезвычайно интересно выяснить влияние колониальной базы на образование английских монополий и подчеркнуть перенесение центра тяжести английской экономики со старых отраслей промышленности — угольной, металлургической, текстильной на новые, связанные с усиленным выкачиванием прибавочной ценности из колониального и полуколониального окружения.

Совершенно обойден также вопрос о связи крупно-капиталистических монополий со всей системой британского империализма. Не останавливается автор и на связи банков с промышленностью; между тем, господствующее положение, занимаемое английскими банками на мировом денежном рынке, а также усиленная концентрация в банковском деле, идущая параллельно с концентрацией в промышленности, повелительно диктует необходимость такого рода исследования. Оставлен в тени и вопрос о влиянии капиталистических монополий — нефтяной, хлопковой, каучуковой и др. на политику английского империализма в странах Ближнего и Дальнего Востока; совершенно не освещен и вопрос об экономической и политической борьбе английских крупно-капиталистических монополий с капиталистами других стран.

Но если Леви эти вопросы просто замалчивает, то другой рецензируемый автор — Фицжеральд выступает нередко как открытый апологет крупного капитала. Стремясь оправдать существование интернациональных соглашений между отдельными капиталистическими группировками, Фицжеральд видит их raison d'être в том, что „они предназначены для предотвращения перерождения конкуренции в финансовое самоубийство". „Это намерение, — убеждает Фицжеральд читателя, — не антисоциально".

Столь же мало убедительно и отрицание автором монополистического характера за английской каучуковой промышленностью.

Как известно, в конце 1925 г., в результате резкого повышения цен, явившегося результатом искусственного ограничения каучуковой продукции (схема Стивенсона), отношения между Соед. Штатами и Англией сильно обострились.

Отвечая на упреки американского министра торговли Гувера, ставившего Англии на вид создание каучуковой монополии, от которой больше всего приходится страдать американским фабрикантам автомобильных шин, Фицжеральд выдвигает следующий аргумент: схема Стивенсона действует совершенно автоматически, в зависимости от уровня цен на Лондонской бирже; цены же на каучук, по мнению Фицжеральда, зависят не от производителей каучука, а от потребителей его, преимущественно американцев. Вот почему — находит автор — ни о какой английской каучуковой монополии не может быть и речи. Такого рода доводы пахнут, конечно, худшего вида софистикой.

Характерно для Фицжеральда и стремление всячески затушевать влияние монополий на образование высоких цен.

С другой стороны, автор недоучитывает и преимуществ крупно-капиталистических образований. Капитал треста „Леверс" в 65.000.000 фунтов, по его мнению, только „мешает" ему работать; с таким же успехом могло бы, мол, работать и предприятие всего с несколькими миллионами фунтов.

Несмотря на все указанные выше недостатки, обе рецензируемые книги — по обилию привлеченного материала и по детальности его разработки — представляют ценный вклад в экономическую литературу.

Г. Дашевский

Louis Fischer. Oil imperialism. The international struggle for petroleum. International publishers. New-York, 1926 г.

Луи Фишер. Империализм нефти, перевод с американского издания Ст. Вольского, предисловие Г. Ломова, ГИЗ, 1927, Мск.—Лнгр., стр. 175.

Перед тем как книга Фишера вышла у нас отдельным изданием, важнейшие главы работы были опубликованы в журнале „Нефтяное Хозяйство" (№№ 9, 10, 11—12 за 1926 г.) и встретили широкий и вполне заслуженный интерес со стороны советских нефтяных кругов. Называя свою работу „Нефтяной империализм" и выставляя в подзаголовке „Международную борьбу за нефть", автор, по справедливому определению „Нефтяного Хозяйства", „не дает общей концепции нефтяного империализма", посвящая свою книгу на девять десятых анализу проблемы советской нефти и борьбе вокруг нее на мировой нефтяной арене.

Располагая весьма значительным и интересным материалом, характеризующим закулисную сторону этой борьбы, автор дает в общем вполне правильную и выдержанную картину всех моментов указанного длительного эпизода, записанного в виде одной из важнейших глав в истории международных торгово-политических отношений последних

лет. Г. И. Ломов отмечает в предисловии, что автор не коммунист, но „тем не менее его книга, проникнутая об'ективизмом, не щадит крупных капиталистических организаций, вскрывает своим острым анализом сокровенные пружины политических событий, имевших место за последнее время".

Автор считает, что проблема советской нефти стоит в центре международной борьбы за нефть, и проводит эту мысль красной нитью через всю работу. Не переоценивая достоинств своей книги, Луи Фишер пишет в предисловии: „Мы будем рассказывать грустную историю о том, как нефтяной магнит привлекал на Кавказ огромные армии, как нефтяные компании мобилизовали силы дипломатии... Наше исследование ясно покажет, до какой степени нефтяные богатства Советской России влияли на взаимотношения между величайшими нефтяными трестами мира...".

Автор начинает свое изложение с главы „Война за Баку", в которой он подробно анализирует внутренние пружины оккупационных стремлений Германии, Турции и особенно Англии, долго добивавшейся полного захвата кавказской нефти и очень быстро решившей, что Баку—не временная военная добыча, но „новое приращение империи". Несколькими яркими штрихами и документами Луи Фишер с исключительной отчетливостью рисует предательскую роль меньшевиков во главе с „президентом" Ноем Жордания в отторжении Баку от революционной России в пользу империалистов.

За военными неудачами последовали дипломатические провалы аттаковавших нашу страну империалистических государств, о чем автор рассказывает в дальнейших главах книги: „Генуэзская конференция и нефть" и „Столица треста Роял-Дейтч". По очень удачному выражению Фишера— „Генуя была общей первой попыткой крупных нефтяных трестов укрепиться на Кавказе мирными средствами". Правильно излагая общий ход борьбы и развертыванне нефтяных переговоров на „генуэзской комедии", автор, говоря о срыве конференции и роли в нем Шелла и Стандарта, указывает, что „большевики теперь знали, что они не получат ни кредитов, ни признания, которые должны были им принести милость (?. Л. Х.) Роял-Дейтч-Шелла и британского правительства". Другими словами, Фишер берется в данном случае утверждать, что в основном вопросе Генуэзской конференции—нефти—Советская республика выступала не как равная сторона, а как проситель, ожидающий милости. Обнаружив несомненное уменье разбираться в закулисных манипуляциях капиталистических стран и нефтяных концернов, Фишер проявил недостаточное понимание в отношении наших позиций и целей: наше стремление использовать капиталистов для усиления советской экономики представляется автору в ложном свете поисков милости капиталистов.

Переходя к конференции в Гааге, Луи Фишер вполне основательно утверждает, что кроме мало значащей официальной конференции, там происходила „настоящая Гаагская конференция нефтяных королей", которая вершала судьбы вопросов. Отчаявшись в благополучном исходе своих прямых атак на советскую нефть, капитал решился на крайнюю меру, и в последней резолюции Гаагской конференции декларировал нефтяную блокаду, при чем „задача,—по выражению Фишера,—заключалась теперь в том, чтобы принудить большевиков к капитуляции, чтобы поставить их на колени". Организовавшись в международную группу русских нефтяных обществ, капиталисты во главе с Шеллом и его директором Детердингом были как-будто готовы стойко держаться против соблазна покупать советскую нефть и нефтепродукты, заливавшие все более широкой волной европейские и ближне-восточные рынки. Но... покупка советской нефти сулила большие выгоды, и мистер Детердинг,

правильно оценивая события, решил, что дальнейшая блокада грозит превратиться в самоблокаду и, пренебрегая группой, стал покупать нашу нефть; это было началом конца группы, ибо и Стандарт в это время вступил в переговоры с Советами относительно нефтяных концессий: руководители группы сменили резолюции о бойкоте и блокаде решениями, что „нужно начать немедленные переговоры с советским правительством",... ибо „лучше войти в переговоры с Москвой, чем упрямо держаться за теоретический принцип и упускать практические шансы".

Так началась новая эра в отношениях капиталистов к советской нефти и Москве, и „сам" Стандарт-Ойль становится сторонником урегулирования отношений с Советами. Вскрывая несостоятельность пророчеств небезызвестного Лесли Уркварта о близком провале советского хозяйства и, особенно, нефтяной промышленности, автор указывает, что „пророк" забыл „учесть освобожденные революцией народные силы, преданность, энергию, настойчивость, энтузиазм и прочие некоммерческие факторы, с помощью которых большевики опрокидывают расчет самых опытных экспертов. Несомненно, мистер Уркварт ошибся". Советская нефтепромышленность быстро крепла и росла и вместе с ней расширялся нефтяной экспорт. Не забывая упомянуть о том, что несмотря на расширение закупок советской нефти английскими фирмами, Англия возобновила в последние годы „крестовый поход против русской нефти с большей, чем обычно, энергией", Луи Фишер приписывает, в общем не вполне обоснованно, именно нефтяному влиянию сведение на-нет соглашения 1924 г. СССР с Макдональдом; в то же время, детально анализируя развитие борьбы на нефтяной арене, он правильно отмечает, что „крестовый поход Ассоциации британских кредиторов России стоял в связи с мировым соперничеством Роял-Дейтч-Шелл и Стандарт-Ойль", ибо под'ем этой компании „совпадал с важными переговорами, ведшимися между Нефтесиндикатом и Англо-американской компанией (Стандарт)".

Почти одновременно переговоры Стандарта с Нефтесиндикатом привели к возможности заключения крупных сделок между СССР и Стандартом, чему во что бы то ни стало стремился помешать Детердинг. В этой взаимной борьбе Стандарт решительно стал на сторону укрепления отношений с Советами и — во имя предстоящих выгод от сделок на нашу нефть и во имя достижения соглашения с нами на Ближнем Востоке — начал делать своему правительству весьма прозрачные намеки на целесообразность признания СССР. Приглашая американскую общественность не бояться зловредных большевиков, Стандарт устами своего виднейшего чиновника говорит, что нечего бояться советских агентов, „занимающихся разрушительной пропагандой"...

„Мы уже видели,— пишет автор в главе „Советские концессии,"— что линия блокады отчасти прорвалась вследствие необходимости русской нефти для европейского рынка. Стремление нефтяных компаний к получению концессий от советской власти вконец разрушило блокаду"... В связи с соисканием концессий на советскую нефть взаимная борьба капиталистов крайне обострилась, особенно в связи с той экономической устойчивостью, которую встретили капиталисты в нашей нефтяной промышленности. По этому поводу автор высказывает следующую частную мысль: „практический опыт показал все выгоды единого и централизованного правления по сравнению с хаотической системой многочисленных независимых компаний...",— становясь тем самым принципиально на сторону советских методов управления хозяйством.

В дальнейшем Луи Фишер переходит к проблеме дальне-восточных рынков и наших дальне-восточных нефтяных месторождений в связи с взаимоотношениями СССР с Японией и С.-А. С. Ш. и последних стран

между собой. Решающей пружиной в этой проблеме является Китай, как рынок сбыта нефтепродуктов.

В последней главе книги — „В царстве персидского шаха“ — автору удалось красочно и интересно изложить историю соперничества капиталистических нефтяных трестов за обладание концессиями на разработку богатейших северо-персидских нефтяных месторождений. При этом, с документами и фактами в руках, подкрепляя свои доводы данными о географическом расположении Северной Персии, ее бездорожья и территориальной и экономической близости к СССР, Фишер говорит: „Компания Стандарт-Ойль, Англо-персидская, Синклер, Французский консорциум и японцы всеми силами пытались приобрести права на эти сокровища, лежащие близко от Каспийского моря. Однако, попытки эти не привели ни к чему, ибо Советское правительство держит ключ от этой нефти в своих руках и не хочет никому его отдать“.

Так автор выполнил свою интересную задачу — познакомить читателя с той громадной ролью, которую играла и продолжает играть советская нефть на мировой нефтяной арене и во всей мировой экономике. И хотя „мировой империализм был проклятием, преследовавшим большевиков по пятам и окружавшим их атмосферой вражды, клеветы и обструкции“, но успехи советской экономики преодолели все эти препятствия и сохранили для СССР те громадные богатства черного золота, которых так желал мировой капитал. Это, конечно, не может значить, что — как совершенно неправильно думает Фишер — „иностранная политика Советской России диктуется отношением к ней мировых нефтяных трестов“. Об этом прекрасно свидетельствуют последние международные события.

Некоторые же недостатки в переводе имеются: читатель лишь с большим трудом узнает в американском секретаре „Хьюгсе“ своего старого знакомого Юза; те, кто знают нашу нефтепромышленность, должны будут понять, что „Британская нефтяная компания Спайза“ представляет собою известное общество Шпис, широко работавшее в старое время в Грозном; персидский концессионер Коштария, очень известный под этим именем, превращается у переводчика в Костарию; скважины именуются колодцами, месторождения — залежами, вместо термина „пробуренная“ скважина переводчик употребляет выражение „пробитая“ и т. п.

Л. Хейфец

„Наше Хозяйство“. Ежемесячный орган Владимирского Губплана, №№ 1—3 за 1927 год.

Рецензируемый журнал вызывает значительный интерес, как орган губплана одной из наиболее промышленных губерний страны.

Владимирская губерния, указывает С. М. Э. („Генеральный план“, №3), имея 0,9% населения страны, по продукции цензовой промышленности (у автора „цензовой промышленной продукции“) в 1925/26 г. выпустила 3,3% продукции „союзной цензовой промышленности“. По текстильной и стекольной промышленности она даже является крупным центром, имея удельный вес в Союзе по хлопчатобумажному производству в 9%, по льняному—25% и стекольному—10,3%. Поэтому, устанавливая как отправной пункт при построении генерального плана губернского народного хозяйства, что „основная особенность губернии—это индустриальный ее характер, имеющий все основания и к дальнейшему развитию“, автор определяет целевую установку на развитие легкой промышленности, особенно текстильной и стекольной. В то же время он придает большое значение развитию пищевой, металлической деревообделочной, силикатно-строительной промышленности и развитию кустарных промыслов. Перед

сельским хозяйством нужно поставить как одну из важнейших — задачу развития сырьевого хозяйства для обеспечения сырьем промышленности, а также задачи интенсификации сельского хозяйства и коллективизации его. В отличие от многих других местных работников, автор правильно ставит вопрос о необходимости построения плана, не претендуя на большое привлечение средств из общесоюзного источника. В то же время выпуклое выделение особенностей хозяйства губернии в плане должно быть увязано с общими построениями перспектив развития всего народного хозяйства страны.

Вопросу построения генерального плана посвящена и ст. Е. Первина („Десятилетний план развития промышленности и сельского хозяйства губернии“, № 3), в которой автор пытается дать обзор основных его наметок. Перечисляя ряд отраслей промышленности и сельского хозяйства и указывая цифры, обозначающие грядущий экономический эффект через 10 лет, автор мало остановился на главном—на взаимозависимости этих отраслей, их взаимоотношении, пропорции и темпе роста, почему статья имеет вид обзора наметок, которые в действительности являются лишь основными вехами, показывающими, в каком направлении должно держать путь народное хозяйство губернии.

В конце № 3 журнала приведены „Основные показатели десятилетнего плана развития народного хозяйства Владим. губ.“, дающие сравнительные данные лишь за крайние два года 1925/26—1934/35 охватываемого периода, что вырывает из сферы наблюдения восемь промежуточных лет.

Большое внимание обращено журналом на снижение цен, качество продукции и режим экономии. Насколько велики были наценки в некоторых отраслях промышленности, можно судить по тому, что по данным ст. Моршанцева („Отпускные цены и возможности их снижения в местной промышленности“, № 3) по хлопчатобумажным отраслям за 1925/26 г. прибыль составила около 250% к собственному оборотному капиталу, а по льняной—75%. Перечисляя ряд крупнейших предприятий и отпускных цен на них, автор указывает на возможность снижения отпускных цен и на необходимость рационализации.

Представляет значительный интерес замысел инж. В. О. Крашенинникова („Качество и ассортимент продукции в промышленности ГСНХ“, № 3) дать обзор качества продукции по крупнейшим предприятиям. Статья была бы очень ценной, если бы автор провел сравнение с довоенным качеством и сделал бы попытку установить какой-то коэффициент сравнения, а не оценочные общие выражения — „удовлетворительное,“ „неудовлетворительное“ качество и т. д.

На фоне значительного количества обзорных статей выделяется актуальная заметка Б. Лебедева („Режим экономи на фабрике им. Свердлова“, № 3), сообщающая чего и как достигли в улучшении производства на фабрике (экономия за апрель — сентябрь 1926 г. в 15,7 тыс. рублей, уменьшение прогулов, увеличение производительности труда и т. д.). Автор правильно настаивает на повышении квалификации всех слоев рабочего класса (мастер, подмастерье, рабочий и т. д.) и дает понять, как в местных условиях можно вести борьбу за рационализацию производства и за увеличение производительности предприятия. Накладные расходы в промышленности губернии, отмечает П. М. Сидоров („Накладные расходы в пром. предприятиях“, № 1—2), достигли больших размеров, составив по стекольной—35—39%, в строительно-силикатной—35%, в бумагоделательной—42%, в металлообрабатывающей—36—45% и т. д. Это обстоятельство должно заставить перейти к плановой систематической работе по снижению накладных расходов с привлечением к ней производственных совещаний.

Из статей по сельскому хозяйству и кооперации следует указать на основательно составленные и проработанные статьи С. М. Эпштейна „Операционный план развития сельского хозяйства Владимирской губ. на 1926/27 г.“ (№ 1—2) и Н. Васильева „Контрольные цифры потребительской кооперации на 1926/27 г.“ (№ 1—2).

Большею частью статьи слишком велики. Например, в 1—2 номере 5 статей занимают 71 страницу при чем некоторые из них продолжаются в следующем номере. Некоторые из них без ущерба для журнала могли бы быть и короче. К таким статьям можно отнести статью В. И. Величкина „Вопросы здравоохранения“ (№ 1—2), представляющую отчетный материал на 20 страницу, не считая предыдущих номеров, где имеется начало. В журнале по большинству вопросов было бы целесообразнее помещать небольшие статьи на 5—8 страницах. Необходимый систематизированный цифровой материал мог бы с успехом печататься в конце журнала.

Журнал старается осветить по возможности все отрасли и основные вопросы народного хозяйства, равно как и вопросы социально-культурного характера и краеведения. Это придает ему, как и следует, характер универсального местного губернского журнала, с преобладением экономики. Журналу следовало бы обратить больше внимания на промысловую и с.-х. кооперацию, а также больше уделить внимания текущим экономическим вопросам и проблемам, встающим в порядке выполнения операционной работы, уделяя место дискуссии по наиболее важным из них.

Как носитель сводного цифрового материала по народному хозяйству, журнал не удовлетворяет полностью запросов работника-специалиста. При стремлении журнала дать освещение вопросов и отраслей народного хозяйства в общегубернском разрезе совсем не следует исключать вопросов уездного, волостного и сельского хозяйства, что замечается в настоящее время. Наоборот, именно на это нужно обратить особое внимание, вызывая самодеятельность и инициативу уездов, волостей и сел.

П. Горшечников

ОТДЕЛ VI

Статистика

А. Никитский

Динамика бюджетных поступлений и развитие народного дохода в отдельных частях России в 1892—1913 годах [1]

Настоящий очерк представляет собою только небольшую часть более обширного исследования на тему, указанную в заголовке, и содержит некоторые предварительные выводы из этого исследования, подлежащие дальнейшему уточнению и расчленению в территориальном отношении.

Методологически наша работа построена на следующих предпосылках. Бюджет доходов является прежде всего продуктом народного дохода. При идеальных финансовых системах, которые автоматически улавливали бы все изменения в народном доходе, динамика погодных бюджетных поступлений самым точным образом совпадала бы с динамикой народного дохода в каждой стране. Но идеальных финансовых систем нет. Поэтому доходный бюджет должен по общему правилу развиваться медленней, чем растет народный доход. Однако, растущие требования жизни к расходной части бюджета заставляют время от времени пересматривать финансовые системы в сторону отмены и повышения старых и установления новых источников дохода с целью повышения темпа роста бюджетных поступлений и достижения большого соответствия между динамикой бюджета и народного дохода. В годы таких реформ и годы уменьшения или замедления темпа роста самого народного дохода возможны обратные случаи большого прироста бюджетных поступлений, чем прирост народного дохода. Наиболее частый случай этого рода в истории — это годы войн и их последствий, когда народный доход стабилизируется или даже падает, а обложение приходится увеличивать и, кроме того, необходимо делать большие из'ятия из народного дохода путем займов. В этих случаях может резко возрастать и статистический коэффициент отношения бюджета к народному доходу, тогда как, по общему правилу, он должен ежегодно падать тем более, чем менее идеальна финансовая система, т.-е. чем хуже она улавливает изменения в народном доходе и чем больше поэтому бюджет отстает в темпе своего развития от роста народного дохода.

После этих предварительных замечаний методологического характера я перехожу к вопросам: 1) об определении эволюции народного дохода по бюджетным поступлениям в 1900—1913 годах в б. Росс. империи и по 50 губ. Европ. России, 2) об эволюции бюджетных поступлений и народного дохода в отдельных частях б. империи—нечерноземной и черноземной полосах, Туркестане, Сибири, Кавказе и Польше и 3) определению размеров бюджета и народного дохода на территории, равной СССР, и эволюции его с 1900 по 1913 гг. Все части б. империи, о которых будет итти дальше речь, взяты в тех границах, которые были у них до

[1] В дискуссионном порядке. Ред.

1913 г.[1] Это сделано пока по двум мотивам: во-первых, дальнейшее расчленение приведенных данных по более дробным и сравнимым с современными районами требует громадной счетной работы, а во-вторых, только через год можно будет, вообще, дать сравнение бюджетных поступлений по районам НКФ в довоенное и теперешнее время, когда станут известны бывшие поступления по районам 1925/26 годов. Пока же не с чем, строго говоря, и вести сравнение в нынешнее время. Данные по 1922/23 г. недостаточны и сами по себе, а, кроме того, динамика за 3 года, да еще в условиях незакончившегося процесса восстановления бюджета, конечно, пока мало показательна.

I

Обратимся прежде всего к довоенным данным, касающимся размера и эволюции наших государственных бюджетов. Эти данные (по отчетам государственного контроля) имеют большое преимущество перед всякими другими в смысле абсолютной достоверности и точности их, так как представляют не что иное, как кассовые поступления и кассовые расходы такого-то календарного года. Я буду брать их по 1898, 1900 и 1913 гг. Первый из них — предпоследний год промышленного под'ема девяностых годов и год пониженного урожая. Второй — первый год кризиса начала девятсотых годов, продолжавшегося до 1908 г. включительно, и среднего урожая. 1913 год — год максимума промышленного под'ема с 1909 г., год максимального изо всех бывших у нас урожаев и год максимума всех наших достижений во всех областях народного хозяйства, за исключением экспорта хлебов, в котором 1913 год уступает первое место 1910 г.

После этой характеристики исследуемого интервала, посмотрим, как развивались в это время обыкновенные доходы государственного бюджета б. империи.

Табл. 1

Обыкновенные доходы гос. бюджета в 1898, 1900 и 1913 гг.

	1898 г.	1900 г.	1913 г.	1913 г. в %% к 1898 г.	1913 г. в %% к 1900 г.
1. Согласно отчетам государ. контроля, приведенным без всякого изменения	1.585	1.704	3.417	215,5	200,5
2. То же без прибылей и обязательных платежей частных жел. дорог, но с прибавкой валового дохода всей сети частных железных дор.	1.710	1.718 1.913	3.417 3.742	213,0	199,0 195,6
3. То же без прибылей и обязательных платежей частных жел. дор. и без валового дохода казенной сети, но с прибавкой чистого дохода казенной и частной сети. . .	1.410	1.528	3.040	215,6	199,0

Приведенные три варианта бюджетных поступлений: 1) просто по отчетам Госконтроля, 2) со включением валового дохода казенной и частной сети и 3) со включением только чистого дохода той и другой сети, — приводят для исследуемого периода к довольно любопытным выводам:

[1] Только Туркестан взят без Закаспийской области, а Кавказ вместе с последней, так как бюджетные поступления по Бакинской губ. и Дагестанской обл. стали показываться в отчетах Госконтроля отдельно от поступлений по Закаспийской области лишь с 1910 года.

1. Хотя отчеты Госконтроля дают в каждом году на первый взгляд такую „сборную селянку“, как валовой доход казенной и притом все расширявшейся сети плюс часть прибылей частной сети, плюс обязательные платежи обществ частных жел. дорог, плюс валовые доходы по всем прочим казенным операциям, плюс, наконец, выручку от налогов и пошлин и прочих доходов, что и заставило нас предложить два последующих варианта поступлений с устранением всей первой половины этой „селянки“, все же оказалось, что по этим отчетам можно довольно точно характеризовать развитие народного дохода в данном периоде, так как первый и третий варианты дают идеально совпадающие динамические коэффициенты (215,5% и 215,6% к 1898 г., 200,5% и 199,0% к 1900 г.), а второй вариант несколько пониженные (213% к 1898 г. и 195,6% 1900 г.). При этом варианты сближаются еще более, если внести по 1900 г. 14 млн. руб. дохода от Моск. Яросл.-Архангельской жел. дороги, которая была выкуплена в казну с этого года, но доход по которой контроль стал показывать в отчетах лишь с 1902 года.

2. Несколько пониженные проценты прироста по второму варианту говорят лишь о том, что рост чистого дохода от казенной и частной жел.-дор. сети был выше роста валового дохода их. Это об'ясняется некоторым улучшением ж.-д. хозяйства в этом периоде и видно из следующих данных.

Табл. 2

	1898 г.	1900 г.	1913 г.	1913 г. в %% к 1898 г.	1913 г. в %% к 1900 г.
Валовой доход казен. и частной сети	488	583	1.186	243,1	203,4
Чистый доход казен. и частной сети [1]	188	198	484	257,4	244,4

3. Так как в третьем варианте нами введен в расчет только чистый доход казенной и частной сети, поскольку бюджет есть продукт народного дохода, то динамические коэффициенты третьего варианта 215,6% к 1898 г. и 199% к 1900 г. более точно, чем коэффициенты первых двух рядов, характеризуют и динамику народного дохода в этом периоде, почему третий вариант и заслуживает нашего наибольшего внимания.

Спрашивается теперь, можно ли сказать, что народный доход с 1898 года по 1913 год возрос на 115,6%, а с 1900 год на 99%. Конечно, нет, так как за это время вследствие похода в Китай в 1900 г. и Русско-японской войны в 1904 г., почти все источники бюджетных поступлений испытали большое повышение дважды: во второй половине 1900 г. и в 1905/06 г., не считая большого повышения промыслового налога в 1899 г., табачного акциза в 1909 г., налога с недвижимых имуществ (по закону 1910 г.) с 1912 г. и некоторых более мелких повышений в другие годы ряда других источников дохода.

В целях проверки динамики народного дохода с 1900 по 1913 г. у С. Н. Прокоповича и товарооборота у С. Г. Струмилина я предпринял большую и кропотливую работу исчисления того, какие суммы получал наш государственный бюджет ежегодно с 1900 по 1913 гг. от повышения источников дохода и введения новых доходных статей, предпринятых в течение этого периода. Я насчитал таких сумм около 300 м. р., а за вычетом отмененных выкупных платежей около 200 млн. руб. Исследование это еще незакончено, вследствие крайней сложности исчислений по таможенному и табачному доходам. Насколько я могу пред-

[1] Здесь, в отличие от следующих таблиц, под чистым доходом разумеется валовой доход за вычетом эксплоатационных расходов, включая и расход на заработную плату.

видеть дальнейшие результаты его, речь идет о том, что на счет повышения обложения придется отнести в этом периоде, повидимому, еще от 25 до 50 млн. руб. Но если ограничиться пока тем, что мною учтено с максимумом возможной точности в столь тяжелой, неимеющей прецедентов и разработанной методологии работе, то приведенная выше таблица примет такой вид:

Табл. 3

Обыкновенные доходы б. империи в 1900 и 1913 гг. без 200 млн. руб. от повышения источников дохода

Обыкновенные доходы:	Учтено 200			Предпол. 250	
	1900 г.	1913 г.	То же в %% к 1900 г.	1913 г.	То же в %% к 1900 г.
По отчетам Госконтроля	1.704	3.227[1]	189,4	3.177	186,4
	1.718	3.227	187,9	3.177	184,9
С валовым доходом казен. и частной сети	1.913	3.540	185,0	3.490	182,5
С чистым доходом казен. и частной сети	1.528	2.838	185,4	2.788	182,5

Здесь мы видим опять весьма большую близость интересующих нас коэффициентов, при чем первый 189,4% (187,9%) несколько преувеличен, второй 185,0% почти равен третьему, а третий, по соображениям, развитым выше, должен наиболее точно отражать динамику народного дохода в исследуемое время. В целях контроля я даю и второй вариант исчислений поступлений по 1913 г. с возможным вычетом еще 50 млн. руб. Однако, эта сумма в 50 млн. руб. может оказаться по проверке и весьма преувеличенной.

На основании всех приведенных выше расчетов можно с большой степенью близости к истине утверждать, что народный доход, как и бюджетные поступления, возрос с 1900 по 1913 гг. без учета изменения цен на 85,4—82,5% и что рост бюджета за это время несколько обгонял рост народного дохода за счет повышения источников бюджетных доходов.[2] Последнее явление теоретически не обязательно для любого из исследуемых периодов и, выбрав какой-нибудь другой интервал, мы можем получить картину точного соответствия роста народного дохода и бюджетных поступлений, и даже обратную, что народный доход в таком-то периоде рос быстрее, чем бюджет.

Я не могу дать такого же сравнения бюджетных поступлений для промежутка с 1898 по 1913 гг., так как это потребовало бы новой колоссальной работы по исчислению того, что получил новый бюджет 1913 г. по сравнению с бюджетом 1898 г., но на основании сделанной работы по периоду с 1900 по 1913 гг. полагаю, что такое сравнение дало бы в пользу 1913 г. еще около 50 м. р. В таком случае мы могли бы считать, что с 1898 по 1913 гг., т.-е. за 15 лет, народный доход и обыкновенный бюджет (без повышения источников дохода) увеличились на 197,7%—194,4%. Однако, это слишком неточная прикидка, чтобы делать из нее какое-либо употребление в дальнейшем.

Вернемся поэтому к периоду с 1900 по 1913 гг. Он может быть охарактеризован далее, как период большого роста цен. Так, индекс

[1] Здесь вычтено не 202, как во 2 и 3 случае, а лишь 190 млн. руб. в виду того, что 12 млн. руб. отнесены мною на счет результата повышения ж.-д. тарифов для частной ж.-д. сети, доход которой вошел в эту строчку лишь частью прибылей и обязательными платежами.

[2] Как уточняются эти коэффициенты, видно из последней 21 таблицы.

свода товарных цен увеличился за это время на 29,8%, продолженный на эту эпоху общетоварный Госплана на 30,5%, а оптово-розничный проф. М. Е. Подтягина на 31,6%. Средне-арифметический прирост по всем трем индексам дает +30,6% прироста цен.

Если мы разделим теперь полученные коэффициенты роста народного дохода и обыкновенного бюджета с 1900 по 1913 гг., а именно — 185,4% и 182,5% на 130,6% роста цен, то получим, что реально народный доход и бюджет (без сумм от повышения источников дохода) возрасли на 41,96% или 39,74%, а за округлением на 42—40%.

Напомним теперь, что по исследованию С. Н. Прокоповича для 50 губ. Евр. России народный доход возрос номинально (без учета изменения цен) на 79,4%, а реально на 39,4%. Близость результатов нашего исследования к результатам работы С. Н. Прокоповича всецело оправдывает наш метод установления интересующей нас динамики, но оставляет пока открытым вопрос, кто дает более правильную динамику роста народного дохода. Вопрос пока открыт потому, что мы установили динамику интересующего нас процесса по всей территории б. Империи, а С. Н. Прокопович дает ее по 50 губ. Евр. России. Мы применяем более высокий индекс 130,6%, притом средний из трех других, а С. Н. Прокопович применял весьма низкий индекс—128,7%, ниже даже индекса свода товарных цен. Кроме того, абсолютные уровни народного дохода С. Н. Прокоповича исчислены им в оба года, как это общепризнано и как мы покажем еще ниже, крайне низко, при чем особенно понижен им расчет по 1913 г., так что и динамика народного дохода в 1900—1913 гг. у него несколько пониженная. Отметим, кстати, также сильное преуменьшение динамики всего товарооборота с 1900 по 1913 гг. у С. Г. Струмилина, у которого этот оборот возрастает с 11.271 м. р. в 1900 г. до 18.527 м. р. в 1913 г,. или всего лишь на 64,4%, что совершенно невероятно при росте зависящего и от этого оборота народного дохода на 85—82%.

II

Перейдем теперь на площадь Евр. России без Финляндии и Польши. В результате другой, весьма кропотливой работы, я исчислил бюджетные поступления в 50 губ. Евр. России в 1900 и 1913 гг., которые и привожу ниже в сопоставлении с исчислениями народного дохода у С. Н. Прокоповича. Заметим только, что мы внесли в исчисление С. Н. Прокоповича незначительную поправку, пересчитав у него в оба года валовой и чистый доход казенной и частной сети по данным, соответственных „Ежегодников Мин. пут. сообщения“ (см. табл. 4).

Эта таблица дала неожиданно то же любопытное совпадение динамических коэффициентов по 1 и 4 и 2 и 3 строчке, когда я вычел суммы от повышения обложения, приходящиеся на территорию 50 губ., в 120 м. р. во 2 и 3 случае и 130 в первом по мотивам, изложенным выше.[1] Но решающее значение имеет для нас динамический коэффициент 182,5% также по соображениям, приведенным выше.

На основании всех приведенных исчислений я прихожу пока к выводу, что естественный рост бюджета с чистым доходом от казенной и частной сети и без сумм от повышения источников дохода, а также народ-

[1] Эта сумма в 135 м. р. вычислена так: повышение обложения на всей территории дало около 300 м. р., бюджетные поступления по 50 губ. составляют около 3/4 (175,7%) от бюджетных поступлений по всей б. Империи. Это дает около 225 м. р. Отмена выкупных платежей на 95 м. р., осчастливившая целиком только эти 50 губ., понижает 225 м. р. до 130 м. р. Ниже будет предложен несколько более уточненный расчет народного дохода по 50 губ., сделанный другим методом (см. табл. 18).

Табл. 4

Обыкновенные доходы и народный доход в 50 губ. Евр. России в 1900 и 1913 гг.

	1900 г.	1913 г.	1913 г. в %%% к 1900 г.	1913 г.	1913 г. в %%% к 1900 г.
Обыкновенные доходы:				То же за вычетом сумм от повышения источников дохода.	
1. Согласно отчетам Госконтроля	1364	2587	189,7	2457	180,1
2. То же за вычетом участия в прибылях и обязательных платежей частных ж. д., но с прибавкой валового дохода казенной и частной сети.	1497	2856	190,8	2736	182,8
3. С тем же вычетом, но с прибавкой только чистого дохода казенной и частной сети	1353	2591	191,5	2470	182,5
4. Народный доход по С. Н. Прокоповичу с пересчетом чистого дохода казенной и частной сети.	6556	11830	180,8	11830	180,8

ного дохода с 1900 по 1913 гг. был равен около +85% на всей территории б. Империи и около +82,6% на территории 50 губ. Евр. России. Это значит, что окраины — Сибирь, Туркестан, Кавказ и Польша богатели скорее оскудевшего центра. В виду того, что до 1907 г. доходы и расходы Главного Казначейства и по специальным счетам не выделялись полностью из кассы Губернского Ленинградского Казначейства, иллюстрируем здесь сказанное только поступлениями по 1907 и 1913 гг. (см. табл. 5).

Период с 1907 по 1913 гг., был эпохой Гос. Думы, промышленного под'ема, а в конце — четырех прекрасных урожаев. Более всего от него выиграл Туркестан и Кавказ, затем Польша, поднявшие свой удельный вес в народном и государственном хозяйстве страны, а менее всего промышленная нечерноземная полоса, черноземные губ. Евр. России и особенно мало Сибирь, так как удельный вес их в народном и государственном хозяйстве несколько пал.

В какой мере это зависело от расходов из бюджета в этих районах видно из таблицы 6.

В эту таблицу умышленно включены и чрезвычайные расходы, так как это имеет значение для ответа на поставленный вопрос о влиянии расходов на бюджетные поступления. Из нее видно, что наиболее посчастливилось в увеличении затрат на тот или иной район — Туркестану, Сибири и черноземной полосе, а наименее всего нечерноземной полосе — Польше и особенно Кавказу, удельный вес которого в расходном бюджете даже понизился. Заметив это, сопоставим теперь полученные по обеим таблицам результаты, что сделано в табл. (см. стр. 298).

Табл. 5

Обыкновенные доходы в млн. руб.

ПОЛОСЫ	1907 г.	1913 г.	1913 г. в %%% к 1907 г.	В %%% к итогу	
				1907 г.	1913 г.
Нечерноземная	683	957	140,2	29,2	28,0
Черноземная	655	894	136,2	27,9	26,2
Итого по 50 губ.	1338	1851	138,3	57,1	54,2
Туркестан	28	43	153,6	1,2	1,3
Сибирь	83	103	124,6	3,7	3,0
Кавказ	87	134	154,0	3,7	3,9
Польша	167	250	149,6	7,1	7,3
Итого по окраинам . . .	365	530	145,0	16,5	15,5
По Главн. Казначейству, за границей, в Финляндии и спец. счетам .	639	1036	162,1	26,4	30,3
Всего обыкновенных доходов. . . .	2342	3417	145,9	100	100

Табл. 6

Обыкновенные и чрезвычайные расходы в млн. руб.

ПОЛОСЫ	1907 г.	1913 г.	1913 г. в %%% к 1907 г.	В %%% к итогу	
				1907 г.	1913 г.
Нечерноземная	633	889	140,4	24,55	26,6
Черноземная	541	793	146,5	20,95	23,7
Итого по 50 губ.	1.174	1.682	143,2	45,5	50,3
Туркестан	31	55	177,4	1.2	1,6
Сибирь	196	308	157,1	7,6	9,2
Кавказ	135	164	121,5	5,2	5,0
Польша	128	170	132,8	5,0	5,1
Итого по окраинам . . .	490	697	142,2	19,0	20,9
Всего разнесенных по местност. расходов . . .	1.664	2.379	142,9	64,5	71,2
По Главному Казначейству, за границей, в Финляндии и специальным счетам . . .	916	963	105.1	35,5	28,8
Всего обыкнов. и чрезвычайных расходов . . .	2.580	3.342	129,5	100,0	100,0

Табл. 7

Место, занятое районом по увеличению поступлений или расхода в 1913 г. по сравнению с 1907 г.

Полосы	По доходам	По расходам
Нечерноземная	4	4
Черноземная	5	3
Туркестан	2	1
Сибирь	6	2
Кавказ	1	6
Польша	3	5

Связь между затратами и поступлениями видна явно по Туркестану и по нечерноземным губерниям. По другим же районам влиял, очевидно, целый ряд других факторов, который выдвигал на первое место по поступлениям Кавказ, хотя по росту расходов на него он оказался на последнем месте или, наоборот, поставил на последнее место по росту поступлений Сибирь, хотя, по темпу затрат на нее, она оказалась на втором месте. Такое же противоречие видим мы по Польше, которая по росту поступлений заняла третье место, а по росту расходов пятое, а также по черноземной полосе, занявшей по росту поступлений пятое место, а по росту расходов на нее третье. Туркестан выдвигал на второе место хлопок, Польшу — ее промышленность и обширный русский рынок, Кавказ — нефть и марганец, нечерноземную полосу по сравнению с черноземной — промышленность, черноземную по сравнению с Сибирью — Донбасс и большая близость к рынкам экспорта.

Для того чтобы каждый мог судить, насколько прочны наметившиеся с 1907 г. тенденции в развитии отдельных районов, если судить о них по точным данным бюджетных поступлений, суммирующих влияние самых разнообразных факторов, которые характеризуют каждый район, приведем еще несколько цифр за более длинный период. Однако, для этого надо исключить из поля зрения Ленинградскую губ., по Губернскому Казначейству которой до 1907 г. показаны в отчетах Госконтроля, как доходы собственно к этой губернии относящиеся, так и все те, которые с 1907 г. стали показываться по Главному Казначейству и специальным текущим счетам (напр., вся выручка казенных ж. д.).

Тот суррогат динамики бюджетных поступлений с 1892 по 1913 гг., который я предлагаю ниже, дает в общем верную картину тенденций развития отдельных районов, но недостаточно точно отражает ее и в абсолютных цифрах и в динамических коэффициентах. После этих необходимых оговорок, можно все же почерпнуть из предлагаемой ниже таблицы небесполезные для проектировки генерального и перспективных планов указания того, какие районы могут ожидать для себя того или иного темпа развития (см. табл. 8).

Как видно из этой таблицы в периоды с 1892 по 1913 гг. и с 1900 по 1913 гг. первое и второе места по темпу роста бюджетных поступлений показали Туркестан и Сибирь, третье Кавказ, перешедший по сравнению с 1900 г. на четвертое место, четвертое Польша, перешедшая с 1900 г. на третье место, пятое черноземная полоса и последнее — шестое место — 24 губ. нечерноземной полосы.

Для ответа на такой же вопрос, какой был поставлен выше для периода с 1907 по 1913 гг. а именно, в какой мере приведенное в табл. 8 развитие бюджетных поступлений могло зависеть от темпа роста государственных расходов в тех же полосах и районах России, дадим следующую таблицу (9).

Табл. 8

ТЕРРИТОРИИ	1892 г.	1900 г.	1913 г.	1913 год: В %% к 1900 г.	1913 год: В %% к 1892 г.	Место по сравнению с 1892 г.	Место по сравнению с 1900 г.
Нечерноземная полоса без Ленинградской губ.	286	363	658	181,3	229,9	IV	VI
Черноземная полоса	324	471	894	189,8	276,6	V	V
Итого по 49 губ.	610	834	1.552	186,1	254,6		
Туркестан	11	15	43	290,0	385,9	I	II
Сибирь	25	43	103	239,5	415,9	II	I
Кавказ	54	58	134	229,0	247,9	III	VI
Польша	79	125	250	200,0	315,1	IV	III
Итого разнесенных доходов	779	1.705	2.082	193,7	267,3	—	—
Неразнесенных с Ленинградской губ.	191	629	1.335	212,3	700,0	—	—
Всего	970	1.704	3.417	200,5	352,3	—	—

Табл.

Государственные расходы в 1892, 1900 и 1913 гг.

ТЕРРИТОРИИ	1892 г.	1900 г.	1913 г.	1913 год в %% к 1892	1913 год в %% к 1900	Место по сравнению с 1892 г.	Место по сравнению с 1900 г.
Нечерноземная полоса без Ленинградской губ.	183,1	291,8	629,2	343,6	215,6	III	IV
Черноземная полоса	252,4	358,5	793,3	314,3	221,3	IV	III
Итого по 49 губ.	435,5	650,3	1.422,5	324,3	218,7	—	—
Туркестан	15,3	22,9	54,5	356,2	237,9	II	I
Сибирь	33 5	122,6	195,7	586,0	250,9	I	II
Кавказ	66,5	91,6	163,7	246,1	178,7	VI	V
Итого по ним	115,3	237,1	525,8	456,0	221,8	—	—
Польша	65,1	105,4	170,1	261,3	161,4	V	VI
Итого разнесенных расходов	615,9	992,8		344,0	212,3	—	—
Неразнесенных с Ленинградской губ.	489,5	880,9	2.118,4 1.223,2	249,9	138,8	—	—
Всего расходов	1.105,4	1.873,7	3.341,6	302,3	177,3	—	—

Как видно из этой таблицы два первых места по темпу развития в них — государственных расходов занял в 1913 г. по сравнению с 1892 и 1900 гг. Туркестан и Сибирь, два средних — нечерноземная полоса (без

Ленинградской губ.) и черноземная полоса, Польша занимала пятое и шестое место, а Кавказ — последнее шестое и пятое место.

Если сопоставить теперь место тех же районов и в те же годы по бюджетным поступлениям (по табл. 8) с местами, занятыми ими по развитию в них государственных расходов, то получим следующую картину:

Табл. 10

Место, занятое районом по темпу роста гос. доходов или расходов в 1913 г. по сравнению с 1892 и 1900 гг.

ПОЛОСЫ	По доходам		По расходам	
	1892	1900	1892	1900
Нечерноземная (24 губ.)	6	6	3	4
Черноземная (25 губ.)	5	5	4	3
Туркестан	1	2	2	1
Сибирь	2	1	1	2
Кавказ	3	4	6	5
Польша	4	3	5	6

Из этой таблички следует, что в 1913 г. по сравнению с 1892 и 1900 гг. можно усматривать связь между ростом государственных расходов и бюджетных поступлений лишь по Туркестану и Сибири. Кавказ и Польша показали для этих периодов больший темп роста поступлений, чем расходов на них, а нечерноземная (24 губ.) и черноземная полосы — меньший темп роста поступлений в них, чем темп роста расхода на них.

Наконец, сравнение темпа роста государственных доходов и расходов к 1913 г. по сравнению со всеми тремя предшествующими моментами 1892—1900 и 1907 гг. дано в следующей табл. 11:

Табл. 11

ПОЛОСЫ	Сравнение 1913 г. по доходам			Сравнение 1913 г. по расходам		
	1892 г.	1900 г.	1907 г.	1892 г.	1900 г.	1907 г.
Нечерноземная	6	6	4	3	4	4
Черноземная	5	5	5	4	3	3
Туркестан	1	2	2	2	1	1
Сибирь	2	1	6	1	2	2
Кавказ	3	4	1	6	5	6
Польша	4	3	3	5	6	5

Как видно из этой таблицы, только по Туркестану наблюдается почти полное соответствие между ростом бюджетных поступлений и расходов в любом из исследуемых периодов. Сибирь, показывавшая почти такое же соответствие в периоды с 1892 г. и с 1900 г. по 1913 г., перешла с 1907 г. по темпу роста государственных доходов на последнее шестое место, уступив первое Кавказу. Кавказ и Польша, занимавшие по темпу роста в них расходов последние и одинаковые места — шестое и

пятое в любом исследуемом периоде, постепенно усиливали темп роста бюджетных поступлений, что особенно ярко выражено по Кавказу, хотя и не без кон'юнктурной задержки в периоде с 1900 по 1913 гг. Наконец, нечерноземная и черноземная полосы, занимавшие по темпу роста в них государственных расходов — срединные места с тенденцией усиления этого темпа в нечерноземной полосе и ослаблением его с 1900 г. в черноземной полосе, занимали по темпу роста бюджетных поступлений в первые два периода последние места, при чем — черноземная полоса шла во все периоды на пятом месте, а нечерноземная отвоевала с 1907 г.— четвертое место у Кавказа, но без ущерба для последнего.

Выше было вкратце указано, какие внебюджетные моменты могут об'яснить несоответствие между ростом государственных доходов и расходов в периоде с 1907 по 1913 гг. Сейчас надо об'яснить еще, почему Сибирь перешла по темпу роста бюджетных доходов с 1907 г. на шестое место, тогда как по темпу роста расходов в ней сохранила второе место и почему Польша, оставаясь по темпу роста расходов в ней на пятом месте, переменила свое место по темпу роста в ней доходов с четвертого на третье а затем на второе.

Остановимся сначала на Сибири. Следующая таблица проливает некоторый свет на то, где в ней приостановился рост государственных доходов.

Табл. 12

Бюджетные поступления по губ. Сибири в 1892, 1900, 1907 и 1913 г.

ГОДЫ	Области Примор. Амурск. Сахалин	Енисейская	Забайкальская	Иркутская	Камчатск. и Квантунская	Тобольская	Томская	Якутская	Итого
1892	2.316	2.565	2.048	8.319	—	4.261	4.821	465	24.725
1900	7.162	3.436	3.593	10.546	260	7.506	9.548	621	42.672
1907	11.916	8.057	8.992	13,761	—	13.719	25.517	898	82.860
1913	19.520	8.471	8.988	15.817	120	13.384	35.710	1.121	103.132

Эта таблица говорит, что в период 1907—1913 гг. приостановился рост государственных доходов в губерниях Енисейской, Забайкальской, и Тобольской, при этом эта приостановка коснулась почти всех видов бюджетных поступлений. Что же касается расходов, то таковые вполне приостановились по Министерству финансов — 21,2 млн. руб. в 1907 г. и 21,8 млн. руб. в 1913 г., весьма мало выросли по Министерству путей сообщения — 50,6 млн. руб. в 1907 г. и 57,6 млн. руб. в 1913 г. (в 1904 г. они достигали уже 58,1 млн. руб.), а выросли весьма по Министерству земледелия (переселенческие) с 9,7 в 1907 г. до 23,3 млн. руб. в 1913 г. и еще более резко по Военному министерству с 25,2 до 71,3 млн. руб. Все это говорит, по нашему мнению, что Сибирь стала страдать в 900-е годы от приостановки ж.-д. строительства, похода в Китай, войны с Японией и роста в ней, главным образом, непроизводительных расходов. Очевидно, что и в Советской России ей нужны, главным образом, железные дороги — магистрали в Европейскую Россию и сильное развитие местной сети. Только в этом случае она снова покажет высокие темпы развития.

Весьма замечательно, что в Польше с 1907 по 1913 гг. мы имеем совершенно обратную картину: рост расходов по Мин. путей сообщения с 22,0 до 50,8 млн. руб. и уменьшение расходов по Воен. мин.— с 51,4 до 50,7 млн. руб., при некотором росте расходов по Мин. фин. с 29,8 до 31,9 млн. руб. и росте с 0,7 до 2 млн. руб. расходов по Мин. земледелия и землеустройства. Кроме того, Польша почти не принимала никакого участия в китайской и японской авантюрах, легших всей тяжестью, прежде всего, на Сибирь. Наконец, как было указано мною мельком выше, с 1907 по 1913 гг. Польша имела промышленный под'ем, пережив таковой же с 1892 по 1900 гг.,[1] а с 1900 по 1907 гг., наоборот, была эпоха промышленного застоя. Естественно, что и бюджетные поступления возросли в Польше с 1892 по 1900 гг. на 61,8%, с 1900 по 1907 гг. на 21,8%, а с 1907 по 1913 гг.—на 32,4%, несмотря даже на то, что в третьем периоде только 6 лет против 7 во втором. Вот почему Польша перешла при сравнении 1913 г. с 1900 г. по темпу роста поступлений, при сопоставлении ее с другими районами, на третье место, а при сравнении 1913 г. с 1907 сохранила его.

Упомянутый же промышленный под'ем 1907—1913 гг. плюс 4 урожая 1909, 1910, 1912 и 1913 гг. обусловили в этом периоде и то, что нечерноземная полоса, шедшая до тех пор по темпу развития на последнем месте, перешла на четвертое.

III

Во всех приведенных выше таблицах были взяты поступления всех обыкновенных доходов бюджетов б. империи.

Однако, добрая половина их, строго говоря, вовсе не связана тесно с народным доходом, торговлей, промышленностью и сельским хозяйством данного района (особенно же отдельных губерний). Так, например, таможенный доход показывает большие поступления в приграничных губерниях, Ленинградской и Московской, и почти никаких в прочих. Также и акцизные поступления были велики не только в тех губерниях, где были соответственные фабрики и заводы под'акцизных об'ектов, но и там, где были базы-склады под'акцизных об'ектов и т. д. Поэтому для определения того, как развивались экономически отдельные местности, поскольку мы хотим выяснить этот вопрос по бюджетным поступлениям, представляется интересным исключить из бюджетных поступлений по ним не только все статьи дохода, связанные с железными дорогами, акцизами и таможенный доход, но и такие доходы, как от казенных заводов, прибылей и банковских операций, возврата ссуд и других расходов, пособия казне из посторонних источников и военного вознаграждения.

Если сделать это, то у нас останутся поступления по всем прямым налогам и пошлинам, по почте, телеграфу, телефону, сборы с путей, доход от казенной винной операции, оброчные статьи и промыслы, лесной доход от продажи недвижимых имуществ и разные мелкие и случайные доходы. Вот если взять бюджетные поступления только по второй из указанных выше групп доходов, то динамика их будет несколько иная, чем всех бюджетных поступлений и более точно характеризующая экономическое развитие районов. Она показана в следующей таблице (13).

Прежде чем анализировать эту интересную таблицу, посмотрим путем сравнения ее с 11, какие места по темпу развития бюджетных поступлений заняли по ней интересующие нас районы. Это видно из таблички 14.

[1] Максимум промышленного под'ема был в 1899 г.

Табл. 13

Динамика бюджетных поступлений по §§ с 1 по 4, с 11 по 13, с 15 по 17, с 19 по 23 и 28, и 29 росписи гос. доходов в 1892, 1900, 1907 и 1913 гг.

ТЕРРИТОРИИ	1892 г.	1900 г.	1907 г.	1913 г.	1913 год в %% к 1892 г.	1913 год в %% к 1900 г.	1913 год в %% к 1907 г.
Нечерноземная полоса . .	244,1	356,9	464,3	664,0	272,0	186,0	143,1
Черноземная	229,9	360,2	492,0	658,4	286,4	182,8	133,4
Итого по 50 губ. Евр. России	474,0	717,1	956,3	1.322,4	279,0	184,4	138,3
Туркестан	8,8	12,6	21,8	34,5	392,0	273,8	158,3
Сибирь	19,0	34,6	75,9	91,7	482,6	265,0	120,8
Кавказ	24,9	36,6	65,1	95,3	382,7	260,4	146,4
Итого по Сиб., Туркестану и Кавказу . .	52,7	83,8	162,8	221,5	420,3	264,3	136,1
Польша	45,8	74,5	92,2	126,6	276,4	170,0	137,3
Всего разнесенных по местам	572,5	875,4	1.211,3	1.670,5	291,8	190,8	137,9
Неразнесенных вместе с Финляндией . . .	401,0	828,7	1.131,2	1.746,9	435.6	210,8	154,4
Всего разнесенных и неразнесенных обыкновенных доходов .	973,5	1.704,1	2.342,5	3.417,4	351,0	200,5	145,9

Табл. 14

ПОЛОСЫ	По таблице 11			По таблице 13		
	С 1892 г.	С 1900 г.	С 1907 г.	С 1892 г.	С 1900 г.	С 1907 г.
Нечерноземная	6	6	4	6	4	3
Черноземная	5	5	5	4	5	5
Туркестан	2	2	2	2	1	1
Сибирь	1	1	6	1	2	6
Кавказ	3	4	1	3	3	2
Польша	4	3	3	5	6	4

Это сопоставление позволяет окончательно установить, что за 20 лет до 1914 г. всего скорее развивался Туркестан, затем — Сибирь, далее— Кавказ, на четвертое место приходится поставить Польшу, на пятое — черноземную полосу и на шестое — нечерноземную. В этом заключается то историческое наследство, которое получили наши районы от прошлого.

Поскольку Польша отделилась от России и потеряла русский рынок для угля, металлической и текстильной промышленности, темп ее развития должен теперь замедлиться.

Туркестан имеет даже до окончания Туркестано-Сибирской магистрали все шансы остаться на первом месте. Сибирь может занять снова второе место лишь при развитии в ней местной сети ж. д. и сооружений новых магистралей с выходами в Европ. Россию при усиленной притом колонизации ее. Выход в Туркестанский тупик для нее мало интересен. Позднее она сможет занять снова первое место по темпу развития в ней всей хозяйственной жизни.

Кавказ, повидимому, и в Советской России останется на третьем месте. При политике усиленной индустриализации страны четвертое место достанется нечерноземной полосе. Черноземная же полоса сохранит пятое место.

К таким выводам обязывают динамические коэффициенты таблицы 13, наиболее точно уловившие эволюцию центра и окраин с 1892, 1900 и 1907 годов, так как здесь мне не приходилось искусственно удалять с поля зрения Ленинградскую губернию, как это, напр., пришлось делать по таблице 8 в целях правильности сравнения.

Нам остается теперь разнести по полосам и окраинам остаток государственных доходов, неразнесенных по местностям поступления. Этот остаток, как видно по таблице 13, равнялся 401 млн. руб. в 1892 г., 828,7 млн. руб. в 1900 г., 1.131,2 млн. руб. в 1907 г. и 1.746,9 млн. руб. в 1913 г.

Но так как данные Центр. Стат. Комитета о населении разных местностей весьма неточны, а исправления их, предложенные разными авторами, не охватывают все местности б. империи, то интересующего нас разнесения нельзя сделать пропорционально количествам населения в разных местностях в разные годы. Кроме того, количество населения вовсе еще не характеризует экономической мощности данного района. Поэтому более правильно разнести неразнесенный остаток бюджетных поступлений пропорционально удельным весам разнесенных в таблице 13 поступлений.

Эти удельные веса таковы:

Табл. 15

	1892	1900	1907	1913	1892	1900	1907	1913
I. Нечерноземная полоса	42,6	40,8	38,3	39,8	414,8	695,2	901,0	1.357,5
Черноземная	40,2	41,1	40,6	39,4	391,3	700,8	951,0	1 347,7
Итого по 50 губ.	82,8	81,9	78,9	79,2	806,1	1.396,0	1.852,0	2.705,2
II. Туркестан	1,5	1,4	1,8	2,0	15,5	24,1	39 8	68,5
Сибирь	3,3	4,0	6,3	5,5	32,1	67,7	147,6	187,9
Кавказ	4,3	4,2	5,4	5,7	41,9	71,3	126,5	195,2
Итого	9,2	9,6	13,5	13,2	89,5	163,1	313,9	453,2
III. Польша	8,0	8,5	7,6	7,6	77,9	145,0	176,6	259,0
Итого по II—III	17,2	18,1	21,1	20,9	167,4	308,1	490,5	712,2
IV. Всего	100	100	100	100	973,5	1.704,1	2.342,5	3.417,4

На левой половине таблицы показаны удельные веса бюджетных поступлений по таблице 13, а на правой результаты разнесения по ним

всех обыкновенных доходов каждого года. Динамика всех поступлений по каждому району и места их по темпу развития до 1913 г. изменяются следующим образом:

Табл. 16

	1913 год в %%			Место по темпу доходов до 1913 г.			Место по темпу расходов к 1913 г.		
	1892	1900	1907	1892	1900	1907	1892	1900	1913
I. Полосы:									
Нечерноземная	327,3	195,3	150,7	VI	IV	III	3	4	4
Черноземная	344,4	192,3	141,7	IV	V	V	4	3	3
Итого	335,8	193,8	146,1	—	—	—	—	—	—
II Туркестан	441,9	284,2	172,1	III	I	I	2	1	1
Сибирь	585,4	277,5	127,3	I	II	VI	1	2	2
Кавказ	465,9	273,8	154,3	II	III	II	6	5	6
Итого	506,4	277,8	144,4	—	—	—	—	—	—
III. Польша	332,5	178,6	146,7	V	VI	IV	5	6	5
Итого II + III	425,4	231,1	145,2	—	—	—	—	—	—
IV. Всего	351,0	200,5	145,9	—	—	—	—	—	—

Повышение динамических коэффициентов по сравнению с табл. 13 произошло потому, что из года в год повышался удельный вес неразнесенной части доходов, а места, которые занимали районы при сравнении их друг с другом по темпу развития бюджетных поступлений, остались те же, что и на табл. 14 (правая сторона), если не считать, что Туркестан переменился местом с Кавказом При этом небезынтересно отметить, что по табл. 14 и 16 видна гораздо большая связь между доходной и расходной частью бюджета по районам, чем по табл. 11, а именно, она обнаружилась и по Польше, стала совсем идеальной по Туркестану; уклонение в последнем периоде с 1907 г. по Сибири было об'яснено выше. Она обнаружилась для всего периода с 1892 по 1913 гг. по черноземной полосе, а с 1900 по 1913 гг. и по нечерноземной. Лишь Кавказ развивался и сохранял свое второе—третье место с таким же упорством, с каким расходы на него удерживались на последнем месте.

IV

Перейдем теперь к определению бюджетных поступлений на территории, равной СССР. Для этого необходимо было из сумм табл. 13 удалить: по нечерноземной полосе все поступления по губерниям: Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Виленской, Ковенской и Гродненской, 32% поступлений по Минской, 30% по Витебской, а по черноземной полосе все поступления по Бессарабской губ. и 52% по Волынской. Наконец, все поступления по Польше (и Холмской губ.). Кроме того, мы удалили из поступлений по Кавказу 1/5 поступлений, показанных в отчетах контроля совместно для Елизаветпольской, Эриванской губ.

и Карской области, отошедшей ныне к Турции. Результаты исчисления нанесены на левую часть следующей 17 табл.

Табл. 17

Динамика бюджетных поступлений по §§ с 1 по 4, с 11 по 13, с 19 по 23 и по 28 и 29 росписи государственных доходов в 1900 и 1913 гг.

ТЕРРИТОРИИ	Млн. рублей		В %%% к итогу IV		В %%% к 1900 г.	Млн. рублей		В %%% к 1900 г.
	1900 г.	1913 г.	1900 г.	1913 г.		1900 г.	1913 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Полосы.								
1. Нечерноземная.	356,9	664,0	40,8	39,8	186,0	695,2	1.360,9	195,7
Отошедшие губернии	56,4	106,4	6,4	6,4	188,6	108,6	219,0	201,7
Осталось в СССР	300,5	557,6	34,4	33,4	185,5	586,6	1.141,9	194,7
2. Черноземная . .	360,2	658,4	41,1	39,4	182,8	700,8	1.347,7	192,3
Отошедшие губернии	16,5	32,2	1,9	1,9	195,1	32,8	64,5	196,6
Осталось в СССР	343,7	626,2	39,2	37,5	179,8	668,0	1.283,2	192,0
3. Итого по 50 губ. Евр. России . .	717,1	1.322,4	81,9	79,2	184,4	1.396,0	2.708,6	194,0
Отошедшие губернии	72,9	138,6	8,3	8,3	190,1	141,4	283,5	200,0
Осталось в СССР	644,2	1.183,8	73,6	70,9	183,6	1.254,6	2.425,1	193,2
II. 1. Туркестан .	12,6	34,5	1,4	2,0	273,8	24,1	68,5	284,2
2. Сибирь	34,6	91,7	4,0	5,5	265,0	67,7	186,1	274,9
3. Кавказ	36,6	95,3	4,2	5,7	260,4	71,3	195,2	273,8
Отошед. Карская область	0,7	1,2	0,1	0,1	171,4	1,7	3,4	200,0
Осталось в СССР	35,9	94,1	4,1	5,6	462.3	69,6	191,8	275,6
Итого (1+2+3) .	83,8	221.6	9,6	13,2	264,3	163,1	449,8	275,7
Осталось в СССР	83,1	220,3	9,5	13,1	265,1	161,4	446,4	276,5
III. Польша	74,5	126,6	8,5	7,6	170,0	145,0	259,0	170,3
IV. 1. Всего разнесен. по местам .	875,4	1.670,5	100,0	100,0	190,8	—	—	—
2. То же без Польши, Карской обл. и др. отошедших губ.	727,3	1.404,1	83,1	84,0	191,7	—	—	—
V. 1. Неразнесен. вместе с Финляндией	828,7	1.746,9	100,0	100,0	210,8	—	—	—
2. Доля отошедших в неразнесенных доходах	140,0	279,5	16,9	16,0	—	—	—	—
3. Осталось в СССР	698,1	1.469,1	83,1	84,0	—	—	—	—
VI. 1. Всего неразнесен. и разнесенных	1.704,1	3.417,4	—	—	200,5	1.704,1	3.417,9	200,5
2. То же в отошедших губ.	288,1	545,9	—	—	189,5	288,1	545,9	189,5
3. Осталось всего доходов в СССР	1.416,0	2.871,5	—	—	202,8	1,416,0	2.871,5	202,8

В первых двух колонках таблицы дан расчет бюджетных поступлений на территории СССР и в отошедших частях, а в двух следующих колонках все интересующие нас величины выражены в %% к итогу всех доходов, разнесенных по местностям поступления. Как видно из строчки IV_2 на территории СССР осталось 83,1% всех разнесенных доходов в 1900 г. и 84,1% тех же доходов в 1913 г. Неразнесенные доходы (стр. V_1) распределены на отошедшие и оставшиеся на территории

СССР в тех же пропорциях, как и разнесенные, а именно —83,1 : 16,9 в 1900 г. и 84,0 : 16,0 в 1913 г. Общий итог отошедших поступлений оказался равным 288,1 млн. руб. в 1900 г. и 544,2 млн. руб. в 1913 г., а размер бюджетных поступлений по территории СССР —1.416 млн. руб. в 1900 г. и 2.873 в 1913 г. В двух предпоследних колонках показаны размеры по каждому району всех поступлений как разнесенных, так и неразнесенных по местностям поступлений. Эти размеры определены так: общие итоги бюджетов 1900 г., 1913 г. (стр. VI_1) приняты за 100, а размеры всех поступлений по районам взяты пропорционально их удельным весам к итогу разнесенных доходов по колонкам 4 и 5. Наконец, последняя колонка показывает, как изменилась после этого динамика всех бюджетных поступлений по сравнению с динамикой одних разнесенных (колонка 9).

Однако, бюджетные поступления для территории СССР в том размере, как они указаны на табл. 17, несравнимы с современными бюджетами СССР, так как включают в себя только часть доходов от частных жел. дорог и валовой доход от казенной винной операции, тогда как ныне она хозрасчетное предприятие, а в бюджет попадает только акциз со спирта. Поэтому для сравнимости нам надо проделать с цифрами поступлений, получившимися для территории СССР и для прочих полос и районов, следующие операции: удалить из них поступления от казенных жел. дорог, обязательные платежи и прибыли частных жел. дорог, а взамен этого прибавить валовой доход всей казенной и частной сети жел. дорог, затем вычесть суммы, равные операционным расходам по казенной винной операции. Наконец, в целях более точного определения динамики народного дохода с 1900 по 1913 гг. следует в оба года прибавлять только чистые доходы (включая заработную плату) от железных дорог и вычесть суммы от повышения обложения, образовавшиеся к 1913 г. по сравнению с 1900 г.

Результаты всего этого сложного исчисления представлены в следующей табл. 18.

Табл. 18

Обыкновенные доходы

	В 1900 г. на территориях			В 1913 г. на территориях			1913 г. в %%% к 1900 г. на территориях		
	6. Имп.	СССР	50 губ.	6. Имп.	СССР	50 губ.	6. Имп.	СССР	50 губ.
1. Обыкн. доходы . . .	1.704,1	1.416,0	1.396,0	3.417,4	2.871,5	2.708,6	200,5	202,7	194,0
2. То же без операц. расходов по винной монополии	1.631,1	1.350,0	1.331,8	3.214,1	2.700,5	2.547,6	194,0	200,0	191,3
3. То же без доходов от казен. ж.-д. прибылей и платежей частных и налога с пассажиров и грузов	1.243,4	1.027,8	1.015,3	2.322,7	1.950,8	1.842,6	186,9	189,8	181,4
4. То же + налог с пассажиров и грузов . . .	1.256,1	1.039,2	1.026,5	2.353,5	1.976,2	1.867,8	187,4	190,1	181,9
5. То же + валовой доход каз. и частн. сети . .	1.839,7	1.522,4	1.504,1	3.539,5	2.973,6	2.808,1	192,4	195,3	186,7
6. IV итог + чистый доход каз. и частн. сети . .	1.592,5	1.318,7	1.301,2	3.159,5	2.664,0	2.506,2	198,4	202,3	192,6
7. То же без сумм от новых и повышения старых источник. дохода к 1913 г. . . .	1.592,5	1.318,7	1.301,2	2.959,5	2.469,0	2.363,6	185,8	187,2	181,6

Эта таблица весьма интересна, так как по 5 строчке ее мы знакомимся с абсолютными размерами и динамикой обыкновенных доходов довоенных бюджетов на разных территориях в сравнимой с современными бюджетами форме, а последняя строчка ее 7 дает нам довольно точное представление о динамике народного дохода на этих территориях с 1900 по 1913 гг.

Наибольшие динамические коэффициенты по всем строчкам приходятся на территорию СССР, средние на б. Империю, наименьшие на территорию 50 губ. Евр. России. Это понятно, если вспомнить, что с 1900 по 1913 гг. Польша (см. табл. 13) показала наименьший темп развития. Поэтому исключение ее повышает для территории СССР динамические коэффициенты выше среднего уровня их по б. Империи. Наоборот, коэффициенты по последней выше, чем по 50 губ. Евр. России, так как Сибирь, Кавказ и Туркестан в этом периоде развивались таким темпом, что повысили динамические коэффициенты по всей б. Империи, несмотря даже на то, что в ее состав входила тогда Польша, развивавшаяся более медленным темпом, чем 50 губ. Евр. России этого периода.

Для того чтобы уяснить себе, каково было в исследуемые годы распределение бюджетных поступлений и народного дохода по разным территориям, представим абсолютные числа табл. 18, приняв сначала за 100 цифры, касающиеся территории б. Империи.

Это сделано в следующей табл. 19:

Табл. 19

	1900 г.			1913 г.		
	б. Имп.	СССР	50 губ.	б. Имп.	СССР	50 губ.
1. Обыкновенные доходы.	100	83,1	81,9	100	84,0	79,2
2. То же без операц. расх. по винной мон.	100	82,7	81,7	100	84,0	79,2
3. То же без дох. от каз. ж. д., приб. и платеж. частных и налога с пасс. и груза.	100	82,7	81,7	100	84,0	79,3
4. То же с нал. с пасс. и грузов.	100	82,7	81,7	100	84,0	79,3
5. То же плюс вал. дох. казен. и частн. сети.	100	82,7	81,7	100	84,0	79,3
6. IV итог плюс чист. дох. от казен. и частн. сети	100	82,8	81,7	100	84,4	79,3
7. То же без сумм от новых и повыш. старых источн. дохода в 1913 г. по сравнению с 1900 г. . .	100	82,8	81,7	100	83,5	79,8

При помощи этой системы коэффициентов мы можем вычислить теперь размер народного дохода на любой из интересующих нас территорий. По соображениям, развитым мною в статье „Валовая продукция, народный доход и бюджеты СССР“ (в № 1 „Эк. Обозр.“ за 1927 г.), я принимаю для территории СССР в 1913 г. цифру народного дохода в 14.800 млн. руб., считая, что она более увязана с современными исчислениями народного дохода на территории СССР, что цифра 15.135 м. р., предложенная в прошлом году Б. А. Гухманом. Взяв 14.800 млн. руб. для территории, равной СССР в 1913 г., мы получим тогда на основании коэффициентов 7 строчки предыдущей таблицы следующие абсолютные размеры народного дохода на интересующих нас территориях в 1900 и 1913 гг.

Табл. 20

Народный доход в 1900 и 1913 гг. на территориях

1900 г.			1913 г.		
б. Имп.	СССР	50 губ.	б. Имп.	СССР	50 губ.
9,540	7,900	7.794	17.725	14.800	14.146
100	100	100	185,8	187,1	181,6

Динамика к 1900 г. определена мною по последней строчке таблицы 18. Если кому покажется более достоверным исчисление для СССР в 1913 г. контрольных цифр Госплана СССР в 15.135 млн. руб., то, воспользовавшись коэффициентами моих таблиц, он сможет легко вычислить народный доход, на тех же территориях и в других абсолютных размерах. Если б кто-либо пришел при этом к убеждению, что народный доход с 1900 по 1913 гг. рос параллельно бюджету, то, приняв какую угодно цифру народного дохода по территории СССР в 1913 г., он сможет воспользоваться для исчисления его на других территориях и в 1900 г. коэффициентами шестых строчек таблиц 18 и 19.

Воспользовавшись теперь статическими и динамическими коэффициентами табл. 17, мы можем дать в заключение размеры народного дохода на любой из территорий, приведенных в этой таблице. Все это вычислено на 21 таблице (см. след. стр.).

Полный комментарий к этой таблице потребовал бы много печатных страниц. Ограничимся пока тем, что обратим внимание на самое существенное. Оставшиеся в границах СССР губернии черноземной и нечерноземной полосы заняли по темпу развития в них народного дохода те же места, которые они занимали по сравнению с окраинами и в границах б. Империи, хотя те губернии в этих полосах, которые отошли от нас, развивались с 1900 г. более высоким темпом, чем оставшиеся у нас. Это видно из сравнения динамических коэффициентов в 6 графе. Но вся совокупность отошедших губерний, вследствие низкого темпа роста народного дохода в Польше ($+59{,}9\%$), имела почти одинаковый темп его роста по сравнению с оставшимися в СССР губернями, а именно $+78{,}2\%$ против $+79{,}7\%$.

Нельзя далее не отметить постоянства статических коэффициентов в графах 3 и 5. Несмотря на пережитые Россией с 1900 по 1913 гг. пертурбации, как-то поход в Китай, войну с Японией, революцию 1905 г. длительный период промышленного застоя с 1900 по 1908 гг., быстрый промышленный под'ем с 1909 по 1913 гг.,—все же удельные веса интересующих нас территориальных единиц в образовании народного дохода изменились мало. Кроме того, можно сказать, вообще, что чем больше эти единицы, тем меньше изменился их удельный вес в оба исследованные года.

Сравнивая, наконец, динамику народного дохода по графе 6 с приведенной в графе 9 динамикой всех обыкновенных доходов по каждому району, легко усмотреть, насколько вторая уклонялась от первой. Впрочем, не следует при этом забывать, что отчасти это уклонение является результатом нашей гипотезы, что темп роста народного дохода равен

Табл. 21

Народный доход в 1900 и 1913 гг. по отдельным районам б. Империи и СССР

ТЕРРИТОРИИ	1900 г. (млн. рублей) —	В %% к итогу по Имп.	1913 г. (млн. рублей)	В %% к итогу по Имп.	1913 г. в %% к 1900 г.	Места по темпу разв. с 1900 г. в границах		Динамика бюдж. поступлений с 1900 г.
						б.Имп.	СССР	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I. Полосы.								
1. Нечерноземная.	3.883	40,7	7.108	40,1	183,0	4	—	195,7
Отошедшие губ.	620	6,5	1.224	6,9	197,4	—	—	201,7
Осталось в СССР. . . .	3.263	34,2	5.884	33,2	180,3	—	4	194,7
2. Черноземная .	3.911	41,0	7.038	39,7	179,9	5	—	192,3
Отошедшие губ.	191	2,0	372	2,1	194,9	—	—	196,6
Осталось в СССР . . .	3.720	39,1	6.666	37,6	179,2	—	5	192,0
3. Итого по 50 губ.	7.794	81,7	14.146	79,8	181,6	—	—	194,0
Отошедшие губ.	811	8,5	1.596	9,0	196,8	—	—	200,0
Осталось в СССР . . .	6.983	73,2	12.550	70,8	179,7	—	—	193,2
II. Туркестан. . .	135	1,40	355	2,00	262,9	1	1	284,2
2. Сибирь. . . .	386	4,05	951	5,37	246,4	2	2	274,9
3. Кавказ	405	4,25	962	5,43	237,5	3	—	273,8
Отошед. Карская обл. . . .	10	0,10	18	0,10	180,0	—	—	200,0
Осталось в СССР	395	4,15	944	5,33	239,0	—	3	275,6
Итого (1+2+3).	926	9,70	2.268	12,80	244,9	—	3	275,7
Осталось в СССР без Карской области. . . .	916	9,60	2.250	12,70	245,6	—	—	276,5
III. Отошедшая Польша.	820	8,5	1.319	7,4	159,9	6	—	170,3
IV. Итого по отошед. областям. . .	1 641	17,2	2.925	16,5	178,2	—	—	189,5
V. Итого по СССР . . .	7.899	82,8	14.800	83,5	187,1	—	—	202,8
VI. Всего по б. Империи . .	9.540	100,0	17.725	100,0	185,8	—	—	200,5

естественному росту бюджета за вычетом сумм от установления новых и изменения старых источников дохода.

Сделав эти немногие замечания, я надеюсь вернуться к настоящей теме вновь, когда мне удастся закончить работы по определению динамики народного дохода и бюджетных поступлений по районам Госплана, а также по отдельным губерниям, входящим в СССР.

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Бюллетень № 30—31 Экономико-Статистической Секции Госплана СССР

под ред. С. Г. Струмилина

Составляется по материалам Бюро Кон'юнктурного Совета и Статбюро Госплана

СОДЕРЖАНИЕ

А. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25 1925/26 и 1926/27 гг.

Б. Текущие динамические таблицы

I. Хлебные заготовки

1. Заготовки хлебофуража основн. планов. заготовительными организациями за 1926/27 г.
2. То же по культурам.

II. Промышленность

1. Динамика крупной госпромышленности СССР за 1925/26 и 1926/27 хоз. годы.
2. Динамика главнейших отраслей производства крупной госпромышленности СССР в 1925/26 и 1926/27 хоз. годах.

V. Товарооборот

1. Динамика торговых заведений I разряда.
2. Динамика торговых заведений II разряда.
3. Динамика торговых заведений III разряда.
4. Динамика торговых заведений IV разряда.
5. Динамика торговых заведений V разряда.

VI—IX. Финансы, кредит, денежное обращение, индексы цен и цены

1. Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению за май и июнь 1927 г.
2. Всесоюзный бюджетный индекс Статистики Труда и Госплана в 1926/27 г.
3. Оптовый индекс ЦСУ СССР в 1926/27 г.

A. Основные показатели народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг.

№№ по пор.	ПОКАЗАТЕЛИ	Единица счета	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 год				1926/27 год					
					Кварталы				Кварталы		Месяц			
					I	II	III	IV	I	II	Апр.	Май	Июнь	Июль
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
	I. Хлебные заготовки (средн. за месяц)													
1	Заготовка хлеба	Тысячи тонн	580	560	960	885	472	878	1.669	872	447	(303)	—	—
2	Заготовит. цена ржи . .	Товарн. коп.	28	48	45	53	42	39	40	40	41	42	—	—
3	То же	Черв. коп.	47	86	80	103	80	70	71	71	72	74	—	—
	II. Промышленность (средн. за месяц)													
4	Добыча угля	Тысячи тонн	1.315	1.340	1.975	2.136	1.974	2.046	2.656	2.700	(2.435)	(2.578)	—	—
5	Добыча нефти	„ „	495	580	640	621	711	764	833	820	(839)	(909)	—	—
6	Выплавка чугуна	„ „	55	108	161	167	195	201	240	248	(249)	(262)	—	—
7	Прокатка металла. . . .	„ „	57	116	162	180	184	192	230	233	(222)	(217)	—	—
8	Произв. хлоп.-бум. пряжи	„ „	8,5	15,4	21,1	20,3	19,6	19,1	23,3	22,9	(23,5)	(25,5)	—	—
9	Произв. хлоп.-бум. ткани	Млн. метр.	69,6	124,9	167,8	169,0	166,7	169,4	203,8	196,1	(197,6)	(207,3)	—	—
10	Сумма продукции промышл.	Млн. черв. р.	288,9	410,2	558,6	599,8	607,8	603,4	721,3	717,2	(690,3)	(715,0)	—	—
11	Сумма продукции промышл.	По дов. ценам в млн. руб.	133,3	213,3	383,5	300,3	298,9	309,6	354,2	357,1	(354,0)	(369,5)	—	—
12	Выработка на 1 чел. в день	По дов. ценам в рублях	—	7,42	7,94	8,39	8,55	8,82	9,06	9,45	—	—	—	—
	III. Труд (сред. за месяц)													
13	Число рабочих цензовой промышленности . .	Тысячи	1.618	1.894	2.294	2.399	2.465	(2.523)	—	—	—	—	—	—
14	Средняя дневная заработная плата промышл. рабочих (реальная)	В условн. моск. коп.	91,5	110,0	126,2	123,7	121,3	127,8	—	—	—	—	—	—
15	Средняя дневная заработная плата промышл. рабочих (номинальная).	В черв. коп.	155,3	189,9	224,3	234,5	239,7	245,0	—	—	—	—	—	—
	IV. Транспорт **(средн. за месяц)**													
16	Ж.-д. перевозки	Млн. тонн.	5,62	6,95	9,75	9,51	9,32	10,0	11,6	(10,9)	(10,8)	(11,0)	—	—
17	Средн.-суточная погрузка	Тыс. вагонов	13,5	17,4	24,1	23,6	22,8	26,6	27,9	27,1	25,7	26,8	—	—
18	Валовой доход жел. дор.	Млн. черв. р.	56,7	79,5	105,0	109,1	108,9	122,2	128,2	—	—	—	—	—
	V. Торговля (средн. за месяц)													
19	Реализация по 12 синдик.	Млн. черв. р.	52,1	94,9	141,2	158,7	163,8	193,3	—	—	—	—	—	—
20	Оборот Моск. тов. биржи.	„ „ „	129,6	249,3	384,1	231,5	264,3	387,1	521,1	222,9	284,6	277,5	—	—
21	Реализация по 291 производ. об'един. ВСНХ	Млн. черв. р.	198,1	304,5	424,3	445,8	454,7	525,3	—	—	—	—	—	—
22	Вывоз из СССР	„ „ „	—	42,3	57,6	45,1	46,2	49,9	69,4	54,0	51,4	50,1	—	—
23	Привоз в СССР	„ „ „	—	52,8	64,8	57,2	52,0	50,8	44,0	38,9	49,1	73,0	—	—
	VI. Финансы (средн. за месяц)													
24	Поступл. обыкн. доходов	Млн. черв. р.	122,6	196,1	274,2	303,9	290,4	301,8	402,9	387,8	385,1	348,0	—	—
25	В том числе налог. и пошл.	„ „ „	53,9	94,9	37,6	156,0	123,2	163,1	224,2	207,3	194,6	142,6	—	—
	VII. Кредит (на 1 число мес.)													
26	Сумма вкладов и тек. счетов по Госбанку и 4 акц. банкам . . .	Млн. черв. р.	277	567	853,3	850,9	829,3	810,7	959,0	1.054,3	1 103,0	1.099,5	1.120,6	—
27	Остаток задолж. по учетно-ссудным операциям	Млн. черв. р.	586	1.251	2.030,5	2.178,5	2.229,7	2.287,8	2.583,8	2.558,9	2.599,7	2.696,5	2.790,2	—
	VIII. Денежное обращение													
28	Денежн. масса на кон. мес.	Млн. черв. р.	406	799	1.246,6	2.241,3	1.200,8	1.283,9	1.414,3	1.368,1	1.354,4	1.401,5	—	—
29	Денежн. масса на кон. мес.	Млн. тов. р.	238	446	701,1	649,6	626,0	713,2	795,9	766,4	773,1	805,0	—	—
30	Эмиссия за месяц . . .	Млн. черв. р.	49,9	43,3	42,1	21,7	1,7	44,6	23,2	— 22,0	7,9	47,1	—	—
31	Эмиссия за месяц . . .	Млн. тов. р.	29,4	24,5	22,6	11,3	1,7	24,7	13,0	— 12,3	4,5	26,9	—	—
	IX. Индексы цен (на 1 число мес.)													
32	Оптовые ЦСУ	1913 г.=100	170,2	179,2	178,2	191,7	192,3	180,6	177,7	178,5	177,3	175,2	174,1	—
	а) промышл.	„	215,7	192,4	197,0	199,8	203,3	203,6	203,6	201,2	196,1	194,3	192,6	—
	б) сел.-хоз.	„	134,2	166,9	161,1	183,9	181,7	160,1	155,1	158,3	160,3	158,1	157,4	—
33	Всес. бюдж. нов. (40 тов.)	„	—	—	190,0	202,9	212,4	205,2	205,1	207,8	201,9	202,5	198,8	—
	„ „ стар. (24 тов.)	„	195,7	202,0	202,1	221,9	232,7	223,9	222,0	224,5	220,3	222,3	218,9	—
	а) пром. нов. (40 тов.)	„	—	—	231,0	233,2	242,0	240,2	237,0	231,6	225,1	223,1	218,0	—
	„ стар. (24 тов.)	„	253,9	228,3	231,4	234,8	246,5	247,5	250,0	245,7	240,8	239,9	235,1	—
	б) с.-хоз. нов. (40 тов.)	„	—	—	185,5	209,9	223,0	209,6	208,1	214,3	206,0	208,4	204.7	—
	„ стар. (24 тов.)	„	163,2	187,5	185,8	214,7	224,9	210,8	206,4	212,7	208,8	212,4	209,8	—

Таблица 1

Текущие динамические таблицы

Отдел 1. ХЛЕБНЫЕ ЗАГОТОВКИ

Заготовки хлебофуража основными плановыми заготовительными организациями в 1926/27 г. (в декатонах)

I. По районам

Районы / Месяцы	Потребляющ.	Вятско-Вотский	Татарск. респ.	Башкирск. респ.	Оренбургск. губ.	Поволжье	Центр.-Земледельческий	Урал	Северный Кавказ	Сибирь	Казакстан	ДВО	Крым	Итого РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Всего СССР
Квартал VII—IX . . .	2256,8	208,8	773,9	646,2	4171,3	24072,0	19010,6	3456,9	90527,9	3868,0	4488,8	160,3	7370,1	161011,6	94435,7	169,1	531,6	256148,0
Квартал X—XII . . .	4960,2	418,6	8854,4	10593,8	16834,0	69502,6	44093,2	24485,6	89100,7	49928,3	30950,3	3013,2	3032,4	355767,3	144109,7	710,2	292,0	500879,2
Янв. 1927 г. .	1318,7	376 3	3689,3	3133,5	3388,3	18254,7	8846,0	6850.4	9726,0	11797,1	9374,3	—	251,0	77005,6	21655,0	276,2	397,0	99333,8
Февраль . .	884,1	330,6	3293,3	3643,8	3797,6	15571,8	8095,7	7495,0	8095,8	12361,4	8156,8	—	125,4	71851,3	18706,7	169,8	319,7	91047,5
Март	1250,9	249,6	2813,4	3577,1	3799,8	13095,3	7931,3	7033,9	5132,2	8508,4	6463,7	—	121,1	59976,7	10888,7	231,1	118,4	71214,9
Квартал I—III Апрель . . .	3453,7	956,5	9796,0	10354,4	10985,7	46921,8	24873,0	21379,3	22954,0	32666,9	23994,8	—	497,5	208833,6	51250,4	677,1	835,1	261596,2
Май [1] . . .	1160,4	136,5	1465,3	1187,1	1454,1	5628,4	2306,6	3810,2	5029,5	6156,7	3627,3	—	16,5	31978,6	12277,7	217,6	207,0	44680,9
Всего с начала камп. на I/VI 1927 г. .	434,9	89,9	663,3	647,6	669,4	4142,6	1644,7	1633,3	5228,6	1242,8	2238,4	—	6,4	18641,9	11148,4	295,1	178,7	30264,1
На тот же срок 1926 г.	12266,0	1810,3	21552,9	23429,1	34114,5	150267,4	91928,1	54765,3	212840,7	93862,7	65299,6	3173,5	10922,9	776233,0	313221,9	2069,1	2044,4	1093568,4
VII-V 1927 г. в %% к . .	19398,7	3772,8	21725,3	19235,7	13472,3	87779,1	83837,8	41662,1	257568,4	58761,5	27043,6	—	18574,9	652832,2	267801,0	3766,7	703,9	925103,8
VII—V кампании предыдущего года .	63	48	99	122	253	171	110	131	83	165	241	—	59	119	117	55	290	118

[1] Данные предварительные

Таблица 2

II. По культурам

Культуры / Месяцы	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Кукуруза	Бобовые	Крупяные	Итого главных	Масличных	Прочее	Всего
Квартал VII—IX	47151,0	153931,8	12710,8	22045,1	2422,0	1375,9	—	241495,9	14408,9	243,5	256148,0
Квартал X—XII	94463,6	255999,3	46470,3	20472,9	22603,7	4156,4	15968,3	460134,5	40374,8	369,9	500879,2
Январь 1927 г.	22559,4	46906,4	13029,5	1646,8	4807,9	1388,5	4480,8	94819,3	4179,5	335,0	99333,8
Февраль	19872,2	44291,5	12901,8	1382,6	3653,1	964,2	4362,4	87427,8	3437,0	182,7	91047,5
Март	17810,0	34165,1	10285,4	771,3	2209,5	478,9	3518,5	69238,7	1857,3	118,9	71214,9
Квартал I—III	60241,6	125363,0	36216,7	3800,7	15670,5	2881,6	12361,7	251485,8	9473,8	636,6	261596,2
Апрель	8932,4	24254,0	4689,5	719,7	2798,7	325,9	2007,0	43727,2	891,3	62,4	44680,9
Май[1]	6994,9	17750,6	1845,3	447,6	1443,4	69,9	874,4	29426,1	401,0	437,0	30264,2
Всего с начала кампании на I/VI 1927 г.	217783,5	577298,1	101932,6	47486,0	39938,3	8759,7	33071,0	1026269,2	65549,8	1749,4	1093568,4
На тот же срок 1926 г. . .	178319,7	356771,0	64782,6	104626,8	41631,0	5655,7	58 56,0	810142,8	112856,4	2104,6	925103,8
VII—V 1927 г. в % к VII—V кампании предыдущего года	122	162	157	45	96	155	57	127	58	83	118

[1] Данные предварительные.

Отдел II. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Таблица 1

Динамика крупной госпромышленности СССР за 1925/26 и 1926/27 хоз. годы

№№ по пор.	СРОКИ	Ср.-месячное число раб. в тыс. чел.		Валовая продукция											
				В миллионах рублей				В %% к нач. пер. соотв. года				В %% к соотв. пер. пр. года			
				По дов. ценам		По совр. ценам		По дов. ценам		По совр. ценам		По дов. ценам		По совр. ценам	
		1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	А. За месяц														
1	Октябрь	1.772	1.953	280,7	341,6	550,2	696,2	100,0	100,0	100,0	100,0	150	122	148	126
2	Ноябрь	1.838	1.969	272,2	351,8	536,5	716,3	97,0	103,0	97,5	102,9	152	129	153	133
3	Декабрь	1.879	1.987	297,6	369,3	589,0	751,5	106,1	108,1	107,1	107,9	150	124	153	128
4	Январь	1.910	2.007	286,7	347,9	570,0	706,6	102,1	101,8	103,4	101,5	145	121	143	124
5	Февраль	1.934	2.021	298,8	352,3	596,7	711,3	106,4	103,1	108,5	102,2	139	118	148	119
6	Март	1.953	2.025	315,3	371,2	632,8	737,6	112,3	108,7	115,0	105,9	142	118	149	117
7	Апрель	1.936	2.005	321,5	354,0[4]	652,6	690,3	114,5	103,6	118,6	99,2	149	110	158	106
8	Май	1.902	1.986	284,2	369,5	578,6	715,0	101,2	108,2	105,2	102,7	129	130	138	124
9	Июнь	1.904	—	291,0	—	592,2	—	103,7	—	107,6	—	128	—	138	—
10	Июль	1.910	—	270,0	—	549,2	—	96,2	—	99,8	—	132	—	141	—
11	Август	1.918	—	310,4	—	631,4	—	110,6	—	114,8	—	139	—	148	—
12	Сентябрь	1.937	—	348,3	—	710,5	—	124,1	—	129,1	—	132	—	139	—
	Б. За квартал														
I	Октябрь—декабрь	1.830	1.970	850,5	1.062,7	1.675,7	2.164,0	100,0	100,0	100,0	100,0	150	125	151	129
II	Январь—март	1.932	2.017	900,7	1.071,4	1.799,5	2.155,5	105,9	100,8	107,4	99,6	141	119	147	120
III	Апрель—июнь	1.914	—	896,7	—	1.823,4	—	105,4	—	108,8	—	135	—	145	—
IV	Июль—сентябрь	1.922	—	928,7	—	1.891,1	—	109,2	—	112,9	—	134	—	143	—
	В. За год	1.899	—	3.576,6	—	7.189,7	—	—	—	—	—	140	—	146	—

Примечания. 1) Крупная промышленность учитывается ЦОСом ВСНХ и составляет около 80% цензовой промышленности.
2) Валовая продукция оценена по методу целых отраслей (валовой оборот отрасли за вычетом потребленных в ней полуфабрикатов ее производства).
3) Валовая продукция по современным ценам получена переводом из довоенной по средне-месячному промышленному индексу Госплана.
4) Сведения за апрель и май предварительные.

Таблица 2

Динамика главнейших отраслей производства крупной госпромышленности СССР в 1925/26 и 1926/27 хоз. годах

СРОКИ	Добыча угля		Добыча нефти		Металлургическое производство						Текстильное производство							
					Выплавка чугуна		Выплавка мартена		Прокат металла		Хл.-бум. пряжа (пряд. и угарная)		Шерстяная пряжа		Льняная пряжа		Хл.-бум. готов. товар.	
	В тыс. тонн	В % к соотв. мес. пред. года	В тыс. тонн	В % к соотв. мес. пред. года	В тыс. тонн.	В % к соотв. мес. пред. года	В тыс. тонн	В % к соотв. мес. пред. года	В тыс. тонн	В % к соотв. мес. пред. года	В тонн	В % к соотв. мес. пред. года	В тонн	В % к соотв. мес. пред. года	В тонн	В % к соотв. мес. пред. года	В млн. метров	В % к соотв. мес. пред. года
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1925/26 г.																		
Октябрь	1.912	120,7	647,8	111,5	157,8	216,3	231,2	175,4	179,3	183,0	22.071	156	3.008	128,8	5.093	118,6	177,7	155,8
Ноябрь	1.921	145,0	629,5	113,1	152,7	205,8	211,4	173,7	160,1	174,7	19.918	162	2.695	131,4	4.592	130,1	159,3	156,9
Декабрь	2.093	150,0	645,3	124,8	169,9	190,3	220,1	156,7	172,6	170,7	21.403	154	2.976	130,0	5.205	136,1	171,7	142,0
Январь	2.021	146,2	637,5	122,9	181,5	199,5	233,3	156,5	173,5	159,1	20.159	138	2.728	118,2	5 250	130 1	163,5	133,6
Февраль	2.118	146,4	583,5	115,2	163,4	183,5	229,5	161,7	188,1	171,8	20.809	140	2.875	124,1	5.695	139,4	170,6	137,9
Март	2.264	154,4	644,3	112,2	190,5	178,5	266,1	166,0	201,8	179,9	19.871	131	2.877	125,1	5.814	139,4	175,2	137,6
Апрель	2.160	203,2	667,1	114,0	191,8	182,5	250,9	169,5	207,7	182,4	20.945	132	2.926	129,9	6.380	156,7	182,6	139,4
Май	1.810	172,1	728,8	117,3	199,6	162,5	249,5	143,2	177,5	135,1	17.405	109	2.432	107,8	5.095	130,0	139,4	108,2
Июнь	1.968	156,8	738,3	120,0	197,4	153,9	247,1	141,2	188,2	147,3	20.486	116	2.590	111,3	5.627	143,8	179,0	129,0
Июль	2.010	157,6	760,3	123,4	190,8	153,9	237,5	150,5	181,4	159,5	14.030	109	1.885	95,1	3.866	125,1	129,7	128,7
Август	1.946	153,0	784,9	128,0	194,8	137,7	253,2	149,1	191,7	149,0	20.328	123	2.583	109,4	5.695	147,3	171,4	136,8
Сентябрь . . .	2.202	140,6	748,3	114,1	212,6	145,0	281,2	141,9	227,9	148,6	22.974	111	3.314	114,9	6.542	137,1	208,0	127,0
1926/27 г.																		
Октябрь	2.511	131,3	793,3	122,5	234,4	148,5	290,8	125,8	229,5	128,0	23.035	104	3.372	112,1	6.487	127,4	197,8	111,3
Ноябрь	2.684	139,7	823,1	130,8	233,6	153,0	294,8	139,5	224,1	140,0	23.398	117	3.480	129	6.670	145,3	205,2	128,8
Декабрь	2.774	132,5	884 5	137,1	251,1	147,8	303,0	137,7	237,1	137,4	23.563	110	3.498	118	6.624	127,2	208,3	121,3
Январь	2.521	124,7	830,9	130,3	244,6	134,8	294,4	126,2	223,6	128,9	22.177	109	3.202	117,4	6.150	117,1	191,9	117,4
Февраль	2.701	127,5	766,3	131,3	235,5	144,1	284,9	124,1	228,6	121,5	22.682	109	3.231	112,4	6.219	109,2	195,3	114,5
Март	2.878	127,1	861,5	133,7	264,3	138,7	318,9	119,8	243,5	120,7	23.655	119	3.425	119,0	6.375	109,6	201,0	117,7
Апрель[1]	2.435	112,7	839,1	125,8	249,0	129,8	298,7	119,1	221,5	106,6	23.467	112,0	3.442	117,6	5.514	86,4	197,6	108,2
Май	2.578	142,4	908,7	124,7	262,2	131,4	283,2	113,5	216,9	122,2	25.462	146,3	3.545	145,8	6.655	130,6	207,3	148,7
Июнь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Июль	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Август	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сентябрь . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

[1] Сведения за апрель и май месяцы с. г. предварительные.

Таблица 1

Отдел V. ТОВАРООБОРОТ

Динамика торговых заведений I разряда

По данным о выборке патентов

ПЕРИОДЫ	В городах					В селениях					В городах и селениях				
	Госуд.	Коопер.	Итого	Частн.	Всего	Госуд.	Коопер.	Итого	Частн.	Всего	Госуд.	Коопер.	Итого	Частн.	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
В абсолютной величине															
1. Июль—декабрь 1922 г, .	243	877	1.120	116.265	117.385	60	1.472	1.532	26.246	27.778	303	2.348	2.651	142.511	145.163
2. Январь—март 1923 г. . .	18	49	67	51.898	51.965	1	24	25	19.293	19.318	19	73	92	71.191	71.283
3. Апрель—сент. 1923 г. . .	368	144	512	88.044	88,556	—	77	77	35.066	35.143	368	221	589	123.110	123.699
4. Октябрь—март 1923/24 г.	1.669	153	1.822	51.644	53.466	45	94	139	22.436	22.575	1.714	247	1.961	74.080	76.041
5. Апрель—сент. 1923/24 г.	2.329	643	2.972	71.523	74.495	37	404	441	28.199	28.640	2.366	1.047	3.413	99.722	103.135
6. Октябрь—март 1924/25 г.	3.788	685	4.473	71.876	76.349	37	557	594	34.810	35.404	3.825	1.242	5.067	106,686	111.753
7. Апрель—сент. 1924/25 г.	811	1.428	2.239	83.904	86.143	29	473	502	44.157	44.659	840	1.901	2.741	128,061	130.802
8. Октябрь—март 1925/26 г.	324	449	773	73.859	74.632	55	404	459	48.237	48.696	379	853	1.232	122.096	123.328
9. Апрель—сент. 1925/26 г.	225	591	816	99.421	100.237	54	318	372	52.439	52.811	279	909	1.188	151.860	153.048
В относительной величине															
1. Июль—декабрь 1922 г. .	0,21	0,75	0,96	99,04	100,0	0,26	5,30	5,56	94,44	100,0	0,20	1,60	1,80	98,20	100,0
2. Январь—март 1923 г. . .	0,03	0,09	0,13	99,87	100,0	0,01	0,12	0,13	99,87	100,0	0,03	0,10	0,13	99,87	100,0
3. Апрель—сент. 1923 г. . .	0,42	0,16	0,58	99,42	100,0	0,00	0,22	0,22	99,78	100,0	0,29	0,49	0,78	99,22	100,0
4. Октябрь—март 1923/24 г.	3,00	0,30	3,30	96,70	100,0	0,20	0,40	0,60	99,40	100,0	2,30	0,30	2,60	97,40	100,0
5. Апрель—сент. 1923/24 г.	3,13	0,86	3,99	96,01	100,0	0,13	1,41	1,54	98,46	100,0	2,29	1,01	3,30	96,70	100,0
6. Октябрь—март 1924/25 г.	5,00	0,10	5,10	94,90	100,0	0,10	1,60	1,70	98,30	100,0	3,40	1,10	4,50	95,50	100,0
7. Апрель—сент. 1924/25 г.	0,94	1,65	2,59	97,41	100,0	0,10	1,00	1,10	98,90	100,0	0.60	1,50	2,10	97,90	100,0
8. Октябрь—март 1924/26 г.	0,40	0,60	1,00	99,00	100,0	0,10	0,80	0,90	99,10	100,0	0,30	0,71	1,01	98,99	100,0
9. Апрель—сент. 1925/26 г.	0,21	0,60	0,81	99,19	100,0	0,10	0,60	0,70	99,30	100,0	0,20	0,60	0,80	99,20	100,0

Динамика торговых заведений II разряда *Таблица 2*

По данным о выборке патентов

ПЕРИОДЫ	В городах					В селениях					В городах и селениях				
	Госуд.	Коопер.	Итого	Частн.	Всего	Госуд.	Коопер.	Итого	Частн.	Всего	Госуд.	Коопер.	Итого	Частн.	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
В абсолютной величине															
1. Июль—декабрь 1922 г. . .	414	882	1 296	227.421	228.717	55	750	805	50.310	51.115	469	1.632	2.101	277.731	279.832
2. Январь—март 1923 г. . .	249	589	838	162.812	163.650	106	962	1.068	53.771	54.838	355	1.551	1.906	216.582	218.488
3. Апрель—сентябрь 1923 г. .	1.032	674	1.706	188.204	189.910	96	1.283	1.379	68.371	69.750	1.128	1.957	3.085	256.575	259.660
4. Октябрь—март 1923/24 г. .	726	1.016	1.742	157.592	159.334	176	2.096	2.272	59.827	62.099	902	3.112	4.014	217.419	221.433
5. Апрель—сентябрь 1923/24 г.	1.557	2.748	4.305	178.964	183.269	230	3 875	4.105	66.403	70.508	1.787	6.623	8.410	245.367	253.777
6. Октябрь—март 1924/25 г. .	3.263	5.075	8.338	162.694	171 032	293	6.373	6.666	77.516	84.182	3.556	11.448	15.004	240.210	255.214
7. Апрель—сентябрь 1924/25 г.	2.591	6.125	8.716	173.980	182.696	632	6.207	6.839	92.151	98 990	3.223	12.332	15.555	266.131	281.686
8. Октябрь—март 1925/26 г. .	2.585	5.090	7.675	175.124	182.799	491	5.367	5.858	128.427	134.285	3.076	10.457	13.533	303.551	317.084
9. Апрель—сентябрь 1925/26 г.	2.886	5.236	8.236	169.144	177.266	499	4.548	5.047	115.334	120.381	3.385	9.784	13.169	284.478	297.647
В относительной величине															
1. Июль—декабрь 1922 г. . .	0,18	0,38	0,56	99,44	100,0	0,10	1,50	1,60	98,40	100,0	0,16	0,58	0,74	99,26	100,0
2. Январь—март 1923 г. . . .	0,15	0,36	0,51	99,49	100,0	0,19	1,75	1,94	98,06	100,0	0,16	0,70	0,86	99,14	100,0
3. Апрель—сентябрь 1923 г. .	0,54	0,35	0,89	99,11	100,0	0,14	1,84	1,98	98,02	100,0	0,44	0,75	1,19	98,81	100,0
4. Октябрь—март 1923/24 г. .	0,45	0,63	1,08	98,92	100,0	0,28	3,37	3,65	96,35	100,0	0,40	1,40	1,80	98,20	100,0
5. Апрель—сентябрь 1923/24 г.	0,85	1,50	2,35	97,65	100,0	0,32	5,50	5.82	94,18	100,0	0,70	2,60	3,30	96,70	100,0
6. Октябрь—март 1924/25 г. .	1,91	2,97	4,88	95,12	100,0	0,35	7,56	7.81	92,19	100,0	1,39	4,49	5,88	94, 2	100,0
7. Апрель—сентябрь 1924/25 г.	1,42	3,35	4,77	95,23	100,0	0,64	6,27	6,91	93,09	100,0	1,10	4,30	5,40	94,60	100,0
8. Октябрь—март 1925/26 г. .	1,41	2,78	4,19	95,81	100,0	0,37	3,99	4,36	95.64	100,0	1,09	3,28	4,27	95,73	100,0
9. Апрель—сентябрь 1925/26 г.	1.62	2,95	4,57	95,43	100,0	0.41	3,77	4,19	95,81	100,0	1,14	3,28	4,42	95,58	100,0

Динамика торговых заведений III разряда
По данным о выборке патентов

Таблица 3

ПЕРИОДЫ	В городах					В селениях					В городах и селениях				
	Госуд.	Кооп.	Итого	Частн.	Всего	Госуд.	Кооп.	Итого	Частн.	Всего	Госуд.	Кооп,	Итого	Частн.	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
В абсолютной величине															
1. Июль—декабрь 1922 г. .	2.917	9.740	12.657	79.354	92.011	417	7.025	7.442	14.692	22.131	3.331	16.765	20.096	94.046	114.142
2. Янв.—март 1923 г. . . .	2.823	7.029	9.852	89 327	99.179	823	15.459	16.282	24.108	40.391	3.646	22.488	26.134	113.435	139 569
3. Апр.—сентябрь 1923 г. .	3.904	7.397	11.301	104.327	115.628	1.196	19.051	20.247	29.638	49.885	5.100	26.448	31.548	133.965	165.513
4. Окт.—март 1923/24 г. . .	4.557	7.494	12.051	94.207	106.258	2.011	18.972	20.983	25.557	46.540	6.568	26.466	33.034	119.764	152.798
5. Апр.—сент. 1923/24 г. .	5.926	17 013	22.939	104,965	127.904	1.897	37 607	39.504	29.779	69 283	7.823	54.620	62.443	134.744	197.187
6. Окт.—март 1924/25 г. . .	7.750	21.688	29.439	83.533	112.971	2.130	55.268	57.398	27.019	84.417	9.880	76.956	86.836	110.552	197.388
7. Апрель—сент. 1924/25 г. .	8.166	20.578	28.744	82.564	111.308	2.486	61.289	63.775	33.383	97 158	10.652	81.867	92.519	115.947	208.466
8. Окт.—март 1925/26 г. . .	9.183	18.130	27.313	91.180	118.493	3 314	66.602	69.916	55.055	124 971	11.497	84.732	96.229	143.235	239.464
9. Апр.—сент. 1925/26 г. . .	8.104	17.229	25.333	96.250	121.583	3.199	68.533	71.732	56.610	128.342	11.303	85.862	97.165	148.860	246.025
В относительной величине															
1. Июль—декабрь 1922 г. . .	3,10	10,58	13,68	86,32	100,0	1,88	31,73	33,61	66,39	100,0	2,90	14,70	17 60	82,40	100,0
2. Январь—март 1923 г. . .	2,84	7,08	9,92	90,08	100,0	2,03	38,27	40,30	59,70	100,0	2,61	16,11	18,72	81,28	100,0
3. Апрель—сент. 1923 г. . .	3,37	6,39	9,76	90,24	100,0	2,39	38,19	40,58	59,42	100,0	3,08	15,97	19,05	80,95	100,0
4. Окт.—март 1923/24 г. . .	4,28	7,05	11,33	88,67	100,0	4,31	40,75	45 06	54,94	100,0	4,29	17,31	21,60	78,40	100,0
5. Апрель—сент. 1923/24 г. .	4,63	13,27	17,90	82.10	100,0	2,73	54,37	57,10	42,90	100,0	4,00	27,70	31,70	68,30	100,0
6. Окт.—март 1924/25 г. . .	6,85	19,19	26,04	73,96	100,0	2,52	65,43	67,95	32,05	100,0	5,00	38,98	43,98	56,02	100,0
7. Апрель—сент. 1924/25 г. .	7,33	18,48	25,82	74,18	100,0	2,55	63,06	65,61	34,39	100,0	5,10	39,26	44,36	55,64	100,0
8. Октябрь—март 1925/26 г .	7,74	15,29	23,03	76,97	100,0	2,65	53,30	55,95	44,05	100,0	4,79	35,37	40,16	59,84	100,0
9. Апрель—сент. 1925/26 г. .	6,66	14,17	20,83	79,17	100,0	2,49	53,40	55,89	44,11	100,0	4,59	34,90	39,49	60,51	100,0

Таблица 4

Динамика торговых заведений IV разряда

По данным о выборке патентов

Периоды	В городах					В селениях					В городах и селениях				
	Госуд.	Кооп.	Итого	Частн.	Всего	Госуд.	Кооп.	Итого	Частн.	Всего	Госуд.	Кооп.	Итого	Частн.	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
В абсолютной величине															
1. Июль—декабрь 1922 г.	1.810	2.029	3.839	10.489	14.328	109	422	531	708	1.239	1.919	2.451	4.370	11.197	15.567
2. Январь—март 1923 г.	2.592	2.447	5.039	9.532	14.571	207	504	711	1.017	1.728	2.799	2.951	5.750	10.549	16.299
3. Апрель—сентябрь 1923 г.	3.738	3.328	7.066	12.980	20.046	407	818	1.225	2.221	3.446	4.145	4.146	8.291	15.201	23.492
4. Октябрь—март 1923/24 г.	4.186	3.411	7.597	10.445	18.042	476	1.039	1.515	1.461	2.976	4.662	4.450	9.112	11.906	21.018
5. Апрель—сентябрь 1923/24 г. . . .	5.297	4.950	10.247	12.197	22.444	644	1.922	2.566	2.033	4.599	5.941	6.872	12.813	14.230	27.043
6. Октябрь—март 1924/25 г.	6.244	6.360	12.604	8.204	20.808	929	3.329	4.258	2.106	6.364	7.173	9.689	16.862	10.310	27.172
7. Апрель—сентябрь 1924/25 г. . . .	7.479	7.655	15.134	8.871	24.005	1.604	4.706	6.310	3.028	9.338	9.083	12.361	21.444	11.899	33.343
8. Октябрь—март 1925/26 г.	7.879	7.994	15.873	11.618	27.491	4.169	8.463	12.632	5.670	18.302	12.048	16.457	28.505	17.288	45.793
9. Апрель—сентябрь 1925/26 г. . . .	8.618	8.371	16.989	12.895	29.884	7.351	9.059	16.410	6.000	22.410	15.969	17.430	33.399	18.895	52.294
В относительной величине															
1. Июль—декабрь 1922 г.	12,63	14,16	26,79	73,21	100,0	8,79	34,05	42,84	57,16	100,0	12,33	15,74	28,07	71,93	100,0
2. Январь—март 1923 г.	17,78	16,79	34,57	65,43	100,0	11,97	29,17	41,14	58,86	100,0	17,17	18,11	35,28	64,72	100,0
3. Апрель—сентябрь 1923 г.	18,64	16,60	35,24	64,76	100,0	11,81	22,73	35,54	64,46	100,0	17,64	17,65	35,29	64,71	100,0
4. Октябрь—март 1923/24 г.	23,21	18,90	42,11	57,89	100,0	13,80	30,14	43,93	56,07	100,0	22,17	21,16	43,33	56,67	100,0
5. Апрель—сентябрь 1923/24 г. . . .	23,70	22,07	45,76	54,30	100,0	14,03	41,83	55,83	44,22	100,0	22,09	25,46	47,43	52,65	100,0
6. Октябрь—март 1924/25 г.	30,00	30,56	60,56	39,44	100,0	14,59	52,29	66,88	32,12	100,0	26,39	35,66	62,05	37,95	100,0
7. Апрель—сентябрь 1924/25 г. . . .	31,16	31,89	63,05	36,95	100,0	17,17	50,40	67,58	32,42	100,0	27,24	37,07	64,31	35,69	100,0
8. Октябрь—март 1925/26 г.	28,66	29,07	57,73	42,27	100,0	22,78	46,23	69,01	30,99	100,0	26,30	35,93	62,23	37,77	100,0
9. Апрель—сентябрь 1925/26 г. . . .	28,83	28,00	56,83	43,17	100,0	32,80	40,42	73,22	26,78	100,0	30,53	33,33	63,86	36,14	100,0

Таблица 5

Динамика торговых заведений V разряда

По данным о выборке патентов

Периоды	В городах					В селениях					В городах и селениях				
	Госуд.	Кооп.	Итого	Частн.	Всего	Госуд.	Кооп.	Итого	Частн.	Всего	Госуд.	Кооп.	Итого	Частн.	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
В абсолютной величине															
1. Июль—декабрь 1922 г.	1.141	441	1.582	1.701	3.283	47	38	85	85	170	1.188	479	1.667	1.786	3.453
2. Январь—март 1923 г.	1.493	588	2.081	1.739	3.820	68	61	129	158	287	1.561	649	2.210	1.897	4.107
3. Апрель—сентябрь 1923 г.	2.819	1.237	4.056	2.909	6.965	182	136	318	628	946	3.001	1.373	4.374	3.537	7.911
4. Октябрь—март 1923/24 г.	3.496	1.259	4.755	1.974	6.729	197	144	341	257	598	3.693	1.403	5.096	2.231	7.327
5. Апрель—сентябрь 1923/24 г. . . .	4.172	1.867	6.039	2.163	8.202	310	329	639	228	867	4.482	2.196	6.678	2.391	9.069
6. Октябрь—март 1924/25 г.	4.900	2.602	7.502	1.604	9.106	342	625	967	330	1.297	5.242	3.227	8.469	1.934	10.403
7. Апрель - сентябрь 1924/25 г. . . .	5.685	3.207	8.892	1.987	10.879	352	712	1.064	375	1.439	6.037	3.919	9.956	2.362	12.318
8. Октябрь—март 1925/26 г.	6.694	4.027	10.721	3.195	13.916	537	1.266	1.803	838	2.641	7.231	5.293	12.524	4.033	16.557
9. Апрель—сентябрь 1925/26 г. . . .	7.062	4.431	11.493	3.465	14.958	629	1.280	1.900	722	2.631	7.691	5.711	13.402	4.187	17.589
В относительной величине															
1. Июль—декабрь 1922 г.	34,75	13,43	48,18	51,82	100,0	27,69	22,39	50,00	50,00	100,0	34,40	13,87	48,27	51,73	100,0
2. Январь—март 1923 г.	39,08	15,39	54,47	45,53	100,0	23,69	21,25	44,94	55,06	100,0	38,01	15,80	53,81	46,19	100,0
3. Апрель—сентябрь 1923 г.	40,48	17,76	58,24	41,76	100,0	19,24	14,37	33,61	66,39	100,0	37,93	17,35	55,28	44,72	100,0
4. Октябрь—март 1923/24 г.	51,95	18,71	70,66	29,34	100,0	32,94	24,08	57,02	42,98	100,0	50,40	19,15	69,55	30,45	100,0
5. Апрель—сентябрь 1923/24 г. . . .	50,80	22,80	73,60	26,40	100,0	35,80	37,90	73,70	26,30	100,0	49,40	24,20	73,60	26,40	100,0
6. Октябрь—март 1924/25 г.	53,81	28,57	82,38	17,62	100,0	26,37	48,19	74,56	25,44	100,0	50,39	31,02	81,41	18,59	100,0
7. Апрель—сентябрь 1924/25 г. . . .	52,26	29,48	81,74	18,26	100,0	24,46	49,48	73,94	26,06	100,0	49,00	31,82	80,82	19,18	100,0
8. Октябрь—март 1925/26 г.	48,10	28,94	77,04	22,96	100,0	20,33	47,93	68,26	31,74	100,0	43,68	31,96	75,64	24,36	100,0
9. Апрель—сентябрь 1925/26 г. . . .	47,21	29,62	76,83	23,17	100,0	23,90	48,66	72,56	27,44	100,0	43,72	32,47	76,19	23,81	100,0

Таблица 1

Отдел VI—IX. ФИНАНСЫ, КРЕДИТ, ДЕН. ОБРАЩЕНИЕ, ИНДЕКСЫ ЦЕН и ЦЕНЫ

Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению за май и июнь 1927 г.
(В миллионах рублей)

Наименование показателей	Май	Июнь	В %% к одноименному сроку 1926 г.	
			Май	Июнь
1	2	3	4	5
I. Финансы				
Обыкновенные и чрезвычайные доходы . .	369,4	—	126	—
В том числе:				
1) прямые налоги	31,4	—	101	—
2) косвенные налоги	99,1	—	122	—
3) пошлины	12,0	—	109	—
4) неналоговые доходы	207,1	—	129	—
В том числе по п. 4				
НКПС	121,9	—	123	—
НКПиТ	11,9	—	112	—
II. Кредит				
Сумма вкладов и текущ. счетов по Госбанку и 4 акц. банкам на конец месяца . . .	1.120,6	—	138	—
Остаток задолженности по учетно-ссудн. операциям по Госбанку и 4 акц. банкам на конец месяца	2.790,2	—	132	—
III. Денежное обращение				
Денежная масса на конец месяца				
В черв. рубл.	1.401,5	—	119	—
В тов. рубл.	805,0	—	130	—
Эмиссия за месяц				
В черв. рубл.	47,1	—	—	—
В тов. рубл.	26,9	—	—	—

Примечание: 1) Данные предварительные.
2) Пересчет в товарные рубли сделан по оптовому индексу ЦСУ.
3) Сумма вкладов и текущих счетов приведена без сумм НКФ.

Таблица 2

Всесоюзный бюджетный индекс Статистики Труда и Госплана в 1926/27 г.

(1913 г. = 100)

Месяцы	Сельскохозяйств. индекс по ценам			Промышленный индекс по ценам			Общий индекс по ценам		
	Частного рынка		Взвешен. [1]	Частного рынка		Взвешен. [1]	Частного рынка		Взвешен. [1]
	По наб ору								
	1924 г. (12 тов.)	1926 г. (16 тов.)		1924 г. (12 тов.)	1926 г. (17 тов.)		1924 г. (24 тов.)	1926 г. (40 тов.)	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. На 1 число месяца									
Май	212,4	217,4	208,4	239,9	245,0	223,1	222,3	214,0	202,5
Июнь	209,8	214,4	204,7	235,1	239,7	218,0	218,9	210,6	198,8
Июль	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Б. В среднем за месяц									
Апрель	210,6	214,9	207,2	240,3	246,0	224,1	221,3	213,0	202,0
Май	211,1	215,9	206,5	237,5	242,3	220,5	220,6	212,3	200,6
Июнь	—	—	—	—	—	—	—	—	—
В. В среднем за квартал									
Октябрь—декабрь	206,4	215,7	208,1	250,0	255,7	237,0	222,0	214,9	205,1
Январь—март	212,7	221,1	214,3	245,7	252,1	231,6	224,5	217,7	207,8

[1] Взвешенные из цен государственных и кооперативных магазинов и частного рынка.

Таблица 3

Оптовый индекс ЦСУ СССР в 1926/27 г.

(1913 г.=100)

Даты	Сельскохоз. товары	Промышленные товары	Общетоварный индекс	Отношение к общ. индексу		Отношение индекса пром. товаров к индексу сел.-хоз. товаров
				Индекса сел.-хоз. товаров	Индекса пром. товаров	
1	2	3	4	5	6	7
А. На отдельные числа месяца						
1 Мая	158,1	194,3	175,2	90	111	123
11 „	158,5	193,9	175,3	90	111	122
21 „	158,3	193,2	174,9	91	110	122
1 Июня	157,4	192,6	174,1	90	111	122
11 „	156,6	192,5	173,6	90	111	123
21 „	157,3	192,0	173,8	91	110	122
1 Июля	—	—	—	—	—	—
11 „	—	—	—	—	—	—
Б. В среднем за месяц						
Май	158,2	193,5	175,0	90	111	122
Июнь	—	—	—	—	—	—
В. В среднем за квартал						
Октябрь—декабрь	155,1	203,6	177,7	87	115	131
Январь—март	158,3	201,2	178,5	89	113	127
Апрель—июнь						
Г. В среднем за полугодие						
Октябрь—март	156,7	202,4	178,1	88	114	129

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

ГОСПЛАН СССР

Москва, Воздвиженка, 5. Тел. 2-98-15.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ“

Сборник статей, опубликованных Американской Академией Политических и Социальных Наук. Перев. Н. Н. Вашкова. Предисл. Г. М. Кржижановского. М. 1927 г. Цена 1 руб. 90 коп

СОДЕРЖАНИЕ.

Введение
Развитие электрификации в Великобритании
Электрификация Франции
Электрификация Германии
Электрификация Канады
Мировой опыт сельской электрификации
Применение электричества в Баварском земледелии
Потребность в электричестве на ферме
Нормы оплаты энергии для сельской электрификации
Горняки и электрификация
Мнение рабочих о положении электрификации в Калифорнии
Позиция организованного труда в вопросах электрификации
Применение электричества в промышленности
Электрификация американских железных дорог
Влияние дешевой энергии на размещение промышленности и на земледелие
Децентрализация и переселение в пригороды
Энергия и труд
Плановая электрификация и национальная оборона
Финансы и будущее американской электрификации
Роль досуга в жизни
Эстетика и электрификация
Битуминозный уголь-топливо или химическое сырье
Экономическая роль коэффициента использования
Задачи техники и будущее электрификации
Влияние наличия воды на расположение центральных станций
Финансовая консолидация предприятий электроснабжения
Энергия и торговля между штатами
Должны ли мощные станции принадлежать штату или федерации?
Регулирование плановой электрификации

С заказами и запросами обращаться в издательство „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“ Госплана СССР — Москва 19, Воздвиженка, 5, тел. 2-98-15 и 2-30-85 доб. 153

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“

Госплан СССР

Москва, Воздвиженка, 5. Тел. 2-98-15

СВОД ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ НОРМ

(Новое Урочное Положение)

Согласно постановления СТО, **Госплан СССР** пересматривает старое Урочное Положение на строительные работы и **выпускает новые нормативные данные** в виде **„СВОДА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ НОРМ“.**

„СВОД НОРМ“ издается частями, по мере разработки отдельн. отделов.

ВЫШЛО ИЗ ПЕЧАТИ:

Железобетонные работы. Ц. 2 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЫЙДУТ В СЕНТЯБРЕ С. Г.:

Железобетонные работы. Ц. 4 р. Малярные работы. Ц. 6 р. Земляные работы. Ц. 5 р.

Для удобства пользования при составлении смет одновременно с основными отделами **„Свода Норм“** издаются **СПРАВОЧНИКИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ СМЕТ**, где приведены в готовом виде нормативные данные **„Свода Норм“** для более сложных и типичных строительных работ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Справочник по малярным работам. Ц. 6 р. Справочник по земляным работам. Ц. 3 р. Справочник по железобетонным работам. Ц. 2 р.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ дальнейшие отделы „Свода Норм“ и СПРАВОЧНИКИ (по деревянным работам, каменным, транспортным, кровельным, штукатурным, дорожным и т. д.)

Цены указаны приблизительные, возможно небольшое повышение цены одних выпусков и понижение цены других.

Кроме „Нового Урочного Положения“, печатаются ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ, разработанные Бюро Нормирования Стройпроизводства Госплана СССР и утвержденные Советом Труда и Обороны для обязательного руководства всех ведомств, госуд., общ. и коопер. учреждений и предприятий.

Вышедшие из печати официальные издания:

1. Временные строительные правила и нормы для постройки жилых домов в поселках. Ц. 1 р.
2. Примерные нормы для расчета и проектир. конструкций, применен. в жилищ. строительстве. Ц. 90 к.
3. Времен. технич. условия и нормы проектир. и возвед. железобетонн. сооружений. Ц. в перепл. 1 р. 70 к.
4. Времен. нормы расхода строительн. материал. по Урочн. Положению для плотнич., камен. и штукатурн. работ с соответств. изменен. и дополн. текста Урочн. Положения. Ц. 30 к.
5. Времен. поправочн. коэффиц. к нормам затраты рабсилы по Урочн. Пол. для строит. работ, в измен. и дополн. Урочн. Положения. Ц. 20 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на „СВОД НОРМ“, „СПРАВОЧНИКИ“ и официальные издания Госплана СССР по строительному делу на следующих условиях:

1. Каждая вновь выходящая книга высылается **немедленно по выходе из печати.**
2. Подписчикам предоставл. **скидка в 20%** с продажной цены.
3. В счет имеющих быть высланными книг вносится **аванс в 20 рублей** за каждый комплект.
4. Высылка книг производится **свободно, без наложенного платежа** (пересылка за счет издательства) до исчерпания внесенного аванса

С заказами и запросами обращаться в Изд-во Госплана СССР „Плановое Хозяйство“

Москва 19, Воздвиженка, д. № 5. Тел. 2-98-15 и 2-30-85 доб. 153.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО“
ГОСПЛАН СССР
Москва 19, Воздвиженка, 5. Тел. 1-35-42 и 2-30-85, доб. 153

Принимается подписка на 1927 год

НА НОВОЕ ИЗДАНИЕ

Двухнедельный Бюллетень Сектора Мирового Хозяйства Госплана СССР

КОН‘ЮНКТУРА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. А. ФАЛЬКНЕРА, Г. А. ФЕЛЬДМАНА, Л. Я. ЭВЕНТОВА и Н. В. ЯКУШКИНА

Основная задача Бюллетеня — оценка положения мирового хозяйства и мировых рынков и экономический прогноз.

Бюллетень выходит двумя сериями (А и Б) два раза в месяц.

Серия А (нечетные №№) содержит: оценку кон‘-юнктуры мирового хозяйства в целом и отдельно по странам, а также анализ важнейших динамических процессов в мировом хозяйстве.

Серия Б (четные №№) содержит: I. Обзоры и оценку по отраслям мирового хозяйства. II. Анализ положения важнейших рынков (в первую очередь — наших экспортных товаров).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

На 12 мес. (с 1-го апреля 1927 г. по 1-е апреля 1928 года) — 24 руб.,
„ 6 „ („ 1-го „ 1927 г. „ 1-е октября 1927 года) — 13 „